UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00269857 9

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

XL
32
c. 29/25

А. Н. Пыпинъ.

КАТАЛОГ
804
П 95
К
804
П 95
19187
3949

МОИ ЗАМѢТКИ

съ приложенiемъ статей:

„ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПРАГѢ"

и

„ВЯЧЕСЛАВЪ ГАНКА".

Подъ редакцiей В. А. Ляцкой.

Съ портретомъ и факсимиле А. Н. ПЫПИНА.

Библiотека Об-ва бывш. сост. Императорской Акад. Центр. Академiи Наукъ.

МОСКВА.
Изданiе Л. Э. Бухгеймъ.
1910.

Пр. 1959

LIBRARY
FEB 12 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
2947
P9Z5

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., с. д.
МОСКВА—1910.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Личность А. Н. Пыпина, сложившаяся въ эпоху особаго возбужденія русской общественной и научной мысли, въ періодъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка, выразилась главнымъ образомъ въ его обширныхъ историко-литературныхъ и историко-этнографическихъ трудахъ. Но біографія и характеристика А. Н. Пыпина еще ждутъ своего изслѣдователя, которому предстоитъ благодарная задача возсоздать умственный и нравственный обликъ знаменитѣйшаго изъ историковъ русской литературы не только по біографическимъ даннымъ, но и по отраженію его въ богатомъ литературномъ наслѣдствѣ.

Усидчивая и непрестанная работа не дала А. Н. Пыпину возможности изложить внутренній ходъ развитія его научнаго и общественно-литературнаго міросозерцанія съ достаточной полнотой, и тѣмъ болѣе цѣннымъ является единственный оставшійся послѣ него документъ въ этомъ родѣ—его автобіографическія замѣтки, напечатанныя вскорѣ послѣ его смерти въ „Вѣстникѣ Европы“.

Къ настоящему изданію этихъ „замѣтокъ“ мы сочли полезнымъ присоединить статьи „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“, напечатанныя первоначально въ журналѣ „Современникъ“ за 1859, 1860 и 1861 годы, составляющія какъ бы продолженіе „Моихъ замѣтокъ“ по хронологической и внутренней связи событій, разсказанныхъ въ „Замѣткахъ“ и въ упомянутыхъ статьяхъ.

Портретъ, прилагаемый къ настоящей книгѣ, относится къ началу 60-хъ годовъ прошлаго вѣка; fac-simile воспроизводитъ страничку изъ записной книжки А. Н. Пыпина, въ которую заносились впечатлѣнія за время пребыванія въ Прагѣ и знакомства съ В. Ганкою.

МОИ ЗАМѢТКИ

На мою долю выпало счастье писать подъ диктовку покойнаго отца его „Замѣтки“. Писались онѣ, съ лѣта 1900 по іюнь 1904 года, урывками, безъ заранѣе намѣченнаго плана; не имѣлось въ виду и опредѣленнаго читателя. Бывало время—принимались за работу, но досугъ рѣдко представлялся: текущее, неотложное дѣло, а иногда сама жизнь заставляли откладывать эти замѣтки на недѣли, часто—на мѣсяцы.

Только уступая настояніямъ близкихъ, началъ отецъ свои воспоминанія, но скоро интересъ работы и образы прошлаго взяли верхъ надъ свойственной покойному неохотой говорить, хотя бы косвенно, о себѣ, и онъ сталъ возвращаться къ этому дѣлу-отдыху съ особенной любовью.

Цѣликомъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, отецъ взялъ отсюда то, что относилось къ Некрасову (въ книгѣ о Некрасовѣ глава „Нѣсколько воспоминаній“). Предполагалось и къ остальной части записокъ присоединить со временемъ соотвѣтственныя письма, библіографическія указанія и т. п.

Такъ должна была сложиться обширная историко-литературная работа, которая была теперь на очереди и оборвалась при самомъ началѣ...

В. Л.

Декабрь, 1904.

Лѣтомъ 1900 года.—Меня вызываютъ близкіе написать свои воспоминанія. Это всегда трудно въ жизни, которая сама по себѣ не представляла чего-либо особеннаго, и единственный интересъ воспоминаній можетъ состоять лишь въ тѣхъ отношеніяхъ частной жизни, которыя могутъ прямо или косвенно, далеко, а иногда и близко касаться цѣлой общественной жизни и нравовъ времени. Только это послѣднее и можетъ побудить меня обратиться къ своимъ воспоминаніямъ.

О себѣ самомъ говорить я не имѣю охоты. Но условія, въ какихъ я росъ (въ г. Саратовѣ), дѣтскія и юношескія впечатлѣнія теперь, на разстояніи болѣе полувѣка, получаютъ уже историческій характеръ: многія лица, болѣе или менѣе замѣчательныя, которыхъ я зналъ или встрѣчалъ, уже отошли въ исторію и могутъ требовать вниманія; отошелъ въ исторію, если не сполна, то въ значительной мѣрѣ, цѣлый строй жизни, среди котораго начиналась моя жизнь, а затѣмъ и дѣятельность.

Мои дѣтскія воспоминанія связываютъ въ одно цѣлое двѣ семьи: одна семья была дворянская, по моему отцу; другая была семья Чернышевскихъ—священническая; матери двухъ семействъ были родныя сестры, и первые годы моего дѣтства проходили безразлично въ этихъ двухъ семьяхъ. Моя мать, Александра Егоровна, и моя тетка, Евгенія Егоровна, мать Н. Г. Чернышевскаго, были до-

чери саратовскаго священника Голубева. Онъ умеръ, кажется, задолго до моего рожденія: я не слыхалъ какихъ-нибудь упоминаній о немъ: но я довольно хорошо помню бабушку, его вдову,—какъ теперь припоминаю, это была типическая суровая женщина стараго вѣка. Повидимому Г. П. Чернышевскій (отецъ Н. Г.), женившись на его дочери (старшей), сталъ преемникомъ его въ церковнослуженіи. Наслѣдствомъ отъ него остался довольно большой участокъ земли, спускающійся отъ Сергіевской улицы внизъ къ Волгѣ, гдѣ было два небольшихъ дома и нѣсколько флигелей и домиковъ: одни были заняты двумя нашими семьями, другіе отдавались внаймы. Моя мать была во второмъ бракѣ за отцомъ: отъ перваго брака осталась дочь, которая была, кажется, ровесницей Н. Г. Чернышевскому и была любимой подругой его дѣтства (послѣ второго брака моей матери она жила въ семьѣ Чернышевскихъ); впослѣдствіи она вышла замужъ за П. Г. Терпинскаго и умерла въ Петербургѣ—кажется, въ 1852 г.

Обѣ семьи жили очень дружно. Н. Г. Чернышевскій былъ старше меня лѣтъ на пять: но я мальчикомъ уже принималъ нѣкоторое участіе въ его играхъ и забавахъ и онъ былъ для меня какъ будто старшимъ братомъ. Въ этихъ забавахъ онъ былъ и предпріимчивъ, и изобрѣтателенъ: разница лѣтъ дѣлала то, что онъ бывалъ и моимъ руководителемъ. Это повторялось и тогда, когда я началъ учиться.

Г. П. Чернышевскій былъ во времена моего дѣтства уже человѣкъ весьма извѣстный въ городѣ. Онъ занималъ положеніе благочиннаго, и я помню его всегда занятымъ по этой службѣ, гдѣ онъ былъ посредникомъ между духовенствомъ и архіерейской властью.

Родомъ онъ былъ изъ Пензенской губерніи (изъ села Чернышева, Чембарскаго уѣзда); учился въ пензенской семинаріи, гдѣ кончилъ курсъ въ то время, когда пензенскимъ губернаторомъ былъ Сперанскій. Когда Сперанскій назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, онъ хотѣлъ взять съ собой въ качествѣ ближайшихъ чиновниковъ кого-либо изъ лучшихъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ семинаріи; ему назвали Г. И. Чернышевскаго и К. Г. Рѣпинскаго, — но первый, кажется, усомнился отправиться въ далекое путешествіе, а Рѣпинскій поѣхалъ, и отсюда началось его служебное поприще, завершившееся впослѣдствіи сенатомъ.

Г. И. Чернышевскій въ предѣлахъ его школы, и даже дальше ихъ, былъ человѣкъ образованный и начитанный. Мнѣ привелось впослѣдствіи видѣть его семинарскія тетради, и въ числѣ обычныхъ сочиненій были латинскіе и греческіе стихи; до моего поступленія въ гимназію у него я получилъ первые уроки французскаго языка. Въ его кабинетѣ, который я съ дѣтства зналъ, было два шкафа, наполненныхъ книгами: здѣсь была и старина восемнадцатаго вѣка, начиная съ Роллена, продолжая Шреккомъ и аббатомъ Милотомъ: за ними слѣдовала «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина; къ этому присоединялись новыя сочиненія общеобразовательнаго содержанія: Энциклопедическій словарь Плюшара, Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля, «Живописное Обозрѣніе» Полевого, «Картины свѣта» Вельтмана и т. п. Этотъ послѣдній разрядъ книгъ былъ и нашимъ первымъ чтеніемъ. Затѣмъ представлена была литература духовная: помню въ ней объясненія на Книгу Бытія Филарета, книги по Церковной исторіи, Собраніе проповѣдей, Мистическія книги,

Наконецъ (я говорю о времени около моего поступленія въ гимназію), къ намъ проникла новѣйшая литература. Г. П., очень уважаемый въ городѣ, имѣлъ довольно большой кругъ знакомства въ мѣстномъ богатомъ дворянскомъ кругу, и отсюда онъ бралъ для сына, Н. Г. (съ дѣтства жадно любившаго чтеніе), новыя книги, русскія, а также и французскія: у насъ бывали свѣжіе томы сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, нѣкоторые журналы...

Мой отецъ происходилъ, кажется, изъ довольно стараго, но мелкопомѣстнаго дворянскаго рода. Дѣдъ, давно уже передъ тѣмъ умершій и о которомъ я слышалъ только немногія упоминанія, служилъ нѣкогда въ тамбовскомъ намѣстничествѣ, между прочимъ, при Державинѣ, и тамъ былъ помѣщикомъ: болѣе отдаленные предки были также изъ служилаго дворянства. Затѣмъ небольшія тамбовскія владѣнія были проданы, и семья (у отца было нѣсколько братьевъ и сестра) переселилась въ саратовскій край, гдѣ были пріобрѣтены другія небольшія владѣнія. Для людей этого круга существовало, конечно, одно поприще— служба, насколько возможно соединяемая съ земельнымъ хозяйствомъ. Мой отецъ и его братья служили по разнымъ вѣдомствамъ въ Саратовѣ или по дворянскимъ выборамъ въ своемъ уѣздѣ. Такъ, вскорѣ послѣ моего поступленія въ гимназію, отецъ на много лѣтъ переселился на эту службу въ уѣздный городъ: я остался, конечно, въ Саратовѣ для гимназическаго ученія и жилъ у Чернышевскихъ. Складъ характера моего отца былъ въ полной мѣрѣ старосвѣтскій. Родившись въ началѣ XIX-го столѣтія, онъ учился только дома, какъ было тогда въ большинствѣ мелкаго дворянскаго круга, рано поступилъ на службу, занималъ мелкія должности, конечно, по-

тогдашнему и съ очень небольшимъ жалованьемъ, такъ что, сколько я припоминаю съ дѣтства и какъ видѣлъ потомъ, нашъ домашній бытъ велся на очень скромныя, даже скудныя средства. Подспорьемъ была маленькая деревня. Прислуга (въ томъ числѣ и у Чернышевскихъ) была наша крѣпостная; по зимамъ изъ деревни (верстахъ въ восьмидесяти отъ Саратова) крестьяне привозили разные домашніе запасы, и пріѣздъ «нашихъ мужиковъ» былъ для меня въ дѣтствѣ большимъ интересомъ: я еще не видалъ никакой «деревни». «Мужики» бывали ласковы къ барченку; такими я видалъ ихъ и послѣ, когда пріѣзжалъ съ отцомъ въ «деревню» на каникулахъ, во время службы отца въ уѣздномъ городѣ. Отношенія были вообще дружелюбныя: отецъ, самъ выросшій нѣкогда въ деревнѣ, зналъ крестьянскій бытъ сполна, зналъ крестьянскую работу и крестьянскую нужду; по характеру онъ былъ простой, добрый человѣкъ, и крестьяне относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Старѣйшій изъ нашихъ «подданныхъ», котораго я и теперь помню, Иванъ Мосолъ, знавшій отца еще ребенкомъ, относился къ нему и теперь съ добродушной простотой, какъ старый дядька. Когда мнѣ въ первый разъ привелось прожить нѣсколько времени съ отцомъ въ деревнѣ, во время лѣтнихъ работъ (я былъ тогда, вѣроятно, въ третьемъ или четвертомъ классѣ), для меня въ первый разъ открылся этотъ особый кругъ жизни, насколько я могъ его понять,—съ его рабочими интересами и работами, съ особымъ складомъ всего обычая, съ его представленіями о природѣ, повѣріями и суевѣріями. Это послѣднее было, впрочемъ, знакомо мнѣ и гораздо раньше. Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я былъ уже знакомъ до нѣкоторой степени съ запасомъ деревенскихъ

представленій: двѣ наши няни (одна—уроженка саратовская, другая—воронежская) обладали большими знаніями въ области сказокъ и повѣрій: впослѣдствіи я напрасно искалъ въ сборникахъ нашихъ сказокъ нѣсколько удивительныхъ эпизодовъ, отрывочно сохранившихся въ моей памяти изъ этихъ повѣствованій. Сказки были оригинальны, цѣльны и, какъ потомъ я могъ судить, прекрасно выдержаны въ эпическомъ тонѣ, сохраняя весь традиціонный способъ выраженій и, гдѣ нужно, свой речитативъ и пѣніе... Деревенскіе разговоры, конечно, были пересыпаны элементами эпическаго повѣрья... Эти патріархальныя отношенія сохранились потомъ надолго, можно сказать, до сихъ поръ. При освобожденіи крестьянъ (которое, между прочимъ, очень сократило наши владѣнія) бывшіе крѣпостные обращались къ старому барину за совѣтами въ ихъ новомъ положеніи, не всегда этимъ совѣтамъ слѣдовали, полагая, что сами разсудятъ лучше, но потомъ не разъ убѣждались, что совѣтъ былъ данъ вѣрно. Долго спустя, уже «свободные», наши прежніе «мужики», пріѣзжая въ Саратовъ, прямо останавливались въ домѣ стараго барина, полагая себя какъ будто дома.

Но уже тогда, въ моемъ раннемъ дѣтствѣ, передо мной мелькали уже, конечно, мало сознаваемыя, но тѣмъ не менѣе производившія тяжелыя впечатлѣнія, другія стороны этого патріархальнаго быта,—именно мрачныя картины насилія, жестокости, подавленія личнаго и человѣческаго достоинства. Случалось слышать, а иногда и самому видѣть проявленія крѣпостного произвола. Старшее поколѣніе, мирное и доброжелательное, не видѣло въ крѣпостномъ правѣ никакой несправедливости по существу: крестьяне не могли обойтись безъ опеки, — и дѣйстви-

тельно въ тогдашнихъ условіяхъ помѣщикъ закрывалъ крестьянъ отъ другого посторонняго произвола: въ трудную пору, когда случится неурожай, помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы помочь, сколько можно, крестьянской бѣдѣ,—такъ это у насъ и бывало. Но старшее поколѣніе не скрывало отъ себя, да и отъ насъ, младшаго поколѣнія, что бываютъ, къ сожалѣнію, большія и дурныя злоупотребленія, но они приписывались дурнымъ личнымъ свойствамъ того или другого помѣщика. Помню, отецъ говорилъ мнѣ и указывалъ, гдѣ въ нашемъ деревенскомъ сосѣдствѣ помѣщикъ былъ убитъ своими крестьянами: фактъ былъ преступный, но и помѣщикъ былъ виноватъ. Потомъ случалось слышать о другихъ происшествіяхъ подобнаго рода, о жестокостяхъ помѣщиковъ, о бунтахъ крестьянъ: разъ мнѣ привелось видѣть самую «торговую казнь»—наказаніе кнутомъ.

Въ ранніе отроческіе годы привелось мнѣ видѣть другую мрачную сторону прежняго народнаго быта, которая произвела на меня очень тяжелое впечатлѣніе и которой, къ счастію, уже нѣтъ съ эпохи реформъ, по крайней мѣрѣ въ такой вопіющей формѣ. Это—рекрутскій наборъ и тогдашнее страшное солдатское ученіе. Долгій, двадцатипятилѣтній срокъ солдатской службы большею частью почти всегда вырывалъ человѣка изъ семьи на весь вѣкъ. Передъ рекрутскимъ присутствіемъ собиралась толпа народа, въ которой невыносимо тяжело было зрѣлище женщинъ, матерей. Я помню одинъ случай, о которомъ тогда говорили въ городѣ, что одна мать, сыну которой «забрили лобъ», пораженная горемъ, умерла на мѣстѣ. Помню обычай отчаяннаго (именно съ отчаянія) пьянства тѣхъ, кому неминуемо предстояло идти въ солдаты и которымъ

предоставляли и давали средства къ послѣдней безшабашной гульбѣ, которая помогала пережить послѣдніе дни уходящей свободы... Перспектива солдатской жизни была налицо. Въ городѣ стоялъ какой-то полкъ: на плацу всенародно происходили ученія, а тогдашнія ученія, такъ усиленно занимавшіяся маршировкой и ружейными пріемами, неизмѣнно совершались съ помощью палокъ, и воинъ, за которымъ оказывалась малѣйшая неисправность, тутъ же всенародно подвергался экзекуціи. Зрѣлище замѣчательно гнусное.

Приходилось, какъ я упоминалъ, слышать о тяжестяхъ крестьянской жизни, приводившихъ къ такъ называемымъ бунтамъ... Только недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ, мнѣ пришлось познакомиться ретроспективно съ характеромъ того времени, въ которомъ проходило мое дѣтство и отрочество. Въ 1890 году другъ моей гимназической поры, Д. Л. Мордовцевъ, который въ пятидесятыхъ годахъ служилъ въ Саратовѣ,—кажется, въ качествѣ статистика и редактора губернскихъ вѣдомостей,—издалъ книгу «Наканунѣ воли». Книга составилась такимъ образомъ: въ то время, въ пятидесятыхъ годахъ, поднятъ былъ въ Саратовѣ вопросъ объ очисткѣ мѣстныхъ архивовъ, другими словами, о массовомъ уничтоженіи старыхъ «ненужныхъ» дѣлъ. Д. Л., который прошелъ уже университетъ и велъ дружбу съ Н. И. Костомаровымъ, доживавшимъ тогда послѣдніе годы своей ссылки въ Саратовѣ, питалъ историческіе интересы, особливо интересъ къ народно-бытовой исторіи, зналъ цѣну архивныхъ документовъ и успѣлъ спасти большую долю «ненужныхъ дѣлъ» отъ уничтоженія. Онъ извлекъ изъ нихъ обширный матеріалъ, изъ котораго и составилась упомянутая книга. Архивныя бумаги

губернскаго правленія именно заключали въ себѣ цѣлый рядъ дѣлъ о крестьянскихъ бунтахъ (прежде всего, простыхъ мирныхъ жалобахъ крестьянъ къ высшему начальству на невыносимыя жестокости многихъ помѣщиковъ,—жалобахъ, которымъ помѣщики и однородные съ ними чиновники давали квалификацію бунтовъ). Къ сожалѣнію, книга Д. Л. Мордовцева не увидѣла свѣта: по рѣшенію особаго совѣщанія министровъ, она была уничтожена. Но это былъ историческій матеріалъ величайшаго интереса, матеріалъ въ своемъ родѣ единственный въ нашей литературѣ: этотъ матеріалъ доставлялъ одно изъ наглядныхъ и поражающихъ доказательствъ необходимости освобожденія крестьянъ, одно изъ простыхъ и разительныхъ объясненій того нравственнаго возбужденія, на какихъ опиралась, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, лихорадочная жажда преобразованія. Книга Д. Л. не имѣла никакого публицистическаго намѣренія: это—простой сборникъ дѣлъ производившихся въ губернскомъ правленіи и доходившихъ иногда до Третьяго отдѣленія Собственной канцеляріи и до Высочайшей власти. Сборникъ чисто документальный, иногда даже сухой, но по существу дѣла это одна изъ самыхъ страшныхъ книгъ, какія являлись въ нашей литературѣ... Читая ее въ эти послѣдніе годы, я находилъ въ ней много знакомыхъ именъ, какія слышалъ въ мѣстныхъ разсказахъ и легендахъ сороковыхъ годовъ: для меня становились ясны фактическіе источники этихъ разсказовъ и легендъ.

По такимъ разсказамъ я зналъ еще объ одной сторонѣ тогдашняго народнаго быта. Въ безвыходномъ положеніи, въ какомъ находилось крестьянство, въ крайней темнотѣ умовъ, среди него возникали періодически самые невѣ-

роятные, фантастическіе слухи о какихъ-то благословенныхъ земляхъ съ молочными рѣками и кисельными берегами, по крайней мѣрѣ съ полнымъ просторомъ, гдѣ можно было занять сколько хочешь земли безъ податей, безъ помѣщиковъ и начальства. Эти блаженныя страны находились на Дарьѣ-рѣкѣ: впослѣдствіи онѣ были перенесены народнымъ воображеніемъ въ Анапу, около которой будто бы, раздавалась земля всѣмъ желающимъ. Никакія убѣжденія помѣщиковъ и начальства не дѣйствовали: имъ просто не вѣрили, и толпы крестьянъ съ женами и дѣтьми, нагрузивши на телѣги свой скарбъ, покидали деревни и отправлялись на поиски желанныхъ земель: многіе успѣвали уходить довольно далеко,—земская полиція ихъ ловила и возвращала на прежнее мѣсто. Въ нашихъ небольшихъ владѣніяхъ были также семьи, которыя «бѣгали въ Анапу». Бывало и простое единичное бѣгство, даже безъ особенныхъ причинъ, изъ простой потребности личной свободы: бѣгали особенно въ «Одессу», которая, какъ портовый городъ, давала работу и, кажется, до сихъ поръ остается прибѣжищемъ для безпаспортныхъ искателей свободы и приключеній.

Возвращаюсь къ нашей домашней жизни. Какъ упомянуто, въ нашей семьѣ сравнительно были очень развиты литературные интересы. Мать моя и тетка (ея старшая сестра) чрезвычайно любили чтеніе: новыя книги переходили изъ рукъ въ руки, въ числѣ ихъ бывали журналы: въ первыхъ классахъ гимназіи я зналъ «Отечественныя Записки» и очень сокрушался, что не все мнѣ было понятно, напримѣръ, статьи писателя Искандера: мать успокаивала меня, что для меня это еще рано читать и что я скоро буду понимать все это...

Въ такихъ условіяхъ съ довольно ранняго дѣтства у меня явился интересъ къ книгѣ и желаніе учиться. Моимъ идеаломъ были маленькіе гимназисты, и въ виду моихъ стремленій меня помѣстили въ гимназію, когда, собственно говоря, я еще не имѣлъ требуемаго возраста— на десятомъ году. Это было въ 1842 г.

Гимназія была классическая или вѣрнѣе полуклассическая, прежняго уваровскаго типа. Съ четвертаго класса ученикамъ предоставлялось, какъ тогда говорили, «идти по греческому языку» или «по математикѣ», т.-е. для однихъ съ четвертаго класса начиналось преподаваніе греческаго языка, а для другихъ нѣсколько большій кругъ математики: первые, за ревность къ классицизму, получали по окончаніи курса право на чинъ XIV класса при поступленіи на службу, вторые этого права не имѣли. Вслѣдствіе этого, и въ большинствѣ случаевъ только этого, охотниковъ до греческаго языка бывало довольно много. Эти классики, выпедши изъ гимназіи, почти сполна поступали въ канцеляріи и въ «палаты», гдѣ имъ и давался XIV классъ; только очень немногіе думали объ университетѣ. Когда я поступалъ въ гимназію, нашъ первый классъ былъ очень многолюденъ (было, вѣроятно, человѣкъ до сорока): изъ нихъ дошло вмѣстѣ до окончанія курса только человѣкъ семь. Изъ моего курса отправился въ университетъ только я одинъ; причиною этой единичности въ томъ году было, вѣроятно, одно обстоятельство, о которомъ скажу дальше.

Гимназія, повидимому, была похожа на большинство провинціальныхъ гимназій того времени. Въ учительскомъ персоналѣ почти не было, или даже совсѣмъ не было, такъ называемыхъ «любимыхъ» учителей, хотя между ними

бывали люди довольно знающіе и желавшіе исправно вести свое дѣло; никто, однако, не умѣлъ къ себѣ особенно привязать учениковъ, да къ этому и не стремился, — преобладало отношеніе сухое и строгое: нѣкоторые бывали и плохо знавшіе свой предметъ. Но, при охотѣ, учиться было все-таки можно. Гимназическіе нравы были порядочно грубые; только въ старшихъ классахъ питомцы нѣсколько остепенялись. Гимназія представляла нѣкоторыя странности и относительно возраста учениковъ: предѣльнаго возраста для пребыванія въ классахъ, кажется, не полагалось; былъ по крайней мѣрѣ такой фактъ, что когда я поступилъ въ первый классъ, въ числѣ моихъ товарищей былъ одинъ оставшійся «на второй годъ»: когда я перешелъ во второй классъ, онъ остался на третій годъ, но, вѣроятно, утомился науками и вышелъ изъ гимназіи, а вслѣдъ затѣмъ женился. Не буду пересказывать мелочей гимназическаго быта,—онѣ бываютъ обыкновенно мало интересны внѣ чисто личныхъ воспоминаній: замѣчу только, что воспитательный элементъ былъ вообще очень слабый, а иногда превратный и отталкивающій; въ немаломъ ходу были тѣлесныя наказанія, однажды дошедшія до настоящаго безобразія и обыкновенно только раздражавшія и возмущавшія учениковъ; былъ одно время инспекторъ, вѣроятно считавшій себя проницательнымъ педагогомъ, злой и бездушный человѣкъ іезуитскаго типа, внушавшій только отвращеніе. Въ числѣ учениковъ бывали добрые юноши, миролюбивые и разсудительные, которыхъ обыкновенно товарищи очень любили: они вносили извѣстный смягчающій тонъ, котораго не давало педагогическое начальство, мало впрочемъ объ этомъ и думавшее. Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что если и до сихъ поръ

мы слышимъ и читаемъ жалобы на недостатокъ связей между семьей и школой, на ихъ чуть не враждебныя отношенія, на слабость воспитательнаго значенія гимназіи, то это зло—очень давнее: въ послѣднее время думаютъ о томъ, какъ ему помочь, но, мнѣ кажется, забываютъ объ одномъ. Истинно воспитательное вліяніе, которое было бы для школы не только полезно, но благодѣтельно, возможно было бы только для людей (директоровъ, инспекторовъ, учителей) съ цѣльнымъ нравственнымъ характеромъ, самостоятельными убѣжденіями: возможны ли такіе люди въ обычномъ характерѣ нашей школы, въ которой издавна и донынѣ такъ господствовалъ именно чисто бюрократическій, скажу даже—полицейскій элементъ, подозрительность и недовѣріе ко всякой нравственной самостоятельности: возможны ли они, когда искажается самая программа школы, изъ которой (какъ въ новѣйшей «классической» системѣ) намѣренно исключаются или ограничиваются предметы, гдѣ преподаватель могъ бы въ особенности находить воспитывающій и образующій матеріалъ (напр., исторія русской словесности) и, напротивъ, усиленно рекомендовались и требовались предметы, притупляющіе работу мысли, какъ долбленіе грамматики Кюнера—подъ видомъ мнимаго высокаго значенія классицизма?

Только изрѣдка въ гимназическомъ преподаваніи являлись люди и случаи, которые могли поощрять любовь къ наукѣ. Въ старшихъ классахъ заговаривали объ университетѣ, вспоминали тѣхъ немногихъ изъ старшихъ товарищей, которые отправлялись въ университетъ; послѣднее казалось подвигомъ, для иныхъ (впрочемъ, немногихъ) завиднымъ. Такъ, изъ нашихъ ближайшихъ предшественниковъ отправился въ московскій университетъ Г. А. За-

харьинъ, знаменитый впослѣдствіи врачъ: его младшій братъ (впослѣдствіи также московскій студентъ, вскорѣ впрочемъ умершій) былъ моимъ товарищемъ, и мы съ величайшимъ интересомъ читали въ письмахъ разсказы его о московскомъ университетѣ. Изъ ближайшаго старшаго курса нѣсколько человѣкъ отправились въ казанскій университетъ, въ томъ числѣ еще съ гимназіи мнѣ дружественный П. А. Ровинскій.

Идти въ университетъ для большинства было не легко. Въ тогдашнемъ бытѣ, при дальности разстояній (напримѣръ, путешествіе въ Москву изъ Саратова при хорошемъ состояніи дорогъ и ѣздѣ на почтовыхъ требовало пяти дней), при захолустной неподвижности, при скромныхъ средствахъ семьи, самая поѣздка была дѣло не легкое; не легко и содержаніе студента въ теченіе четырехъ лѣтъ. Для меня университетъ было дѣло рѣшенное, для моей семьи въ денежномъ отношеніи это было дѣло очень трудное, и оно могло состояться только по особымъ обстоятельствамъ. Самая мысль была семьей принята заранѣе. Для старшихъ была не чужда мысль объ интересѣ болѣе высокаго научнаго образованія, а также и о большихъ шансахъ дальнѣйшаго служебнаго поприща. Однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ, окончательно рѣшившихъ этотъ вопросъ, было то, что еще за три года до окончанія мною гимназическаго курса уѣхалъ въ Петербургъ, въ университетъ, Н. Г. Чернышевскій.

Мнѣ надо вернуться нѣсколько назадъ. Я говорилъ уже, что въ нашей общей семьѣ давно уже были интересы къ образованію. Г. И. Чернышевскій (отецъ) былъ по своему времени и кругу человѣкъ ученый. Н. Г. долго учился дома, и его видимые успѣхи обращали на себя вниманіе

даже людей мало опытныхъ. Я помню, еще бывши въ первыхъ классахъ гимназіи, что онъ уже читалъ французскія книги. Вѣроятно, не безъ вліянія его примѣра учили и меня: еще до поступленія въ гимназію я началъ учиться по латыни: учитель для меня отыскался въ числѣ сослуживцевъ моего отца, очень старенькій мелкій чиновникъ, знавшій откуда-то латынь и хорошо учившій. По-нѣмецки, несмотря на разницу лѣтъ, я сталъ учиться вмѣстѣ съ Н. Г. Когда онъ хотѣлъ заняться нѣмецкимъ языкомъ, учитель легко нашелся среди саратовскихъ нѣмцевъ-колонистовъ: дѣти пасторовъ, болѣе зажиточныхъ колонистовъ получали въ своихъ школахъ извѣстное образованіе; изъ нихъ выходили, между прочимъ, учителя музыки, нѣмецкаго языка и т. п. Такой учитель музыки бывалъ у насъ въ нашемъ домѣ; онъ еще плохо говорилъ по-русски, желалъ выучиться (его мечта была быть въ университетѣ, и онъ дѣйствительно былъ потомъ въ университетѣ въ Казани), и онъ сталъ брать уроки у Г. И., взамѣнъ чего предложилъ учить нѣмецкому языку Н. Г., и эти уроки распространились и на меня; въ гимназію я поступилъ отчасти уже приготовленный къ нѣмецкимъ урокамъ. Любознательность Н. Г. была сильная и разнообразная. То, чему онъ учился, онъ быстро схватывалъ и прочно сохранялъ, въ чемъ помогала ему необыкновенная память. Кажется, очень рано онъ былъ хорошимъ латинистомъ; мнѣ ясно припоминается онъ за чтеніемъ старой латинской книги, напечатанной, помнится, въ два столбца мелкимъ шрифтомъ, съ которой онъ разстался вѣроятно тогда, когда прочелъ ее всю. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось пріѣзжать домой, я видѣлъ эту книгу и могъ ее опредѣлить: это было старое, первыхъ годовъ семнадцата-

го столѣтія, изданіе Цицерона: помню, что онъ читалъ его свободно, не обращаясь къ словарю. Это видимо была одна изъ старыхъ книгъ его отцовской библіотеки.

Но домашнее ученіе было, наконецъ, сочтено недостаточнымъ. Отецъ думалъ направить сына на свое собственное поприще. Это былъ человѣкъ глубоко благочестивый, и, безъ сомнѣнія, этому поприщу онъ придавалъ великое значеніе. Поэтому той школой, въ которую долженъ былъ вступить сынъ, была семинарія, за которою дальше предполагалась духовная академія. Питомцы духовныхъ академій бывали уже тогда между профессорами семинарій. Не помню съ точностью, сколько времени Н. Г. пробылъ въ семинаріи—года полтора или два, и прошелъ, вѣроятно, по-старинному, второй курсъ «реторики» и первый курсъ «философіи». Помню, что изъ своихъ наставниковъ онъ цѣнилъ двухъ, которыхъ считалъ людьми знающими и мыслящими. Былъ еще третій профессоръ семинаріи, съ которымъ онъ сблизился и который, если не ошибаюсь, былъ съ Чернышевскими въ дальнемъ родствѣ. Это былъ Г. С. Саблуковъ, впослѣдствіи извѣстный оріенталистъ и профессоръ казанской академіи. Саблуковъ преподавалъ въ семинаріи татарскій языкъ. Дѣло въ томъ, что эта каѳедра была учреждена въ семинаріи въ видахъ предполагаемаго распространенія христіанства между мусульманскими инородцами въ губерніи (татарское населеніе въ сплошномъ количествѣ находится въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи—Кузнецкомъ). Повидимому, татарскій языкъ не былъ обязателенъ для всѣхъ, но Н. Г. Чернышевскій ему учился и, вѣроятно, довольно успѣшно. Въ то время епископомъ саратовскимъ и царицынскимъ былъ довольно извѣстный Іаковъ (Вечерковъ), впослѣдствіи архіепископъ

нижегородскій, котораго я хорошо помню. Это былъ уже старый человѣкъ, отличавшійся аскетическимъ благочестіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ревнитель православія противъ раскола и любитель археологіи. При немъ совершались едва ли не первыя изслѣдованія древней ордынской столицы—Сарая—въ прежнихъ предѣлахъ Саратовской губерніи, за Волгой. Помню пребываніе въ Саратовѣ извѣстнаго А. В. Терещенка, который бывалъ и въ домѣ моего дяди. Безъ сомнѣнія, въ связи съ этими изслѣдованіями остатковъ татарскаго владычества находилась одна работа, которая исполнена была Н. Г. Чернышевскимъ по порученію или предложенію арх. Іакова. Это былъ довольно подробный обзоръ топографическихъ названій въ Саратовской губерніи татарскаго происхожденія. Помню длинный списокъ названій селъ, деревень и урочищъ, который Н. Г. собиралъ или провѣрялъ по огромной подробной картѣ, которую приходилось раскладывать на полу; къ этому списку Н. Г. прибавлялъ татарское написаніе этихъ названій и переводъ на русскій языкъ. Вопросъ былъ, дѣйствительно, интересный. Саратовская губернія (тогда, какъ упомянуто, къ ней принадлежали два заволжскихъ уѣзда) была и есть пересыпана татарскими названіями мѣстностей; только на сѣверѣ сохранилось въ нихъ и татарское населеніе; въ огромномъ большинствѣ селъ и деревень съ татарскими именами находится чисто-русское населеніе: откуда взялись и какъ сохранялись татарскія названія? Были ли это остатки кочевыхъ урочищъ, которыя перешли въ наслѣдство къ знавшему ихъ русскому сосѣдству; или это были названія уже осѣдлыхъ татарскихъ поселеній; произошло ли вытѣсненіе прежнихъ жителей, или ихъ обрусѣніе? Не знаю, сохранилась ли эта работа Н. Г. Это

была довольно объемистая тетрадь, которая была тогда передана преосв. Іакову.

По татарскаго языка было мало. И. Г. началъ учиться у Саблукова по-арабски: наконецъ, интересенъ былъ персидскій языкъ, и такъ какъ учиться ему было не у кого, то придумано было слѣдующее средство. Въ серединѣ лѣта Саратовъ оживлялся проѣздомъ довольно многочисленныхъ персидскихъ купцовъ на нижегородскую ярмарку. Нашъ домъ приходился на той улицѣ, въ которую вступала астраханская дорога: пароходство еще не существовало, и персидскіе купцы скакали, бывало, компаніями на почтовыхъ тройкахъ по нашей улицѣ. Въ Саратовѣ они дѣлали обыкновенно остановку и нѣкоторое время торговали своими товарами (это были особенно шелковые товары: канаусъ, мовь и др.). Такъ какъ изъ году въ годъ пріѣзжали все тѣ же хозяева, то между ними бывали знакомые: они бывали и у насъ въ домѣ, и И. Г. пользовался ихъ пріѣздами (тѣмъ же путемъ возвращались они послѣ ярмарки), чтобы брать у нихъ свои уроки персидскаго языка: они учили его писать и читать, но преподаватели они были, конечно, плохіе... Въ семинаріи въ тѣ времена еще не окончилось господство латинскаго языка, и по латыни не только писались «задачи» по реторикѣ и философіи, но, кажется, нѣкоторые предметы (на высшихъ курсахъ) преподавались на латинскомъ языкѣ. Впослѣдствіи, когда И. Г. былъ уже въ университетѣ въ Петербургѣ, онъ, чтобы укрѣпить и меня въ латыни, иногда писалъ мнѣ письма на латинскомъ языкѣ. Эти письма, къ сожалѣнію, не сохранились; но помню, что между прочимъ онъ писалъ мнѣ о своемъ историческомъ чтеніи (которое и мнѣ рекомендовалъ), напримѣръ, о Раумерѣ: на

латинскомъ языкѣ онъ тогда уже, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, давалъ мнѣ понятіе о крестьянскомъ вопросѣ (glebae adscripti et terrae firmi): здѣсь я въ первый разъ узналъ о существованіи этого вопроса.

Ученіе въ семинаріи, однако, не удовлетворяло Чернышевскаго. Его научные интересы шли дальше этихъ точекъ зрѣнія, а вѣроятно и вопросы общественные. Среди своихъ товарищей въ семинаріи онъ, помнится, находилъ только очень немногихъ, двухъ-трехъ, съ которыми бывало у него общее пониманіе; но бывали у него другіе сверстники, съ которыми онъ любилъ проводить время въ долгихъ прогулкахъ и долгихъ разговорахъ. Это были молодые люди изъ того помѣщичьяго круга, съ которымъ бывалъ знакомъ его отецъ, молодые люди съ извѣстнымъ свѣтскимъ образованіемъ, между прочимъ университетскимъ. Большая разница лѣтъ дѣлала для меня чуждымъ это товарищество, но, судя по болѣе позднимъ воспоминаніямъ, въ этихъ бесѣдахъ затрогивались именно темы идеалистическія и первыя темы общественныя...

Въ октябрѣ 1901 г.—Итакъ, для Н. Г. вопросъ объ университетѣ былъ рѣшенъ. Отецъ его, вѣроятно, понималъ преимущества университетскаго образованія, но, сколько мнѣ помнится, долженъ былъ очевидно нѣсколько переломить себя, когда уступалъ желаніямъ сына. Задолго началось обдумываніе поѣздки. Предполагался петербургскій университетъ, между прочимъ, кажется, потому, чтотамъ уже былъ одинъ нашъ землякъ и дальній родственникъ Чернышевскихъ, А. Ѳ. Раевъ, сынъ сельскаго священника, молодой человѣкъ, очень практическій, конечно, безъ вся-

кихъ собственныхъ средствъ, но сумѣвшій удачно устроиться въ Петербургѣ *). Въ нашемъ ближайшемъ кругу не было человѣка, имѣвшаго какое-нибудь понятіе о Петербургѣ. Это была невѣдомая, отдаленная страна, пребываніе всѣхъ властей, съ особенными нравами и великими житейскими трудностями, особенно для людей съ очень небольшими средствами, безъ знакомствъ и связей: изъ Петербурга наѣзжали изрѣдка важныя административныя лица, и это, бывало, производило сильное впечатлѣніе, и разговоры о нихъ велись и въ тѣхъ кругахъ, которые не имѣли къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. Припомню какъ черту нравовъ, о чемъ мнѣ случалось слышать еще мальчикомъ между старшими. Губернскія дѣла разныхъ административныхъ вѣдомствъ, конечно, имѣли свой господствующій центръ въ Петербургѣ; желательны бывали личныя сношенія съ этимъ центромъ, т.-е. съ какими-нибудь второстепенными и третьестепенными людьми въ центральныхъ вѣдомствахъ: поѣздки не всегда были удобны, потому что требовали отпусковъ или были бы слишкомъ замѣтны, и для сношеній служилъ особый путь: изъ провинціальнаго города періодически ѣздилъ въ Петербургъ одинъ свободный человѣкъ, отставной военный средняго чина, который и исполнялъ разныя конфиденціальныя порученія...

Наконецъ, Петербургъ былъ городъ очень далекій: желѣзныхъ дорогъ не существовало: ѣхать на почтовыхъ надо было цѣлую недѣлю (если ѣхать безъ всякаго отдыха) и считалось дорого: поэтому обдумывался планъ путешествія «на долгихъ». Для этого служили особые предпринима-

*) Онъ умеръ лѣтомъ 1901 г. членомъ совѣта министерства финансовъ.

тели-ямщики, которые брались везти на своихъ лошадяхъ, конечно, съ необходимыми остановками для кормленія лошадей и ночлега; эти поѣздки, очевидно, были дольше, но были дешевле «почтовыхъ». Такой предприниматель былъ подысканъ: онъ брался везти не только до Москвы, но и дальше, по «шосту» (шоссе, о которомъ зналъ или слышалъ, какъ о хорошей дорогѣ), до самаго Петербурга. Помнится, внѣшній видъ предпринимателя внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія,—и дѣйствительно онъ оказался пьянымъ человѣкомъ, несмотря на всѣ обѣщанія, и въ Москвѣ путешественники должны были отказаться отъ его услугъ. У меня осталось воспоминаніе объ этомъ отъѣздѣ И. Г., какъ объ очень важномъ событіи въ глазахъ не только моихъ, но и всѣхъ старшихъ. Само собою разумѣется, что И. Г. не рѣшились отпустить одного: съ нимъ поѣхала его мать и одна старинная наша знакомка среднихъ лѣтъ, жившая въ одномъ изъ нашихъ домиковъ на квартирѣ. Путь изъ Саратова въ Москву шелъ обыкновенно на Пензу или на Тамбовъ; въ этотъ разъ онъ былъ взятъ на Воронежъ, такъ какъ по дорогѣ желали поклониться мощамъ св. Митрофанія *). Съ нѣкоторыми приключеніями путешественники благополучно добрались до Петербурга; мать И. Г. прожила тамъ нѣкоторое время и потомъ вмѣстѣ съ своей спутницей возвратилась домой. Я припоминаю ея разсказы, довольно характерные: въ Москвѣ и Петербургѣ было, конечно, много удивительнаго, но обычный складъ домашней жизни, съ хозяйственной точки зрѣнія,

*) Это путешествіе было довольно точно разсказано покойнымъ теперь Духовниковымъ въ „Русской Старинѣ“, который предпринялъ написать біографію И. Г. Ч., прилежно собиралъ отовсюду свѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своей работы.

моей тётѣ крайне не нравился: она не могла преодолѣть и позабыть хоть на время своей привычки къ добропорядочной домовитости провинціальной жизни, хотя и скромной,—когда въ домѣ (они занимали квартиру въ частномъ семействѣ) нельзя было имѣть даже своего хлѣба, когда за всякой хозяйственной мелочью надо было посылать въ мелочную лавочку, когда при домѣ не было никакого двора (а при нашемъ домѣ было два большихъ двора и еще небольшой садикъ), гдѣ не знаешь даже, кто подлѣ васъ живетъ, кѣмъ вы окружены и т. д...

П. Г. хотя не проходилъ собственно гимназическаго курса, какой требовался для вступительнаго экзамена, но при своихъ большихъ для юноши знаніяхъ поступилъ въ университетъ безъ малѣйшихъ препятствій и, кажется, скоро обратилъ на себя вниманіе своими свѣдѣніями и талантливостью. Обстановка историко-филологическаго факультета, въ который онъ вступилъ, была, за немногими измѣненіями, та самая, какую я нашелъ въ петербургскомъ университетѣ, когда поступилъ въ него нѣсколько лѣтъ спустя. Перемѣнились только немногія, притомъ второстепенныя, лица. Изъ его главныхъ профессоровъ я не засталъ только П. А. Плетнева, который къ моему времени былъ уже ректоромъ и прекратилъ чтеніе лекцій. Затѣмъ, главные профессора были тѣ же. Вообще говоря, научный уровень не былъ особенно высокъ: но въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась русская наука, а также и литература, университетъ несомнѣнно приносилъ свою пользу, т.-е. расширялъ горизонтъ свѣдѣній и возбуждалъ собственную дѣятельность. Позднѣе я слушалъ тѣхъ же профессоровъ, и помню сочувственные отзывы П. Г. о тѣхъ изъ нихъ, которые и въ мое время были наиболѣе

полезны студентамъ своими лекціями. Таковъ былъ, напримѣръ, М. С. Куторга: при нѣкоторыхъ недостаткахъ характера, которые, вѣроятно, помѣшали ему имѣть болѣе широкое вліяніе на своихъ слушателей, это былъ человѣкъ, прошедшій ученую нѣмецкую школу въ Дерптѣ и за границей въ Германіи, усвоившій немалыя знанія и особенно пріемы исторической критики, которые онъ и старался внушать своимъ слушателямъ. Любимой темой его лекцій и поученій была древняя греческая исторія, но онъ читалъ и цѣльные курсы по новѣйшей исторіи, и одною изъ очень полезныхъ особенностей его чтеній бывало стараніе знакомить слушателей съ литературой предмета, хотя бы только съ ея главнѣйшими явленіями. Для его слушателей, приходившихъ съ очень скудными гимназическими познаніями, эти его чтенія бывали не только интересны, но и очень полезны. Не менѣе, а иногда и болѣе вліянія оказывали лекціи Срезневскаго. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ только-что перешелъ на петербургскую каоедру славянскихъ нарѣчій изъ Харькова. Это была самая живая пора его славянскихъ увлеченій. Въ его изложеніи историческомъ или филологическомъ находили мѣсто эпизоды изъ его собственныхъ наблюденій за время его странствованій по славянскимъ землямъ. Въ то время это былъ едва ли не главный его научный интересъ, которому онъ отдавался со всей живостью своего характера: не мудрено, что его лекціи были очень привлекательны для всѣхъ, у кого была сколько-нибудь пробуждена любознательность къ славянскому міру. Дѣятельность Срезневскаго была особенно оживлена тогда еще однимъ обстоятельствомъ. Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ, онъ вступилъ во Второе Отдѣленіе Академіи

Наукъ. Отдѣленіе, только за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образованное изъ бывшей Россійской Академіи, въ теченіе сороковыхъ годовъ еще носило на себѣ сильный отпечатокъ этого стариннаго учрежденія. До вступленія Срезневскаго, въ Отдѣленіи былъ, собственно говоря, только одинъ ученый филологъ, знаменитый Востоковъ, уже древній человѣкъ, занятый своими работами, одиноко отъ другихъ членовъ Отдѣленія, съ которыми у него было и мало общаго. Срезневскій впервые внесъ извѣстную научную жизнь въ это заглохшее учрежденіе: безъ сомнѣнія, по его иниціативѣ возникло тогда первое періодическое изданіе подъ названіемъ «Извѣстій», въ текстѣ которыхъ его собственныя работы составляли наиболѣе цѣнную долю и въ которыхъ благодаря ему появилось не мало сотрудниковъ, въ особенности по различнымъ вопросамъ словаря русскаго языка. Между прочимъ, онъ старался привлечь къ работѣ и своихъ слушателей, на которыхъ больше полагался: такъ произошла работа Н. Г. по словарю одной изъ старѣйшихъ русскихъ лѣтописей... Профессорами классическихъ языковъ были, по старому обычаю, выписные нѣмцы: греческаго языка—Грефе, латинскаго—Фрейтагъ, оба въ своемъ родѣ типическіе нѣмецкіе профессора старой манеры. Грефе (въ мое время уже древній человѣкъ), учившій нѣкогда греческому языку гр. Уварова, былъ ревностно преданъ своему ученому дѣлу. Фрейтагъ, кажется, нѣсколько помоложе, былъ старомодный филологъ, отличавшійся отъ Грефе тѣмъ, что когда послѣдній былъ уже заинтересованъ новѣйшими открытіями сравнительнаго языкознанія, Фрейтагъ съ пренебреженіемъ относился къ новой наукѣ, которую считалъ дѣломъ несерьезнымъ, а самымъ серьезнымъ было для него, кажется, самое деталь-

ное изученіе текстовъ, варіантовъ и грамматики. Оба классика (между прочимъ, вѣроятно, плохо зная по-русски, хотя жили въ Россіи уже десятки лѣтъ) говорили со своими слушателями не иначе, какъ по-латыни; я упоминалъ, что Н. Г., еще живя дома, читалъ Цицерона, что называется, à livre ouvert,—не мудрено, что онъ сталъ у Фрейтага однимъ изъ первыхъ, если не первымъ латинистомъ. Главнымъ занятіемъ студентовъ по латинскому языку было чтеніе болѣе трудныхъ классиковъ съ комментаріями и очередное представленіе сочиненій на латинскомъ языкѣ: профессоръ ихъ читалъ, гдѣ нужно, исправлялъ ошибки и полагалъ свой приговоръ. Фрейтагъ привыкъ, что Н. Г. писалъ хорошія сочиненія. Однажды Н. Г. вздумалъ сдѣлать съ профессоромъ шутку, въ сущности довольно рискованную. Онъ занимался въ то время работами для Срезневскаго и бывалъ въ Румянцовскомъ музеѣ (который былъ тогда еще въ Петербургѣ въ старинномъ домѣ Румянцова, на Англійской набережной); однажды, когда пришла его очередь, онъ подалъ Фрейтагу сочиненіе, назвавъ его переводомъ изъ одной древнеславянской рукописи Румянцовскаго музея. Мнимый переводъ былъ просто выпиской изъ Цицерона «De officiis». Профессоръ не узналъ римскаго писателя; сочиненіе похвалилъ, но нашелъ, что стиль не вездѣ отвѣчаетъ золотому вѣку, и кое-что поправилъ. Мистификація сошла благополучно—и показываетъ, какого достоинства бывала обыкновенная латынь Н. Г.

Я отвлекся, однако, отъ своего личнаго разсказа. Я кончилъ курсъ гимназіи въ 1849 г. Передъ этимъ или уже постоянныя сношенія съ Н. Г., и изъ нихъ оказалось, что поступить въ петербургскій университетъ, повидимому, будетъ невозможно: въ это самое время вышло

распоряженіе, опредѣлявшее для каждаго университета комплектъ студентовъ въ триста человѣкъ (кромѣ медицинскаго факультета). Въ петербургскомъ университетѣ цифра студентовъ, конечно, должна была быть выше, и можно было предполагать, что для достиженія комплекта въ наступающемъ учебномъ году вовсе не будетъ пріема. Во всякомъ случаѣ дѣло было неясно, и рѣшено было, что я поѣду въ Казань. Меня отпускали уже съ меньшими опасеніями. Казань, сравнительно, была близко; поѣхать мнѣ случилось съ нашими знакомыми, ѣхавшими туда; наконецъ, были въ Казани земляки по саратовской гимназіи и еще одинъ нѣсколько близкій нашему семейству человѣкъ, упомянутый раньше Г. С. Саблуковъ, переведенный изъ Саратова профессоромъ казанской духовной академіи. Это было мое первое нѣсколько далекое путешествіе; ѣхали на почтовыхъ, такъ что можно было видѣть мѣстность; остановившись въ Симбирскѣ, увидалъ я памятникъ Карамзину, и тогда поразившій меня нескладицей своего художества: какъ извѣстно, на памятникѣ изображенъ не Карамзинъ, а муза Кліо, приводившая мѣстныхъ мирныхъ жителей въ немалое недоумѣніе. Въ Казани я жилъ нѣкоторое время у тѣхъ же знакомыхъ, потомъ недолго жилъ у Саблукова, наконецъ, у хозяйки, сдававшей комнаты студентамъ и поставлявшей имъ обѣдъ.

Казанскій университетъ, собственно говоря, былъ относительно историко-филологическаго факультета, въ который я поступилъ, довольно скудный, но на первый разъ онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Въ гимназическихъ мечтахъ университетъ представлялся настоящимъ храмомъ науки, и первый видѣнный мною университетъ поддержалъ во мнѣ это впечатлѣніе. Обширныя зданія са-

мого университета, особой библіотеки, особой обсерваторіи, обширной клиники; большая масса студентовъ—изъ разныхъ городовъ «округа» (округъ былъ очень обширенъ, простираясь отъ Астрахани по всему Поволжью до Нижняго, на сѣверъ—до Перми и Вятки, на западъ—до Урала), а также съ Кавказа, изъ Сибири; довольно большое число «казенныхъ» студентовъ, заселявшихъ половину верхняго этажа главнаго зданія; расписанія лекцій, поражавшія изобиліемъ преподаваемыхъ наукъ (въ то время не былъ переведенъ изъ Казани въ Петербургъ факультетъ восточныхъ языковъ), при чемъ относительно нѣкоторыхъ профессоровъ между студентами шла слава о ихъ великой учености; невиданные раньше студенческіе нравы, довольно свободные и, какъ я увидѣлъ вскорѣ, иногда довольно безшабашные; наконецъ, новизна собственнаго положенія,—все это вмѣстѣ переносило меня въ совершенно новый міръ, гдѣ прошлое стало быстро отступать назадъ и открывалось новое, что должно было опредѣлить дальнѣйшую жизнь. Отыскались саратовскіе знакомцы и даже пріятели (какъ П. А. Ровинскій), предварившіе меня въ университетѣ; на вступительныхъ экзаменахъ оказались будущіе товарищи по курсу.

Казанскій университетъ, который казался мнѣ истиннымъ храмомъ науки, въ тѣ годы былъ, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ скромныхъ провинціальныхъ университетовъ. Не знаю, какъ велико было въ немъ число студентовъ, но, вѣроятно, оно не превышало нѣсколькихъ сотъ, не доходя до тысячи, вмѣстѣ съ медицинскимъ факультетомъ. Въ составѣ профессоровъ большинство не оставило большихъ именъ въ исторіи русской науки; но на каждомъ факультетѣ бывали люди знающіе и талантливые, а иногда

и замѣчательные. Изъ послѣднихъ назову, напримѣръ, извѣстнаго юриста Д. И. Мейера (онъ перешелъ потомъ на службу въ Петербургъ и умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ). Среди своихъ сотоварищей это былъ профессоръ новаго типа: какъ говорятъ, талантливый и тонкій юристъ, онъ былъ также очень образованный человѣкъ, и на его лекціи студенты шли толпами, между прочимъ изъ другихъ факультетовъ: изложеніе своей науки онъ соединялъ съ объясненіями, взятыми изъ современной европейской и русской жизни и литературы; его юридическое ученіе было вмѣстѣ ученіе нравственное: лично мягкій въ своей манерѣ, онъ былъ строгимъ въ своихъ принципахъ,— характеръ, къ сожалѣнію, довольно рѣдкій въ тогдашнихъ университетахъ. Помнится, другой популярный профессоръ-юристъ былъ Станиславскій, впослѣдствіи перешедшій въ Харьковъ. Были профессора и другого рода, напримѣръ, профессоръ римскаго права, нѣмецъ (выписанный изъ-за границы или остзейскій), угловатый, не вполнѣ владѣвшій русскимъ языкомъ и диктовавшій свои лекціи; бывали профессора, лекціями отбывавшіе службу; къ большинству студенты бывали болѣе или менѣе равнодушны. Были, какъ говорятъ, знающіе люди въ факультетахъ математическомъ и естественномъ, хорошіе медики; изъ послѣднихъ большой славой пользовался профессоръ анатоміи Аристовъ, къ которому также собиралось, кромѣ своихъ, и много постороннихъ слушателей,—чтеніе своего предмета, довольно жестокаго, онъ дѣлалъ очень интереснымъ, потому что, между прочимъ, въ анатоміи указывалъ основу физіологической жизни человѣка. Были хорошіе знатоки между оріенталистами—славились Ковалевскій, Поповъ (монголистъ).

Очень скромный уровень господствовалъ и въ филологическомъ факультетѣ. Не пересчитывая всѣхъ его преподавателей, назову нѣкоторыхъ. Большой славой между студентами пользовался профессоръ русской исторіи Н. А. Ивановъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ мало: ему принадлежитъ книга о «хронографахъ», гдѣ, при весьма неподходящемъ къ предмету заглавіи, сдѣланъ былъ любопытный обзоръ научной разработки русскихъ лѣтописей; другимъ его трудомъ была подробная программа историческаго преподаванія (родъ конспекта), который между прочимъ очень цѣнилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Ивановъ славился какъ профессоръ, но вмѣстѣ его боялись какъ огня тѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло на экзаменѣ. Въ нашемъ первомъ курсѣ онъ не читалъ, но я былъ нѣсколько разъ на его лекціяхъ и ясно припоминаю его манеру. Это былъ профессоръ-ораторъ или, можетъ быть, риторъ; довольно высокаго роста, съ нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ лица, отражавшимъ тяжелый характеръ, а вмѣстѣ и другой его недостатокъ (много пилъ), онъ держалъ себя высокомѣрно и на каѳедрѣ священнодѣйствовалъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, онъ не производилъ бы своими лекціями такого впечатлѣнія, какъ тогда,—теперь не только далеко подвинулась наука, но и нынѣшніе слушатели, конечно, въ ней нѣсколько опытнѣе, или онъ перемѣнилъ бы манеру; тогдашніе его слушатели замѣчали уже, что для его ораторства часто служилъ подкладкой просто Карамзинъ. Но слушатели тогдашніе Карамзина мало знали, а большею частію совсѣмъ не знали, и ораторская дикція могла по праву производить впечатлѣніе. Въ пятидесятыхъ годахъ Ивановъ, вслѣдствіе его домашнихъ дѣлъ и, кажется, также упомянутаго недостатка, долженъ былъ оставить Ка-

зань и перешелъ на службу въ дерптскій учебный округъ учителемъ гимназіи; позднѣе тамъ встрѣтился съ нимъ А. А. Котляревскій, отъ котораго я слыхалъ сочувственныя воспоминанія объ Ивановѣ и сожалѣнія объ его неудавшейся ученой дѣятельности. Профессоровъ словесности было у насъ два: одинъ К. К. Фойхтъ, читавшій исторію поэзіи или всеобщую исторію литературы, и В. А. Сбоевъ, преподававшій исторію словесности. Фойхтъ (перешедшій потомъ въ Харьковъ попечителемъ округа) не оставилъ наукѣ никакого имени; едва ли не единственнымъ нѣсколько крупнымъ его твореніемъ была рѣчь о Державинѣ, написанная по поводу открытія Державину памятника въ Казани (извѣстно, что этотъ памятникъ, находящійся теперь на Грузинской площади, первоначально и въ мое время стоялъ на большомъ университетскомъ дворѣ между большимъ зданіемъ университета и зданіями обсерваторіи и библіотеки). Это было, по тогдашнему обычаю, риторическое произведеніе, но умно и красиво составленное; его курсъ всеобщей литературы (я слушалъ его только первый годъ) безъ сомнѣнія привелъ бы въ ужасъ современныхъ профессоровъ этого предмета; но, по моему мнѣнію, это былъ курсъ, составленный очень цѣлесообразно. Сколько помню, онъ состоялъ въ слѣдующемъ: на первомъ курсѣ читалось обозрѣніе литературъ Востока, на второмъ—литературы классическія, на третьемъ—средніе вѣка, на четвертомъ—литература новѣйшая и русская. Ни о какихъ спеціальныхъ курсахъ (напримѣръ, первой половины пятнадцатаго вѣка во французской литературѣ, или послѣднихъ годовъ семнадцатаго столѣтія въ нѣмецкой литературѣ и т. п.) не было и не могло быть рѣчи; но если принять въ соображеніе, что слушать профессора прихо-

дили вчерашніе гимназисты, не имѣвшіе понятія ни о какихъ литературахъ,—подобный курсъ былъ несомнѣнно полезенъ; мнѣ думается, что онъ могъ бы быть полезенъ даже и въ настоящую минуту—не какъ спеціальный курсъ, но какъ общеобразовательный; современные гимназисты едва ли многимъ ученѣе тогдашнихъ; имъ точно такъ же недостаетъ чтеній общеобразовательнаго характера, и въ настоящее время не разъ профессора, ревностные ко благу учащагося молодого поколѣнія, поднимали вопросъ о необходимости общеобразовательнаго курса (посвящая ему даже цѣлый годъ), который служилъ бы введеніемъ и подготовкой къ спеціальнымъ курсамъ факультетовъ. Этой потребности и удовлетворяли лекціи Фойхта. Это былъ человѣкъ умный и образованный (кажется, онъ былъ оріенталистъ); безъ сомнѣнія, курсы были построены на общихъ нѣмецкихъ изложеніяхъ; но онъ читалъ живо, свободно, и его лекціи были любимы и оставляли впечатлѣніе, возбуждая любознательность. Профессоромъ греческаго языка и древностей былъ любопытный образчикъ нѣмецкаго гелертера, выписанный изъ-за границы, Фатеръ: сколько могу судить теперь, это былъ основательный филологъ; по-русски онъ совсѣмъ не зналъ, и читалъ свои лекціи о греческой миоологіи по латыни или въ сущности не читалъ, а диктовалъ, и необходимость прибѣгать къ латинскому языку въ простомъ разговорѣ съ профессоромъ, а потомъ и на экзаменѣ уже съ перваго курса значительно освоивала насъ съ латинскимъ разговоромъ. Въ миоологіи онъ былъ послѣдователемъ тогдашнихъ теорій, что первыми божествами древнихъ людей были небесныя свѣтила, и въ его изложеніи греческая миоологія почему-то объяснялась преимущественно поклоненіемъ лунѣ; но въ из-

ложеніи разсѣяно было много подробностей миѳологическихъ и историческихъ, и лекціи приносили свою пользу,— мы только слабо подозрѣвали, что самая теорія была произвольна. Уже послѣ моего отъѣзда изъ Казани Фатеръ печально кончилъ свою профессуру въ Казани. Это былъ человѣкъ уже не молодой и крайне тщедушный; въ одну фатальную ночь на него, въ его квартирѣ, сдѣлано было воровское нападеніе; онъ съ трудомъ отбился отъ воровъ при помощи людей, сбѣжавшихся на его крикъ; въ результатѣ онъ заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, страдалъ паническимъ страхомъ и былъ нѣсколько спокоенъ лишь тогда, когда ухаживали за нимъ знакомые ему студенты; нѣсколько оправившись, онъ уѣхалъ въ Германію и тамъ скоро умеръ. Преподавателемъ собственно греческаго языка былъ сравнительно еще молодой человѣкъ, о которомъ остались у меня наилучшія воспоминанія. Это былъ Клеотильдъ Тхоржевскій; говорили (не знаю, вѣрно ли), что онъ былъ питомецъ виленскаго университета, очень умный и образованный человѣкъ, но болѣзненный (вскорѣ потомъ онъ умеръ). Незадолго передъ тѣмъ онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію; для меня, студента-новичка, это была вещь, конечно, очень интересная, но и совсѣмъ недоступная. Какъ подобало тогда въ предметахъ классической филологіи, диссертація была написана по латыни: «De Politia, Timaeo, Critia, ultimo Platonico termione»; помню, меня удивило, когда мнѣ случилось видѣть разборъ этой диссертаціи въ «Отечественныхъ Запискахъ»: кажется, отдавали справедливость учености автора, но укоряли его за его латинскій языкъ, что это не былъ языкъ золотого вѣка, а что скорѣе это былъ африканскій стиль Апулея. Этихъ тонкостей стиля

мы тогда еще были неспособны разобрать. Лекціи Тхоржевскаго были для меня одиѣ изъ любимыхъ: мы собственно переводили «Филоктета»—на этотъ разъ на русскій языкъ; профессоръ сопровождалъ чтеніе очень интересными и разнообразными комментаріями, которые, сколько помню, останавливались и на языкѣ, тѣхъ или другихъ формахъ и оборотахъ, и подробностяхъ бытовыхъ греческой жизни, и художественной сторонѣ произведенія. Тхоржевскій владѣлъ предметомъ и прекрасно говорилъ (немного съ польскимъ акцентомъ), легко приковывая наше вниманіе. Наконецъ, былъ еще профессоръ, который произвелъ тогда на меня сильное впечатлѣніе, но котораго я слушалъ только въ первомъ семестрѣ, потому что онъ долженъ былъ потомъ переѣхать въ Москву, и котораго потомъ я уже больше не видалъ. Это былъ знаменитый Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Мы въ то время только очень смутно слышали о какой-то исторіи; она разъяснилась для меня только впослѣдствіи, именно, что въ Москвѣ отставленъ былъ профессоръ славянскихъ нарѣчій Бодянскій, котораго рѣшено было перевести въ Казань, а его долженъ былъ замѣнить въ Москвѣ Григоровичъ. Какъ извѣстно, Бодянскій отказался ѣхать въ Казань (ссылаясь хитроумно, но и канцелярски вѣрно, на то, что за свою командировку за границу онъ давалъ обязательство отслужить извѣстное число лѣтъ въ *московскомъ* учебномъ округѣ); Григоровичъ поѣхалъ въ Москву по предписанію начальства, но положеніе его тамъ было довольно непріятно; въ концѣ-концовъ дѣло уладилось тѣмъ, что Бодянскій опять получилъ свою каѳедру, а Григоровичъ вернулся на прежнее мѣсто, но уже къ слѣдующему академическому году, когда я не былъ больше въ Казани.

Въ то короткое время, когда я его слушалъ, онъ успѣлъ, однако, произвести на меня большое впечатлѣніе. Это было нѣчто совершенно новое, оригинальное и привлекательное. Онъ давалъ намъ, слушателямъ перваго курса, самое общее понятіе о славянствѣ, его племенахъ, и указывалъ прямо на опытахъ переводовъ образцы нарѣчій съ грамматическими объясненіями... Это былъ почти уже старый человѣкъ,—какъ стало мнѣ послѣ извѣстно, съ очень сложнымъ характеромъ, человѣкъ съ большимъ умомъ, съ обширными познаніями, но въ то же время съ большимъ запасомъ странной наивности и большой разсѣянности. Начиная говорить намъ о славянствѣ, онъ даже какъ будто предполагалъ, что мы уже достаточно знаемъ всѣхъ этихъ болгаръ, сербовъ, поляковъ, чеховъ, верхнихъ и нижнихъ лужичанъ, словаковъ, хорутанъ (какъ называлъ онъ словинцевъ). Мы окончили гимназическій курсъ, по болѣе позднему выраженію—имѣли «аттестатъ зрѣлости», но хотя мы и проходили курсы географіи и исторіи, эти свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, которыя профессоръ предполагалъ извѣстными, были, однако, намъ совершенно новы. Мнѣ вспоминается, что меня на первыхъ порахъ поражало въ лекціяхъ Григоровича, какимъ образомъ мы до сихъ поръ не имѣли понятія о столькихъ народахъ, намъ родственныхъ и, по словамъ профессора, столь примѣчательныхъ, и о которыхъ онъ говорилъ съ такими сочувствіями. Мы услыхали указаніе на невѣдомую намъ исторію, на совсѣмъ особенную географію, такъ какъ въ изложеніи являлись, между прочимъ, и славянскія географическія названія. Понятное дѣло, что мы также никогда не видали никакой книжки на славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ развѣ польскихъ: не знаю, сколько

славянскихъ книгъ могло быть тогда въ университетской библіотекѣ (думаю, что не много, если было что-нибудь), но помню, что намъ приходилось брать ихъ у того же Григоровича. Трудно было ждать, чтобы при этой скудости библіотечныхъ средствъ могло быть много охотниковъ изучать «славянскія нарѣчія», но охотники все-таки были, и, напримѣръ, мое любопытство и любознательность въ этомъ направленіи встрѣтились съ такой же любознательностью моего старшаго пріятеля П. А. Ровинскаго. Въ предшествовавшемъ году онъ уже слушалъ Григоровича: тогда и теперь онъ бралъ у него книги, и этимъ путемъ (частью, можетъ быть, и въ университетской библіотекѣ) я познакомился до извѣстной степени съ нѣкоторыми главнѣйшими произведеніями славянской литературы и учености, какъ сербскія пѣсни Караджича, «Slavy Dċera» Коллара, «Славянскія древности» Шафарика, «Institutiones» Добровскаго, «Glagolita Clozianus» Копитара, «Остромірово Евангеліе» Востокова и т. п.; съ этихъ поръ я зналъ и знаменитое «Путешествіе» Григоровича (изданное въ Казани, въ «Ученыхъ запискахъ университета») и могъ пріобрѣсти начатую имъ «Исторію славянской литературы», печатанную тамъ же. Но книги были такъ рѣдки, что приходилось дѣлать выписки, чтобы закрѣпить что-нибудь изъ прочитаннаго. Простодушіе профессора было таково, что ему казалось, что намъ, впервые видѣвшимъ такія книги, такъ же легко обращаться съ ними, какъ ему самому. Григоровичъ обыкновенно приходилъ на лекцію съ запасомъ книгъ; разсказывали (самъ я не видалъ), что когда въ карманахъ недоставало мѣста, онъ засовывалъ маленькія книжки даже въ сапоги и за лекціей ихъ оттуда вытаскивалъ. Кому изъ студентовъ

книги были нужны, надо было обращаться къ нему; случалось, что легкомысленные слависты теряли ихъ, и тогда, если въ книжкѣ оказывалась надобность, Григоровичъ выражался такъ, что эта книжка у него была, но ее утратилъ одинъ «молодой ученый». При этихъ условіяхъ заняться предметомъ было довольно трудно, и хотя предметъ меня занималъ, я могъ пріобрѣсти въ Казани очень немного; тѣмъ не менѣе, за мое университетское время Григоровичъ, хотя я слушалъ его только два-три мѣсяца, остался для меня однимъ изъ тѣхъ профессоровъ, кому я былъ особенно обязанъ. Оставила сильное нравственное впечатлѣніе самая личность профессора, съ его преданностью наукѣ, съ его энтузіазмомъ,—нѣкоторая наивность котораго, въ свою очередь, подкупала насъ,—съ его любящимъ (и, какъ мы знали уже, испытаннымъ) отношеніемъ къ родственнымъ племенамъ, ожидавшимъ своего народнаго развитія,—отношеніемъ, которое профессоръ, какъ бы нимало не сомнѣваясь, уже предполагалъ въ своихъ слушателяхъ. Какъ я скажу дальше, этотъ интересъ былъ впослѣдствіи поддержанъ Срезневскимъ, при гораздо болѣе благопріятныхъ библіотечныхъ условіяхъ. Этимъ двумъ ученымъ изъ числа первыхъ русскихъ славистовъ, начавшихъ непосредственное, живое и научное изученіе славянства, я на первое время обязанъ и своимъ интересомъ къ славянству, хотя и не хотѣлъ быть славистомъ; но и здѣсь, несмотря на то, что, какъ я сказалъ, было гораздо больше возможности для занятій, чувствовался, однако, въ самой русской литературѣ большой пробѣлъ въ общихъ, цѣльныхъ, руководящихъ книгахъ. Хорошо, если профессоръ обратитъ вниманіе на такое положеніе дѣла и дастъ пропедевтическій курсъ; но

обыкновенно этого не дѣлается, и «молодой ученый», приступая къ занятіямъ,—въ данномъ случаѣ по славянскимъ предметамъ, и точно такъ же въ исторіи русской литературы,—оказывается на первыхъ порахъ въ своемъ предметѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ вынужденъ самъ искать свою тропинку къ серьезнымъ вопросамъ науки. Таково было положеніе литературы, въ особенности въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, и по воспоминаніямъ моего перваго ученія у меня сложилось потомъ убѣжденіе въ необходимости подобныхъ общихъ курсовъ съ объяснительными введеніями и указаніемъ литературы предмета: такъ я хотѣлъ работать по исторіи славянскихъ литературъ, по исторіи этнографіи, по исторіи русской литературы...

Прежде, чѣмъ разстаться съ казанскимъ университетомъ, вспомню о студенческомъ бытѣ, насколько я его видалъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Казани я жилъ въ типической студенческой квартирѣ. Хозяйка, вѣроятно, мѣщанскаго сословія, снимала верхній этажъ дома и еще нѣсколько комнатокъ въ домѣ, недалеко отъ университета, и сдавала комнаты жильцамъ, исключительно студентамъ. Она же готовила имъ обѣдъ и ужинъ; чай, какъ дѣло вкуса и неопредѣленнаго количества, полагался свой. Комната бралась рѣдко на одного жильца, а обыкновенно—на двухъ и, помнится, на четырехъ. Цѣны были таковы. Я занималъ комнату вдвоемъ съ товарищемъ, и мы платили за нее пополамъ девять рублей, т.-е. на мою долю 4 р. 50 к., но это было по тогдашнему счету на ассигнаціи, такъ что моя доля платы за квартиру составляла около 1 р. 30 к. нынѣшнихъ. За столъ каждый платилъ

12 р. ассигнаціями, т.-е. около 3 р. 40 к. Столъ былъ простой и сытный, но особеннаго благоустройства, конечно, не было, что̀ и понятно при столь умѣренномъ бюджетѣ нашей хозяйки. Хозяйка была женщина почти старая и къ жильцамъ своимъ относилась добродушно, даже тогда, когда жильцы не выплачивали ей и ея скромной платы. Житье проходило обыкновенно довольно мирно, но отъ времени до времени студенчество желало повеселиться, и тогда, что называется, въ комнатѣ праздновавшихъ дымъ стоялъ коромысломъ: собирались товарищи, а кромѣ того приглашали и сосѣдей. Вообще, сколько припоминаю, пьянство между студентами было довольно распространено, иногда и весьма неумѣренное. Объяснялось это, кромѣ молодой живости, и недостаткомъ общественныхъ развлеченій: бывали прогулки на такъ называемомъ Черномъ озерѣ (довольно жестокомъ бульварѣ внутри города, или въ «Швейцаріи»,—роща на окраинѣ города). Театра не было, кромѣ случайно наѣзжавшей труппы. Такъ случилось во время моего пребыванія въ Казани, и здѣсь я въ первый разъ видѣлъ знаменитаго Мартынова, между прочимъ, въ роли «Скупого» Мольера. Затѣмъ, студенты слонялись по улицамъ и любили посѣщать свадьбы; а такъ какъ они имѣли репутацію людей мало надежныхъ, то иногда принимались мѣры къ тому, чтобы не впускать ихъ на вѣнчаніе. Въ мое время по такому поводу произошло настоящее боевое столкновеніе толпы студентовъ съ полиціей и жандармами; дѣло дошло до буквальнаго кровопролитія, о которомъ я узналъ по разсказамъ очевидцевъ. Конечно, въ исторію вмѣшалось университетское начальство; слишкомъ воинственные дѣятели были посажены въ карцеръ, и въ одно прекрасное

утро студентовъ собрали въ одну изъ залъ, а для увѣщанія ихъ къ добропорядочному поведенію явился ректоръ (это былъ извѣстный тогда путешественникъ и астрономъ Н. М. Симоновъ) и помощникъ попечителя—знаменитый Лобачевскій. До тѣхъ поръ я его не видалъ; между студентами ходила слава о его великой математической учености, молва о его умѣ, а также и о томъ, что нѣкогда, во времена своей молодости, онъ самъ былъ человѣкъ съ буйными приключеніями. Его ученая слава засвидѣтельствована недавнимъ юбилейнымъ воспоминаніемъ; а буйная репутація подтверждена въ исторіи казанскаго университета Н. И. Булича. Случай былъ весьма необычайный, и было бы достаточно поводовъ для начальственнаго окрика; но отъ Лобачевскаго студенты его не услыхали. Помню, онъ говорилъ очень спокойно, обращаясь просто къ здравому смыслу и чувству порядочности, безъ повышеній голоса и безъ угрозъ: чувствовалось, что говоритъ человѣкъ, заботливо относившійся къ молодежи, понимавшій ее, хотя и видѣвшій ея глупости; слова его внушали уваженіе къ говорившему и навѣрное произвели впечатлѣніе на самихъ буйствовавшихъ, какъ произвели на меня, не буйствовавшаго...

Подходили лѣтнія каникулы. Впередъ предполагалось, что на слѣдующій академическій годъ я перейду въ петербургскій университетъ. На лѣто я, конечно, отправлялся въ Саратовъ, и поѣхалъ я съ землякомъ, Н. С. Купріяновымъ, что было и дешевле и для меня удобнѣе, такъ какъ мой спутникъ былъ уже опытенъ въ путешествіяхъ. Изъ экономіи мы ѣхали не на почтовыхъ, а на такъ на-

зываемыхъ передаточныхъ: на мѣстѣ дѣлалось условіе съ ямщицкимъ хозяиномъ, который за положенную плату обязывался довезти насъ до извѣстнаго пункта: на станціяхъ ямщикъ передавалъ насъ другому, который обязывался везти насъ дальше и т. д. до уговореннаго пункта. Какъ я замѣтилъ, это выходило дешевле почтовыхъ, но имѣло свои неудобства въ томъ, что ямщики, въ надеждѣ «объегорить» неопытнаго путника, несмотря на очевидно сдѣланное раньше условіе съ первымъ хозяиномъ, начинали жаловаться, что плата слишкомъ дешева, что за такую цѣну никто нынче не ѣздитъ,—словомъ, производили обыкновенныя традиціонныя кляузы; это было скучно, а однажды было и небезопасно. Мы ѣхали кратчайшимъ путемъ изъ Казани на Буинскъ (въ Симбирской губерніи), такъ какъ моему спутнику надо было ѣхать на Сердобскъ, Саратовской губерніи, а мнѣ на Аткарскъ, гдѣ жила тогда наша семья. Эта мѣстность была порядочно глухая и на значительномъ пространствѣ отъ Казани къ Буинску заселенная татарами; въ упомянутыхъ ямщицкихъ кляузахъ татары не уступали россіянамъ; мы съ своей стороны тратить лишнихъ денегъ противъ сдѣланнаго условія не могли, такъ какъ рисковали очутиться на мели. Въ одномъ татарскомъ селѣ притязанія были особенно назойливы, и споръ, поднятый татарами съ восточнымъ темпераментомъ, привлекъ многочисленную татарскую публику, которой нечего было дѣлать и которая, конечно, приняласъ поддерживать единоплеменниковъ; дошло, наконецъ, до того, что явился вопросъ, «кто мы такіе», хотя при насъ была вся студенческая арматура. Я было смутился этой дикой и глупой толпы; но мой спутникъ, болѣе опытный, укротилъ толпу очень рѣшительно, указавъ «казенную бумагу»

съ орломъ на закопченной печати отпуска, подписаннаго инспекторомъ. Стоялъ жаркій іюнь; солнце, вѣтеръ и пыль одолѣвали; на одной станціи я, несмотря на предостереженія своего опытнаго спутника, не утерпѣлъ и умылся; въ результатѣ лицо оказалось точно обоженнымъ; новое солнце, вѣтеръ и пыль еще прибавили свое дѣло, и, добравшись наконецъ до дому, я своимъ видомъ нѣсколько встревожилъ родителей, которые, впрочемъ, тотчасъ увидѣли, что я, вѣроятно, на дорогѣ умывался, и приняли мѣры, чтобы излѣчить результаты моего перваго самостоятельнаго путешествія.

Въ это же лѣто (1850) пріѣхалъ въ Саратовъ Н. Г., кончившій тогда курсъ въ университетѣ. Въ концѣ каникулъ мы должны были отправиться вмѣстѣ въ Петербургъ.

Лѣто я провелъ на лонѣ природы, частью въ уѣздномъ городѣ, похожемъ на большое село, съ небольшой колоніей чиновниковъ, частью въ нашей маленькой деревушкѣ, частью въ служебныхъ поѣздкахъ отца по уѣзду. «Народная жизнь», какъ я упоминалъ, была мнѣ знакома съ дѣтства; теперь я видѣлъ только ее. Между прочимъ, мой отецъ жилъ одно время по служебнымъ дѣламъ въ большомъ селѣ Баландѣ (она же «Баландинскій городокъ»), населенномъ почти сплошь малороссіянами. Малороссійскій говоръ, костюмъ, обычай сохранялись сполна, и здѣсь мнѣ въ первый разъ ярко и наглядно бросилась въ глаза физическая и нравственная разница двухъ вѣтвей русскаго племени: при обычномъ тогда крѣпостномъ отношеніи крестьянъ къ барамъ и чиновникамъ я не могъ не замѣтить у «хохловъ» особой, нѣсколько независимой манеры и какъ бы чувства своего достоинства; бросалось въ глаза присутствіе извѣстнаго чувства изящнаго: малорус-

скія хаты были болѣе опрятны; за окнами виднѣлись цвѣты; съ вѣнками на головахъ, въ расшитыхъ костюмахъ, въ праздникъ щеголяли молодыя хохлушки; виденъ былъ другой типъ, болѣе оживленный, характерный, нерѣдко красивый; свободный тонъ хохловъ, приходившихъ къ отцу, по сравненію казался какъ будто грубымъ; но я понималъ уже, что передо мной этнографическая разновидность.

Въ концѣ лѣта я съ Н. Г. выѣхалъ изъ Саратова. Мы должны были ѣхать въ Казань, чтобы справить тамъ мои документы по переходу въ петербургскій университетъ. Этого пути я не припоминаю; но помню, что, пробывъ нѣсколько дней въ Казани, мы отправились на пароходѣ въ Нижній. Это былъ разгаръ ярмарки. На пароходѣ была пестрая, разноплеменная публика, ѣхавшая въ Нижній, между прочимъ, какіе-то индѣйцы, державшіеся особнякомъ, сами готовившіе себѣ свою пищу. Въ Нижнемъ мы пробыли недолго, потому что надо было торопиться. Здѣсь помнится мнѣ одно знакомство съ жившимъ тогда въ Нижнемъ М. Л. Михайловымъ. Н. Г. зналъ его въ Петербургѣ по университету, гдѣ онъ былъ вольнослушателемъ. Это было мое первое литературное знакомство. Въ цѣломъ, литературная карьера Михайлова не удалась; другими словами, у него были задатки, по которымъ онъ могъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ. Это былъ талантливый и очень образованный человѣкъ; но ему мѣшала слишкомъ большая впечатлительность. Разговоры шли литературные, онъ былъ довольно хорошо знакомъ съ нѣмецкой литературой и былъ, вѣроятно, нашимъ лучшимъ переводчикомъ Гейне. Мы встрѣтились потомъ, какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ въ началѣ пятидесятыхъ го-

довъ, чтобы заняться исключительно литературой; у насъ оказался еще общій интересъ—къ старой литературѣ восемнадцатаго вѣка, о чемъ я скажу дальше. Онъ жилъ въ chambres garnies, въ Малой Морской, и, бывая у него, я слышалъ иногда игру уже тогда начинавшейся знаменитости—Рубинштейна, который жилъ въ тѣхъ же chambres garnies: Михайловъ былъ съ нимъ знакомъ и, если не ошибаюсь, составилъ либретто для его первой оперы.

Изъ Нижняго мы двинулись въ Москву. По древнему обычаю (отчасти способствовавшему и бережливости, потому что денегъ было мало), мы остановились дня на два у К—ва, стараго знакомаго семейства Чернышевскихъ; это было, сколько я помню, на Пречистенкѣ. Въ Москвѣ на этотъ разъ я, главнымъ образомъ, видѣлъ только Кремль. Остановка въ Москвѣ была необходима, между прочимъ, для того, чтобы обезпечить дальнѣйшее путешествіе. Средствомъ передвиженія мы могли взять почтовый дилижансъ. Движеніе, конечно, было сильное; надо было запасаться билетами заранѣе, при чемъ надо было прежде полученія билета и взноса денегъ предъявлять и паспорты. Къ назначенному часу въ большую залу собирались пассажиры съ своимъ багажомъ; на большомъ дворѣ почтамта выстраивалось нѣсколько дилижансовъ: багажъ складывался на верхи и происходило распредѣленіе пассажировъ. Дилижансы весьма внушительныхъ размѣровъ имѣли форму каретъ, ходящихъ попынѣ по Невскому проспекту, съ лѣсенкой позади экипажа; спереди была колясочка, гдѣ находились «наружныя мѣста»; одно было отдѣлено для кондуктора, два было предоставлено пассажирамъ. Такія мѣста мы и заняли; въ сущности это были лучшія мѣста.

безъ большого количества сосѣдей, на воздухѣ, а не въ закрытой коробкѣ,—правда, больше были открыты солнцу и пыли, но зато и съ открытымъ пейзажемъ: эти мѣста считались, однако, «вторыми» и были дешевле, между прочимъ, вѣроятно потому, что взбираться на нихъ было не весьма удобно—черезъ переднія колеса. Не помню, утромъ или вечеромъ, или днемъ, мы выѣхали съ почтамтскаго двора (сохранившаго и понынѣ свой прежній видъ). Путешествіе до Петербурга продолжалось двое сутокъ, съ остановками для перемѣны лошадей, для чая и обѣда. Дѣло было лѣтомъ, и путешествіе было для меня чрезвычайно интересно. Дорога шла не по необитаемымъ почти пустынямъ, какъ теперь по желѣзной дорогѣ, а по старымъ, населеннымъ пунктамъ московскаго шоссе. Это была вообще довольно оживленная картина деревень, селъ и городовъ: мы могли, напримѣръ, видѣть и Тверь, и Новгородъ. Затѣмъ время проходило въ разговорѣ и главное—въ разсказахъ Н. Г. о петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ только что кончилъ курсъ и куда я долженъ былъ вступать. Само собою разумѣется, что это было для меня чрезвычайно интересно: я имѣлъ впередъ характеристики профессоровъ, которыхъ мнѣ предстояло слушать, описаніе существующихъ университетскихъ обычаевъ и т. п. Н. Г. владѣлъ уже тогда большой начитанностью и, кромѣ того, огромною памятью. Изъ профессоровъ онъ особенно высоко ставилъ Срезневскаго, и подъ вліяніемъ его оживленныхъ тогда лекцій, которыхъ и я вскорѣ сталъ слушателемъ, у Н. Г. былъ значительный интересъ къ тому, что̀ называлось тогда «славянскими нарѣчіями». Мои собственныя свѣдѣнія въ славянщинѣ, по указанной выше причинѣ, были еще невелики и немного смутны, и я въ

дилижансѣ съ большимъ любопытствомъ слушалъ отрывки изъ Мицкевича, съ необходимыми объясненіями, или отрывки, опять наизусть, изъ Краледворской рукописи и «Любушина Суда», о которыхъ пока только слышалъ. Разсказы прерывались шутками и шалостями.

Въ Петербургѣ мы также пріѣхали въ почтамтъ. Я поселился въ нашей петербургской семьѣ. Н. Г. жилъ уже раньше вмѣстѣ съ П. Г. Терсинскимъ, за которымъ была моя сестра отъ перваго брака моей матери. Сестра по дѣвической фамиліи была Котляревская; изъ дома была привезена и прислуга воронежскаго происхожденія, мнѣ съ дѣтства знакомая, какъ вторая няня, оригинальная, добрая женщина, поражавшая меня теперь мастерствомъ своей русской рѣчи; нѣкогда она увлекала насъ своими особенными сказками; теперь я съ удовольствіемъ слушалъ ея живой, мѣткій языкъ, ко всякому случаю уснащенный всегда готовыми пословицами, поговорками и т. п. Моя сестра была очень болѣзненна, и на другой годъ она умерла. Это была любимая подруга дѣтства Н. Г.

Мнѣ удалось поступить въ университетъ, несмотря на «комплектъ». Говорили, что «комплектомъ» былъ втайнѣ недоволенъ самъ попечитель. Оказалось, что первый курсъ предшествовавшаго года, несмотря на комплектъ, былъ все-таки довольно многочисленный, но филологическій факультетъ былъ по обычаю немноголюденъ. На второмъ курсѣ, куда я вступилъ, насъ было, помнится, четверо, но одинъ изъ товарищей или отсталъ, или вышелъ изъ университета, и въ послѣднихъ курсахъ насъ было только трое: я—русскій, нѣмецъ М. и полякъ З. Жили мы дружно и, бывало, вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ. На мнѣ, какъ спеціально русскомъ, лежало въ особенности одно

большое дѣло — записываніе лекцій. Въ тѣ времена не было въ поминѣ готовыхъ литографированныхъ лекцій; нѣмецъ записывалъ немного педантически и потому туго, потому что записываніе требовало быстроты, а для поляка это было совсѣмъ трудно; у меня выработалась своего рода стенографія.

Мало-по-малу завязались товарищескія знакомства, прежде всего въ своемъ малочисленномъ факультетѣ. Старше меня курсомъ былъ К. А. Люгебиль, впослѣдствіи профессоръ петербургскаго университета, и Н. П. Лыжинъ; оба они знали своего старшаго товарища по факультету П. Г. Младше меня курсомъ былъ давнишній пріятель Д. Л. Мордовцевъ, такъ же, какъ я, поступившій въ петербургскій университетъ черезъ Казань, и В. П. Ламанскій. Еще моложе курсомъ былъ О. Ѳ. Миллеръ. Въ юридическомъ факультетѣ были А. Б. и Д. Б. Бэры, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

По научному преподаванію петербургскій факультетъ былъ, конечно, гораздо выше казанскаго. По классической филологіи нашими профессорами были въ греческомъ языкѣ И. Б. Штейнманъ, а съ третьяго курса—очень извѣстный Грефе; въ латинскомъ—Н. М. Благовѣщенскій. По славянскимъ нарѣчіямъ и древнему русскому языку—И. И. Срезневскій. По теоріи словесности—А. В. Никитенко, и лишь въ концѣ моего пребыванія въ университетѣ началъ свои чтенія, но не въ нашемъ курсѣ, М. П. Сухомлиновъ. По всеобщей исторіи читалъ пользовавшійся тогда большою славою у студентовъ М. С. Куторга, и опять къ самому концу нашего пребыванія въ университетѣ началъ лекціи М. М. Стасюлевичъ; Куторгу замѣнялъ иногда, не помню, по какимъ случаямъ, или читалъ особый

курсъ. М. П. Касторскій. Наконецъ, русскую исторію въ старшихъ курсахъ читалъ, сколько помнится, вмѣстѣ филологамъ и юристамъ, или «камералистамъ» (былъ такой факультетъ), Н. Ѳ. Устряловъ. Наши классическія занятія заключались, главнымъ образомъ, въ чтеніи писателей съ нѣкоторыми комментаріями. Грефе я слушалъ уже въ послѣдній годъ его жизни,—на-дняхъ *) помѣщено было въ газетахъ воспоминаніе о немъ по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти. Это былъ очень древній старикъ; выписанный нѣкогда изъ Германіи на профессуру, онъ былъ также академикомъ и пользовался большимъ уваженіемъ гр. Уварова, котораго онъ, какъ я уже сказалъ, училъ греческому языку. Грефе не былъ похожъ на большинство своихъ нѣмецкихъ коллегъ-филологовъ, которые обыкновенно не желали ничего знать, кромѣ классической древности. Онъ, во-первыхъ, интересовался сравнительнымъ языкознаніемъ, которое было тогда еще вновѣ, и изучалъ съ этой цѣлью славянскій и русскій языкъ; въ мемуарахъ академіи напечатаны были нѣкоторыя работы его въ этомъ направленіи. Его собственная древность не уменьшила его горячихъ интересовъ къ наукѣ, а также и къ преподаванію. Противъ всякаго желанія моего и моихъ двухъ товарищей, нѣмца и поляка, первая наша встрѣча со старымъ профессоромъ, котораго мы впередъ уважали, была очень враждебная. Мы начинали его слушать съ третьяго курса. Какъ послѣ оказалось, надо было (по бывшимъ примѣрамъ) принести на первую же лекцію Ѳукидида. Намъ не случилось этого знать, и мы пришли на лекцію въ предположеніи, что профессоръ самъ скажетъ, чѣмъ

*) Въ первыхъ числахъ декабря 1901 г.

мы будемъ заниматься. Когда Грефе вошелъ, первый вопросъ его былъ: «Гдѣ же ваши книги?»—Я сидѣлъ съ краю, и мнѣ надо было отвѣчать за товарищей: я сказалъ, что мы не знали, какую надо книгу...

Затѣмъ начался своеобразный разговоръ—по обычаю на латинскомъ языкѣ, гдѣ профессоръ обращался къ намъ, и мы (собственно я) отвѣчали профессору на «ты», потому что и греки, и римляне, какъ извѣстно, всегда говорили на «ты». Изъ устъ Грефе посыпались язвительныя латинскія замѣчанія о томъ, какихъ онъ встрѣтилъ студентовъ, которые не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, не освѣдомились, какую книгу надо принести на лекцію. Я не могъ успокоить его замѣчаніемъ, что, приходя въ первый разъ къ новому профессору, мы легко могли ожидать указаній отъ него самого. Суровый греко-римлянинъ не унимался и на изящномъ латинскомъ языкѣ сдѣлалъ предположеніе, что, можетъ быть, эта малая внимательность студентовъ соотвѣтствуетъ и малымъ ихъ познаніямъ, и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, который являлся какъ бы посредникомъ и представителемъ, сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ желалъ бы познакомиться съ нашими познаніями. Опять съ латинской язвительностью онъ спросилъ, что, быть можетъ, я знаю латинскія и греческія склоненія? Я отвѣчалъ, что, сколько мнѣ кажется, знаю. Далѣе—что я, можетъ быть, знаю также русскія склоненія, и на мой вполнѣ утвердительный отвѣтъ спросилъ, что, быть можетъ, у меня есть какое-нибудь представленіе о соотвѣтствіи этихъ формъ склоненія славянорусскаго съ греческимъ и латинскимъ? Я отвѣтилъ, что покамѣстъ этому меня никто не училъ, но что мнѣ случалось объ этомъ читать, и я это знаю. Римлянинъ смяг-

чился, потому что въ моемъ отвѣтѣ почувствовалъ несправедливость своихъ римскихъ сарказмовъ. Когда на его вопросъ я привелъ ему нѣсколько примѣровъ сравненія, которые были совсѣмъ правильны, онъ уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ присоединялъ свои дополнительныя объясненія. Но пока все еще не успокоился: «Да, склоненія ты знаешь, но, можетъ быть, на этомъ и кончаются твои познанія?» Мнѣ оставалось сказать въ томъ тонѣ, какъ говорили римляне и какъ говоритъ русскій народъ (все время на «ты»):— а «ты спроси». И онъ дѣйствительно спросилъ о прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ въ сравненіи славянскаго языка съ греческимъ и латинскимъ. Къ звонку, означавшему конецъ лекціи, наша бесѣда, все болѣе смягчавшаяся, дошла до глаголовъ, и миръ былъ, кажется, заключенъ...

На слѣдующій разъ Оукидидъ былъ принесенъ; мы переводили его на латинскій языкъ, а Грефе сопровождалъ текстъ историческими и филологическими объясненіями, приходя въ восторгъ отъ греческаго языка и отъ греческой жизни... На слѣдующій годъ онъ умеръ, и нашимъ профессоромъ сталъ опять Штейнманъ, котораго мы слушали на второмъ курсѣ. Это было время министерства кн. Ширинскаго-Шихматова. Въ старомъ уваровскомъ классицизмѣ произошелъ большой переломъ, очень характерный для цѣлой исторіи нашего школьнаго классицизма. Собственно говоря, роль классицизма въ нашемъ народномъ просвѣщеніи была всегда очень странная, иногда жалкая, въ послѣднее время отталкивающая.

Уваровскій классицизмъ имѣлъ источникомъ старое представленіе о великомъ значеніи классической литературы и искусства для новѣйшаго просвѣщенія, идущее отъ временъ «возрожденія». Какъ извѣстно, это представленіе

было усилено господствомъ литературнаго псевдо-классицизма XVII и XVIII вѣка, а затѣмъ обновлено съ конца XVIII вѣка новымъ развитіемъ художественнаго и литературнаго пониманія древности, со временъ Лессинга, Винкельмана, Шиллера и Гёте и т. д., которые противополагали ложному классицизму подлинную классическую древность, истолковывали истинное, высокое значеніе античнаго искусства и почерпали въ преданіяхъ классическаго міра новыя возбужденія къ философскому, свободному изслѣдованію и эстетическому развитію. Этотъ новѣйшій классицизмъ сталъ дѣйствительно большою литературной и художественной силой. Уваровъ былъ поклонникомъ Гёте и приверженцемъ этого новаго классицизма (нерѣдко сливавшагося съ романтическими теченіями того времени) и думалъ освѣжить нашу среднюю и высшую школу новыми образовательными элементами. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать результаты уваровской системы: во всякомъ случаѣ никогда эта система не возбуждала ни въ самой школѣ, ни въ обществѣ такого тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія, какое сопровождало классическую гимназію, устроенную подъ внушеніями Каткова, графами Толстымъ и Деляновымъ... Но въ тѣ времена классицизмъ вообще имѣлъ другихъ противниковъ. Это бывали люди, для которыхъ образовательное значеніе новаго европейскаго классицизма было совершенно непонятно; не видя въ немъ никакой пользы, они, напротивъ, считали его даже просто вреднымъ и находили къ тому исторические резоны. Древній міръ, особенно греческій, былъ наполненъ республиканскимъ духомъ, другіе находили еще, что онъ наполненъ и языческой миѳологіей; увлеченіе классицизмомъ и въ новѣйшее время порождало республикан-

скій духъ, какъ было, напримѣръ, во время французской революціи; наша исторія и народный характеръ совершенно чужды молъ этимъ идеямъ и нѣтъ надобности искусственно внушать молодымъ учащимся поколѣніямъ эти превратныя и чуждыя нашей жизни идеи. Но древніе языки, особенно греческій, могутъ представлять для насъ важность и интересъ—только съ другой стороны: мы получили христіанство изъ Византіи; на греческомъ языкѣ написаны сочиненія великихъ отцовъ церкви, въ которыхъ и наша церковь находитъ великое поученіе: нашему просвѣщенію нуженъ греческій языкъ не Гомера, Ѳукидида и Софокла, а языкъ Евангелія и отцовъ церкви. Эта послѣдняя идея была приведена въ исполненіе, когда по смерти гр. Уварова замѣнилъ его въ министерствѣ просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ... Въ свое время мы конечно, не имѣли о немъ понятія, мы его совсѣмъ и не видали; впослѣдствіи въ литературѣ явилось нѣсколько свѣдѣній, которыя достаточно характеризовали его, какъ министра. Каковы бы ни были недостатки въ дѣйствіяхъ самого гр. Уварова, особенно за послѣдніе годы, новое министерство было несомнѣннымъ упадкомъ. Оно вполнѣ совпадало съ тѣмъ настроеніемъ, какое господствовало въ эти годы въ административныхъ кругахъ. А именно, здѣсь господствовало странное представленіе, которое кажется теперь совершенно фантастическимъ, — будто бы Россіи могла грозить какая-нибудь опасность отъ революціонныхъ волненій 1848—49 годовъ въ западной Европѣ: сокращенъ былъ доступъ въ университеты упомянутымъ «комплектомъ»; университетское преподаваніе подвергнуто особому надзору ректора; въ то же время предприняты были строгія мѣры по цензурному надзору надъ литературой,

закончившіяся учрежденіемъ знаменитаго «негласнаго» комитета. Въ это время подвергся гоненію и весьма невинный университетскій классицизмъ. Въ одно прекрасное утро на нашемъ четвертомъ курсѣ нашъ профессоръ греческаго языка,—по смерти Грефе, это былъ опять Штейнманъ,—съ нѣкоторой неловкостью объяснилъ намъ, что вмѣсто древнихъ классиковъ считается болѣе полезнымъ для насъ чтеніе греческихъ отцовъ церкви и что мы будемъ читать Іоанна Златоуста. Учебныхъ книгъ Златоуста, конечно, не было, и профессоръ добылъ для насъ, не помню, какое изданіе нѣкоторыхъ «словъ» прямо съ подстрочнымъ переводомъ... Такимъ образомъ, республиканскія идеи и языческая миѳологія были уничтожены въ преподаваніи греческаго языка; но, сколько помню, они не потерпѣли никакого ущерба въ преподаваніи римской литературы... Въ это же время истреблено было преподаваніе философіи, какъ лжемудрованія, и замѣнено преподаваніемъ педагогики (въ другихъ университетахъ было, кажется, поручено священникамъ преподаваніе логики, конечно, той, какой они сами учились). Надзоръ за преподаваніемъ выражался тѣмъ, что иногда являлся на лекціи П. А. Плетневъ, тогдашній ректоръ, а иногда самъ попечитель, Мусинъ-Пушкинъ; послѣдній приходилъ особенно на лекціи М. С. Куторги, который, повидимому, считался либераломъ или, по крайней мѣрѣ, преподавалъ опасный предметъ. Мусинъ-Пушкинъ просиживалъ лекціи въ креслѣ подлѣ каѳедры, иногда вставалъ и, опершись сбоку на каѳедру, смотрѣлъ въ упоръ на профессора, котораго это, конечно, не могло не раздражать.

Подъ такими впечатлѣніями мы оканчивали курсъ. Легко себѣ представить, что всѣ эти мѣры подозритель-

ности, надзора и т. д. не производили на насомыхъ никакого дѣйствія. Онѣ привлекали только особенное вниманіе къ тѣмъ мотивамъ, какіе вызывали эти мѣры, и, напримѣръ, если кто прежде нисколько не интересовался событіями, происходившими въ Европѣ, теперь уже болѣе или менѣе ими интересовался.

Это время уже отходитъ въ исторію. Видя въ немъ давно прошедшее, мы въ сущности въ первый разъ можемъ смотрѣть на него тѣми спокойными глазами, какими смотритъ исторія. Нѣсколько разъ была разсказана исторія «Петрашевцевъ», разсказана исторія ссылки Салтыкова; мы читаемъ подробную исторію цензуры тогдашнихъ временъ (въ книгѣ г. Скабичевскаго; затѣмъ идетъ рядъ статей Н. А. Энгельгардта въ послѣдніе мѣсяцы 1901 г.); читаемъ много другихъ разсказовъ о положеніи и настроеніи общества въ эти годы,—и намъ бросается въ глаза та масса недоразумѣній, какая тяготѣла надъ обществомъ и безплодно его угнетала. Мысль, что на Россію могутъ распространиться западныя революціонныя волненія,—мысль, постоянно внушавшая всѣ реакціонныя мѣропріятія того времени, была, очевидно, фантастическая,—и вслѣдствіе этого принимались мѣры противъ русской науки, находившейся, конечно, въ младенческомъ состояніи, противъ русской литературы, передъ которой стояли еще задачи элементарнаго нравственнаго воспитанія общества и которая ни при какомъ увеличительномъ стеклѣ не могла заключать въ себѣ политической опасности: чтобы увидѣть опасность, приходилось гоняться за фразами, перетолковывать ихъ въ злокачественномъ смыслѣ, котораго онѣ въ сущности не имѣли: въ дѣлѣ Петрашевскаго точно такъ же былъ до послѣдней степени раздутъ чисто книж-

ный интересъ кружка молодыхъ людей къ вопросамъ политической экономіи: столь будто бы страшный «соціализмъ», «сенъ-симонизмъ», «фурьеризмъ» былъ, очевидно, темой для игры фантазіи,—смѣшно думать, чтобы эти ужасныя вещи могли получать у насъ какое-нибудь практическое осуществленіе; Салтыковъ, двадцатидвухлѣтній юноша, знавшій объ этихъ кружкахъ и этихъ фантазіяхъ, наканунѣ «дѣла» Петрашевскаго подшучивалъ надъ ними, никакъ не подозрѣвая, что̀ изъ этого выйдетъ съ официальной точки зрѣнія, и никакъ не подозрѣвая, что самъ онъ попадетъ въ ссылку за «Запутанное дѣло». Но эта литература, которая подвергалась недоброжелательнымъ перетолковываніямъ и преслѣдованіямъ, была, однако, въ самой серьезной дѣйствительности драгоцѣннымъ созданіемъ и достояніемъ русскаго общества, которое—и въ молодыхъ поколѣніяхъ всего больше—дорожило ею, дорожило справедливо, чувствуя въ ней результатъ и движущую силу своихъ лучшихъ идеальныхъ стремленій, направленныхъ на развитіе національной жизни. Преслѣдованіе литературы есть почти всегда преслѣдованіе этихъ идеальныхъ стремленій и всегда вызываетъ только тяжелое чувство несправедливости и насилія. Это чувство должно бывало быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ бывало упрямѣе преслѣдованіе, а до чего доходило послѣднее, объ этомъ достаточно разсказываютъ упомянутыя исторіи цензуры...

8-го октября 1902 г.—Я оканчивалъ курсъ въ 1853 году. Академическій годъ завершался, не помню, въ маѣ или въ іюнѣ. По старому, намъ кажется, хорошему обычаю при окончаніи курса требовалась «кандидатская диссерта-

ція»—для тѣхъ, кто желалъ и ожидалъ кончить курсъ кандидатомъ, а не дѣйствительнымъ студентомъ: кандидатскую диссертацію могло замѣнять сочиненіе на заданную факультетскую тему, которое въ благопріятномъ случаѣ доставляло золотую или серебряную медаль. Тема, конечно, давалась очень заранѣе, чтобы было достаточно времени для работы. Темы давались поочередно по разнымъ факультетскимъ предметамъ, и для нашего факультетскаго курса пришла очередь русской словесности: Никитенко далъ тему по исторіи русской комедіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Тема показалась мнѣ интересной, и я взялся за нее: диссертація была нужна, а тема совпадала отчасти съ моими собственными интересами.

Надо сказать, что, собственно говоря, преподаваніе самого Никитенки не давало для историко-литературной работы никакого руководства. Собственно исторія литературы на нашихъ курсахъ не читалась, потому что Никитенко читалъ нѣчто вродѣ эстетики; настоящіе историко-литературные курсы читалъ впервые только Сухомлиновъ, получившій каоедру къ концу моего пребыванія въ университетѣ, и я слушателемъ его не былъ; притомъ древней русской литературѣ Никитенко былъ совершенно чуждъ, какъ, напримѣръ, въ то время и позднѣе былъ ей совершенно чуждъ историкъ русской литературы Галаховъ. Чтобы составить себѣ связное представленіе о цѣломъ ходѣ литературной исторіи, надо было вообще работать самому: старая литература тогда только начинала разрабатываться въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ; начатая книга Шевырева удовлетворяла мало, потому что, дѣйствительно, была не столько исторіей, сколько нравоучительнымъ панегирикомъ русской старины во вкусѣ Карамзина. Пріемы

историческаго изслѣдованія всего меньше давала намъ каоедра русской словесности, и гораздо больше можно было научаться имъ у профессора исторіи (у М. С. Куторги было нѣчто вродѣ историческаго семинаріума, къ сожалѣнію, слишкомъ отрывочнаго и кратковременнаго, гдѣ можно было научаться обращенію съ историческими текстами), у профессора славянскихъ нарѣчій и исторіи русскаго языка (гдѣ опять бывала рѣчь о важности первоисточниковъ и правильномъ пониманіи текстовъ), наконецъ, у профессоровъ классической филологіи (при чтеніи классиковъ, ученыя изданія, которыя были у насъ въ рукахъ, были обыкновенно сполна заняты комментаріями, поучительными въ этомъ отношеніи). Критика текстовъ, конечно, мало требовалась, когда шла рѣчь о русской литературѣ новѣйшей, и здѣсь вниманіе направлялось на историческое изслѣдованіе самой сущности содержанія и формы: нужно было опредѣлять условія, въ которыхъ происходило развитіе историческаго явленія (какимъ въ данномъ случаѣ была русская комедія), разыскивать его начатки, дальнѣйшее возрастаніе и осложненіе, усовершенствованіе формы, наличныя литературныя средства, вліяніе чужихъ образцовъ, а въ содержаніи въ особенности связь литературнаго явленія съ современной жизнью, съ состояніемъ образованія и нравовъ. По данной темѣ относительно матеріала я къ четвертому курсу былъ вооруженъ довольно хорошо. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ съ Н. Г., онъ былъ подписчикомъ богатой библіотеки для чтенія, и послѣ его отъѣзда изъ Петербурга я продолжалъ пользоваться этой библіотекой. Это была знаменитая библіотека Смирдина, находившаяся тогда во владѣніи Крашенинникова, перешедшая впослѣдствіи въ другія руки

и, наконецъ, разрушенная: весь старый отдѣлъ ея былъ проданъ, какъ хламъ, когда въ дѣйствительности это было рѣдкое собраніе, которое могло тогда соперничать съ русскимъ отдѣломъ Публичной библіотеки. Библіотека Смирдина (потомъ Крашенинникова) имѣла обстоятельный каталогъ, извѣстную библіографамъ «Роспись», дополненную впослѣдствіи каталогами Крашенинникова. Такимъ образомъ, пользованіе библіотекой было весьма удобно. Когда въ моемъ распоряженіи было такое обширное собраніе, какого до тѣхъ поръ я не видывалъ, я ревностно принялся перечитывать старую литературу: меня интересовалъ малоизвѣстный XVIII вѣкъ и затѣмъ новѣйшіе журналы— т.-е. первой половины XIX вѣка. Въ этомъ чтеніи было, дѣйствительно, чрезвычайно много интереснаго. Старая литература поражала своей архаической оригинальностью, въ которой нѣсколько привычному взгляду видны были историческія черты времени, зачатки дальнѣйшихъ литературныхъ развитій, наконецъ, немало фактовъ характерной анекдотической исторіи. Въ журналахъ новѣйшихъ, сопровождавшихъ основныя явленія новѣйшей литературы, было нерѣдко чрезвычайно любопытно наблюдать детали этого развитія, смѣну манеръ и направленій, постепенное возрастаніе серьезныхъ литературныхъ интересовъ, все болѣе глубокое пониманіе значенія литературы... Обыкновенно я пересматривалъ цѣлыя изданія сплошь, съ начала и до конца. Какъ извѣстно, подобныя занятія очень изощряютъ библіографическую память: многія впечатлѣнія тогдашняго чтенія цѣлы у меня до сихъ поръ, и впослѣдствіи они помогали мнѣ немало въ моихъ работахъ... Когда я принялся за диссертацію, у меня естественно сложился планъ, который я могъ исполнить уже съ го-

товымъ запасомъ начитанности въ старой литературѣ: было собрано немало подробностей, и въ извѣстной мѣрѣ выяснилось послѣдовательное развитіе русской комедіи начала XIX вѣка, по содержанію и формѣ. Одновременно со мною, какъ было слышно между товарищами, взялся за эту тему Орестъ Миллеръ, хотя былъ моложе по курсу,—ему особенно протежировалъ Никитенко. Когда къ положенному сроку должны были быть представлены диссертаціи, ихъ оказалось двѣ. Никитенко присудилъ мнѣ золотую медаль, но находилъ также большія достоинства въ сочиненіи Ореста Миллера, и ему была дана вторая золотая медаль.

Мои научные интересы складывались въ разныхъ направленіяхъ, впрочемъ тѣсно одно съ другимъ связанныхъ. Это были русская литература—древняя и новая—и такъ называемыя «славянскія нарѣчія», т.-е. славянская литература, на первый разъ древняя, церковно-славянская, по связи ея съ начатками русской письменности. Въ то время, въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ, не трудно было перечитать все, что̀ было писано объ этомъ на русскомъ языкѣ: имена Востокова, Калайдовича, Строева, Бодянскаго, Григоровича, не говоря о трудахъ нашего профессора Срезневскаго, далѣе Буслаева, Новикова и еще немногихъ другихъ были хорошо извѣстны въ нашемъ небольшомъ кружкѣ, дѣлившемъ болѣе или менѣе эти славянскіе интересы. Этотъ кружокъ былъ—В. И. Ламанскій, Д. Л. Мордовцевъ. Книги западно-славянскія были извѣстны меньше, потому что самыя книги были рѣдки; но мы, еще бывши студентами, хорошо знали имена Добровскаго, Шафарика, Коллара, Ганки, Палацкаго, Челяковскаго, Вука Караджича, Мацѣёвскаго; иногда прямо по разсказамъ

Срезневскаго, который въ своихъ путешествіяхъ близко зналъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго славянскаго возрожденія. Были, конечно, хорошо знакомы различныя славянскія отраженія въ нашемъ славянофильствѣ. Ламанскій былъ его горячимъ приверженцемъ; но я всегда бывалъ къ нему довольно равнодушенъ, между прочимъ, давно начитавшись въ старыхъ «Отечественныхъ Записках» и въ «Москвитянинѣ» (если не говорить о «Маякѣ») той оживленной полемики, какую вели славянофилы (Хомяковъ, К. Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ и пр.) и западники (Бѣлинскій, Герценъ, Кавелинъ и вскорѣ потомъ авторъ «Очерковъ Гоголевскаго періода»). Въ то же время Мордовцевъ былъ у насъ проводникомъ малорусской литературы и того, что̀, пожалуй, можно было бы назвать начатками украинофильства. Мы въ то время (я по крайней мѣрѣ) ничего противъ него не имѣли и даже относились къ нему съ симпатіей, и хотя еще недавно Бѣлинскій рѣзко высказывался противъ малорусской литературы (ея сюжеты казались ему слишкомъ мелкими и, на его взглядъ, неизмѣримо выше всякаго провинціализма стояли общіе интересы, съ одной стороны, искусства, съ другой—общественности), но у насъ была воспринята другая точка зрѣнія, именно точка зрѣнія славянскаго возрожденія. Если возрожденіе западнаго и южнаго славянства было возможно только потому, что лучъ сознанія началъ проникать въ народныя массы; если новыя славянскія литературы возможны были только на народномъ языкѣ и развитіе этого языка составляло для всѣхъ славянскихъ патріотовъ первую цѣль; если малѣйшіе оттѣнки славянскаго племени усиливались основать свою литературу,—напримѣръ, даже какіе-нибудь лужичане, а

рядомъ съ чехами словаки; если въ сосѣдней Галиціи тѣ же малоруссы начинали свою литературу,—то все это вмѣстѣ, и нравственное право народа на свой языкъ, и фактическій примѣръ, было достаточнымъ доказательствомъ права нашей малорусской литературы на существованіе, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ малорусская литература еще съ конца восемнадцатаго вѣка, начиная отъ Котляревскаго, продолжая Гулакомъ-Артемовскимъ и другими новыми писателями, имѣла уже запасъ произведеній, которыя пользовались у своихъ читателей большою славой или извѣстностью, потому что говорили на родномъ языкѣ...

Нашъ небольшой дружескій студенческій кружокъ жилъ вообще очень дружно. Въ немъ одно время былъ извѣстный потомъ племянникъ Гоголя, Н. П. Трушковскій; онъ былъ студентомъ восточнаго факультета. Онъ занятъ былъ тогда изданіемъ Гоголя, но мы мало узнавали отъ него о Гоголѣ; по хохлацкому обычаю, онъ былъ въ этомъ отношеніи довольно замкнутъ, или по времени считалъ это нужнымъ. Впослѣдствіи онъ впалъ въ болѣзненную меланхолію...

Въ слѣдующемъ академическомъ году (1853 — 1854) когда я уже кончилъ курсъ, темою на медаль по каѳедрѣ Срезневскаго было изслѣдованіе о Русской Правдѣ; конкурентами были оба мои пріятеля, Ламанскій и Мордовцевъ и еще третій ихъ товарищъ. Оба работали усердно, и у меня еще цѣлъ рисунокъ, гдѣ Мордовцевъ (рисовальщикъ-любитель, не весьма искусный въ техникѣ, но не безъ комической жилки) изображалъ, довольно забавно, какъ каждый изъ трехъ аспирантовъ трудился надъ многоученымъ вопросомъ: между прочимъ, у Ламанскаго было такое обиліе замѣтокъ (на карточкахъ), что изъ нихъ со-

ставлялись цѣлые столбы и, чтобы достать какую-нибудь пачку (онѣ были съ надписями и на одной, особенно большой, была помѣта: «дикая вира»), ученый изслѣдователь долженъ былъ приставлять лѣстницу; въ распоряженіи ученаго былъ дворникъ, который носилъ пачки на спинѣ, какъ дрова. Другой ученый—вѣроятно по его собственному желанію, чтобы не развлекаться—былъ запертъ на замокъ въ какой-то будкѣ съ маленькимъ окошечкомъ...

Съ перваго времени пріѣзда въ Петербургъ, въ 1850 г., я сталъ знакомиться съ положеніемъ и интересами литературы и связанными съ ней интересами общественными. Послѣднимъ событіемъ, о которомъ все еще часто вспоминали, была такъ называемая исторія Петрашевскаго. Въ первый разъ я получилъ о ней смутное понятіе еще въ Казани, прочитавъ въ газетѣ объ осужденіи его и его товарищей. Затѣмъ мнѣ не случилось слышать объ этомъ никакихъ подробностей; въ Петербургѣ знали, конечно, очень много, и въ кругу товарищей случалось слыхать нерѣдко объ этомъ кружкѣ, изъ котораго многіе были извѣстны и разсказчикамъ. Какъ теперь выяснено, «дѣло Петрашевскаго» было въ свое время крайне раздуто вслѣдствіе соревнованія III отдѣленія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Никакого заговора, никакихъ опасныхъ для государства замысловъ не было; былъ обыкновенный кружокъ почти исключительно молодыхъ людей, которые собирались и толковали о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ нравственности и политики—продолженіе тѣхъ философскихъ кружковъ, какіе существовали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, преимущественно въ Москвѣ, и за скудостью университетской науки и серьезной литературы работали собственными силами для «самообразованія».

какъ теперь говорится. Разница была въ томъ, что если тогда высшимъ вопросомъ человѣческой мысли, идеальнымъ источникомъ всего личнаго и общественнаго бытія полагалась метафизическая философія, отъ которой и ждали рѣшенія всѣхъ недоумѣній, то теперь кредитъ философіи былъ очень подорванъ: въ самомъ дѣлѣ, и въ Европѣ начинали охладѣвать къ метафизикѣ. Уже вскорѣ противъ нея предпринятъ былъ настоящій походъ, и отъ метафизики господство надъ умами перешло къ позитивизму и естествознанію; а въ умахъ нашихъ молодыхъ поколѣній этому послѣднему предшествовало увлеченіе соціальными науками, которыя также, какъ предполагалось, должны были дать реальное объясненіе развитія человѣческаго общества. На первый разъ эти науки явились прямо въ формѣ соціализма. Это было довольно естественно. Молодыя поколѣнія, съ возбужденнымъ нравственнымъ и общественнымъ идеализмомъ, ищутъ обыкновенно основной теоріи, которая объясняетъ все, «послѣдняго слова», и этимъ послѣднимъ словомъ былъ французскій соціализмъ—Пьеръ Леру, Луи Бланъ, но особенно Кабе, Фурье, Сенъ-Симонъ. Напомнимъ разсказъ Салтыкова о томъ, какъ въ 1848 году въ русскомъ обществѣ (конечно, всего больше молодомъ) горячо интересовались французскими событіями того времени. Какъ извѣстно, въ этихъ событіяхъ имѣлъ уже мѣсто и соціализмъ; Пьеромъ Леру интересовались еще въ кружкѣ Бѣлинскаго. Въ кружкѣ Петрашевскаго соціализмомъ увлекались гораздо раньше событій сорокъ восьмого года. Понятно, что это увлеченіе было чисто платоническое—смѣшно было бы говорить о намѣреніи водворить въ Россійской имперіи соціалистическій порядокъ вещей; но въ соціа-

лизмѣ увлекала перспектива раскрытія законовъ политическаго устройства, особливо устройства экономическаго, за которымъ должно было послѣдовать благополучіе народовъ. Понятно, что въ русскихъ отношеніяхъ сюда на первомъ планѣ должно было войти освобожденіе крестьянъ. Понятно также, что въ обширной программѣ соціализма могли находить себѣ мѣсто самые разнообразные вопросы русской жизни, давно волновавшіе русское общество: на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ, затѣмъ какая-либо степень политической свободы, свобода печатнаго слова и т. д. Вспоминались разныя отрицательныя стороны русской жизни, и относительно ихъ не было сомнѣній. Немудрено, что здѣсь съ великимъ сочувствіемъ было встрѣчено извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу «выбранныхъ мѣстъ»: его читали, переписывали для друзей,—и извѣстно, что пересылка этого письма была однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Достоевскаго.

Что вопросъ состоялъ именно такъ, какъ выше говорено, что въ обществѣ, гдѣ очень знали о кружкѣ Петрашевскаго, не придавали ему никакого особеннаго политическаго значенія, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ извѣстное «Запутанное дѣло» Салтыкова. Этотъ разсказъ, написанный раньше «исторіи», касается отчасти и людей кружка Петрашевскаго, какъ извѣстнаго типа, могущаго подлежать сатирическому изображенію: уже одна возможность такой точки зрѣнія показываетъ, что автору сатирическаго изображенія не приходило въ голову, что противъ лицъ, имъ нарисованныхъ, могло быть поднято обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Но и самъ авторъ «Запутаннаго дѣла» подвергся подобному политическому осужденію.

Дѣло получило громкую извѣстность между прочимъ и потому, что въ немъ замѣшаны были и литературныя имена. Въ числѣ главныхъ осужденныхъ былъ Достоевскій, который только передъ тѣмъ началъ свою литературную дѣятельность и «Бѣдные люди» котораго были, дѣйствительно, крупнымъ литературнымъ фактомъ; подвергся ссылкѣ Плещеевъ, который незадолго передъ тѣмъ обратилъ на себя вниманіе своими стихотвореніями.

Впечатлѣніе было тягостное; оно усиливалось разными новыми мѣропріятіями, направленными именно противъ науки и литературы, въ которыхъ, несмотря на ихъ скромные размѣры и на постоянный цензурный надзоръ, видѣлась причина превратныхъ мыслей. Цензура была усилена «негласнымъ комитетомъ» до невозможности; всѣ главныя вѣдомства получили право своей спеціальной цензуры, и около 1850 г. иная статья, гдѣ затрогивались разные предметы нашей внутренней жизни, должна была проходить цѣлый рядъ цензурныхъ мытарствъ.

Въ дѣйствительности ходъ развитія общественнаго мнѣнія относительно теоретическихъ вопросовъ и относительно существующаго порядка нашей внутренней жизни не былъ нисколько остановленъ.

Кругъ моихъ знакомствъ въ первое время моего студенчества былъ, конечно, невеликъ, но и въ этомъ небольшомъ кругу я уже могъ видѣть интересы и взгляды, которые бывали иногда очевиднымъ продолженіемъ того «либерализма», который только что былъ такъ жестоко покаранъ. Нѣкоторые изъ знакомыхъ даже лично знавали или имѣли точныя свѣдѣнія о «петрашевцахъ»: они прямо не соглашались съ фатальной характеристикой, какая дана была имъ официально: они находили ее прямо преувели-

ченной: думали только, что по обстоятельствамъ времени было слишкомъ неосторожно дѣлать большія сборища, куда легко могли проникать простые шпіоны съ ихъ обыкновенно черезъ мѣру развитой фантазіей или неразвитостью. То, что̀ читали въ кружкѣ Петрашевскаго, продолжали читать и теперь, конечно, только съ гораздо большею осторожностью. Я самъ имѣлъ въ рукахъ эти книги, но досконально ихъ не читалъ: вопросы экономическіе меня не интересовали; кромѣ того, напримѣръ, у Фурье была слишкомъ очевидна произвольная фантастика, которая не казалась мнѣ интересной. Около этого времени въ Петербургѣ, какъ мнѣ говорили, очень широко обращалась эта соціалистическая иностранная литература, конечно, строго запрещенная. Одинъ книгопродавецъ, Лури, велъ торговлю этой контрабандой даже очень неосторожно и, уличенный въ ней, былъ сосланъ изъ Петербурга. Но эта ссылка не остановила контрабанды. Я очень хорошо помню особаго рода букинистовъ-ходебщиковъ—типъ, съ тѣхъ поръ исчезнувшій (онъ становился ненуженъ). Эти букинисты, съ огромнымъ холщевымъ мѣшкомъ за плечами, ходили по квартирамъ извѣстныхъ имъ любителей подобной литературы (черезъ которыхъ находили и другихъ любителей) и, придя въ домъ, развязывали свой мѣшокъ и выкладывали свой товаръ: это бывали сплошь запрещенныя книги, всего больше французскія, а также нѣмецкія. Книги они продавали на довольно льготныхъ условіяхъ, напримѣръ, съ разсрочкой; когда книга была прочитана и владѣлецъ не желалъ удерживать ее, букинистъ покупалъ ее обратно, конечно, по пониженной цѣнѣ,—другими словами, букинистъ за извѣстную плату давалъ книгу на прочтеніе. Сдѣлка совершалась на взаим-

номъ довѣріи.—и довѣріе было большое. Одинъ такой букинистъ прихаживалъ и къ намъ: книги были иностранныя, но букинистъ въ нихъ разбирался и съ особымъ акцентомъ, конечно очень забавнымъ, называлъ имена авторовъ и французскія или нѣмецкія названія книгъ. Кажется, независимо отъ этихъ негоціантовъ, Н. Г. *) могъ тогда пріобрѣсти главныя сочиненія Фейербаха, какъ помню, въ свѣжихъ, неразрѣзанныхъ экземплярахъ. Тогда я въ первый разъ познакомился съ его сочиненіями: эта сильная и рѣшительная логика казалась мнѣ гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ фантастика французскихъ соціалистовъ.

Н. Г. прожилъ тогда въ Петербургѣ не долго. Выше я, кажется, упоминалъ, что (помнится, въ 1851 г.) онъ уѣхалъ въ Саратовъ, взявши тамъ мѣсто учителя гимназіи, чтобы пожить вмѣстѣ со своими родными. Черезъ него я успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ его прежнихъ знакомыхъ. Однимъ изъ нихъ былъ довольно извѣстный впослѣдствіи М. Л. Михайловъ. Когда я, въ 1850 г., ѣхалъ съ Н. Г. вмѣстѣ въ Петербургъ, нашъ путь лежалъ черезъ Нижній. Мы остановились здѣсь на нѣсколько времени, чтобы посмотрѣть городъ, и между прочимъ, Н. Г. хотѣлъ разыскать Михайлова. Они были знакомы раньше въ Петербургѣ: во время студенчества Н. Г. Михайловъ былъ въ университетѣ вольнослушателемъ по тому же факультету. Они сошлись, потому что Н. Г. встрѣ-

*) Рѣчь идетъ о Чернышевскомъ. Невольно вспоминается, какъ на вопросъ, почему, при печатаніи воспоминаній о Некрасовѣ, отецъ не называетъ Н. Г. полнымъ именемъ, онъ отвѣчалъ: „Пользоваться полицейскимъ разрѣшеніемъ теперь—мнѣ противно... Поздно... Кто подумаетъ, тѣ поймутъ меня, а не поймутъ—и Богъ съ ними...“—*В. Л.*

тилъ въ Михайловѣ образованнаго молодого человѣка, съ которымъ у нихъ нашлись общіе литературные интересы. Михайловъ былъ очень живой, начитанный, остроумный человѣкъ и съ несомнѣннымъ, хотя и неглубокимъ дарованіемъ; изъ него вышелъ потомъ едва ли не лучшій переводчикъ Гейне. Въ то время среди молодежи немного было людей, знакомыхъ съ иностранной литературой; Михайловъ ею интересовался и много читалъ; Н. Г. тоже очень много читалъ, и хотя его больше интересовала современная политическая исторія, у нихъ находилось немало точекъ соприкосновенія, напримѣръ, на Гейне, Берне и т. д. Михайловъ не дослушалъ университетскаго курса и, кажется, по разстройству его денежныхъ дѣлъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга. Сколько помню, онъ отправился въ Нижній, гдѣ былъ начальникомъ удѣльной конторы В. И. Даль, съ которымъ онъ, кажется, былъ въ родствѣ; тамъ онъ имѣлъ нѣчто въ родѣ службы и жилъ, кажется, у Даля. Мы вмѣстѣ съ Н. Г. отправились его искать и нашли. Это былъ молодой человѣкъ небольшого роста, замѣчательно некрасивый, но производившій пріятное впечатлѣніе живостью разговора и литературными интересами. Когда затѣмъ Михайловъ пріѣхалъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургъ (Н. Г. уже уѣхалъ въ Саратовъ), мы встрѣтились съ нимъ какъ старые знакомые: между прочимъ, у меня съ нимъ оказались общіе интересы, мною прежде неожиданные.

Сколько помню, это пришлось въ то время, когда я былъ на послѣднемъ курсѣ въ университетѣ, и мое изученіе русской литературы при помощи библіотеки Смирдина нашло примѣненіе въ моей работѣ съ диссертаціей. Извѣстно, что библіотечныя занятія очень развиваютъ

библіографическую память, и я въ это время владѣлъ уже значительнымъ запасомъ свѣдѣній по старой и новой русской литературѣ. Оказалось, что этому не былъ чуждъ и Михайловъ. Не могу теперь припомнить, что̀ его навело на эти интересы, но замѣчу, что именно въ это время разысканія въ старой литературѣ занимали цѣлую группу молодыхъ людей (отчасти будущихъ ученыхъ) въ Петербургѣ и Москвѣ. Нѣсколько позднѣе, къ концу пятидесятыхъ годовъ, надъ этой, такъ называемой, библіографіей немало подшучивали,—напримѣръ, Добролюбовъ, который одно стихотвореніе въ «Свисткѣ» снабдилъ цѣлой массой подобныхъ библіографическихъ примѣчаній, остроумно-шутовскихъ; а въ послѣднее время г. Венгеровъ, самъ весьма прикосновенный къ этому дѣлу, также отзывался о «библіографахъ» пятидесятыхъ годовъ нѣсколько свысока. Въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ просто и заключалось не въ одной случайной охотѣ къ литературному антикварству, къ отысканію книжныхъ курьёзовъ, раскрытію старинныхъ псевдонимовъ и т. п. Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди съ большой любознательностью къ литературной исторіи, и ихъ работы въ этомъ новомъ направленіи были вовсе не случайны и не произвольны. Надо вспомнить, во-первыхъ, что это время, конецъ сороковыхъ и первые пятидесятые годы, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ, какіе переживала русская литература. Выше я упомянулъ, что цензурный гнетъ, усиленный тогда «негласнымъ комитетомъ», особой цензурной инквизиціей, небезопасной и для писателей, и для самихъ цензоровъ, доходилъ иногда до послѣднихъ предѣловъ; невольно приходилось направлять работу на детальныя изслѣдованія, которыя не рисковали

бы цензурнымъ истребленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эти детальныя разысканія открывали немало интереснаго и исторически важнаго, а именно: прежняя художественно-историческая критика выдѣлила изъ старой литературы восемнадцатаго вѣка и начала девятнадцатаго то немногое, что̀ съ ея точки зрѣнія представляло художественный прогрессъ, подготовившій впервые настоящую русскую литературу,—основателемъ ея былъ Пушкинъ. Но старые писатели, сплошь и рядомъ даже не чувствовавшіе эстетическихъ требованій, внѣ чистой художественности представляли другой интересъ: въ ихъ писаніяхъ проходитъ наглядным образомъ постепенное воспитаніе общества восемнадцатаго вѣка къ воспринятію интересовъ науки, литературы, общественности; изученіе тогдашней литературы могло дать очень скудную жатву въ художественномъ смыслѣ, но могло дать очень много для исторіи общественныхъ настроеній, нравовъ... Когда Бѣлинскій умеръ, его друзьямъ привелось сказать жестокія, печальныя слова: «благо Бѣлинскому, онъ умеръ во̀-время»! Дѣйствительно, ему нечего было бы говорить, или, вѣрнѣе, его судьба была бы трагическая. Его дѣло, возбужденіе общества къ самосознанію путемъ принципіальнаго изслѣдованія современной литературы, должно было на время остановиться; но его опредѣленіе старой литературы должно было быть дополнено изученіемъ другой стороны литературнаго развитія, которая была оставлена имъ безъ вниманія, какъ не входившая въ его прямую задачу. И это дополненіе брала на себя группа новыхъ изслѣдователей. Что это былъ органическій и жизненный интересъ, можно видѣть уже изъ того, что въ новомъ поколѣніи онъ выросталъ самъ собою, безъ чьего-либо указанія или руководства, въ от-

дѣльныхъ лицахъ, которыя приступали къ дѣлу съ различныхъ сторонъ; только послѣ эти люди сближались, не составивъ, однако, никогда какого-нибудь кружка.

Нѣчто подобное я встрѣтилъ уже у Михайлова, одного изъ первыхъ моихъ литературныхъ знакомыхъ, тогда, впрочемъ, только что начинавшаго свою литературную дѣятельность. Помнится, черезъ него я познакомился съ его землякомъ уфимскимъ или оренбургскимъ—Петромъ Петровичемъ Пекарскимъ. Михайловъ интересовался тогда литературой восемнадцатаго вѣка, въ которой и я пребывалъ по случаю своей студенческой диссертаціи. Пекарскій также интересовался старой литературой; нѣсколько позднѣе онъ познакомился съ Н. Г., съ которымъ мы жили тогда вмѣстѣ, и такимъ путемъ появились его первыя работы въ «Современникѣ». Около того же времени, въ 1853 или 1854 г., я познакомился съ Тихонравовымъ: онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ одинъ годъ со мной и пріѣзжалъ въ Петербургъ для работъ по біографическому словарю, который въ это самое время готовился къ предстоявшей въ 1855 году сотой годовщинѣ основанія московскаго университета. Составленіе исторіи университета и редакція біографическаго словаря были поручены Шевыреву; послѣдній очень цѣнилъ своего талантливаго ученика, и такъ какъ работа была спѣшная, то онъ заваливалъ Тихонравова работами-біографіями и всякаго рода историческими справками,—это собираніе детальныхъ фактовъ, въ которыхъ нерѣдко открывались характерныя черты времени, становилось невольно привычною чертою научной работы. Къ тѣмъ же интересамъ обратился съ другой стороны писатель болѣе старшаго поколѣнія, чѣмъ всѣ мы, съ которымъ я около того же вре-

мени познакомился въ Москвѣ: это былъ Александръ Николаевичъ Аоанасьевъ, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, уже при новыхъ, нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ, началъ издавать «Библіографическія Записки». На томъ же библіографическомъ поприщѣ явились тогда Геннади,—кажется, богатый человѣкъ, для котораго библіографія была нѣчто въ родѣ спорта; Викторъ Павловичъ Гаевскій, который, не рѣшившись приступить къ Пушкину, косвенно изучалъ его самого и его дружескій кругъ на баронѣ Дельвигѣ; въ «Библіографическихъ Записках» Аоанасьева появились первые труды Д. О. Кобеко, съ такими же детальными поисками въ старой литературѣ и проч.

Другой кружокъ людей отчасти съ педагогическими, а главное съ литературными интересами, я встрѣтилъ у очень извѣстнаго тогда Введенскаго, Принарха Ивановича. Одинъ изъ наболѣе выдающихся педагоговъ въ области военно-учебныхъ заведеній, котораго очень цѣнилъ Як. И. Ростовцевъ, управлявшій тогда этими заведеніями (онъ далъ Введенскому особое положеніе, назначивъ его, по тогдашнему, «наставникомъ-наблюдателемъ», т.-е. руководителемъ и инспекторомъ преподаванія по русскому языку и словесности). Введенскій былъ очень извѣстенъ и въ литературныхъ кругахъ, какъ замѣчательный переводчикъ Диккенса. Впослѣдствіи, долго спустя, говорили, что переводы Введенскаго не отличались большой точностью,—другими словами, онъ за мелочной точностью не гнался, но живой разсказъ Диккенса онъ умѣлъ передавать живымъ разсказомъ русскимъ, и это, конечно, было немалымъ достоинствомъ и прямо свидѣтельствовало о его литературномъ дарованіи. Съ Введенскимъ познакомилъ меня Н. Г.,

знавшій его раньше отчасти какъ земляка,—и я потомъ почти не пропускалъ его пятницъ, на которыхъ всегда собирался кружокъ преподавателей и литераторовъ. Введенскій былъ дѣйствительно человѣкъ интересный: онъ происходилъ изъ духовнаго званія, прошелъ семинарію, побывалъ, кажется, въ московской духовной академіи и университетѣ, жилъ одно время у Погодина (кажется, въ роли репетитора въ его пансіонѣ), о которомъ сохранилъ не весьма благополучную память. Въ литературныхъ вопросахъ онъ (какъ тогдашнее большинство) былъ самоучкой, но у него была большая начитанность,—особенно, кажется, во французской и англійской литературѣ,—и кромѣ вопросовъ литературныхъ, его очень занимали и вопросы общественные. Собиравшаяся у него публика приносила съ разныхъ концовъ Петербурга новости подобнаго характера и новости литературныя; въ разговорахъ вспоминалось недавнее прошлое, разгромъ кружка Петрашевскаго, въ которомъ бывали и люди знакомые; симпатіи были несомнѣнно къ широкому развитію литературы; анекдоты о дѣйствовавшемъ тогда негласномъ комитетѣ указывали невозможное положеніе вещей: въ параллель къ нимъ шли разсказы о разныхъ случаяхъ въ тогдашней общественной жизни. Несмотря на покровительство Ростовцева, Введенскій имѣлъ все-таки репутацію человѣка либеральнаго образа мыслей. Около этого времени (не помню съ точностью годовъ: я былъ еще, кажется, въ университетѣ) открылась вакансія на каоедру русской словесности въ университетѣ,—вѣроятно, по выходѣ изъ университета Плетнева: рѣшено было назначить на каоедру конкурсъ: вѣроятно, конкуренты должны были указать свои ученые труды, а кромѣ того, они должны были про-

читать пробную лекцію. Этому послѣднему я былъ свидѣтелемъ. Конкурентовъ было трое: М. П. Сухомлиновъ, Введенскій и нѣкто Тимооеевъ: лекція была прочитана въ большой аудиторіи въ присутствіи факультета и при большой массѣ слушателей-студентовъ. Лекція Сухомлинова была очень гладкая, съ нѣкоторыми оригинальностями; лекція Тимооеева была слабая; но самое сильное впечатлѣніе оставила лекція Введенскаго. Здѣсь я единственный разъ видѣлъ его на каоедрѣ. Это была крѣпкая, нѣсколько грубоватая фигура, съ громкимъ голосомъ, съ ясной, почти рѣзкой манерой говорить и съ довольно опредѣленнымъ общественнымъ взглядомъ, который можно было бы назвать демократическимъ, или, по позднѣйшему, народническимъ. Не знаю, по какому мотиву, можетъ быть вслѣдствіе непривычности случая и новой аудиторіи, Введенскій, чтобы рѣзче указать свою мысль, отмѣтилъ, что энергія дѣятельности Ломоносова имѣла источникомъ то, что онъ былъ «мужикъ», и это слово для большей выразительности было подкрѣплено довольно звучнымъ ударомъ кулака по каоедрѣ. Мы тогда же подумали, что этотъ ораторскій пріемъ,—вѣроятно, происходившій отъ простой неловкости,—перепугаетъ факультетское начальство и сдѣлаетъ кандидатуру Введенскаго невозможной. Такъ это и случилось. Каоедра была предоставлена Сухомлинову... Какъ педагогъ, Введенскій пользовался большимъ авторитетомъ и любовью у своихъ питомцевъ. Послѣдніе годы жизни онъ совсѣмъ потерялъ зрѣніе, но нѣкоторое время не прекращалъ своихъ уроковъ: его приводили въ классъ, и онъ слѣпой давалъ свои уроки или лекціи. Сколько припомню, онъ, вѣроятно, очень расширилъ и осмыслилъ преподаваніе словесности; между прочимъ онъ вводилъ

до нѣкоторой степени знакомство съ западно-европейской литературой. У него я встрѣчалъ тогдашнихъ педагоговъ и начинавшихъ писателей, напримѣръ В. Кеневича, Г. Е. Благосвѣтлова, уже тогда человѣка рѣшительныхъ мнѣній, А. П. Милюкова и другихъ. Кругъ Введенскаго былъ не единственный, гдѣ собирались люди съ литературными интересами; какъ я упоминалъ, здѣсь очень хорошо знали и близко принимали къ сердцу недавніе литературные погромы— ссылку Салтыкова, исторію Петрашевскаго, дѣянія тогдашней цензуры и III-го Отдѣленія, но, въ общемъ, настроеніе того времени, первыхъ пятидесятыхъ годовъ, не было похоже ни на философскіе кружки тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ (когда, между прочимъ, возникало славянофильство и «западничество»), ни на соціалистическія увлеченія друзей Петрашевскаго. Настроеніе было вообще, что называется, либеральное, но занимали не вопросы отвлеченные (какъ философія Гегеля или самый соціализмъ), а вопросы ближайшей дѣйствительности. Господствовало сознаніе тягостнаго положенія литературы, т.-е. умственнаго и нравственнаго состоянія общества и ожиданіе какого-нибудь исхода.

Современныя событія дѣлали это настроеніе тѣмъ болѣе напряженнымъ и тревожнымъ: европейскія событія 1848 и 1849 годовъ, которыя, между прочимъ, встревожили и русское правительство и побудили его къ различнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, какъ выше упомянуто, очевидно, не могли имѣть въ русской жизни ни малѣйшаго реальнаго отголоска; но они не могли не имѣть очень сильнаго отголоска теоретическаго. Эти событія указывали въ европейскихъ странахъ процессъ политическаго развитія, который наглядно представлялъ общественные

идеалы—стремленіе къ общественной свободѣ въ ея различныхъ сторонахъ и проявленіяхъ. Но скажу опять, интересъ былъ чисто теоретическій: русская жизнь была такъ близка, такъ очевидны были господство бюрократіи, безучастность, т.-е. невѣжество громаднаго большинства въ обществѣ, и крѣпостное право, тяготѣвшее надъ массою народа, что невозможно было помышленіе о какомъ-нибудь скоромъ измѣненіи этого порядка вещей; присутствія этихъ условій нельзя было забыть, они каждую минуту напоминали о себѣ, но у людей съ пробудившеюся мыслью не могло уже быть сомнѣнія въ ненормальности такого порядка вещей, не только для просвѣщенной части общества, но для всего народа, для самого государства. Случились событія, которыя взволновали цѣлую массу общества и дали сильный толчокъ указанному здѣсь настроенію, пробудивъ въ общественной массѣ потребность сознать положеніе вещей...

Началась крымская война.

Понятно само собою, что объявленіе войны отозвалось сильнымъ возбужденіемъ и порывами патріотическаго чувства. Всѣ слѣдили съ величайшимъ интересомъ за извѣстіями, приходившими изъ хотя бы урѣзанныхъ иностранныхъ газетъ, изъ официальныхъ извѣщеній правительства, которыя дополнялись множествомъ разнородныхъ слуховъ. Военныя дѣйствія начались на Дунаѣ—это были пока привычныя встрѣчи съ турками; ожидались и бывали побѣды, но впереди предстояло еще другое, именно нападеніе «англо-французовъ». Дѣйствительно, передъ Кронштадтомъ появился англійскій флотъ: петербургскіе жители отправлялись на пароходахъ въ Кронштадтъ, чтобы увидѣть вдали линію англійскихъ кораблей: однажды и я

видѣлъ эту линію. Около Петербурга дѣлали военныя сооруженія; самый городъ былъ раздѣленъ на военные участки, въ виду возможности какихъ-либо военныхъ событій. Какъ извѣстно, на Балтійскомъ морѣ не случилось ничего особеннаго: «англо-французы» завладѣли небольшимъ флотомъ въ Бомарзундѣ (впослѣдствіи, въ 1858 г., я видѣлъ въ музеѣ Cluny нѣкоторые трофеи этой «побѣды» въ видѣ иконъ, взятыхъ французами въ Бомарзундѣ); флотъ ихъ ловилъ чухонскія лайбы, что дало поводъ сочинить мнимо-чухонскую пѣсню о такихъ подвигахъ, очень тогда популярную: англичане нашли нужнымъ осаждать Соловецкій монастырь, неизвѣстно зачѣмъ; совершали какія-то нападенія въ Камчаткѣ... Англичанамъ вообще не придавали тогда военнаго значенія, и было очень распространено стихотвореніе (авторъ его, кажется, остался неизвѣстенъ), начинавшееся такъ:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ“, и т. д.

Но вскорѣ пошли болѣе тревожныя извѣстія—о крымской экспедиціи. Здѣсь, очевидно, должно было произойти нѣчто болѣе серьезное. Были отозваны русскія войска съ Дуная.

Для тѣхъ, кто слѣдилъ тогда за политическими событіями, было понятно, что война должна была служить политическимъ планамъ Наполеона III. Извѣстна была исторія переворота «второго декабря», въ которой личность новѣйшаго французскаго императора обрисовалась достаточно; извѣстно было и отношеніе къ нему русскаго правительства; извѣстно было посольство князя Меньшикова въ Константинополь и т. д. Крымская экспедиція, въ ко-

торой главную роль играли французы и весьма второстепенную, иногда мизерную, роль играли англичане, турки, наконецъ, итальянцы, очевидно, должна была принести ту «славу», которою Наполеонъ III желалъ замазать неблаговидное вступленіе на престолъ и отомстить за пренебреженіе, оказанное русскимъ правительствомъ. Во главѣ французской арміи поставленъ былъ маршалъ Сентъ-Арно, оказавшій услуги въ переворотѣ 2-го декабря... Надо было ожидать серьезнаго столкновенія. Событія крымской войны извѣстны. Довольно сказать, что свѣдѣнія, приходившія съ театра войны и сообщаемыя официально, а также и всякіе слухи, совсѣмъ не попадавшіе въ печать, встрѣчались съ лихорадочнымъ любопытствомъ. Вначалѣ думали, что дѣло обойдется чѣмъ-нибудь неважнымъ, но настроеніе начинало становиться болѣе тревожнымъ, когда пошли извѣстія объ англо-французской армадѣ, предназначенной идти въ Черное море. Высадка произошла у Евпаторіи, гдѣ, кажется, ее не совсѣмъ ожидали; затѣмъ началось движеніе англо-французовъ къ Севастополю; чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣе становились слухи. Какъ обыкновенно бывало, официальныя реляціи не внушали довѣрія. Десятки лѣтъ господствовала система официальныхъ заявленій, что все обстоитъ благополучно, хотя въ дѣйствительности благополучно было не все. Такъ и здѣсь недоставало духу говорить всю правду—съ одной стороны, по данному пріему, прикрашивать положеніе вещей исходило, вѣроятно, изъ желанія не тревожить общественное мнѣніе, быть можетъ въ надеждѣ, что дальнѣйшія событія будутъ благопріятнѣе. Но на дѣлѣ происходило то, чего официальный міръ, вѣроятно, не ожидалъ: слишкомъ искусственнымъ реляціямъ прямо не вѣрили и, напротивъ,

ждали именно частныхъ свѣдѣній, которыя, дѣйствительно, приходили въ письмахъ изъ арміи, въ разсказахъ лицъ, бывавшихъ на мѣстѣ, наконецъ изъ офиціальныхъ извѣстій секретныхъ. Что общество было право въ своемъ недовѣріи, въ этомъ можно убѣдиться и теперь. Довольно сличить тогдашнія газетныя извѣстія по офиціальнымъ указаніямъ съ тѣмъ, что мы знаемъ теперь изъ современныхъ мемуаровъ, писемъ и т. п. Настроеніе общества, насколько достигаютъ мои воспоминанія, было очень серьезное. Со времени высадки въ Евпаторіи до тѣхъ поръ, когда союзники обложили Севастополь съ юга и съ моря, приходили одно за другимъ свѣдѣнія весьма удручающія: одно пораженіе слѣдовало за другимъ. Какъ шли эти сраженія, какъ шла осада Севастополя, теперь извѣстно до большихъ подробностей. Было потрачено много истинно геройскаго мужества, были отдѣльные славные подвиги, съ великимъ искусствомъ велась инженерная война, но все больше и больше общество угадывало самую сущность дѣла: при всѣхъ достоинствахъ самой арміи, которыя были достоинствомъ людей, все больше укрѣплялось убѣжденіе, что администрація арміи была очень плохая: армія была дурно вооружена; ходили разсказы о томъ, какъ сами солдаты объясняли трудность дѣла, когда у нихъ были ружья «казенныя», а у непріятеля «аглицкія»,— разница въ дальности боя была невообразимая; ходили разсказы о несчастномъ курскомъ ополченіи, которое выходило съ топорами противъ дальнобойныхъ орудій; дальше, не было благоустройства ни въ провіантской части, ни въ лазаретной; не было наконецъ путей сообщенія. Въ Петербургѣ особенно бросалась въ глаза эта разница между положеніемъ арміи въ боевомъ дѣлѣ и блестящими

парадами, на которые тратилось въ прежнее время столько заботы. Армія была любимое дѣтище государства, это была какъ бы привилегированная служба, но оказывалось, что за внѣшнимъ блескомъ, за строевой выправкой не было помышленія о томъ, чтобы снабдить эту армію дѣйствительными средствами при возможной борьбѣ—вооруженіемъ, которое, по крайней мѣрѣ, равнялось бы вооруженію непріятеля, какими-нибудь сносными путями сообщенія и т. д. Оказывалось, что здѣсь далеко не все обстояло благополучно,—между тѣмъ эта область государственнаго дѣла еще болѣе, чѣмъ какая-либо другая, почти абсолютно была закрыта отъ какого-либо вмѣшательства общественнаго мнѣнія. Вспоминалось невольно, что и въ другихъ областяхъ государственнаго дѣла точно такъ же не допускалось ни малѣйшаго участія общественнаго мнѣнія. Въ концѣ-концовъ, подъ вліяніемъ все новыхъ фактовъ военной и гражданской жизни, въ обществѣ возникалъ общій вопросъ о положеніи вещей; созрѣвало убѣжденіе, что старая административная система идетъ къ банкротству. Въ общественномъ мнѣніи шла глухая борьба. Для одной стороны упомянутое банкротство было очевидно; но были, конечно, именно, въ средѣ старыхъ администраторовъ упорные защитники этой старой системы, необходимость которой объясняема была «духомъ народа» (т.-е. крѣпостного), невозможностью сдѣлать все «вдругъ»,—хотя духъ народа установлялся, вѣрнѣе, искажался этими самыми учрежденіями и хотя для исправленія недочетовъ было много времени раньше. Какъ обыкновенно бываетъ, въ этихъ спорахъ и перекорахъ резоны хорошенько не выслушивались и аргументація защитниковъ старой системы слишкомъ часто была мало удовлетворительна. Въ

качествѣ аргумента приводилась и самая осада Севастополя. Эти славные подвиги его защитниковъ считались заслугою старой системы; не хотѣли видѣть, что въ подвигахъ этихъ защитниковъ говорила уже не жалкая система, а именно то горячее чувство преданности родинѣ, которое воспламеняло людей—не благодаря этой системѣ, а несмотря на нее и наперекоръ ей...

Такимъ образомъ, несомнѣнно начинавшійся споръ двухъ сторонъ общественнаго мнѣнія переходилъ и на тотъ жгучій вопросъ, какимъ была крымская война. Блистательной защитой Севастополя, на которую положено было столько героизма и національнаго самоотверженія, хотѣли воспользоваться для защиты тѣхъ политическихъ началъ, которыя были настоящимъ бѣдствіемъ національной жизни. До чего доходило возбужденіе, можно судить по одному факту, который сохранился въ моей памяти и который можетъ представиться чудовищнымъ, если не вспомнить того, что мы говорили о крайнемъ возбужденіи, тогда господствовавшемъ. Приходили послѣдніе дни Севастополя. Помню, какъ общество поняло предстоящее паденіе изъ офиціальной телеграммы (другихъ не было), явившейся въ газетахъ: «наши верки страдаютъ»,—это было предупрежденіе, что они не выдержатъ. Въ это время мы узнали о паденіи Севастополя отъ одного изъ нашихъ пріятелей, который, находясь на службѣ въ министерствѣ финансовъ, имѣлъ случай слышать извѣстія, еще не попадавшія или совсѣмъ не попавшія въ печать. «Севастополь взятъ»,—сообщилъ онъ намъ со страннымъ выраженіемъ огорченія за большое національное дѣло и вмѣстѣ радости, что отпадаетъ послѣдняя опора, которою пользовались защитники стараго порядка.

Дѣйствительно, старому порядку съ паденіемъ Севастополя нанесенъ былъ серьезный ударъ. Несмотря на множество отдѣльныхъ случаевъ высокаго мужества и самоотверженія, весь ходъ войны былъ рядомъ разнообразныхъ неудачъ, прямо оскорблявшихъ чувство національнаго достоинства, и общественная мысль невольно искала причинъ. Само собою являлось соображеніе, что главнѣйшею причиной былъ цѣлый режимъ, основанный на безграничномъ бюрократизмѣ, который все хотѣлъ вершать самъ, съ полнымъ пренебреженіемъ не только къ обществу, которому нельзя было сказать живого слова (за этимъ смотрѣли во всѣ глаза цензура и негласный комитетъ), но и къ достоинству самой націи (бюрократизмъ строго поддерживалъ крѣпостное право, т.-е. держалъ цѣлые милліоны народа въ настоящемъ рабствѣ); наконецъ, онъ держалъ въ заблужденіи и невѣдѣніи настоящаго положенія вещей самую верховную власть извѣстнымъ утвержденіемъ, что «все обстоитъ благополучно». Война показала, что далеко не все было благополучно: войско было дурно, вооружено, дурно снабжено провіантомъ, должно было двигаться по дурнымъ дорогамъ; раненые попадали въ дурно, до невозможности, устроенные лазареты, и т. д., и т. д. Достовѣрныя извѣстія, приходившія съ мѣста, изображали тяжелыя картины, на которыя не было даже намека въ извѣстіяхъ офиціальныхъ. Такъ не привыкли говорить всю правду въ офиціальныхъ отчетахъ, что не могли переломить этой ужасной привычки и въ суровыя минуты бѣдствія,—не понимали, что слово правды въ такія минуты могло произвести новое, могущественное возбужденіе національнаго чувства, если бы въ томъ была надобность. Положеніе было таково, что это чувство, несомнѣнно оду-

шевлявшее всю массу общества, должно было таиться и скрываться, потому что оно не отвѣчало официальной реляціи... Понятно, что въ эту минуту въ обществѣ шло чрезвычайно сложное броженіе—крайняго недовольства прошедшимъ и все болѣе укрѣплявшагося убѣжденія, что впредь государственное дѣло не можетъ, не должно идти такъ, какъ оно шло до сихъ поръ... Однимъ изъ яркихъ выраженій тогдашняго настроенія было стихотвореніе, ходившее тогда по рукамъ и впослѣдствіи, кажется, напечатанное Герценомъ въ «Голосахъ изъ Россіи», гдѣ съ большою силою изображенъ былъ упомянутый бюрократическій режимъ: «Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею» и т. д.

Смерть императора Николая была окружена легендарными слухами—въ общемъ тонѣ тревожнаго настроенія и тревожныхъ ожиданій. Было сильно распространено убѣжденіе, что долженъ наступить новый порядокъ вещей. Событія показали, что общество не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ.

Я, кажется, говорилъ выше, что въ тѣ годы была чрезвычайно распространена цѣлая рукописная литература, которая не думала обращаться къ цензурѣ за разрѣшеніемъ и обходилась безъ нея. Это было естественное желаніе сказать, наконецъ, живое слово о томъ, что совершалось въ государствѣ и народной жизни, естественная потребность высказать правду, которая не могла быть сказана въ литературѣ подъ цензурнымъ присмотромъ и которая не находила также мѣста и въ литературѣ официальныхъ бумагъ. Понятно, что общество съ особеннымъ, острымъ любопытствомъ бросалось на эти разнообразныя записки, гдѣ говорилось о разныхъ дѣйствительно серьезныхъ и

крупныхъ вопросахъ государственной и народной жизни, начиная отъ вопроса крестьянскаго до суда, цензуры, администраціи, полиціи, до разсказовъ объ отдѣльныхъ событіяхъ, бросавшихся въ глаза по противорѣчію административныхъ мѣропріятій съ чувствомъ справедливости или просто здравымъ смысломъ. Пошли въ ходъ, наконецъ, и документы историческіе—разсказы о дворцовыхъ переворотахъ восемнадцатаго вѣка, о воцареніи Екатерины II, о вступленіи на престолъ Павла, записки декабристовъ и т. п. Помнится мнѣ ѣдкая записка о цензурѣ, ходившая съ именемъ Погодина, наглядное изображеніе хожденія бумагъ отъ низшей инстанціи до высшей и обратно, замѣчательная записка о положеніи внутренней жизни Россіи, ходившая съ именемъ Грановскаго; снова вспомнилось письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и пр.

Возвращаюсь къ своимъ личнымъ дѣламъ. Въ это самое время я въ первый разъ познакомился съ литературными кругами, сначала, помнится, «Отечественныхъ Записокъ», т.-е. Краевскаго, потомъ «Современника». Съ Краевскимъ я познакомился, сколько помню, черезъ своихъ библіографическихъ друзей, которые думали, что можно было помѣстить въ «Отечественныхъ Запискахъ» мою университетскую диссертацію или какой-нибудь эпизодъ изъ нея. Цѣлое сочиненіе я считалъ неудобнымъ для журнала; это потребовало бы, чтобы представить интересъ, еще много работы, и я выбралъ эпизодъ, который въ то время представлялъ извѣстную новизну, а именно эпизодъ о писателѣ XVIII столѣтія Лукинѣ, и эта статья была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г. Впослѣдствіи здѣсь появились отдѣльными статьями нѣкоторыя мои работы совсѣмъ иного рода, а именно: я уже задумывалъ

тогда другую работу, которая могла бы стать моей диссертаціей магистерской. Отъ XVIII вѣка я перешелъ къ старинѣ, гдѣ мое вниманіе привлекли памятники, до тѣхъ поръ почти не тронутые и неизвѣстные,—тѣ памятники, въ которыхъ выражались поэтическіе интересы древней письменности. Это были, напримѣръ, статьи объ очень извѣстной теперь древне-русской сказкѣ объ Акирѣ Премудромъ изъ «Тысячи и одной ночи»; о такъ называемой «Александріи», фантастической исторіи Александра Македонскаго; едва ли не въ первый разъ мнѣ привелось затронуть древнюю литературу апокрифическихъ или, по-старинному, «отреченныхъ» сказаній и передать, напримѣръ, не разъ потомъ изданное (мною и другими) очень поэтическое сказаніе о хожденіи Богородицы по мукамъ и т. п.

Въ октябрѣ 1903 г.—Въ другомъ мѣстѣ *) я упомянулъ о томъ, какъ раздражился, напримѣръ, Григоровичъ, который порядочно грубо и весьма неумно «вывелъ» Н. Г. въ повѣстушкѣ, которую тогда же напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Только послѣ онъ познакомился съ нимъ ближе и, сколько помню, пожалѣлъ, что написалъ эту пошлость. Долженъ былъ, вѣроятно, узнать себя и Дружининъ: онъ былъ умнѣе Григоровича и не отвѣчалъ на шутку; но, какъ видно изъ переписки Тургенева, изданной впослѣдствіи, друзья были единодушны во враждебномъ отношеніи къ «новому направленію», и вскорѣ оппозиція этому направленію должна была найти мѣсто въ «Библіотекѣ для Чтенія», которой Дружининъ вскорѣ

*) Объ отношеніяхъ А. Н. Пыпина къ „Современнику" и Некрасову см. статьи о Некрасовѣ, „Вѣсти. Европы", 1903, ноябрь — декабрь: главу: „Нѣсколько воспоминаній" въ книгѣ о Некрасовѣ.—*В. Л.*

сдѣлался редакторомъ. Тургеневъ именно думалъ, что ихъ старый кругъ долженъ выставить и защищать «Пушкинское» направленіе *противъ* «Гоголевскаго». Изъ этого противоположенія можно заключать о вкусахъ, а также о томъ, какъ въ ту минуту странно представлялись друзьямъ общественныя отношенія литературы: они не чувствовали, что оба «направленія» были тѣсно и органически связаны другъ съ другомъ и что въ этой органической связи и былъ именно залогъ дальнѣйшаго развитія литературы.

Но еще болѣе сильную вражду въ кружкѣ старыхъ друзей, и всего больше, кажется, самого Тургенева, возбудилъ Добролюбовъ.

Скажу, впрочемъ, раньше, когда и какъ я въ первый разъ узналъ Добролюбова.

По окончаніи своего курса въ университетѣ, Н. Г. пробылъ около года, кажется, въ Петербургѣ, потомъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ взялъ мѣсто учителя гимназіи,—для того, конечно, чтобы доставить удовольствіе своимъ родителямъ. Въ Саратовѣ онъ пробылъ года два. Тамъ онъ сталъ замѣтнымъ лицомъ въ небольшомъ кружкѣ образованныхъ людей и, между прочимъ, особенно сблизился съ Костомаровымъ. Они видались постоянно; это были люди одинаковаго научнаго уровня, что въ провинціи не легко было встрѣтить; Н. Г. могъ вполнѣ оцѣнить начатыя тогда работы Костомарова, которыя вскорѣ потомъ явились въ печати—«Хмельницкій» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» въ «Современникѣ». Чернышевскій очень высоко ставилъ труды Костомарова и сравнивалъ ихъ съ произведеніями знаменитаго Тьерри. По характерамъ они не очень сходились: у Костомарова бывали

странности, бывало, напримѣръ, соединеніе вкусовъ мистическихъ и рядомъ скептическаго реализма; бывали капризы и немалыя угловатости характера (иногда очень рѣзкія), которые Чернышевскому нравиться не могли; послѣднія онъ, вѣроятно, приписывалъ извѣстному нервному возбужденію... Въ гимназіи, какъ преподаватель русской словесности, Ч—ій чрезвычайно привлекъ къ себѣ своихъ учениковъ именно старшихъ классовъ. Онъ объяснялъ имъ значеніе литературы; богатая память давала ему возможность иллюстрировать преподаваніе интересными отрывками русской поэзіи. Нѣкоторые изъ его учениковъ, кончивъ курсъ, поступили въ педагогическій институтъ въ Петербургѣ и явились къ нему, когда и самъ онъ, послѣ женитьбы въ Саратовѣ, переселился въ Петербургъ и окончательно отдался литературѣ. Эти старые ученики-земляки приходили къ нему по воскресеньямъ, когда были отпускаемы изъ института, и приводили съ собой товарищей, которымъ успѣли передать свои большія симпатіи къ прежнему учителю, у котораго образовывалось уже и литературное имя. Собирался небольшой кружокъ, гдѣ бесѣда въ концѣ-концовъ становилась разсказами Ч—го по русской исторіи и литературѣ. Для молодыхъ людей это было желанное дополненіе къ ихъ курсу литературы, гдѣ, по старому обычаю, о новомъ времени совсѣмъ не говорилось, и если случайно поминалось имя Бѣлинскаго, то вѣроятно съ строгимъ осужденіемъ. Здѣсь, напротивъ, раскрывалась передъ ними именно новѣйшая судьба литературы, переходившая ея настоящее. Понятно, что тѣ мысли, которыя Чернышевскій развивалъ въ своихъ статьяхъ въ «Современникѣ», здѣсь подтверждались наглядными фактами. Этотъ кружокъ молодыхъ людей, безъ сомнѣнія, и основалъ боль-

шую популярность Чернышевскаго въ кружкахъ молодежи, которая съ великимъ интересомъ перечитывала его статьи.

Выше говорено, что время было очень оживленное. Въ историческихъ замѣткахъ о томъ времени, какія уже въ значительномъ количествѣ начинаютъ появляться въ литературѣ, можно видѣть, какъ въ обществѣ и, повидимому, въ самомъ правительствѣ сплетались самыя разнородныя настроенія, въ которыхъ смѣшивались и консервативная боязнь новизны, и настоятельная необходимость вступить на новый путь. Самымъ крупнымъ и поистинѣ великимъ дѣломъ того времени была рѣшимость поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но извѣстно, какъ и здѣсь старались о томъ, чтобы вопросъ, если возможно, оставался только въ вѣдѣніи правительственныхъ сферъ и офиціальныхъ обсужденій. Слишкомъ сильна была цѣлыми вѣками пріобрѣтенная привычка не допускать общества къ разсужденію о подобныхъ предметахъ, оттого такъ и распространились тогда разнаго рода записки о вопросахъ нашей внутренней жизни, ходившія въ рукописяхъ, и авторы которыхъ и не помышляли объ ихъ напечатаніи, хотя записки ходили въ большомъ количествѣ и могли быть безъ особеннаго труда добыты каждымъ, кто желалъ... Эта боязнь печатнаго слова и какого-нибудь голоса общественнаго мнѣнія доходила до того, что въ разгаръ крымской войны, когда любопытство къ совершающимся событіямъ было крайне напряжено среди цѣлаго общества, даже среди цѣлаго народа, въ обращеніи были одиѣ офиціальныя реляціи, и я помню, что редакція «Современника» должна была предпринять особенныя хлопоты, чтобы въ журналѣ разрѣшено было дѣлать обзоръ

этихъ событій хоть по тѣмъ же реляціямъ. Большою новостью явились тогда статьи Сокальскаго въ какомъ-то одесскомъ изданіи, гдѣ разсказывались нѣкоторые военные эпизоды въ *беллетристической* формѣ. Потомъ, сколько помню, статьи Сокальскаго являлись и въ «Современникѣ».

Понятно, что при безгласности печати тѣмъ больше трудилась «стоустая молва». Эта молва бываетъ, какъ извѣстно, всего чаще весьма ненадежнымъ источникомъ свѣдѣній: переходя черезъ сто устъ, фактъ, конечно, перевирается или преувеличивается, но за трудностью провѣрки и при усиленномъ любопытствѣ слухи быстро распространяются и, конечно, участвуютъ въ созданіи того, что называется общественнымъ настроеніемъ. Каждый принимаетъ это согласно съ характеромъ своихъ собственныхъ взглядовъ: одни принимаютъ слухъ съ удовольствіемъ, другіе съ раздраженіемъ, и мало-по-малу, даже «ничего не видя», какъ говорится, въ обществѣ поддерживаются и даже вновь рождаются «партіи».

Въ началѣ новаго царствованія еще одно событіе принято было въ обществѣ съ большимъ интересомъ и даже нѣкоторымъ волненіемъ. Это было возвращеніе изъ ссылки множества людей, свидѣтелей прошлаго царствованія: было много декабристовъ, немало людей, сосланныхъ по дѣлу Петрашевскаго, много поляковъ: были и отдѣльныя лица, сосланныя по тому или другому поводу. Эти лица, какъ, напримѣръ, престарѣлые декабристы, возбуждали большой интересъ и сочувствіе. Въ числѣ вернувшихся были затѣмъ большіе писатели, какъ Достоевскій, Салтыковъ, Костомаровъ, Шевченко,—съ ними вступали въ литературу новыя крупныя силы, и дѣйствительно для этихъ redi-

vivi открылась именно теперь главная, основная пора ихъ дѣятельности. Старое преданіе соединялось съ новыми порывами общества, и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ являлся новый факторъ общественнаго сознанія.

Для тѣхъ, у кого сложились уже нѣсколько опредѣленные взгляды на складъ и desiderata русской жизни, этотъ факторъ могъ не имѣть особеннаго значенія, но, безъ сомнѣнія, были интересны личныя встрѣчи.

Кстати упомяну здѣсь объ одной подробности,—чтобы больше къ ней не возвращаться,—которая, между прочимъ, эксплоатировалась реакціонными историками того времени. Въ числѣ возвращенныхъ поляковъ былъ очень извѣстный впослѣдствіи Сѣраковскій, мистическій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Антоній Сова. Познакомились они съ Чернышевскимъ очень просто, черезъ кого-то изъ общихъ знакомыхъ. Было еще два-три человѣка пріѣзжихъ поляковъ съ Волыни, сколько помню, прикосновенныхъ къ крестьянскому дѣлу, официально пріѣхавшихъ въ Петербургъ. Сѣраковскій былъ уже немолодой человѣкъ, начитанный во французской литературѣ; по характеру это былъ какъ будто человѣкъ восторженный, но и фантастъ. Онъ состоялъ въ какой-то военной службѣ (кажется, онъ немало работалъ потомъ по вопросу объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи). Помню, что ему была доставлена разъ или два литературная работа въ «Современникѣ» ради полученія гонорара. Это знакомство не представляло ничего исключительнаго: у Сѣраковскаго вскорѣ было уже много знакомыхъ въ Петербургѣ въ обществѣ польскомъ и русскомъ,—возвращеннымъ ссыльнымъ оказывали гостепріимство, а также удовлетворяли и своему любопытству. Впослѣдствіи различ-

ные «патріоты своего отечества» стали говорить о «польской интригѣ», проникшей будто бы въ журналистику (говорили, будто бы, даже о «переодѣтыхъ полякахъ»), другими словами, пошла въ ходъ простая сплетня, которая, къ сожалѣнію, имѣла успѣхъ въ самихъ административныхъ сферахъ. Въ данномъ случаѣ дѣло было очень просто: отношеніе, напримѣръ, къ Сѣраковскому было простое вниманіе, нѣсколько близкое къ состраданію: никакого вліянія на Н. Г. онъ имѣть не могъ и развѣ только могъ служить примѣромъ политико-исторической фантастики, владѣвшей польскими умами. «Переодѣтые поляки», вѣроятно, остались Чернышевскимъ очень недовольны. Помню одинъ разговоръ, когда польскіе гости, излагая свои національныя «права» и предполагая видѣть въ Чернышевскомъ очень либеральнаго человѣка, заявляли извѣстныя польскія притязанія на сѣверо-западный и юго-западный край, т.-е. на край бѣлорусскій и малорусскій,— имъ, вѣроятно, очень непріятно было встрѣтить у Чернышевскаго совершенное несогласіе съ этимъ взглядомъ, какъ исторически-ошибочнымъ и нравственно несправедливымъ. Ч. стоялъ просто на этнографической точкѣ зрѣнія: на своей землѣ народъ долженъ быть свободенъ и особливо отъ чуженародныхъ господъ, съ которыми уже дѣлила его исторія.

Въ числѣ товарищей, которыхъ приводили къ Чернышевскому знакомиться его бывшіе ученики въ саратовской гимназіи, они привели между прочимъ и Добролюбова. Здѣсь и увидѣлъ я его въ первый разъ. Это былъ довольно высокій, нѣсколько худощавый юноша въ студенческомъ мундирѣ педагогическаго института, очень сдержанный, мало мѣшавшійся въ разговоръ, но видимо очень

наблюдательный. Сближеніе было весьма удобно въ простой домашней обстановкѣ за чайнымъ столомъ и въ дружеской бесѣдѣ. Молодые студенты передавали, конечно, Чернышевскому подробности своего институтскаго быта, и первая статья Добролюбова, авторство котораго на этотъ разъ тщательно скрывалось, была посвящена именно педагогическому институту по поводу его годичнаго отчета. Чернышевскій, конечно, тотчасъ понялъ сильный талантъ Добролюбова и послѣ первой статьи воздерживалъ его отъ литературнаго труда до окончанія курса, когда бы онъ могъ пріобрѣсти извѣстную независимость. Въ виду этого окончанія курса, первой заботой было обезпечить Добролюбову возможность остаться въ Петербургѣ, гдѣ бы только могла идти его дальнѣйшая работа,—такъ какъ студенты института, по окончаніи курса, обязывались на нѣсколько лѣтъ службой въ качествѣ учителей гимназіи, обыкновенно въ провинціи, откуда нелегко было потомъ вырваться. По окончаніи курса, дѣйствительно, для Добролюбова устроена была нѣсколько фиктивная учительская служба въ вѣдомствѣ кадетскихъ корпусовъ.

Вскорѣ потомъ мнѣ случилось сдѣлать съ Добролюбовымъ маленькое путешествіе. Вѣроятно, это было въ 1856 г., а можетъ быть и въ 1857-мъ. Я отправлялся на лѣто въ Саратовъ, онъ ѣхалъ въ Нижній къ своимъ. Не помню, былъ ли еще живъ тогда его отецъ или уже теперь легли на него всѣ домашнія заботы... Мы проѣхали, конечно, въ третьемъ классѣ желѣзной дороги до Твери; тамъ перешли на пароходъ и проплыли вмѣстѣ до Нижняго. Кромѣ насъ, былъ еще нѣсколько знакомый юноша, котораго Добролюбовъ, вѣроятно, видывалъ въ нашей семьѣ. Всю дорогу, конечно, шли разговоры, и разные

эпизоды пути не разъ вызывали у Добролюбова стихотворные экспромпты, которые я и просилъ его вписывать въ мою записную книжку, на память этого препровожденія времени. Вѣроятно, она у меня цѣла.

Въ Петербургѣ мы видывались нерѣдко,—всего чаще у Чернышевскихъ, съ которыми я жилъ тогда вмѣстѣ: встрѣчались изрѣдка у Некрасова. Случалось мнѣ бывать у него, помню, въ небольшой квартирѣ въ домѣ у Аничкова моста, по другую сторону Фонтанки. Квартира была очень скромная, почти бѣдная, по студенческому образцу. Позднѣе для него устроили другую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Некрасовъ; это было опять небольшое помѣщеніе, имѣвшее то удобство, что оно было рядомъ, раздѣляясь отъ Некрасова одной общей черной лѣстницей, и Добролюбову можно было обойтись безъ кухмистерскихъ обѣдовъ, потому что онъ обѣдалъ у Некрасова. У него замѣчали уже болѣзненность, конечно, большую непрактичность—при той страстной ревности къ работѣ, которая его тогда и послѣ увлекала, несмотря на всѣ убѣжденія близкихъ людей, опасавшихся слишкомъ большого утомленія. Дѣйствительно, эта ревность къ работѣ была у Добролюбова необычайна. Приведу одинъ примѣръ. Въ тѣ годы произошелъ одинъ случай, который очень занялъ тогда общественное мнѣніе и сталъ предметомъ толковъ,—случай, описанный въ статьѣ Добролюбова: «Пассажъ въ исторіи русской словесности». Это былъ публичный диспутъ между гг. Перозіо и Смирновымъ по общественно-практическому вопросу,—диспутъ, гдѣ суперъ-арбитромъ былъ уже очень извѣстный тогда Е. П. Ламанскій и гдѣ, въ его заключительной рѣчи, была сказана знаменитая фраза: «мы не созрѣли». Диспутъ

былъ событіемъ, какъ едва ли не первый примѣръ публичнаго обсужденія по хотя бы частному, но все-таки общественному вопросу. Сценой диспута была одна зала въ Пассажѣ, куда собралось множество народа. Диспутъ долженъ былъ несомнѣнно заинтересовать и печать: предполагалось, что о немъ будетъ упомянуто и въ «Современникѣ». Въ данную минуту для журнала это было уже поздно—послѣдніе дни мѣсяца передъ выходомъ книжки. Диспутъ происходилъ вечеромъ. На другое утро Добролюбовъ приходитъ къ Чернышевскому поговорить объ этомъ; онъ находилъ, что этого случая не надо бы пропустить въ «Современникѣ»; Чернышевскій соглашался, но думалъ, что это надо будетъ отложить до слѣдующей книжки, такъ какъ теперь уже поздно будетъ писать статью. Но, къ удивленію Чернышевскаго, оказалось, что статья уже написана: она могла быть напечатана въ той же очередной книжкѣ журнала. Позднѣе она помѣщена была въ собраніи его сочиненій (въ IV т.), гдѣ заняла двадцать страницъ сжатой печати. Для людей пишущихъ понятно, какой громадный трудъ былъ сдѣланъ въ одну ночь. Статья написана съ начала до конца съ обычной живостью и остроуміемъ и безъ малѣйшаго признака утомленія.

Какъ я уже упоминалъ, я потомъ въ теченіе двухъ лѣтъ отсутствовалъ изъ Петербурга, и снова увидѣлъ Добролюбова уже въ шестидесятомъ году. Неутомимая дѣятельность была все та же, но уже близилась болѣзнь, которая скоро окончательно надломила его силы... Возвращусь къ началу его дѣятельности. Выше упомянуто, что Добролюбовъ возбудилъ къ себѣ весьма неблагопріятное, даже прямо враждебное отношеніе въ старыхъ друзьяхъ

Некрасова изъ прежняго кружка «Современника». Я отчасти уже говорилъ объ этомъ. Добавлю нѣсколько подробностей...

Добролюбовъ вступалъ въ литературу, только-что оставивъ товарищескую студенческую среду. Эта среда, кромѣ него, не представляла никакихъ особенныхъ талантовъ, но въ ней господствовало большое возбужденіе, которое питалось именно вопросами принципіальными. Въ эту среду проникали всѣ основные интересы, какими волновалось общество, и молодой кружокъ волновался ими тѣмъ болѣе. Добролюбовъ въ особенности много читалъ, живо увлекался тѣмъ, что было общественнымъ вопросомъ, и когда онъ вошелъ въ литературный кругъ, ему хорошо знакомы были и общія черты тогдашняго литературнаго броженія, и частныя особенности тѣхъ дѣятелей, съ которыми онъ встрѣтился теперь лицомъ къ лицу. По давнему складу его личнаго характера онъ видѣлъ въ литературѣ великое дѣло, которое ставило требованія общественныя, которыя были и требованіями нравственными. Такимъ образомъ, и писатель, именно писатель крупный, пользующійся извѣстностью и бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ на общество черезъ свои произведенія, подлежалъ этимъ требованіямъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше было его значеніе въ литературѣ. Онъ зналъ, что въ нашихъ условіяхъ литература была единственнымъ поприщемъ, гдѣ могло сказываться общественное мнѣніе, и его страстное отношеніе къ общественному интересу было именно тѣмъ основаніемъ, которое придало его литературной критикѣ яркій публицистическій тонъ. Эта черта, конечно, давно была отмѣчена, но не слѣдуетъ думать (какъ это бывало у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историковъ),

будто бы только въ этомъ и заключалась критика Добролюбова: напротивъ, у него былъ не только большой художественный вкусъ, но и вообще высокое представленіе о произведеніяхъ художества, напоминающее даже то, какъ судила о произведеніяхъ искусства старая гегеліанская эстетика. Въ художественномъ произведеніи, заслуживающемъ этого имени, составляющемъ плодъ поэтическаго творчества, заключалась поэтическая истина, и въ особенности такія произведенія Добролюбовъ избиралъ предметомъ своихъ изученій: истинный художникъ правдивъ, его произведенія вѣрно отражаютъ жизнь, а потому и даютъ матеріалъ для изученія самой жизни съ ея матеріальной и нравственной стороны. Достаточно нѣсколько вникнуть въ его статьи подобнаго рода, напримѣръ о Тургеневѣ, Островскомъ, Достоевскомъ, Гончаровѣ, чтобы видѣть, до какой степени дѣйствительно онъ погружался въ эти художественныя картины: онъ вѣрилъ въ нихъ, какъ въ дѣйствительность, и на ихъ основаніи онъ опредѣлялъ эту дѣйствительность и искалъ путей къ ея улучшенію. Чрезвычайно впечатлительный, хотя обыкновенно сурово-сдержанный, всегда наблюдательный, онъ чутко и тревожно переживалъ годы крымской войны и послѣдующее время, и у него рано развился тотъ критическій анализъ, съ какимъ онъ впослѣдствіи относился къ событіямъ нашей общественной жизни и который издавна отстранилъ его отъ тѣхъ оптимистическихъ самообольщеній, которымъ въ тѣ годы наше общество предавалось нерѣдко сверхъ всякой мѣры. Громкія, самодовольныя и всего чаще фальшивыя фразы возбуждали въ немъ желчное негодованіе или язвительную насмѣшку... Очевидно, этотъ характеръ съ самаго начала по существу представлялъ нѣчто совсѣмъ

не похожее на господствующій тонъ въ кружкѣ друзей Некрасова. Люди старшаго поколѣнія были часто люди лично хорошіе, питали взгляды наиболѣе просвѣщенныхъ людей того времени, видѣли недостатки настоящаго, ожидали и надѣялись благотворной реформы въ будущемъ, но большею частью люди пассивные, потому что они съ своей стороны бывали уже утомлены испытаніями, которыя выпадали и на ихъ долю, но въ настоящее время не помышлявшіе о борьбѣ, люди болѣе или менѣе благополучные и благодушные, встрѣчавшіе тѣ или другія явленія современности,—хотя бы въ нихъ сказывался иногда серьезный общественный смыслъ,—какъ любопытный анекдотъ... но то, къ чему равнодушно относились они, нерѣдко могло поднимать въ душѣ Добролюбова желчное негодованіе. Повидимому, съ первыхъ встрѣчъ обнаружилось взаимное непониманіе.

Мои дѣла шли въ сторонѣ отъ журнала. Меня занимала исторія литературы—новая и старая. Мнѣ привелось, занимаясь въ Публичной библіотекѣ, встрѣтить нѣсколько любопытныхъ памятниковъ, содержаніе которыхъ (а иногда и самые тексты) я излагалъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ тогда въ «Академическихъ Извѣстіяхъ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Мало-по-малу сложилась тема моей послѣдующей диссертаціи о старой русской повѣсти. Въ теченіе значительнаго времени почти каждый вечеръ я встрѣчался въ читальномъ залѣ Публичной библіотеки съ Пекарскимъ и Костомаровымъ. Первый, небольшой чиновникъ въ министерствѣ финансовъ, пристрастился тогда къ литературной старинѣ, и нѣсколько статей его было тогда напечатано въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Оренбургскій уроженецъ, онъ

кончилъ свое ученіе въ казанскомъ университетѣ (по юридическому, или, по тогдашнему, «камеральному», факультету); онъ былъ человѣкъ очень живого характера, но съ способностью къ немалой выдержкѣ и упорному труду; знанія, какія далъ ему университетъ, были невелики, но теперь онъ усердно читалъ по тѣмъ историко-литературнымъ вопросамъ, съ какими встрѣчался; занимаясь писателями XVII и XVIII вѣка, онъ, между прочимъ, встрѣтился и съ латынью, которую, вѣроятно, плохо одолѣвалъ въ гимназіи и успѣлъ перезабыть въ университетѣ; онъ снова занялся латынью и успѣлъ ее преодолѣть настолько, чтобы читать источники XVII-го вѣка. Отъ XVII вѣка онъ перешелъ къ эпохѣ Петра В., и старательно собираемая масса матеріала (при чемъ ему приходилось испытывать и неудобныя библіотечныя затрудненія) дала ему возможность исполнить извѣстную огромную работу—«Наука и литература при Петрѣ Великомъ». Костомаровъ былъ также частымъ посѣтителемъ библіотеки. Уже вскорѣ послѣ водворенія въ Петербургѣ онъ занялъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ и передъ тѣмъ, и во время самаго профессорства много занимался въ Публичной библіотекѣ, потомъ также въ государственномъ архивѣ для своихъ историческихъ работъ. Одинъ изъ предметовъ, которые его особенно увлекали, была древняя легенда: изученіе ея было ему необходимо для исторіи Новгорода, а впослѣдствіи онъ задумалъ и большое изданіе «Памятниковъ старинной русской литературы», въ которомъ предложилъ и мнѣ принять нѣкоторое участіе...

То время было вообще очень оживленное и общительное. Кромѣ общества, собиравшагося въ редакціи «Совре-

менника», точнѣе у Некрасова. я мало зналъ другіе литературные кружки того времени и больше видалъ нѣкоторые кружки профессорскіе: попрежнему я бывалъ на пятницахъ у Никитенки, отъ студенческихъ временъ бывалъ у Срезневскаго, Н. М. Благовѣщенскаго, нерѣдко бывалъ у Костомарова. У Срезневскаго собирался кружокъ больше археологическій, люди, прикосновенные къ славянской старинѣ и народности, обыкновенно довольно чуждые или даже враждебные новѣйшимъ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ Срезневскій жилъ въ далекой линіи Васильевскаго острова, я обыкновенно отправлялся къ нему вмѣстѣ съ Пекарскимъ (съ нимъ мы были близко знакомы) и вмѣстѣ возвращались. Н. М. Благовѣщенскій былъ моимъ профессоромъ въ университетѣ: это не былъ такой ученый спеціалистъ, какихъ не мало развелось теперь, но онъ умѣлъ внушать интересъ къ своему предмету; въ томъ, что онъ писалъ, онъ старался и для обыкновенныхъ читателей дѣлать свой предметъ доступнымъ и интереснымъ; съ нынѣшней точки зрѣнія, его, вѣроятно, сочли бы ученымъ, тратящимъ время на популяризацію, дѣло едва ли не безполезное. Намъ кажется, что точка зрѣнія Благовѣщенскаго была правильная: надо было распространять въ массѣ обыкновенныхъ образованныхъ людей интересъ къ античному міру съ той стороны, которая можетъ сдѣлать его особенно привлекательнымъ,—со стороны литературы и искусства. Если бы этотъ взглядъ былъ распространенъ больше между учеными-классиками, общественное образованіе выиграло бы несравненно болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать новѣйшій школьный классицизмъ, поселявшій только отвращеніе къ тому, что могло бы стать важнымъ орудіемъ общественнаго образованія...

Чернышевскій, послѣ своего вступленія въ журналъ, уже вскорѣ сталъ для него человѣкомъ необходимымъ. Онъ былъ многосторонне образованный и очень начитанный человѣкъ, съ громадной памятью, съ большою способностью много и быстро работать, наконецъ съ живѣйшимъ интересомъ къ вопросамъ общественнаго характера.

Мнѣ привелось теперь же, когда пишутся эти строки, издать письма Некрасова къ Тургеневу; изъ нихъ и изъ объясненій къ нимъ читатель увидитъ, какъ складывался новый характеръ «Современника». Въ это время, въ 56-мъ и 57-мъ гг., Некрасовъ, между прочимъ, надолго уѣзжавшій за границу, по возвращеніи, увидѣлъ значительную перемѣну въ настроеніи цѣлаго общества, именно въ томъ самомъ направленіи, къ которому уже раньше склонились интересы Н. Г. Случайно къ этому же времени Некрасову пришлось нѣсколько разувѣриться въ своихъ прежнихъ друзьяхъ-беллетристахъ. Дѣло въ томъ, что въ 1856-мъ году ему пришла мысль тѣснѣе привлечь къ журналу этихъ друзей, пригласивъ ихъ быть исключительными сотрудниками журнала и въ вознагражденіе сдѣлавъ ихъ участниками въ чистой прибыли журнала, кромѣ ихъ обычнаго гонорара. Соглашеніе состоялось, и о немъ было печатно заявлено въ «Современникѣ». Весьма естественно думать, что Некрасовъ при этомъ разсчитывалъ на выгоду и для самого «Современника»; но ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и относительно приглашаемыхъ лицъ онъ поступилъ совершенно правильно и въ нашей журналистикѣ еще небывало. Но результатъ этой комбинаціи оказался странный, даже смѣшной. Во-первыхъ, сотрудники, которымъ было это предложено, съ удовольствіемъ соглашались получать дивидендъ, и вскорѣ даже заявлялись

нѣкоторыя желанія получать впередъ нѣчто въ счетъ этого будущаго дивиденда, но въ то же время заявляли, что должны сначала выполнить обязательства, сдѣланныя раньше. Въ результатѣ появилось слѣдующее. «Обязательные» сотрудники «Современника» принялись исполнять свои ранѣе заключенныя обязательства; другіе журналы, какъ напримѣръ «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», стали наполняться произведеніями ближайшихъ друзей «Современника», а самый «Современникъ» ихъ не получалъ. Когда это продлилось нѣкоторое время, эффектъ получился явно невозможный и смѣшной, и въ концѣ-концовъ началась рѣчь объ уничтоженіи обязательства.

Какъ я говорилъ, въ это время я видалъ другіе литературные или ученые кружки. Возникло, конечно, большое число знакомствъ, такъ что мнѣ былъ болѣе или менѣе извѣстенъ наличный составъ тогдашняго литературнаго міра въ Петербургѣ, а также и въ Москвѣ. Кружки были довольно разнообразны. Я упоминалъ о разнообразныхъ посѣтителяхъ четвериовъ Краевскаго, гдѣ, между прочимъ, я въ первый разъ познакомился съ Горбуновымъ, котораго тогда вывезъ изъ Москвы Островскій; разнообразные гости собирались на пятницахъ у Никитенки, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ Гончарова, только что вернувшагося изъ кругосвѣтнаго путешествія,—онъ былъ таковъ же, какимъ я зналъ его впослѣдствіи: съ брюшкомъ, несмотря на отдаленное путешествіе, съ неполной шевелюрой, мало разговорчивый въ обществѣ, вѣроятно, для него недостаточно избранномъ, съ видимой манерой избалованности и самодовольнаго каприза. Онъ не производилъ привлекающаго впечатлѣнія и скорѣй напоминалъ дядюшку въ «Обыкновенной исторіи». Я уже говорилъ,

кажется, что самъ Никитенко былъ интересный собесѣдникъ: онъ любилъ поговорить: предметомъ разсказовъ бывали всего чаще не современныя дѣла (относительно ихъ онъ былъ молчаливъ), а недавнее прошлое, и общій тонъ былъ таковъ, о которомъ даетъ понятіе изданный впослѣдствіи извѣстный «Дневникъ»: цѣлое впечатлѣніе было впечатлѣніе хотя не широко образованнаго человѣка, а скорѣе начитаннаго самоучки, но человѣка, которому интересы общественнаго просвѣщенія были дороги и который понималъ необходимость для нихъ извѣстнаго простора. У П. М. Благовѣщенскаго собиралось общество немноголюдное и, вообще говоря, не всегда занимательное, но онъ бывалъ очень доволенъ, когда къ нему захаживали знакомые изъ литературнаго круга, о чемъ онъ даже предварялъ своихъ гостей, что онъ ожидалъ такого-то или такого-то. Между прочимъ, постояннымъ его гостемъ бывалъ его товарищъ нѣкогда по педагогическому институту, В. Д. Яковлевъ, впослѣдствіи извѣстный авторъ «Италіи». Высокаго роста, худощавый, онъ уже тогда имѣлъ видъ человѣка слабаго здоровья: позднѣе я видалъ его и нѣсколько разъ у него бывалъ, когда онъ былъ уже человѣкомъ совершенно разрушеннаго здоровья: онъ былъ въ общемъ параличѣ, потерялъ зрѣніе, но голова у него оставалась еще свѣжа... Однажды Благовѣщенскій заявилъ гостямъ, что у него будетъ Майковъ, т.-е. Аполлонъ Николаевичъ. Я зналъ его не только какъ автора поэмы «Двѣ судьбы», но и уже какъ автора «Коляски». Въ это время Майковъ, повидимому въ воспоминаніе старой россійской Академіи, сталъ корреспондентомъ II Отдѣленія Академіи наукъ: начиналась крымская война, и въ «Извѣстіяхъ» II Отдѣленія напечатаны были его патріотиче-

скія стихотворенія. Мнѣ припоминается этотъ вечеръ у Благовѣщенскаго, когда Майковъ, видѣнный мною въ первый разъ, произвелъ на меня мало пріятное впечатлѣніе. Общественное броженіе временъ крымской войны, о которомъ мнѣ случалось говорить, въ это время уже было замѣтно. Начинали слышаться извѣстные запросы общественнаго мнѣнія, недовольство нѣкоторыми общественными порядками; возникало разногласіе. Майковъ былъ сполна на консервативной и панегирической точкѣ зрѣнія, и на меня очень непріятно подѣйствовало, когда въ разговорѣ названо было имя Бѣлинскаго, и Майковъ причислилъ его (вѣроятно, какъ родоначальника) къ той либеральной «партіи» настоящей минуты, къ которой онъ относился очень враждебно. По крайней мѣрѣ, ему не слѣдовало говорить такъ о Бѣлинскомъ.

Къ этому прибавлялись московскія знакомства. Не помню, говорилось ли раньше о началѣ ихъ, когда, около 55-го года отправляясь домой, я прожилъ недѣли двѣ-три въ Москвѣ. Передъ тѣмъ въ Петербургѣ я познакомился и довольно дружно сошелся съ Тихонравовымъ. Зная о моей предположенной поѣздкѣ, при чемъ мнѣ хотѣлось побыть въ Москвѣ, онъ предложилъ мнѣ остановиться и пожить у него. Я такъ и сдѣлалъ. Помнится, онъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, что̀ было съ его стороны и любезно, и предусмотрительно, такъ какъ иначе, безъ провожатаго, мнѣ было бы вѣроятно довольно трудно отыскать его квартиру, находившуюся тогда въ самомъ концѣ какого-то замысловатаго «тупика», который шелъ какими-то изворотами, такъ что, какъ припоминаю, мнѣ трудно было опредѣлить его положеніе относительно странъ свѣта. Тихонравовъ (онъ былъ уже тогда учителемъ въ гимназіи) жилъ

въ очень скромной, небольшой квартиркѣ, на студенческій ладъ, но небольшія комнатки были уже заставлены плотно набитыми книжными полками. Онъ былъ уже большой библіофилъ, отличаясь, однако, отъ толпы библіофиловъ тѣмъ, что онъ зналъ содержаніе своихъ книгъ и намѣчалъ историко-литературное значеніе тѣхъ книжныхъ рѣдкостей, которыя онъ пріобрѣталъ...

Въ іюнѣ 1904 г.—Къ началу 1858 года я уѣхалъ надолго за границу. Это произошло такимъ образомъ. Въ петербургскомъ университетѣ послѣ моей магистерской диссертаціи возникла мысль о «командировкѣ» меня за границу, когда вмѣстѣ съ тѣмъ явилось предположеніе объ основаніи въ университетѣ новой каоедры западно-европейскихъ литературъ; но въ данную минуту у университета, по обычаю, не было на это денегъ, и командировка могла быть устроена только потому, что тогдашній попечитель, кн. Гр. Алекс. Щербатовъ внесъ отъ себя въ университетъ потребную для того сумму (помнится, это было по 1200 р. на годъ). Мнѣ предложили поѣхать за границу на два года, въ видахъ приготовленія именно къ этой предполагаемой будущей каоедрѣ.

Это была особая пора въ исторіи нашихъ университетовъ. Министерство просвѣщенія въ старые годы, особенно когда управлялъ имъ гр. Уваровъ, не могло не чувствовать необходимости расширять горизонтъ будущихъ профессоровъ изъ болѣе компетентнаго и богатаго источника, чѣмъ тогдашняя доморощенная научная школа. На первый разъ принята была для этого средняя мѣра учрежденіемъ такъ-называемаго «профессорскаго института» въ Дерптѣ, который, въ качествѣ нѣмецкаго университета,

былъ все-таки ближе другихъ къ подлиннымъ источникамъ европейской науки: туда посылали для усовершенствованія молодыхъ ученыхъ, которыхъ впослѣдствіи предполагалось назначать профессорами въ русскіе университеты; но затѣмъ стали посылать этихъ молодыхъ ученыхъ и прямо за границу: около того же времени послана была за границу, спеціально въ славянскія земли, и группа молодыхъ ученыхъ, которымъ предстояло занять будущія каѳедры «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій».

Эта мѣра была для нашей университетской науки поистинѣ благодѣтельна. Довольно было сравнить старомодныхъ ученыхъ съ профессорами новой формаціи, чтобы видѣть громадную разницу. Первые (за очень немногими исключеніями, напр., въ медицинѣ) всего чаще имѣли очень смутное представленіе о содержаніи европейской науки; во многихъ случаяхъ они просто не имѣли о ней понятія. Вторые имѣли возможность слышать самихъ западныхъ (особливо нѣмецкихъ) вождей этой науки и приносили домой большой запасъ свѣжихъ познаній, а главное, новыя понятія о современныхъ задачахъ науки и пріемахъ научнаго анализа и критики.

Послѣ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ «командировки» ученыхъ за границу почти прекратились. Въ бурныхъ для Запада сороковыхъ годахъ пребываніе тамъ скромныхъ россіянъ сочтено было бы прямо зловреднымъ; поэтому университеты надолго остались безъ обновленія и освѣженія ихъ научныхъ силъ. Новое движеніе открылось опять съ конца пятидесятыхъ годовъ. То оживленіе русской общественности и самой правительственной мысли, которое было результатомъ испытаній крымской войны, отразилось новыми взглядами и въ ми-

нистерствѣ просвѣщенія. Моя поѣздка совпадала съ началомъ этого взгляда. Становилась очевидной громадная разница въ нашемъ научномъ уровнѣ и уровнѣ европейскомъ; было сознано, что для сколько-нибудь правильнаго изложенія той или другой науки на университетской каѳедрѣ русскій ученый не можетъ быть ограниченъ одними средствами нашего, такъ сказать, домашняго обученія, что ему надо познакомиться съ постановкой дѣла въ главныхъ очагахъ европейской науки. Посылки молодыхъ ученыхъ за границу участились; польза этихъ посылокъ уже вскорѣ становилась очевидной; «командировки» становились дѣломъ все болѣе обыкновеннымъ, наконецъ стали какъ бы правиломъ.—въ этомъ правилѣ, очевидно, заключалось драгоцѣнное средство поддерживать достоинство русской университетской науки.

Мнѣ привелось видѣть если не первое начало этихъ новыхъ научныхъ экскурсій молодого ученаго поколѣнія на Западъ.—за границей я встрѣтилъ уже нѣсколько человѣкъ, которые жили тамъ нѣкоторое время,—то я видѣлъ во всякомъ случаѣ то общее впечатлѣніе, какое получалось при этомъ давно неиспытанномъ сближеніи русскаго молодого поколѣнія съ европейской наукой, а также и европейской общественностью. Я прожилъ тогда за границей ровно два года.

Въ «эпоху великихъ реформъ» исполнена была между прочимъ одна очень небольшая, но собственно очень значительная реформа, именно стало доступно для всѣхъ путешествіе за границу, которое въ послѣдніе годы императора Николая было чрезвычайно затруднено. Теперь множество людей поѣхало за границу. Кружокъ молодыхъ ученыхъ составлялъ, конечно, особую группу,

которая легко сближалась по общему университетскому интересу.

Въ настоящее время, когда это путешествіе стало дѣломъ совершенно обыкновеннымъ, когда множество людей ѣдетъ за границу въ курорты или для простой прогулки и развлеченія, уже забылось то первое впечатлѣніе, какое въ пятидесятыхъ годахъ произведено было разрѣшеніемъ заграничныхъ путешествій. Русское общество еще съ восемнадцатаго вѣка было сильно заинтересовано европейской жизнью, нравами, наукой, природой; можно сказать, что этотъ интересъ съ теченіемъ времени все возросталъ, и справедливо. «Письма русскаго путешественника» Карамзина даютъ очень наглядное понятіе о томъ, въ какой степени привлекательно было это путешествіе для представителя русскаго образованнаго общества еще сто лѣтъ тому назадъ; какая масса предметовъ любознательности и иного интереса окружала въ Европѣ русскаго путешественника, который находилъ здѣсь возможность знакомиться и съ національными характерами европейскихъ народовъ, ихъ историческими памятниками, и съ знаменитыми произведеніями невиданнаго искусства, и съ центрами науки, и съ родиной и представителями литературы, со всѣмъ тѣмъ, что̀ еще давно дома доставляло пищу «для ума и для сердца», что было уже жадно искомой потребностью русскаго образованія во всѣхъ его направленіяхъ. Очевидно, что, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ эта потребность непосредственно знать и видѣть европейскую жизнь становилась тѣмъ болѣе настоятельной, что къ этому времени вліяніе и отголоски европейской науки и литературы становились болѣе широки и сознательны, чѣмъ когда-нибудь прежде. Была исполнена

интереса и другая сторона жизни: положеніе свободной науки и литературы, нравы, внутренняя политическая жизнь общества, невиданныя формы гражданскаго быта, вся эта нравственно-реальная сторона просвѣщенія, которая лучшимъ людямъ русскаго общества представлялась только въ одномъ мечтательномъ идеалѣ. Для массы была привлекательна другая, болѣе элементарная сторона европейской жизни: широкое развитіе простой общественности, доступность искусства, литературы, театра, между прочимъ, во многихъ странахъ среди мягкой, оригинальной, красивой или величественной природы. Долгое запрещеніе, лежавшее на заграничномъ путешествіи, дѣлало его теперь еще болѣе заманчивымъ. Въ молодомъ ученомъ кружкѣ къ этой привлекательности путешествія присоединялось и другое— возможность непосредственнаго знакомства съ знаменитыми научными центрами, съ университетской аудиторіей, библіотеками, лабораторіями, музеями иногда съ самими знаменитыми авторитетами западной науки. Вниманіе поглощалось массою этихъ вновь раскрывавшихся интересовъ. Только обжившись нѣкоторое время, можно было ближе заняться какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ науки, и это всего доступнѣе было тѣмъ, чьи занятія были направлены на какую-нибудь опредѣленную тему, какую-либо болѣе или менѣе тѣсную спеціальность: но гораздо труднѣе было специализироваться для тѣхъ, чьи изученія были направлены на область прямо безграничную, какъ исторія: здѣсь все требовало вниманія и широко возбуждало его, и современная жизнь, и рядъ историко-филологическихъ наукъ, и памятники древности, и средніе вѣка, и современный складъ литературы и т. д. Болѣе или менѣе всѣ молодые «русскіе путеше-

ственники», за исключеніемъ или людей зрѣлыхъ, или тѣсныхъ спеціалистовъ, испытали этотъ наплывъ разнородныхъ образовательныхъ потребностей, которыя и въ самомъ дѣлѣ были вполнѣ законны. Европейская жизнь представляла громадное обиліе этихъ образовательныхъ интересовъ, и было жаль не усвоить ихъ хотя бы въ извѣстной степени, потому что въ нихъ отзывалась цѣлая исторія просвѣщенія и цивилизаціи. Всѣ, у кого являлась возможность, стремились обыкновенно воспользоваться сколько можно шире представлявшимся случаемъ увидѣть этотъ громадный культурный горизонтъ, гдѣ столь многому можно было научиться и для блага собственнаго отечества: какъ ни были разнообразны спеціальности, представителями которыхъ являлись здѣсь молодые ученые россіяне, нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ ихъ исканій, занятій, трудовъ лежала эта надежда послужить потомъ своими работами отечеству, какъ было нѣкогда и въ мысляхъ Карамзина.

Какъ я сказалъ, мнѣ привелось уже встрѣтить за границей путешественниковъ нѣсколько болѣе старшаго поколѣнія: я видѣлъ здѣсь, напримѣръ, М. М. Стасюлевича, Пв. К. Бабста, М. П. Сухомлинова, П. М. Сѣченова (съ которымъ, впрочемъ, тогда еще не былъ знакомъ), Н. Н. Булича, и гораздо больше—своихъ сверстниковъ, которые были представителями, кажется, всѣхъ русскихъ университетовъ, а также и медицинской академіи: здѣсь были классическіе филологи, историки, юристы (цивилисты и криминалисты), политико-экономы, натуралисты-зоологи, физіологи, химики и т. д. Встрѣчались мы, конечно, въ разныхъ стадіяхъ нашихъ путешествій и, конечно, съ немалымъ интересомъ мѣнялись своими впечатлѣніями на-

шихъ странствій. Понятно, что «командированнымъ» ученымъ въ ту пору и въ томъ настроеніи часто приходилось быть обыкновенными туристами, съ тою разницей, что командированные историки и филологи были больше приготовлены къ пониманію исторической древности и старины и современной политической жизни, чѣмъ обыкновенные туристы, очень часто, къ сожалѣнію, крайне невѣжественные.

Я выѣхалъ изъ Петербурга, сколько помню, въ самомъ концѣ 1857-го или самомъ началѣ 1858 года. Стояла довольно злая зима; ѣхать привелось по тогдашнему обычаю въ почтовомъ дилижансѣ. Я намѣренно взялъ наружное мѣсто, чтобы не быть заключеннымъ въ коробкѣ и видѣть дорогу, хотя впередъ можно было угадывать, что будетъ предстоять борьба со стихіями, т.-е. съ морозомъ. Путь лежалъ по балтійской дорогѣ черезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Тильзитъ, затѣмъ въ нѣмецкомъ дилижансѣ до Кёнигсберга. Интересныхъ спутниковъ у меня не было; но вспоминается Шопенъ, тогда уже очень старый человѣкъ, авторъ довольно извѣстной въ свое время книги объ Арменіи; не помню, въ этотъ или другой путь я встрѣтилъ на этой же дорогѣ стариннаго поэта Любеча-Романовича. Изъ Кёнигсберга шла уже желѣзная дорога на Берлинъ, куда я и доѣхалъ съ Шопеномъ. Въ Берлинѣ я встрѣтилъ знакомыхъ—М. М. Стасюлевича и Б. И. Утина; другихъ не помню, но были, кажется, и другіе. Зимній Берлинъ (конечно, все-таки не такой холодный, какъ Петербургъ) не былъ особенно привлекателенъ, но все-таки былъ очень интересенъ: въ первые же дни въ качествѣ «гостя» я бывалъ въ университетѣ, нѣсколько разъ осматривалъ Altes и Neues Museum, бывалъ въ те-

атрѣ. Въ университетѣ, конечно, было чрезвычайно любопытно послушать знаменитыхъ профессоровъ, ихъ въ Берлинѣ бывало не мало: мнѣ пріятно бывало потомъ вспомнить, что я слышалъ не однажды знаменитаго Риттера, основателя новой географіи, и не менѣе знаменитаго Леопольда Ранке; болѣе спеціальною знаменитостью былъ тогда Рудольфъ Гнейстъ и др. Конечно, мнѣ было любопытно познакомиться съ общей программой университетскихъ чтеній, которая поражала богатствомъ, разнообразіемъ научныхъ силъ. На этотъ разъ я оставался въ Берлинѣ недолго. Меня привлекла программа путешествія, которая составилась на нашихъ берлинскихъ бесѣдахъ и особенно предлагалась М. М. Стасюлевичемъ, а именно: отправивъ тяжелую поклажу прямо въ Парижъ, сдѣлать путешествіе налегкѣ, съ однимъ саквояжемъ, черезъ Германію на Гейдельбергъ à petite journée, останавливаясь по дорогѣ въ особенно интересныхъ пунктахъ на день, на два. Мы отправились въ дорогу, помнится, въ мартѣ 1858 г. и пріѣхали въ Парижъ въ 15—20 дней. Путешествіе было дѣйствительно очень интересно: М. М. Стасюлевичъ былъ уже тогда очень опытный туристъ, такъ что я свободенъ былъ отъ всякихъ заботъ: онъ всегда умѣлъ выбрать наиболѣе подходящій поѣздъ и время пребываніе въ томъ или другомъ городѣ, наиболѣе удобную гостиницу, наиболѣе удобный планъ осмотра города и т. п.; время сберегалось. Такимъ образомъ, мы останавливались прежде всего въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле, гдѣ успѣли посмотрѣть университетъ,—прослушать лекцію философа Эрдмана (между прочимъ, автора извѣстной тогда книги: «Akademisches Leben und Studium»), протестантскаго теолога Толука,—успѣли взглянуть на «галлоровъ»;

дальше мы были въ Веймарѣ, гдѣ, какъ подобаетъ, смотрѣли воспоминанія о Шиллерѣ и Гёте (какъ разъ около того времени вышла любопытная книга Штара съ воспоминаніями о старомъ Веймарѣ, временъ Шиллера и Гёте). Изъ Веймара мы сдѣлали экскурсію въ Іену. Іена меня чрезвычайно заинтересовала. Это небольшой, скромный нѣмецкій городокъ на берегу р. Саалы, однако знаменитый, во-первыхъ, своимъ университетомъ, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Германіи, во-вторыхъ, извѣстнымъ сраженіемъ, которое, послѣ страшнаго пораженія нѣмцевъ Наполеономъ, послужило однимъ изъ первыхъ стимуловъ къ національному возрожденію Германіи послѣ феодальнаго застоя. М. М. Стасюлевичъ, какъ и я, раньше не бывалъ въ Іенѣ. Мы пріѣхали въ Іену поздно вечеромъ: на другое утро, по обычаю, поспѣшили осматривать городъ, и первымъ дѣломъ было, конечно, посмотрѣть университетъ. Отель былъ выбранъ заранѣе въ центрѣ города, недалеко отъ главной площади, и мы прежде всего къ ней направились: на пути встрѣтилась книжная лавка, и здѣсь всего ближе было справиться, какъ пройти въ университетъ. Мы были очень удивлены, когда на нашъ вопросъ объ университетѣ приказчикъ отвѣтилъ намъ: «Aber wir haben keine Universität». Какъ, въ Іенѣ нѣтъ знаменитаго іенскаго университета? Оказалось, что дѣйствительно нѣтъ центральнаго зданія, которое заключало бы въ себѣ университетъ: былъ только одинъ сравнительно небольшой домъ, гдѣ помѣщалась библіотека и, кажется, одна-двѣ аудиторіи: всѣ остальныя аудиторіи были разсѣяны по городу въ частныхъ домахъ. Приказчикъ объяснилъ намъ, что общее расписаніе лекцій съ адресами квартиръ-аудиторій по разнымъ улицамъ мы найдемъ въ двухъ шагахъ

въ центральномъ мѣстѣ, на стѣнѣ собора. Расписаніе лекцій этого столь скромно размѣщеннаго университета блистало знаменитыми именами. Просмотрѣвъ расписаніе и разсчитавъ время, мы въ два-три дня могли прослушать нѣсколькихъ профессоровъ, имена которыхъ занимаютъ славное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ и наукѣ: мы были на лекціяхъ знаменитаго философа Куно Фишера, незадолго передъ тѣмъ нашедшаго здѣсь пріютъ послѣ гоненій въ Гейдельбергѣ; извѣстнаго историка Дройзена, перезваннаго потомъ въ Берлинъ; знаменитаго натуралиста Шлейдена; я одинъ былъ на лекціи знаменитаго филолога и слависта Августа Шлейхера. Вечера были у насъ, конечно, свободны, но и на этотъ разъ скромный провинціальный городъ могъ доставить пищу «для ума и для сердца»; оказалось, что профессора университета въ опредѣленные дни читаютъ по вечерамъ за очень скромную плату популярныя лекціи въ общественномъ собраніи въ родѣ скромнаго клуба «Zur Rose», гдѣ бывали бюргеры съ ихъ семействами. Таковъ былъ этотъ знаменитый и почти бѣдный по внѣшней обстановкѣ пріютъ нѣмецкой науки,—и который былъ въ тѣ времена не единственнымъ. Своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ характеромъ Іена оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе, какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ типическихъ и внушающихъ глубокое уваженіе образчиковъ научнаго быта въ Германіи: очевидно, съ давнихъ поръ, отъ среднихъ вѣковъ, въ такихъ скромныхъ внѣшнихъ условіяхъ могла развиваться силами преданныхъ умовъ могущественная наука, которая пріобрѣтала, наконецъ, настоящее міровое значеніе.

Послѣ Іены и Веймара мы осмотрѣли въ Готѣ старые памятники, напоминавшіе о среднихъ вѣкахъ и реформа-

ціи. старый, нѣкогда католическій монастырь, гдѣ на стѣнахъ большой залы сохранилась галлерея картинъ, изображающихъ «пляску смерти». За Готой мы смотрѣли Эйзенахъ и въ его сосѣдствѣ извѣстный замокъ Вартбургъ съ келіей Лютера и пр. Далѣе, нашъ путь лежалъ на Франкфуртъ, образчикъ блестящаго торговаго города, съ его извѣстными достопримѣчательностями, красивымъ расположеніемъ и постройкой города, «Аріадной» Данекера, исторической «Judengasse». Отсюда мы направились на югъ, гдѣ особеннымъ предметомъ нашего любопытства былъ Гейдельбергъ. Впослѣдствіи я прожилъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ и скажу о немъ дальше. На этотъ разъ мы все-таки остались тамъ нѣсколько дней: снова поражала картина нѣмецкаго университетскаго города, гдѣ сохранялись и различные остатки средневѣковой старины, спокойно творилась богатая научная жизнь, повидимому наполнявшая весь этотъ край; это было цѣлое гнѣздо университетовъ,—чуть не въ двухъ шагахъ, въ нѣсколькихъ часахъ желѣзной дороги отъ Гейдельберга расположены Гиссенъ, Тюбингенъ, Мангеймъ, Фрейбургъ, гдѣ бывали свои знаменитые дѣятели и совершались знаменитые подвиги науки (напримѣръ, въ Гиссенѣ проходила научная дѣятельность Либиха; отъ Тюбингена носитъ свое имя знаменитая школа протестантской исторической теологіи,—не говорю о самомъ Гейдельбергѣ). За Гейдельбергомъ остановки въ Штуттгардтѣ, Карлсруэ; затѣмъ мы переѣхали границу и послѣ осмотра Страсбурга, тогда еще французскаго, были въ Парижѣ. Описывать Парижъ я, конечно, не буду. Достаточно вспомнить о культурно-историческомъ значеніи Парижа отъ временъ Петра Великаго, посланничества графа Андрея Матвѣева, Антіоха

Кантемира. Тредьяковскаго до импер. Екатерины и парижскихъ ея друзей, до Фонъ-Визина. Карамзина, наконецъ, до m-me Курдюковой и до переписки одного русскаго высокопоставленнаго лица съ статскимъ совѣтникомъ Поль-де-Кокомъ. Понятно, что обще-европейское значеніе Парижа не могло не производить впечатлѣнія на русскихъ путешественниковъ: его значеніе историческое, культурное, политическое, литературное, научное—такъ громадны, что представляли богатую пищу и для «командированныхъ молодыхъ ученыхъ». Конечно, увлекалъ осмотръ всякихъ достопримѣчательностей, занималъ театръ, но въ обычномъ препровожденіи времени особую привлекательность получали Collège de France, Сорбонна, музей Cluny,—все это въ знаменитомъ старинномъ и типическомъ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ мы и сами помѣстились.

Время было раздѣлено въ особенности между лекціями, музеями, театромъ и бесѣдами съ своей компаніей. Мало-по-малу накоплялось число знакомыхъ, въ особенности между молодыми учеными путешественниками. Я жилъ въ Парижѣ въ 1858 и 1859 годахъ. Въ моей памяти отчасти смѣшиваются подробности встрѣчъ и знакомствъ, и въ нихъ я могу ошибиться на тотъ или другой годъ. У насъ не образовалось какого-либо одного кружка; частью встрѣчались лишь немногіе, но на лекціяхъ и въ музеяхъ, за общимъ обѣдомъ дѣлалось все больше новыхъ знакомствъ и встрѣчъ, большею частью интересныхъ. Я упоминалъ, что въ эти годы все больше возрастало число университетскихъ «командировокъ», и за границей, въ Берлинѣ, Парижѣ, въ Италіи я видѣлъ молодыхъ представителей почти, кажется, всѣхъ русскихъ университетовъ; ближе всѣхъ были петербургскіе: М. М. Стасюлевичъ, у кото-

раго я во время моего пребыванія въ университетѣ успѣлъ даже прослушать нѣсколько лекцій при его вступленіи на каоедру; Б. И. Утинъ, который былъ питомцемъ дерптскаго университета и съ которымъ я еще до поѣздки познакомился у К. Д. Кавелина; М. И. Сухомлиновъ, котораго я также зналъ еще ранѣе въ Петербургѣ: онъ былъ питомцемъ университета харьковскаго; я былъ, помнится, еще студентомъ послѣдняго курса на его пробной лекціи по конкурсу, въ которомъ онъ состязался съ Иринархомъ Введенскимъ и Тимооеевымъ; но каоедру онъ получилъ уже послѣ моего выхода изъ университета. Изъ Харькова же былъ Ник. Ник. Бекетовъ, съ которымъ былъ постоянный его ассистентъ Галичъ-Гарницкій; оттуда же былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, который сталъ потомъ нашимъ хорошимъ другомъ, Дм. Ив. Каченовскій,—профессоръ международнаго права, широко образованный человѣкъ, съ живымъ остроуміемъ, музыкальными вкусами и политическими интересами. Оттуда же былъ (встрѣтившійся мнѣ тогда же или послѣ) молодой талантливый профессоръ всеобщей исторіи Петровъ. Впослѣдствіи, вернувшись снова на свою каоедру въ Харьковѣ, Петровъ потерялъ зрѣніе и умеръ еще молодымъ: отъ него остался прекрасный сжатый курсъ «Всеобщей исторіи» и другія работы. Были также представители Кіева и Варшавы. Въ нашихъ бесѣдахъ отражались наши общіе разнообразные интересы, литературные, общественные, научные; между прочимъ опредѣлились и планы дальнѣйшихъ путешествій. На первый разъ привлекало ближайшее путешествіе—въ Лондонъ. Я не владѣлъ (практически) англійскимъ языкомъ, но у меня нашелся спутникъ, говорившій по-англійски и въ другихъ

отношеніяхъ очень интересный товарищъ: это былъ Б. И. Утинъ. Путешествіе было очень короткое, но не безъ впечатлѣній. Мы быстро проѣхали отъ Парижа въ Кале; отсюда до Дувра надо было пройти краткій курсъ, впрочемъ легкій, морской болѣзни, затѣмъ быстрый поѣздъ доставилъ насъ въ Лондонъ. Извѣстно подавляющее впечатлѣніе, какое производитъ англійская столица: Парижъ не могъ идти съ нимъ въ сравненіе ни по пространству, ни по массѣ населенія, гдѣ буквально кипѣла невѣдомая дѣятельность,—разумѣется, она была, главнымъ образомъ, промышленная и торговая. Эта сторона Лондона и англійской жизни не входила въ нашъ интересъ, но живѣйшую любознательность возбуждали художественныя и научныя учрежденія—и собранія, и историческіе памятники: хотѣлось осмотрѣть, сколько возможно, громаду самаго города и главныхъ знаменитыхъ окрестностей, затѣмъ Національную галлерею, Британскій музей, Кенсингтонъ, Сейденгемскій дворецъ, отчасти театръ, гдѣ намъ хотѣлось видѣть исполненіе Шекспира; мнѣ привелось быть на публичномъ чтеніи изъ произведеній Диккенса, эпизоды изъ которыхъ читалъ самъ Диккенсъ. Для русскихъ того времени особую привлекательность Лондона составлялъ еще Герценъ. У насъ обоихъ не было къ нему никакихъ ближайшихъ отношеній. Онъ жилъ тогда въ Пётнеѣ (Putney), приблизительно, помнится, въ получасѣ ѣзды отъ Лондона. Мы списались съ нимъ и пріѣхали къ нему въ качествѣ «русскихъ путешественниковъ». Не помню, въ этомъ или слѣдующемъ году, когда я въ другой разъ былъ въ Лондонѣ, я встрѣтилъ и еще русскихъ знакомыхъ, съ которыми увидѣлся у Герцена; это были П. В. Анненковъ, В. П. Боткинъ и И. С. Тургеневъ; былъ здѣсь и нашъ

недавній знакомый. Д. П. Каченовскій. Герценъ произвелъ на меня очень пріятное и чисто русское впечатлѣніе. Это былъ гостепріимный, добродушный, какъ будто балованный русскій баринъ; не очень высокаго роста, очень полный, но живой человѣкъ, очень разговорчивый, съ мягко льющеюся рѣчью, блестѣвшею остроуміемъ. Онъ былъ уже издателемъ «Колокола»: извѣстенъ характеръ этого изданія, гдѣ его собственныя статьи проникнуты были глубоко возбужденнымъ чувствомъ любви къ родинѣ; мысль о ней, очевидно, его никогда не покидала; разговоръ постоянно обращался къ тѣмъ или другимъ чертамъ и подробностямъ тогдашнихъ русскихъ событій. Это всего больше сохранилось въ моей памяти. По журналу можно было видѣть, что у него было довольно и даже много корреспондентовъ изъ Россіи; новости доходили до него быстро; много бывало и посѣтителей, между прочимъ людей, совсѣмъ не принадлежавшихъ къ какой-нибудь литературѣ, но, безъ сомнѣнія, также подъ видомъ почитателей являлись и шпіоны. Не могу, конечно, припомнить разговоровъ, но ясно запечатлѣлось въ моей памяти общее воспоминаніе этой бесѣды, легко переходившей отъ серьезныхъ предметовъ къ шуткѣ, обыкновенно живой и остроумной, между прочимъ, на разныхъ языкахъ. Герценъ звалъ насъ къ обѣду, и ему видимо пріятно было, что онъ можетъ угостить насъ самой настоящей русской кашей изъ съѣстныхъ припасовъ, которые отъ времени до времени привозилъ къ нему въ подарокъ русскій капитанъ корабля изъ его почитателей. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличался Огаревъ. Онъ тоже носилъ на себѣ черты русскаго барина помѣщичьяго склада. Какъ извѣстно, онъ былъ нѣкогда очень богатый русскій баринъ; но ро-

мантическая филантропія и вражда къ крѣпостному праву, когда онъ почти даромъ отдалъ крестьянамъ свое богатое помѣстье Бѣлоомутъ, оставили его съ очень небольшими средствами, а въ послѣднее время его жизни даже въ бѣдности. Это былъ молчаливый, задумчивый человѣкъ, впрочемъ очень мягкій и привѣтливый; какъ, вѣроятно, и въ прежніе годы, имъ овладѣли мечты романтической философіи, такъ теперь занимали его вопросы общественные и всего больше крестьянскій вопросъ. Таковы были и статьи его въ «Колоколѣ». Я видѣлся съ Герценомъ въ оба пребыванія мои въ Лондонѣ въ этомъ и слѣдующихъ годахъ. Онъ и Огаревъ остались для меня свѣтлымъ воспоминаніемъ, какъ живые, тогда уже доживавшіе зрители той эпохи сороковыхъ годовъ, которая была такой благотворной исторической эпохой въ развитіи нашего общественнаго самосознанія,—эпохи, когда въ русскомъ обществѣ серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, ставились задачи критическаго изслѣдованія и общественнаго долга, оставшіяся надолго живительнымъ завѣтомъ для русскаго общества, и гдѣ какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы созрѣла цѣлая плеяда высокихъ талантовъ, слава которыхъ озаряетъ русскую литературу до сей минуты.

Послѣ второго пребыванія въ Лондонѣ, на другой годъ, я возвращался на материкъ не во Францію, а черезъ Голландію. Наши путешествія въ ту пору вообще получали частью спеціальный, частью общеобразовательный характеръ. Видѣть Голландію съ ея оригинальной жизнью, природой, историческими воспоминаніями, памятниками искусства могло быть совершенно естественнымъ желаніемъ въ этомъ образовательномъ смыслѣ. Привлекала, конечно, и память о Петрѣ Великомъ. Путешествіе по

Голландіи было короткое, и самое незнакомство съ языкомъ поневолѣ сокращало болѣе детальные интересы.

Не входя во всѣ подробности путешествія, я остановлюсь только на главныхъ, болѣе продолжительныхъ эпизодахъ. Однимъ изъ такихъ была поѣздка по Рейну съ нѣсколько продолжительнымъ пребываніемъ въ Боннѣ, гдѣ опять былъ любопытенъ знаменитый университетъ съ его нравами и гдѣ между прочимъ я въ качествѣ посторонняго зрителя, конечно, видѣлъ процедуру студенческой дуэли не безъ кровопролитія. Рейнская природа для меня, видѣвшаго Волгу, казалась, конечно, красивой, но какъ будто декораціонной и миніатюрной, и опять съ нею пробуждались историческія воспоминанія. Затѣмъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гейдельбергѣ. Въ качествѣ «гостя» я прослушалъ немало лекцій, въ числѣ которыхъ были лекціи по исторіи новѣйшей нѣмецкой философіи,—предметъ, къ сожалѣнію, отсутствовавшій въ нашей тогдашней университетской программѣ. Нѣсколько разъ я слышалъ лекціи извѣстнаго историка Гейссера. Въ Гейдельбергѣ жили тогда и частью еще дѣйствовали многіе знаменитые ученые люди. Я видѣлъ здѣсь еще сравнительно молодого Гельмгольца; здѣсь жили на покоѣ химикъ Бунзенъ и два знаменитыхъ представителя нѣмецкой исторической науки, Гервинусъ и Шлоссеръ. Перваго мнѣ не случилось видѣть; но мнѣ представился поводъ посѣтить Шлоссера. Не имѣя такого повода, я бы не рѣшился къ нему пойти, потому что казалось нескромностью или назойливостью одно желаніе «засвидѣтельствовать свое почтеніе», хотя бы и знаменитому человѣку, но которому это могло быть вовсе неинтересно. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, тамъ начато было близкими мнѣ людьми изданіе русскаго пе-

ревода «Исторіи восемнадцатаго вѣка». Я рѣшилъ взять съ собой нѣсколько вышедшихъ томовъ книгъ, полагая, что автору, можетъ быть, интересно видѣть русскій переводъ его книги (въ переводѣ отчасти и я принималъ участіе). Посѣщеніе устроилось и оставило для меня высоко-интересное и пріятное воспоминаніе. Въ опредѣленный часъ я пришелъ къ Шлоссеру въ его скромное и тихое обиталище. Я увидѣлъ передъ собой довольно высокаго, сѣдовласаго старца; въ красивыхъ старческихъ чертахъ свѣтилась глубокая, какъ бы задумчивая мысль; онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, особенно когда узналъ и характеръ моего путешествія, и поводъ моего посѣщенія. Онъ не зналъ о начавшемся появленіи его книги на русскомъ языкѣ и совершенно понялъ значеніе этого перевода: онъ зналъ, что раньше его книга была просто запрещена въ Россіи, и радовался, что пришло время конца этого запрещенія, потому что этотъ конецъ означалъ начало лучшаго положенія русской литературы. Затѣмъ разговоръ тотчасъ же перешелъ на положеніе дѣлъ въ Россіи. Его живѣйшимъ образомъ интересовалъ вопросъ о внутреннихъ реформахъ, предположенныхъ русскимъ правительствомъ и о которыхъ слухи уже въ обиліи проходили въ иностранную печать.

— Вы застали меня,—говорилъ онъ,—какъ разъ за чтеніемъ очень любопытныхъ свѣдѣній о вашемъ отечествѣ.

У него на столѣ развернута была книжка «Revue des deux Mondes» на статьѣ о русскихъ дѣлахъ. Онъ съ большимъ чувствомъ, точно съ благоговѣніемъ, говорилъ о поставленномъ тогда вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ придавалъ этой реформѣ, когда она совершится, великое значеніе; съ нею долженъ совершиться поворотъ

во внутренней жизни и дальнѣйшемъ развитіи русскаго общества.

Шлоссеръ былъ тогда уже очень древенъ, и это теплое сочувствіе къ лучшимъ явленіямъ русской жизни вполнѣ отвѣчало цѣлому характеру этого историка. Для него историческая наука была не только холоднымъ итогомъ событій, не только холоднымъ объясненіемъ ихъ связи, но и нравственнымъ поученіемъ, нравственнымъ судомъ надъ правыми и неправыми, осужденіемъ зла и проповѣдью высокихъ, гуманныхъ требованій, которыми должны одушевляться дѣятели исторіи; они были въ свое время живыми участниками событій и должны были быть нравственно обязанными членами своего общества. Личность Шлоссера производила въ высокой степени привлекательное впечатлѣніе: этотъ мудрый, безпристрастный, но вмѣстѣ и строгій историкъ напоминалъ собою лучшихъ представителей древней и новѣйшей общественной философіи и вмѣстѣ былъ для меня, и могъ бы быть для всѣхъ, высокимъ представителемъ нѣмецкой науки, которая въ своей, не однажды тяжелой, судьбѣ успѣла выработать такіе возвышенные характеры научнаго знанія и общественнаго принципа.

Понятно, что самъ Гейдельбергъ былъ для насъ не только привлекателенъ въ качествѣ изящнаго южно-нѣмецкаго города, съ прекрасной природой и университетскимъ бытомъ, но и по своему историческому характеру; мы, конечно, съ нимъ близко освоились.

Гейдельбергъ кромѣ университетскихъ лекцій послужилъ намъ и съ другой стороны. Въ дальнѣйшемъ планѣ нашихъ странствій стояла, во-первыхъ, Швейцарія (она была въ двухъ шагахъ), а затѣмъ Италія. Эта послѣдняя вызы-

вала, конечно, живѣйшіе интересы, и мы нашли необходимымъ здѣсь же, въ Гейдельбергѣ, пристально заняться итальянскимъ языкомъ.

Найти способы ученія въ Гейдельбергѣ не трудно было и въ этомъ отношеніи,— и способы хорошіе. Учителя итальянскаго языка мы (я и Б. Утинъ) нашли не въ комъ иномъ, какъ въ профессорѣ гейдельбергскаго университета: это былъ д-ръ Рутъ (Ruth), который между прочимъ былъ авторомъ книги, въ свое время цѣнной (Geschichte der italienischen Litteratur). Когда мы явились къ нему и заявили желаніе брать у него уроки итальянскаго языка, онъ принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ и съ своей стороны указалъ такой гонораръ, который поразилъ насъ своими скромными размѣрами, а именно: мы вдвоемъ должны были уплачивать ему одинъ гульденъ, когда мы приходили на урокъ къ нему, и одинъ гульденъ двадцать крейцеровъ, когда онъ приходилъ къ намъ. Мы предпочли, конечно, послѣднее. Докторъ Рутъ, уже пожилой человѣкъ, оказался человѣкомъ и ученымъ, и любезнымъ: онъ разсказалъ намъ, что за послѣднія много лѣтъ онъ каждый годъ ѣздилъ въ Италію (такъ близко отъ Гейдельберга), потому что это было его Lieblingstudium. Онъ началъ съ очень сжатой грамматики (предполагалось знаніе латинскаго и французскаго языка, и у обоихъ слушателей было уже нѣкоторое знаніе самого итальянскаго), и въ его изложеніе входили вообще и подробности изъ исторіи, исторіи искусства, исторіи литературы и т. п.; за грамматикой слѣдовало чтеніе и, наконецъ, практика разговора, а также и полезные совѣты для нашего предстоящаго путешествія. Умѣніе преподаванія было очень разумное, и его уроки доста-

вляли намъ настоящее удовольствіе. Когда потомъ мы отправились въ Италію и встрѣтились тамъ съ нѣкоторыми нашими друзьями изъ упомянутыхъ русскихъ путешественниковъ, я прослылъ за особеннаго знатока итальянскаго языка, — съ этимъ, какъ увидимъ, происходили, однако, и довольно забавные анекдоты.

Живя въ Гейдельбергѣ, мы отчасти успѣли ознакомиться и съ его стариной, нравами и окрестностями; чтобы развлечься театромъ (котораго въ Гейдельбергѣ не было), мы ѣздили въ театръ въ Мангеймъ (полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ), конечно, возвращаясь въ тотъ же вечеръ домой; гуляли по ту сторону Неккара по Philosophenweg, въ знаменитомъ гейдельбергскомъ замкѣ, и взбирались на ту гору, вершину которой составляетъ Königstuhl; мы оба жили на старой Anlage, гдѣ потомъ прошла желѣзная дорога, и передъ нашими глазами была, какъ стѣна, эта высокая, покрытая лѣсомъ, гора. Помню, однажды на прогулкѣ застала меня на горѣ сильная непогода, и я зашелъ въ простой крестьянскій домикъ, гдѣ пришлось выждать сильный ливень; бесѣдуя съ хозяиномъ, я былъ нѣсколько удивленъ и самимъ хозяиномъ, и обстановкой его жилища; по-своему это былъ образованный человѣкъ, и на одной стѣнѣ его скромнаго обиталища была небольшая полка съ книгами; по книжнической привычкѣ я пересмотрѣлъ эту библіотечку, и, кромѣ нѣсколькихъ сочиненій общаго популярнаго содержанія, я нашелъ тамъ и цѣлый рядъ книжекъ, даже книгъ по разнымъ предметамъ деревенскаго хозяйства... Въ числѣ окрестностей Гейдельберга мы сдѣлали поѣздку и въ Baden-Baden, гдѣ тогда еще процвѣтала рулетка: прелестное мѣстоположеніе извѣстно; чтобы взглянуть на процедуру рулетки, мы поло-

жили употребить на это (т.-е. пожертвовать ей) не болѣе двухъ талеровъ,—долженъ сказать, что зрѣлище, какое представляла сама публика, произвело на меня довольно отталкивающее впечатлѣніе—при всей блестящей обстановкѣ заведенія.

Путешествіе по Швейцаріи описывать не буду. Припомню только нашъ маршрутъ. Первымъ городомъ на нашемъ пути съ этой стороны былъ, конечно, Базель; отсюда мы двинулись на Цюрихъ (гдѣ, въ отелѣ, россіянъ угощали уже самоваромъ); дальше по горной дорогѣ надъ озеромъ мы проѣхали на Цугъ и по Цугскому озеру на Артъ, откуда дѣлается подъемъ на неизбѣжный тогда для путешественниковъ Риги-Кульмъ. Funiculaire тогда еще не существовалъ; мы поднялись туда пѣшкомъ и, прибывъ туда къ вечеру, нашли огромный отель биткомъ набитымъ публикой, такъ что для насъ съ трудомъ нашли уголокъ на чердакѣ для ночлега. Публика была, конечно, изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній: первое горное зрѣлище было поистинѣ исполнено интереса. На другой день мы такимъ же образомъ, пѣшкомъ, спустились на другую сторону горы въ Küssnacht и тамъ по озеру прибыли въ Люцернъ. Понятно, что путешествіе завлекало невиданными красотами природы, но, по соображеніямъ времени и издержекъ, надо было ограничить свои планы, и дальнѣйшій путь по Швейцаріи ограничился Берномъ, Невшателемъ, Лозанной, Женевой, Женевскимъ озеромъ, Вильнёвомъ, наконецъ Бригомъ и Симплономъ. Разумѣется, интересенъ былъ чрезвычайно не только пейзажъ, но и разнородныя историко-литературныя воспоминанія и впечатлѣнія художественныя. Не обошлось и безъ воспоминаній курьёзныхъ. Еще раньше, бесѣдуя съ нашими со-

отечественниками и учеными друзьями въ Парижѣ, Лондонѣ, Гейдельбергѣ, мы предполагали, что намъ вѣроятно приведется встрѣтиться гдѣ-нибудь въ Швейцаріи и Италіи, которыя также входили въ ихъ программы. Дѣйствительно, помнится, сначала въ Люцернѣ, потомъ въ Бернѣ собралась цѣлая компанія знакомыхъ, и мы рѣшили ѣхать, не раздѣляясь, до Женевы и даже до сѣверной Италіи. Встрѣча была очень пріятна: у всѣхъ были свои воспоминанія и разсказы; у многихъ бывали общіе интересы; на прогулкахъ, во время обѣда шли оживленныя бесѣды, которыя въ концѣ-концовъ навлекли намъ еще одного спутника, непремѣнно желавшаго быть въ нашемъ обществѣ и отъ котораго мы не знали какъ отдѣлаться. Въ нашемъ кружкѣ, кромѣ другихъ, были тогда Д. И. Качановскій и Сухомлиновъ, оба занимательные собесѣдники и оба склонные къ веселой шуткѣ. Нашъ новый спутникъ NN, былъ уже немолодой человѣкъ, боевой (кажется, впрочемъ, интендантскій) генералъ, между прочимъ защитникъ Севастополя; онъ путешествовалъ одинъ, вѣроятно только для развлеченія; повидимому, также онъ скучалъ своимъ одиночествомъ, и очень обрадовался, встрѣтивъ молодую компанію веселыхъ соотечественниковъ. Онъ, буквально, присталъ къ намъ; онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть то, что хотѣли мы осмотрѣть, и вообще хотѣлъ проводить съ нами время. При первомъ знакомствѣ онъ нѣсколько удивилъ насъ, подробно разспрашивая каждаго, гдѣ онъ раньше былъ, какимъ путемъ пріѣхалъ, положимъ, въ Бернъ, куда поѣдетъ дальше, какимъ путемъ вернется въ Россію и куда и т. д.; все это онъ просилъ насъ ему записать или записывалъ самъ. Эта настойчивая любознательность показалась намъ странной, какъ будто даже немного подозри-

тельной: зачѣмъ ему нужно было все это знать? Вскорѣ, однако, оказалось, что это была величайшая наивность или невѣжество. Онъ объяснялъ, что, имѣя наши маршруты, онъ можетъ потомъ самъ выбирать маршрутъ для собственныхъ поѣздокъ, потому что будетъ знать, какъ изъ одного города попасть въ другой и во сколько времени; онъ не имѣлъ понятія, что всѣ подобныя свѣдѣнія можетъ найти по картѣ и въ путеводителѣ. Онъ дѣлился съ нами и собственными опытами, и впечатлѣніями, которыя бывали удивительны и иногда непонятны; напримѣръ, онъ сообщилъ намъ, что былъ въ Гамбургѣ, который поразилъ его равнодушіемъ своихъ жителей; мы доспрашивались, къ чему же жители Гамбурга оказались такъ равнодушны, онъ отвѣчалъ: «къ генеральскому чину»... Словомъ, это былъ живой образецъ того генерала Дитятина, съ которымъ мы познакомились впослѣдствіи въ разсказахъ Горбунова. Мы не оставляли его своими совѣтами для благополучія его дальнѣйшихъ странствій; но въ концѣ-концовъ собесѣдникъ становился утомителенъ, и, чтобы спастись отъ него, мы употребили военную хитрость, — именно, уѣхали, не сказавъ куда: мы уѣхали въ дилижансѣ въ Невшатель, откуда на пароходѣ проѣхали по Невшательскому озеру въ Ивердэнъ и затѣмъ въ Лозанну и Женеву. Пріѣхавъ въ Невшатель, мы осмотрѣли городъ и отправились на пароходную пристань. Пароходъ въ Ивердэнъ долженъ былъ скоро отойти; часъ отъѣзда наступилъ, но пароходъ все медлилъ, и на вопросъ нашъ о причинѣ замедленія намъ сказали, что мы должны дождаться, чтобы принять пассажировъ съ другого парохода, который долженъ подойти. Дѣйствительно, мы увидѣли вдали идущій пароходъ, и когда онъ подошелъ нѣсколько

ближе и можно было различать людей, мы увидѣли, что намъ машетъ платкомъ нашъ генералъ. Онъ насъ догналъ; его-то и долженъ былъ подождать нашъ пароходъ. Пересѣвъ къ намъ, онъ сдѣлалъ намъ дружескій укоръ, что мы не предупредили его о своемъ отъѣздѣ, и разсказалъ, съ какимъ трудомъ собиралъ онъ свѣдѣнія о томъ, въ какую сторону мы могли уѣхать. Съ тѣхъ поръ онъ, кажется, внимательно стерегъ насъ и еще проживалъ съ нами въ Женевѣ. Тамъ мы окончательно разстались: кажется, Италія не входила въ его маршруты.

Не буду разсказывать о достопримѣчательностяхъ Женевы, о красотахъ Женевскаго озера, о Монтрё, гдѣ провели нѣсколько дней, Шильонскомъ замкѣ и проч. Здѣсь опять, конечно, сопровождали насъ историческія и литературныя воспоминанія. Въ Италію мы попали черезъ Симплонъ. Переѣздъ черезъ гору былъ, конечно, чрезвычайно интересенъ и не безъ сильныхъ впечатлѣній: медленный подъемъ съ постоянно растущимъ горизонтомъ, гдѣ съ вершины мы увидѣли опять въ миніатюрѣ мѣстечко Бригъ, точку нашего отправленія; остановка на вершинѣ съ совершенно иной, холодной и скудной, растительностью; быстрый спускъ черезъ дикое и эффектное ущелье Гондо; наконецъ, когда внизу раздвинулись его скалы, раскрывшія передъ нами цвѣтущій пейзажъ равнины Піемонта, послѣднія поражали разнообразіемъ картинъ; изящный и мягкій видъ озера и цвѣтущей равнины какъ бы давалъ отдохнуть отъ суровыхъ впечатлѣній Симплона и Гондо и былъ завлекающимъ предисловіемъ къ иной странѣ, иной природѣ, нравамъ и исторіи. Изъ Ароны мы проѣхали прямо въ Туринъ, гдѣ оставались два-три дня, чтобы познакомиться со столицей еще скромнаго тогда Піемонта,

потомъ въ Геную, гдѣ видѣли первый, чрезвычайно оригинальный итальянскій городъ и первый образчикъ средневѣковой итальянской старины, когда Генуя была самостоятельной и сильной республикой... Помнится, здѣсь произошла первая проба приписаннаго мнѣ, какъ выше сказано, аккуратнаго знанія итальянскаго языка. Въ Италію и въ Геную мы пріѣхали изъ Женевы цѣлой маленькой компаніей, — помню, что еще въ Женевѣ присоединился къ намъ Д. И. Каченовскій. Мы разстались съ нимъ въ Лондонѣ: тѣмъ временемъ онъ сдѣлалъ путешествіе въ Испанію, которою очень увлекался, между прочимъ, угощая насъ на фортепіано подобранными имъ испанскими народными пѣснями. Мы вмѣстѣ осматривали своеобразные генуэзскіе памятники, храмы (немногіе), палаццо и галлереи. Однажды намъ понадобились сигары; мы вошли въ лавчонку, и мнѣ поручено было выбрать ихъ и купить. Оказалось, однако, что это было не такъ просто. Владѣлецъ лавчонки, генуэзскій демократъ, съ нѣкоторымъ трудомъ понималъ мои вопросы, дѣланные на языкѣ, практикѣ котораго обучалъ насъ профессоръ Рутъ въ Гейдельбергѣ. Мои спутники видѣли, что и я также съ нѣкоторымъ трудомъ понимаю подлиннаго итальянца. Проба оказалась не совсѣмъ удачна, и коварный Каченовскій съ прискорбіемъ припомнилъ стихи:

И былъ ли то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли утраченнаго друга... и т. д.,—

словомъ, поднялъ меня на смѣхъ. Я не могъ отвергнуть очевиднаго факта, и хотя подозрѣвалъ, въ чемъ дѣло, но все таки былъ нѣсколько смущенъ неполнотой своего знанія итальянскаго языка. Дѣйствительно, когда потомъ я съ Б. Утинымъ поселился во Флоренціи, мой итальянскій

языкъ оказался достаточно удовлетворительнымъ: здѣсь была тосканская основа итальянскаго литературнаго языка, а генуэзскій демократъ угощалъ меня своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Изъ Генуи мы отправились на пароходѣ въ Ливорно; путешествіе продолжалось отъ вечера до утра. Изъ Ливорно мы переѣхали прямо во Флоренцію. Здѣсь на этотъ разъ мы прожили мѣсяца два: это были первые осенніе мѣсяцы, едва ли не лучшіе для путешествія въ южной Италіи. Въ слѣдующемъ году, опять осенью, мнѣ привелось прожить здѣсь довольно долго. Потомъ я живалъ въ Римѣ, Неаполѣ, въ Венеціи, видалъ немало болѣе скромную итальянскую провинцію—Сіенну, Пизу, Пистойю, Болонью, Парму, Модену. Но, несмотря на всю грандіозность, напримѣръ, римскихъ впечатлѣній, на весь заманчивый интересъ Венеціи, самымъ привлекательнымъ пунктомъ Италіи, въ моихъ тогдашнихъ интересахъ, осталась для меня Флоренція — съ ея мягкимъ, изящнымъ пейзажемъ, съ ея стариной (гдѣ въ окрестностяхъ были въ Fiesole даже остатки циклопическихъ построекъ), средневѣковыми воспоминаніями, богатыми музеями и галлереями, съ ея незамысловатымъ тогда, но интереснымъ театромъ, особенно народнымъ, прекрасными окрестностями и, какъ мнѣ казалось тогда, болѣе живыми проявленіями жизни литературной. Опять не буду останавливаться на описаніи достопримѣчательностей ни Флоренціи, ни Рима, ни другихъ итальянскихъ городовъ: онѣ слишкомъ знамениты, чтобы перечислять ихъ. Отмѣчу одно впечатлѣніе, которое здѣсь очень отвлекло меня отъ моихъ обычныхъ занятій. Итальянское путешествіе вообще (какъ и пребываніе въ Германіи и Франціи) было для меня не только исполнено

величайшаго личнаго интереса, но представлялось и донынѣ представляется поистинѣ драгоцѣннымъ образовательнымъ поученіемъ: это было (и доселѣ можетъ быть) въ высокой степени привлекательнымъ дополненіемъ къ университетскому, да и всякому другому высшему курсу: для нашего учащагося, или вѣрнѣе доканчивающаго свое ученіе, поколѣнія путешествіе подобнаго рода можетъ быть прекраснымъ дополненіемъ книжно-пріобрѣтенныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки. Молодой человѣкъ съ нѣсколько развитымъ дома интересомъ науки найдетъ въ европейскихъ научныхъ учрежденіяхъ множество новыхъ указаній; можетъ видѣть и поучиться у знаменитыхъ представителей европейской науки, нерѣдко могущественныхъ ея двигателей, можетъ видѣть громадный научный аппаратъ въ библіотекахъ, лабораторіяхъ, музеяхъ, клиникахъ; въ предметахъ общаго образованія онъ найдетъ также множество поучительнаго въ разнообразныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, картинныхъ галлереяхъ, музеяхъ художественныхъ, наконецъ, въ самомъ складѣ общественной жизни и нравовъ. Нечего говорить, что, кромѣ спеціально-научной пользы, для нѣсколько разбуженнаго ума можетъ представиться здѣсь множество умственной и духовной пищи, которая въ состояніи быть на цѣлую жизнь задаткомъ здраваго, просвѣщеннаго міровоззрѣнія.

Такой высокій интересъ путешествіе по Европѣ представляло для насъ, молодыхъ университетскихъ «русскихъ» путешественниковъ конца пятидесятыхъ годовъ. Какъ выше было сказано, путешествіе на Западъ только что становилось доступнымъ. Быть можетъ, только позднѣе (для насъ, тогда большею частью еще очень молодыхъ людей) стала яснѣе сказываться общая разница въ общественной

жизни, учрежденіяхъ, правахъ, литературѣ и т. д. Прежде всего, еще были сильны свои университетскія воспоминанія и наличный запасъ научныхъ познаній. Насъ охватывало едва обозримое богатство европейской науки, живой, дѣятельной, тѣсно слитой съ нравами и—съ исторіей. Обозрѣніе «достопримѣчательностей» (становящееся обязательнымъ и для обыкновеннаго туриста) было для насъ не только интересно какъ для обыкновеннаго туриста, но было особенно поучительной новизной, какъ будто заключительнымъ курсомъ всеобщей исторіи. У себя дома мы, къ сожалѣнію, мало имѣемъ старыхъ памятниковъ исторіи, наглядно рисующихъ намъ давно прошедшую древность; здѣсь на каждомъ шагу мы видѣли множество этой наглядной старины не только въ музеяхъ, но на самыхъ мѣстахъ, въ подлинникѣ сохранившейся въ теченіе не только вѣковъ, но тысячелѣтій, какъ, напримѣръ, въ Римѣ. Италія въ этомъ отношеніи производила особенно сильное впечатлѣніе. Въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ, въ какомъ мнѣ случалось осматривать ея «достопримѣчательности», бывалъ единодушный, сильный интересъ въ этомъ направленіи. Здѣсь это изученіе старины—въ обстановкѣ прекрасной природы—было въ особенности привлекательно и поучительно. Это было настоящее откровеніе. Само собою разумѣется, что никакія книжныя описанія, никакіе самые живые разсказы не могли дать того могущественнаго впечатлѣнія, какое давала сама древность, и въ тѣхъ завершенныхъ, художественныхъ произведеніяхъ, какія по счастливой судьбѣ сохранились до нашего времени, и въ тѣхъ намекахъ, какіе давала древность полуразрушенная, тѣ обломки, которые, и будучи обломками, составляютъ иногда и до сихъ поръ предметъ удивленія для любителей

и цѣнителей искусства. Италія доставляла особенно богатое поученіе и въ томъ отношеніи, что въ нашемъ «высшемъ» университетскомъ образованіи въ тѣ годы совершенно недоставало одного чрезвычайно важнаго образовательнаго предмета (къ сожалѣнію, и до сихъ поръ поставленнаго не весьма удовлетворительно),—именно исторіи искусства. Въ наше время въ университетскомъ преподаваніи не было даже намека на этотъ отдѣлъ историческаго знанія. Полагалось, что это есть предметъ совсѣмъ особаго спеціальнаго интереса, не имѣющаго отношенія къ принятому историческому «курсу». Для меня, а также и для нѣкоторыхъ другихъ товарищей путешествія, этотъ интересъ къ исторіи искусства въ первый разъ опредѣлился въ настоящую потребность именно здѣсь. Мы видѣли уже не мало «галлерей», видѣли древности, классическія скульптуры, знали довольно хорошо уже многія знаменитыя имена художниковъ и ихъ произведеній,—но все это оставалось для насъ какъ будто только предметомъ любопытства, правда, очень интереснымъ, но который могъ спокойно оставаться въ памяти. Италія, напротивъ (и, кажется, только она можетъ это сдѣлать), впервые сообщила этимъ предметамъ любопытства характеръ живѣйшаго историческаго и художественнаго интереса. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, нигдѣ насъ не окружало такое множество изящныхъ произведеній искусства; во-вторыхъ, мы были на самомъ мѣстѣ ихъ созданія; вмѣстѣ съ ними передъ нами представала сама исторія. Римъ усыпанъ памятниками древней римской исторіи; памятниками древняго христіанскаго искусства; Ватиканъ и Капитолій—богатѣйшія въ свѣтѣ собранія античной скульптуры; римскіе храмы и палаццо—богатыя собранія произведеній итальянской живописи, въ

особенности съ эпохи Возрожденія. Флоренція менѣе богата скульптурой, но зато владѣетъ единственными въ своемъ родѣ собраніями старо-итальянской живописи, и галлерея Уффици въ особенности поучительна хронологической послѣдовательностью памятниковъ, наглядно рисующихъ исторію средневѣковаго итальянскаго искусства; въ высокой степени интересные эпизоды изъ той же исторіи представляютъ ея архитектурныя сооруженія и окрестные памятники искусства въ Пизѣ, Сіеннѣ, Болоньѣ и т. д. Когда вспоминались при этомъ другія чудеса древности, какъ римскія катакомбы, какъ памятники первыхъ вѣковъ христіанства, какъ средневѣковые памятники Венеціи, частью Генуи и др.; когда вспоминались древнѣйшіе памятники итальянской литературы,—все это воспроизводило такую широкую историческую картину, которая не могла не оставлять поразительнаго впечатлѣнія и не внушать глубокаго историческаго уваженія къ тѣмъ вѣкамъ, которые создавали столь великое обиліе произведеній художественнаго генія и творческой мысли...

Отчасти было замѣчено выше, что въ другихъ отношеніяхъ подобное впечатлѣніе производили другія страны Запада, какъ ближе видѣнныя мною Германія и Франція, съ одной стороны великимъ богатствомъ памятниковъ исторической жизни, съ другой—великимъ богатствомъ научныхъ учрежденій, результата высокой исторической культуры, и богатствомъ современнаго научнаго труда во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Чувствовалось въ особенности, что все это было не случайнымъ результатомъ какого-либо единичнаго покровительства просвѣщенію, а результатомъ цѣлой исторической жизни, объединявшимъ усиліемъ многихъ вѣковъ, проникавшимъ во всѣ слои и стре-

мленія націй, результатомъ органическаго развитія. Такъ, Германія поражала этимъ обиліемъ высшей науки, храмы которой, университеты, разсѣяны были по всѣмъ нѣсколько крупнымъ пунктамъ бывшей феодальной Германіи и процвѣтали донынѣ въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ; нѣкоторые знаменитые германскіе университеты существуютъ донынѣ въ скромныхъ, маленькихъ городахъ, не больше нашихъ уѣздныхъ, не имѣютъ иногда даже своего цѣльнаго зданія, и аудиторіи знаменитыхъ ученыхъ ютились въ частныхъ квартирахъ, а общее расписаніе лекцій находило свой центръ на городской площади, на стѣнахъ старинаго собора. Громадное распространеніе научнаго труда было грандіозно, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ поистинѣ трогательно.

Такое впечатлѣніе складывалось у меня вообще въ двухлѣтнее пребываніе за границей: постоянно повторяясь въ разныхъ странахъ Европы, оно укрѣплялось подъ конецъ въ прочное убѣжденіе. Оно выростало совершенно естественно, постоянно подтверждаясь фактами, и было исторически несомнѣнно...

Въ оба года моей жизни за границей, побывавъ въ Германіи, Франціи, Италіи, я кончалъ славянскими землями, гдѣ наибольшую часть времени я проводилъ въ Прагѣ. Свой интересъ къ литературѣ и общественному быту славянства я давно почерпнулъ изъ университетскихъ лекцій Григоровича и Срезневскаго. Въ свое время я занимался славянскими предметами вѣроятно не меньше другихъ своихъ товарищей-современниковъ; но я не сдѣлался славистомъ, т.-е. не сдѣлалъ славянскихъ предметовъ своей спеціальностью. Точно такъ же я не сдѣлался славянофиломъ. Выше я, помнится, указывалъ, почему не произошло

это послѣднее: я все-таки (хотя мало, но достаточно) видѣлъ подлинный *народъ*— и мнѣ трудно было идеализировать его такъ, какъ необходимо было для славянофильства, т.-е. до фантастики. Народъ, громадная масса котораго была еще крѣпостная, представлялъ собою нѣчто матеріально-грандіозное, но, по содержанію, столь неопредѣленное, малокультурное, неясное и безправное, что дѣлать его готовымъ носителемъ возвышенной «народной идеи» возможно было бы только при большомъ запасѣ вѣры, т.-е. своего рода энтузіазма. Въ данныхъ условіяхъ для этого энтузіазма было слишкомъ мало матеріала, когда, притомъ очень рано, въ мои понятія входила совсѣмъ иная точка зрѣнія, въ которой ставились требованія, во-первыхъ, исторической критики, во-вторыхъ, живого фактическаго наблюденія. Домашнее славянофильство переносило эту же вѣру и въ пониманіе славянства западнаго и южнаго. Само по себѣ, какъ я сказалъ, это внѣроссійское славянство привлекало меня съ университетской скамьи, и привлекало совершенно естественно: во всякомъ случаѣ,—принималась или не принималась точка зрѣнія нашего славянофильства,—въ западномъ славянствѣ вступалъ въ исторію новый міръ, который требовалъ себѣ своего мѣста въ этой исторіи, міръ отчасти таинственный по своей малой извѣстности, обѣщавшій какія-то невѣдомыя откровенія, и тѣмъ больше привлекательный для насъ, потому что чувствовалось какое-то близкое, инстинктивное родство съ этимъ міромъ. Для меня, какъ для моихъ товарищей, которые были учениками нашихъ первыхъ ученыхъ славистовъ и слышали ихъ въ лучшую пору ихъ собственнаго увлеченія, была уже отчасти открыта завѣса, скрывавшая этотъ міръ отъ большинства профановъ. Срезневскій, главный

нашъ учитель, въ ту пору еще сохранялъ ту романтическую жилку, которая отличала его первыя изученія славянства, и намъ естественно передавались тѣ симпатіи, которыми самъ онъ былъ тогда проникнутъ: многое изъ того, что онъ говорилъ намъ о современномъ славянствѣ, принималось на вѣру; многія имена славянскихъ дѣятелей, которыхъ онъ лично зналъ, въ которыхъ онъ видѣлъ надежду славянскаго будущаго и съ которыми дѣйствительно были уже связаны многіе крупные факты новѣйшаго славянскаго движенія и науки,—эти имена были намъ хорошо знакомы; многое мы уже сами читали... Понятно, что для меня пріѣздъ въ Вѣну, потомъ въ Прагу былъ тогда исполненъ интереса, такъ какъ ко многому я былъ довольно хорошо приготовленъ. Когда я видѣлъ Миклошича, Шафарика, Палацкаго, Ганку, Эрбена и другихъ, я уже имѣлъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе объ ихъ историческомъ трудѣ, о стремленіяхъ славянскаго общества; эти новыя лица возбуждали тѣмъ большее любопытство, что и въ данную минуту они стояли во главѣ своего народа.

Я прожилъ особенно долго въ Прагѣ и имѣлъ случай познакомиться чуть ли не со всѣмъ, болѣе крупнымъ, личнымъ составомъ тогдашней чешской литературы... Первое мое посѣщеніе было, вѣроятно, по обычаю всѣхъ русскихъ, заѣзжавшихъ тогда въ Прагу, въ чешскій музей, въ его тогдашнемъ скромномъ помѣщеніи на Коловратской улицѣ, гдѣ имѣлъ также небольшую квартирку и главный библіотекарь музея, Ганка. Этотъ библіотекарь бывалъ обыкновенно всегда на своемъ посту.

Въ Прагѣ я перезнакомился съ большимъ числомъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, между прочимъ

еще многихъ изъ тѣхъ, имена которыхъ мы знали нѣкогда отъ Срезневскаго. Объ этомъ заботился и самъ Ганка, который, живя весь въ интересахъ національнаго дѣла, прежде всего желалъ меня ввести въ кругъ патріотическихъ дѣятелей, познакомить со старыми и молодыми, быть можетъ, еще ничего особеннаго не совершившими, но обѣщающими совершить. Люди крупные, обыкновенно уже старые, держались особнякомъ; молодежь постоянно встрѣчалась между собой, интересуясь всякими новостями политическими и литературными, и обыкновенно была настроена въ самомъ патріотическомъ духѣ, разумѣя національно-чешскій. Главнымъ центромъ, гдѣ собирался патріотическій кругъ, была «Чешская бесѣда», родъ скромнаго клуба, гдѣ каждый вечеръ сходилась публика, вся между собой знакомая, чтобы выпить привычную кружку пива и къ ней потребовать иногда Wienerschnitzel. Ганка разъ навсегда пригласилъ меня въ «бесѣду», гдѣ кончали свой день чешскіе патріоты. Другими сборными пунктами были концерты, а именно, прекрасные пражскіе квартеты, на которые собиралась скромная публика, какъ на домашнія вечеринки.

Другимъ сборнымъ мѣстомъ былъ чешскій театръ. Въ тѣ годы чешская сцена еще не имѣла собственнаго зданія театра, и ей тогда приходилось ютиться въ нѣмецкомъ театрѣ, конечно, въ тѣ часы, когда онъ былъ свободенъ отъ нѣмецкихъ представленій. Это бывало не весьма удобно, такъ какъ приходилось именно въ серединѣ дня. Посѣщеніе чешскаго театра бывало почти патріотической обязанностью. Ганка, очевидно, считалъ своимъ долгомъ просвѣщать меня по чешскимъ національнымъ дѣламъ, и билетъ для меня всегда былъ заранѣе

взятъ въ чешскій театръ рядомъ съ его мѣстомъ, въ первыхъ рядахъ...

Вся обстановка этой патріотической жизни была особенная—очень скромная, очень провинціальная и патріархальная. Сильное патріотическое возбужденіе миновало давно, въ концѣ 40-хъ годовъ, но было еще памятно и вспоминалось съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Мнѣ старались доставить литературные останки того времени, напримѣръ, въ родѣ изданій Гавличка, объясняли пражскую топографію и т. п. Лица, какъ Палацкій, Ригеръ, Браунеръ, были готовыми представителями чешскаго патріотизма и считались, при случаѣ, готовыми борцами. Въ данную минуту борьбы не предвидѣлось; еще продолжалось реакціонное настроеніе, при которомъ чешскому патріотизму оставалось только беречь свои преданія и запасаться силами на будущее... Въ ту минуту патріоты скромно исполняли свою задачу. Тотъ кругъ ихъ, который былъ болѣе или менѣе на виду въ литературѣ, по большей части занималъ очень скромное положеніе въ общественной жизни: очень часто это были учителя, иногда гувернеры въ большихъ домахъ, газетные работники, частью чиновники въ какихъ-нибудь индиферентныхъ вѣдомствахъ, также въ библіотекахъ и архивахъ, въ народной школѣ. Большая филіація патріотическихъ друзей распространялась на провинцію.

Когда я пріѣхалъ въ Прагу и на первыхъ порахъ мнѣ случилось сказать Ганкѣ, что я думаю остаться въ Прагѣ довольно долго, онъ заявилъ мнѣ, что мнѣ, конечно, не слѣдуетъ оставаться жить въ гостинницѣ и что онъ самъ разыщетъ для меня квартиру: онъ найдетъ для меня «недорогую» комнату въ «хорошемъ» чешскомъ семействѣ

(гдѣ, между прочимъ, окончательно привыкну говорить по-чешски) и т. д. Черезъ два-три дня комната у «хорошихъ» чеховъ была дѣйствительно найдена, и Ганка повелъ меня показать ее. Но онъ, повидимому, разсчитывалъ на мою неприхотливость по своимъ молодымъ чешскимъ патріотамъ, которые бывали черезчуръ неприхотливы, другими словами, жили часто бѣдно; комната у «хорошихъ» чеховъ была дѣйствительно недорогая, но оказалась такой патріотической конурой, поселиться въ которой я не рѣшился. Ганка только удивился, почему я отказался поселиться у такихъ хорошихъ людей? Объясненіемъ можетъ служить отчасти тотъ общій уровень, къ которому онъ привыкъ, между прочимъ, и въ своемъ собственномъ быту. Въ его квартирѣ въ музейскомъ домѣ я былъ всего нѣсколько разъ (мы видались обыкновенно по утрамъ въ самомъ музеѣ). Его жилище обставлено было очень скромно, и бережливость доходила до того, что онъ зажигалъ огонь только когда было совсѣмъ необходимо: по вечерамъ, когда мнѣ случалось захаживать за нимъ, отправляясь въ «бесѣду», я обыкновенно находилъ его въ полупотьмахъ.

Мое общее впечатлѣніе вспоминается мнѣ и понынѣ довольно ясно. Конечно, на первый разъ живы были въ памяти романтическія представленія о славянскомъ возрожденіи, слышанныя отъ нашихъ профессоровъ; на мѣстѣ эти представленія необходимо видоизмѣнялись, становились нагляднѣе, проще, а нерѣдко и скуднѣе. Не разъ можно было встрѣтить трогательный патріотизмъ, особенно у людей старшаго поколѣнія, доживавшаго ужъ свой вѣкъ, которое въ прежнія времена отстаивало права своей народности путемъ скромной литературы, скромной и аккуратной народной школы; на это полагалось много само-

отверженнаго усердія; но становилось ясно, что этихъ патріотическихъ усилій слишкомъ мало для тѣхъ вопросовъ, которые уже возставали для чешскаго (и вообще для западно-славянскаго) возрожденія. Движеніе во многихъ случаяхъ напоминало своими формами старыя времена: литература была въ особенности популярная, разсчитывала на демократическую и небогатую публику; національный патріотизмъ все еще питался старой романтической пищей, древними, отчасти воображаемыми, историческими героями, но въ настоящей дѣйствительности видимо должна была предстоять тяжелая борьба съ австрійской, т.-е., въ концѣ-концовъ, нѣмецкой государственностью,—борьба, для которой требовались иныя средства, не романтическое, а реально-политическое возрожденіе. Надежда была бы (какъ это и считалось уже и въ тѣ времена) на славянское большинство въ пестромъ австрійскомъ государствѣ, но это большинство было разноплеменное и всего менѣе солидарное... Я упоминалъ, что Ганка старался, чтобъ я не пропускалъ чешскихъ спектаклей. Тамъ давались частью бытовыя пьесы, комедіи, обыкновенно довольно занимательныя, потому что поддерживались особенно двумя очень талантливыми исполнителями-комиками, но давались и драмы и трагедіи на темы изъ чешской исторіи, съ патріотическими интересами, но съ литературнымъ исполненіемъ, напоминавшимъ русскому зрителю не то чтобы Пушкина, а больше Кукольника. Однажды мнѣ привелось слышать на сценѣ даже одну изъ поэмъ знаменитой Краледворской рукописи—«Ярославъ», въ чтеніи перваго тогдашняго чешскаго трагика Колара *): онъ съ великимъ

*) Не смѣшивать съ знаменитымъ поэтомъ Яномъ Колларомъ, который, впрочемъ, тогда уже умеръ.

эмфазомъ читалъ патріотическіе стихи изъ поэмы, которую одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ считалъ въ числѣ «*новѣйшихъ* памятниковъ *древней* чешской литературы»,— другими словами, хотѣлъ указать, что эта древность есть новѣйшая, т.-е. поддѣльная... Мы, недавніе ученики Срезневскаго (впослѣдствіи съ немалымъ, но лукавымъ искусствомъ защищавшаго подобныя поддѣлки), въ то время склонны были вполнѣ вѣрить въ подлинность этой старины, но въ нѣмецко-австрійской литературѣ уже высказывались подозрѣнія и обвиненія, и чтеніе «Ярослава» со сцены (а «Ярославъ» былъ именно одной изъ поэмъ самыхъ подозрительныхъ) было явной патріотической демонстраціей.

Въ числѣ новыхъ впечатлѣній, не отвѣчавшихъ романтическому представленію о славянскомъ возрожденіи, было одно наблюденіе, къ которому мы не были приготовлены. Уже на первыхъ порахъ я замѣтилъ, что мои чешскіе пріятели (они были, конечно, среди молодежи; о старомъ поколѣніи нечего и говорить) не имѣли понятія о новѣйшей русской литературѣ...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Очень умный Сторичекъ, съ которымъ я объ-
яснялся по чешски. Онъ теперь выступитъ
по школьнымъ дѣламъ и будетъ на покоѣ. Онъ
говоритъ о чешской литературѣ: „она у
насъ небогатая, показать еще немного
написано важнаго, – но поверьте, лѣтъ 10 тому,
когда я начиналъ писать, еще студентомъ,
то и вовсе ничего порядочнаго не было,
такъ что недавно еще издатели,
а публикуютъ такъ только, чтобъ не было самохоже-
нія. Какъ бы хотѣлось поѣхать посмотрѣть
Петербургъ, Москву, Кіевъ, но какъ выѣхать
дома, свободно. Намъ все приходится сдѣлать
всѣмъ издателями“ – Небольшое не сдѣлаешь
возвращаюсь ему Кораба; посмотрите, что
мы теперь, когда мы были студентами
нашего ничего не было, а теперь у насъ
граматика по чешски народъ. – Да, онъ
заключилъ намъ: вы можете говорить о
своей народности, ваши художники мо-
гутъ представлять вамъ картины вашей
исторіи… у насъ это есть преступленіе; если
только, говорится о народности, на іюнь
становится подозрительнымъ сословіемъ.
Книгопродавецъ далъ мнѣ на память свой
романъ Jan Hery.

Потомъ мы отправились къ больному
Ильдурову, но не застали его дома. На
мой вопросъ [illegible]
вѣроятно [illegible] еще пари, и

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПРАГѢ.

I.

Я только что разстался съ Прагой и пишу еще непосредственно подъ тѣми впечатлѣніями, которыя она оставила во мнѣ послѣ двухмѣсячнаго знакомства. Все это время я употребилъ на то, чтобы освоиться ближе съ чешскимъ языкомъ, литературой, вообще славянскимъ движеніемъ, наблюдать которое издали весьма неудобно, какъ я убѣдился теперь. Я не буду передавать вамъ ни исторіи Праги, ни чешской этнографіи, не буду описывать всѣхъ пражскихъ достопримѣчательностей,—это требуетъ больше времени, нежели сколько находится въ моемъ распоряженіи; мое письмо будетъ заключать только короткія замѣтки, результатъ того, что я видѣлъ, слышалъ и читалъ въ Прагѣ.

Прага безъ сомнѣнія умственный и нравственный центръ западнаго славянства, важнѣйшій славянскій городъ въ австрійской имперіи. Здѣсь началось, сложилось и продолжалось то славянское движеніе, которому въ Европѣ и у насъ даютъ названіе панславизма. Само собою разумѣется, что и меня Прага занимала въ высшей степени именно въ этомъ отношеніи. Для того, кто посвятилъ бы себя изслѣдованію объ австрійскомъ славянствѣ, Прага была бы заключительнымъ, все заканчивающимъ и опредѣляющимъ предметомъ изученія. На мою долю досталась только она одна: я оставилъ Венецію и вступилъ въ славянскія области уже въ нынѣшнее суровое начало зимы, когда экскурсіи въ глубь страны становятся очень неудобными; изъ Тріеста я попалъ прямо въ Вѣну, изъ Вѣны въ Прагу, и слѣдовательно очутился вдругъ въ славянскомъ центрѣ, безъ всякихъ введеній и предисловій. Первыя впечатлѣнія Праги бываютъ довольно неожиданны, нѣсколько странны: мы, съ университетской аудиторіи знакомые отчасти съ чешскимъ языкомъ, литературой и т. д., ожидаемъ найти въ Прагѣ яркіе признаки чешской жизни, ожидаемъ слышать только чешскій языкъ, ви-

дѣть родной славянскій типъ, но эти ожиданія почти всегда обманываютъ на первый разъ. На улицѣ только и слышится нѣмецкій языкъ, гораздо рѣже чешскій; почти всѣ вывѣски на домахъ нѣмецкія; типъ жителей не имѣетъ особенно рѣзкихъ славянскихъ чертъ, и чеха по лицу очень трудно отличить, особенно если онъ говоритъ по-нѣмецки. Я еще довольно удачно попалъ съ моимъ русскимъ спутникомъ въ отель, гдѣ женская прислуга была чешская: для опыта мы говорили по-русски и могли удобно распорядиться, чтобы затопили печь, принесли воды и т. д. Но одинъ изъ моихъ пріятелей, также ожидавшій найти въ Прагѣ чистыхъ чеховъ, имѣлъ опытъ болѣе неудачный: пріѣхавши въ Прагу, онъ спросилъ перваго кельнера, который встрѣтился,—чехъ ли онъ? Gott bewahre, отвѣчалъ тотъ. Обыкновенный путешественникъ, заѣзжающій въ города, подобные Прагѣ, на нѣсколько дней, осматривающій ихъ съ помощью гида, и уѣхалъ бы изъ Праги въ полномъ убѣжденіи, что Прага есть замѣчательный *нѣмецкій* городъ, какъ говоритъ его Reise-Buch,—городъ, въ которомъ живетъ много чеховъ или лучше сказать «богемцевъ»: названіе, еще сильно распространенное въ нашихъ географіяхъ и очень не нравящееся самимъ чехамъ. Надобно остаться въ Прагѣ дольше, надо сойтись съ ея жителями, бывать въ театрѣ, въ многолюдныхъ собраніяхъ, чтобы убѣдиться фактомъ, что Прага есть наоборотъ чешскій городъ, въ которомъ живутъ также и нѣмцы. Этнографическія цифры пражскаго народонаселенія до сихъ поръ составляютъ сфинксову задачу: благоразумнѣйшія нѣмецкія книги говорятъ, что изъ полутораста тысячъ пражскихъ жителей четыре седьмыхъ—чеховъ, остальные—нѣмцы и жиды. Меня очень занималъ вопросъ о численномъ отношеніи чеховъ и нѣмцевъ въ Прагѣ, и я, зная, что на австрійскія нѣмецкія цифры нельзя положиться въ этомъ случаѣ, распрашивалъ опытнѣйшихъ пражскихъ жителей и получалъ различные отвѣты: одни считали до двадцати пяти тысячъ нѣмцевъ, другіе доходили только до десяти тысячъ,—цифры почти невѣроятныя, если обратить вниманіе на массу народа, говорящаго по-нѣмецки. Трудность заключается въ томъ, что при нѣмецкомъ господствѣ, управленіи, школахъ, при матеріальномъ превосходствѣ нѣмецкаго населенія, Прага стала такимъ же двуязычнымъ городомъ, какъ Страсбургъ, гдѣ простолюдинъ знаетъ по-французски и по-нѣмецки. Чистый чехъ, чехъ по рожденію, вслѣдствіе наклонностей, обстоятельствъ, мнѣній, можетъ совершенно онѣмечиться, полу-

чить предпочтеніе къ нѣмецкому языку, наконецъ даже и забыть своей родной: куда же должна отнести его этнографическая статистика? А возможность онѣмечиться представляется очень легко, и для простолюдина, и особенно для человѣка образованнаго: поселянинъ попадаетъ въ солдаты, уходитъ защищать Gesammtvaterland на По и Адижѣ, проводитъ тамъ годы и иногда пропадаетъ для родины; въ образованномъ классѣ далеко не у всѣхъ пробуждается ревность къ сохраненію народности; иные прямо становятся австрійскими патріотами, слѣдовательно заклятыми врагами національнаго стремленія, считая его фантастической идеей, вреднымъ сепаратизмомъ, и, наконецъ, удерживаютъ изъ своей народности только имя, искалѣченное нѣмецкимъ правописаніемъ. Какъ сильно вообще германизированіе въ чехахъ, вопросъ очень трудный; для него мудрено найти вѣрныя статистическія данныя, а между тѣмъ разрѣшеніе его было бы весьма важно: оно показало бы, что успѣло сдѣлать новое славянское движеніе и какую перспективу можетъ оно имѣть въ будущемъ, при томъ же порядкѣ вещей.

Какъ я замѣтилъ, на первый разъ бросается въ глаза именно преобладаніе нѣмецкаго элемента. Когда я пріѣхалъ въ Прагу, оно было еще замѣтнѣе: я еще засталъ праздники, слѣдовавшіе за открытіемъ памятника знаменитому чеху, изъ древней фамиліи, Радецкому. Сколько я могъ замѣтить, чехи не особенно радовались почестямъ, которыя отдавались памяти ихъ соотечественника... Городъ наполненъ былъ австрійскими militärs разныхъ цвѣтовъ, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ имперіи для этого торжественнаго случая. Прага имѣла совершенно нѣмецкій или, вѣрнѣе, австрійскій видъ. Подъ этими авспиціями я въ первый разъ познакомился съ городомъ. Хотя мнѣ пришлось видѣть его зимой, сырой и туманной, я тѣмъ не менѣе могъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ хороша должна быть Прага лѣтомъ съ зеленѣющей окрестностью, свѣтлымъ Градчиномъ и чудными островами Волтавы. Многіе, видѣвшіе Прагу лѣтомъ съ Градчина или съ Петржина, изъ сада Кинскаго, увѣряютъ, что Прага сильно напоминаетъ Москву: этому можно повѣрить; я думаю, что, при меньшихъ размѣрахъ, она можетъ быть еще живописнѣе Москвы.

Извѣстно, что она принадлежитъ къ числу очень красивыхъ городовъ. Чехи любятъ приводить отзывъ о своей столицѣ знаменитаго Гумбольдта, который назвалъ Прагу въ живописномъ отношеніи четвертымъ городомъ въ Европѣ, послѣ

Константинополя, Неаполя и Лиссабона. Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ Волтавы, огибающей полукругомъ «Старое Мѣсто», т.-е. старый городъ, главную часть нынѣшней Праги. Около «Стараго» раздвинулось «Новое Мѣсто», обстроенное довольно правильно и иногда изящно,—и жидовскій городъ, грязный, тѣсный и мрачный. Великолѣпный старинный мостъ, выстроенный Карломъ IV въ блестящія времена Праги и Чехіи, уставленный множествомъ статуй, ведетъ черезъ Волтаву на «Малую Страну», надъ которой поднимается Градчинъ, пражскій Кремль, и пустынная гора Петржинъ. Видъ на нихъ съ набережной Франца, изъ Новаго Города, удивительно хорошъ: противоположный берегъ круто встаетъ надъ Волтавой съ Бельведеромъ, Градчиномъ, наполненнымъ дворцами и храмами, Петржиномъ, зеленымъ даже зимой, на которомъ виденъ Страговъ и уединенная церковь св. Лаврентія на вершинѣ. На ближайшемъ планѣ миловидные островки, заросшіе высокими деревьями, Стрѣлецкій и Софійскій: послѣдній изъ нихъ, мѣсто пражскихъ увеселеній, баловъ и концертовъ, чрезвычайно напоминаетъ островъ Руссо въ Женевѣ. Еще лучше видъ съ Градчина, откуда открывается весь городъ съ его церквами и башнями и далеко видна волнистая окрестность съ городками и деревнями. Съ пражскаго «дома» (собора) на Градчинѣ видно, говорятъ, половину Богеміи. За старымъ городомъ поднимаются другія возвышенности: древній историческій Вышеградъ, о которомъ говоритъ старая пѣсня, нѣкогда столица Чехіи, теперь незначительное предмѣстье Праги, и историческая Жижкова гора: здѣсь одержалъ онъ побѣду надъ своими непріятелями, сваливая съ крутой горы огромные камни. Теперь подъ горой мирно проходитъ желѣзная дорога въ Вѣну.

Каменный мостъ черезъ Волтаву, о которомъ мы упоминали, есть одна изъ главныхъ достопримѣчательностей Праги: мнѣ понравился онъ больше знаменитаго моста Св. Ангела въ Римѣ. Онъ много длиннѣе римскаго и весь заставленъ статуями и группами, старыми и новыми: здѣсь и святой Вацлавъ, патронъ чешской земли, и Францискъ Ксаверій—память іезуитскаго владычества, и св. Непомукъ: въ срединѣ моста рѣшетка надъ перилами указываетъ мѣсто, откуда святой брошенъ былъ въ воду. Съ моста опять прекрасный видъ на обѣ стороны города, на острова и вдаль по рѣкѣ. Волтава шириной съ Неву, довольно быстра въ этомъ мѣстѣ и до сихъ поръ мутитъ свои волны, какъ во времена Любу-

ши. Съ обоихъ концовъ моста стоятъ старинныя готическія башни, пережившія много разрушительныхъ осадъ. Башни, какъ видно, очень нравились чехамъ; Прага усѣяна ими, и получила отъ нихъ свой живописный и совершенно справедливый эпитетъ «сто-башенной» (стовежита Прага). Онѣ попадаются во всѣхъ частяхъ города и служили прежде городскими воротами, укрѣпленіями, пороховыми складами; теперь онѣ разнообразятъ картину города и остались на память его древней физіономіи, вѣроятно очень эффектной, сколько можно судить по остаткамъ. Въ свое время башни были богато снабжены статуями и готическими украшеніями; теперь ихъ осталось уже не много: нѣмецкіе хозяева города очень много уничтожили. Высокая башня пражскаго моста, у Клементинума (огромнаго зданія, выстроеннаго іезуитами въ XVII вѣкѣ, гдѣ помѣщается теперь часть университета и гимназія), одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ въ Прагѣ; она стоитъ еще на стражѣ, какъ старый, но бодрый инвалидъ, и не дальше, какъ въ сорокъ восьмомъ году выдержала сильную бомбардировку съ «Малой Страны» отъ войскъ Виндишгреца. Когда всѣ войска собрались изъ города на Малую Страну, эта башня, составляющая входъ на мостъ, была однимъ изъ пунктовъ, куда собрался народъ и куда направлено было главное дѣйствіе артиллеріи; здѣсь были лучшія пражскія баррикады и здѣсь разыгрался одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ пражской трагедіи 48-го года. Студенты изъ стоящаго рядомъ Клементинума составляли большинство защитниковъ башни и баррикадъ; подъ ядрами они пѣли здѣсь пѣсню: hej slovanė, jeśte naśa slovanskà reć žije, — залпы артиллеріи заглушали на минуту пѣсню, но пѣвцы не останавливались и съ этимъ страшнымъ аккомпаниментомъ допѣли свою пѣсню, лебединую пѣсню недолговременной свободы.

Старая часть города своимъ оригинальнымъ видомъ напоминаетъ вообще другіе старинные города средневѣковой Европы: тѣ же узкія, кривыя улицы; неправильныя площади; готическія церкви, заставленныя кругомъ домами и пристройками; дома, украшенные знаками, гербами, статуями въ нишахъ и на фронтонахъ, очень часто картинами. Отъ старой ратуши уцѣлѣла только башня съ часовней, нетронутыя при послѣдней перестройкѣ; на ней осталась и старая надпись: Praha caput regni. Къ сожалѣнію, Прага сохраняетъ уже очень немногое изъ своей чисто-чешской старины: интересъ народности долго былъ заброшенъ, чешская старина нисколько не была дорога властителямъ Богеміи, а главное,

Прага столько разъ была бомбардируема своими и чужими, столько разъ ограблена, что исчезновеніе памятниковъ объясняется очень легко. Въ церквахъ вы уже не встрѣтите того богатства, которымъ онѣ нѣкогда славились; ихъ драгоцѣнныя украшенія сняты и растащены, картины чешскихъ и другихъ художниковъ вывезены и украшаютъ теперь дрезденскую, вѣнскую и мюнхенскую галлереи. Я еще недавно видѣлъ великолѣпные храмы Италіи, и мнѣ казалось, что пражскія церкви ограблены еще недавно... Пражскій «домъ» св. Вита, замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи, остался недоконченнымъ, и на немъ этотъ обыкновенный готическій недостатокъ замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь; одна наружная стѣна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно было быть продолженіе храма, просто покрыта была фресками, но и тѣ уже стерлись. Теперь только основалось общество, чтобы привести къ концу постройку собора. Весьма оригинальный Тынскій храмъ, съ могилой Тихо-Браге и памятникомъ славянскимъ апостоламъ, Кириллу и Меѳодію, также даетъ меньше, чѣмъ ожидаешь: памятникъ Кириллу и Меѳодію поставленъ въ темномъ углу, такъ что его надо отыскивать, и снабженъ католическими атрибутами. Знаменитая Виѳлеемская часовня, гдѣ началъ свою проповѣдь Гусъ, давно не существуетъ и имя ея уцѣлѣло только въ названіи «Бетлемскаго плаца», т.-е. площади; королевскій дворецъ въ Старомъ Городѣ обращенъ въ казарму; древности были поняты вообще утилитарно и исчезли. Другія достопримѣчательности города, Клементинумъ, огромное зданіе стараго іезуитскаго коллегіума, аристократическіе дворцы на Малой Странѣ напоминаютъ роковое для чеховъ семнадцатое столѣтіе, владычество іезуитовъ и паденіе національной самобытности. Страна наполнилась множествомъ иноземной аристократіи нѣмецкой, французской, итальянской, которая настроила въ Малой Странѣ много богатыхъ палаццовъ: вы безпрестанно слышите имена Шварценберговъ, Коллоредо, Рочановъ, Кламъ-Галласовъ и т. д.

Но гораздо болѣе древностей интересовала меня живая Прага, то удивительное возрожденіе, которое началось такъ недавно и, несмотря на то, успѣло уже принести столько блестящихъ результатовъ. Чехи шли первые въ трудѣ реставраціи; они первые развили мысль о цѣломъ славянствѣ, которая повела за собою общее движеніе австрійскихъ славянъ, сообщилась сербамъ и болгарамъ и нашла своихъ кліентовъ и у насъ. Эта мысль, проведенная не политическими собы-

тіями, не революціями, составляетъ существенный предметъ чешской литературной дѣятельности; она и до сихъ поръ остается руководительной нитью чешской словесности и науки, хотя въ настоящее время ея дальнѣйшее развитіе сильно затруднено неудобными обстоятельствами. Мысль эта продолжаетъ жить; принадлежа сначала одной литературѣ, немногимъ писателямъ—патріотамъ, она входитъ теперь въ жизнь общества, становится болѣе и болѣе общимъ убѣжденіемъ и обѣщаетъ много впереди, если только устоитъ противъ враждебнаго ей направленія.

Исторія панславизма, понимаемаго въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно занимательна. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ совершился этотъ крутой поворотъ въ нравственной жизни чешскаго общества, почти уже задавленнаго нѣмецкимъ вліяніемъ? Какимъ образомъ выросла цѣлая новая литература, имѣющая вліяніе на всѣ славянскія племена и обратившая на себя вниманіе Европы? Откуда взялись силы, которыхъ прежде никто не подозрѣвалъ? Начало движенія было чисто-литературное и намъ нѣтъ нужды восходить слишкомъ далеко для его объясненія; еще теперь живы люди, бывшіе свидѣтелями его первыхъ попытокъ, первыхъ невѣрныхъ шаговъ. Мы ограничимся одной чешской литературой, чтобы разсказать о ходѣ такъ называемаго панславизма, тѣмъ болѣе, что ей же принадлежатъ его главнѣйшіе представители, въ ней совершились главнѣйшіе факты новой славянской литературы.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Прага представляла совершенно иное зрѣлище, чѣмъ теперь. Національная жизнь была подавлена; чешское общество почти не существовало, какъ чешское; во главѣ его стояла чужая аристократія, владѣвшая землями и думавшая только о своихъ узкихъ интересахъ; городское населеніе и народъ, безъ средствъ и образованія, подчинялись сильному нѣмецкому вліянію; сколько-нибудь живой литературы не было. Этотъ порядокъ вещей установился съ несчастной бѣлогорской битвы, послѣдняго акта, завершившаго драматическую исторію старой Чехіи. Съ 1620 г. начинается непрерывный рядъ преслѣдованій и угнетенія, грозившихъ окончательнымъ истребленіемъ чешской національности. Бѣлогорская битва была сигналомъ страшныхъ притѣсненій, направленныхъ противъ побѣжденной некатолической стороны, т.-е. противъ большинства чешской націи. Всѣ некатолики, не покорявшіеся іезуитамъ, подверглись изгнанію изъ отчизны; масса че-

ховъ, до 36,000 семействъ, разошлась по окрестнымъ краямъ, въ Пруссію, Бранденбургъ, Саксонію, даже въ Америку, и навсегда погибла для родины; другіе насильно обращены въ католичество. Эмиграція, войны, потомъ голодъ и моръ, страшно опустошили страну, и народонаселеніе сохранило едва треть прежней численности. Привилегіи чешскаго королевства уничтожились. Съ этимъ ударомъ матеріальной силѣ націи нанесенъ былъ ударъ и нравственнымъ силамъ ея. Профессоры каролинскаго университета должны были въ теченіе трехъ дней оставить Прагу; въ 1622 году Каролинумъ былъ даже запечатанъ. Кости славныхъ чеховъ стараго времени, напр. знаменитаго Рокицаны, были вырыты изъ земли и сожжены; страшныя казни постигли многихъ чешскихъ писателей и покровителей науки: доктору Яну Есенскому отрѣзанъ былъ языкъ, потомъ онъ былъ казненъ и наконецъ четвертованъ. Университетъ отданъ былъ іезуитамъ, которые употребили всѣ средства, чтобы искоренить всѣ остатки прежняго еретичества. Они ходили вмѣстѣ съ цесарскими солдатами изъ дома въ домъ, отбирали вездѣ чешскія книги, въ которыхъ должна была крыться ересь: чешское стало синонимомъ еретическаго. Изъ этихъ книгъ устраивали они гнусные ауто-да-фе, въ которыхъ погибло не мало замѣчательныхъ произведеній старой литературы. Ученый чехъ того времени, Бальбинъ, самъ іезуитъ и потому свидѣтель, достойный вѣры, жалуется на незаслуженную участь чешскихъ книгъ. «Въ дѣтствѣ моемъ, разсказываетъ онъ, вскорѣ послѣ бѣлогорской побѣды, всѣ подъ рядъ чешскія книги, потому только, что онѣ были чешскія, принимались за еретическія и писаныя еретиками, по невѣжеству нѣкоторыхъ людей (т.-е. его собратій) и безъ разбора, добрыя онѣ или худыя, полезныя или не полезныя, отбираемы были изъ домовъ или вырываемы изъ рукъ людей, хотя бы въ нихъ ничего не говорилось о религіи; ихъ рвали, клали тамъ и сямъ на костры,—какъ мы помнимъ въ Прагѣ, на публичной площади,—и такимъ образомъ истребляли огнемъ... Я слышалъ дѣйствительно отъ людей, участвовавшихъ въ томъ, что безъ всякаго разсужденія, даже не посмотрѣвши, что за книги, всѣ чешскія сочиненія бросали въ пламень». Истребленіе книгъ продолжалось очень долго; іезуитъ Антоній Коніашъ, умершій въ 1760 году, почти черезъ полтораста лѣтъ послѣ бѣлогорской битвы, хвалился, что онъ одинъ сжегъ шестьдесятъ тысячъ чешскихъ книгъ. Школы и съ ними все народное

образованіе также перешли въ руки іезуитовъ. Чешскій языкъ падалъ и въ литературѣ и въ народномъ употребленіи; въ высшемъ классѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ; ему должны были учиться и горожане; чешскій удержался только въ деревенской избѣ и сталъ считаться мужицкимъ языкомъ. Духъ народа упалъ; чехи, поражаемые столькими несчастьями и потерями, не находили въ себѣ той энергіи, которая отличала ихъ прежде; исчезло ихъ мужество и гордость національнаго сознанія. Народность упала даже въ костюмѣ: до того времени чехи носили длинныя бороды и свое народное платье; теперь они одѣлись по-нѣмецки.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда начались реформы Іосифа II. Императоръ имѣлъ цѣлью систематическое германизированіе чеховъ, и главная изъ его мѣръ, введеніе нѣмецкаго языка въ школы, легко могла привести къ этой цѣли: славяне чешскіе также превратились бы въ нѣмцевъ, какъ случилось съ прибалтійскими и тюрингскими, если бы въ это самое время не возстала національная реакція, сначала робкая и невѣрная, потомъ болѣе и болѣе рѣшительная. Прежнее невѣжество, господствовавшее при іезуитахъ, начало исчезать при Іосифѣ II, и реакція, поддержанная наукой, скоро выказала свое дѣйствіе. Обстоятельства были трудны: всѣ двигатели общественной жизни,—управленіе, школа, наука, искусство,—дѣйствовали за одно съ намѣреніями правительства; чешскій элементъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста и казалось совершенно невозможнымъ выдвинуть его на сцену, дать ему общественное значеніе. Въ это время явился человѣкъ, которому, безъ ясно сознаннаго намѣренія, пришлось сдѣлать первый важный шагъ, вызвать къ жизни чешскій языкъ и дать вѣрную точку опоры новой литературѣ. Это былъ ученый аббатъ Добровскій.

Были въ то время люди, которые понимали всю опасность положенія, но что начать, чтобы выйти изъ него,—никто не зналъ. Умный чехъ нашего времени такъ говоритъ объ этомъ: признаемся, мы сами не знали бы что дѣлать, если бы нынѣшнее положеніе было такъ же печально, какъ тогдашнее; мы не сказали бы ничего больше того, что говорилъ величайшій славянофилъ того времени, знаменитый Добровскій. Этотъ гигантъ чешской учености (1753—1829) писалъ о нашемъ языкѣ, о нашей исторіи, о славянщинѣ; но, считая все это за мертвое, за анатомическій препаратъ, и самъ онъ не писалъ по-чешски и не хотѣлъ, чтобы и другіе это дѣлали; онъ говорилъ только: «оставьте мертвыхъ въ покоѣ!»

Несмотря на то, ему принадлежитъ великая заслуга быть первымъ дѣятелемъ славянскаго возрожденія. Онъ въ первый разъ въ ученой системѣ изложилъ характеръ чешскаго языка, указалъ на обширную семью славянскихъ языковъ, между которыми чешскій занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, посвятилъ всю свою дѣятельность славянской исторіи и филологіи, и когда даже чужой ученый міръ обратилъ вниманіе на его труды, то дома произвели они тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Его мягкій личный характеръ, обширныя знакомства также пріобрѣли не мало друзей его дѣлу. Общество патріотовъ, до сихъ поръ колебавшееся и несмѣлое, почувствовало твердую почву подъ ногами. Вслѣдъ за Добровскимъ выступило нѣсколько лицъ, начинающихъ новую чешскую литературу: Пухмайеръ, Неѣдлый, Крамеріусъ, Фавстинъ Прохазка, Томза, Пельцель, Гнѣвковскій, Юнгманны, Ганка. Они писали книжки въ защиту чешскаго языка, выставляли его достоинства, издавали грамматики, занимались поэзіей и исторіей; печатали книжки для народнаго чтенія, затѣяли даже чешскія газеты, издавали памятники старой литературы, переводили необходимѣйшія книги. Ганка, тогдашній студентъ философіи, сталъ душой молодого кружка, занимавшагося изученіемъ родного языка: онъ съ жаромъ проповѣдывалъ любовь къ родному и народному, и заведенныя имъ чешскія декламаціи возбуждали больше и больше патріотическаго участія; они заинтересовали даже губернатора, графа Коловрата-Либштейнскаго. Во многихъ уже заговорила инстинктивная привязанность къ чешскому и славянскому. Новые ратоборцы рѣшились во что бы ни стало создать новую чешскую словесность, трудились безъ устали и наконецъ достигли своей цѣли. Надъ ними много смѣялись тѣ, кому непонятна была страсть къ полуистлѣвшимъ хартіямъ и мужицкому языку, но результаты скоро показали, что дѣло было важнѣе, чѣмъ казалось съ перваго взгляда.

Съ самаго начала представилась однако трудность, съ которой долго должны были бороться чешскіе писатели и которая опять подала поводъ къ насмѣшкамъ ихъ противниковъ. Начались длинные споры объ языкѣ и орѳографіи. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не легко, почти въ теченіе двухъ столѣтій чешскій языкъ оставался на одной степени развитія,—той, на которой застигло его начало семнадцатаго вѣка; долгіе годы быстраго въ то время движенія науки и общественныхъ понятій прошли, не коснувшись до языка, и

человѣку, которому должно было писать на немъ въ XIX столѣтіи, приходилось пользоваться формами XVII вѣка и бѣднымъ, необработаннымъ языкомъ народа. Не находя необходимыхъ словъ, выраженій и оборотовъ, онъ долженъ былъ или приноровляться къ существовавшимъ уже формамъ и слѣдовательно дѣлать насиліе своей мысли, которая въ нихъ не укладывалась, или принужденъ былъ создавать новый языкъ, способный выразить новыя понятія. Это было бы, напримѣръ, то же, если бы наши малорусскіе писатели захотѣли писать по-малорусски все то, что пишется теперь очень хорошо по-русски: само собою разумѣется, что нынѣшній малорусскій языкъ далеко не въ состояніи дать средства для этого, и писатель долженъ или поневолѣ остаться простонароднымъ, или отказаться отъ своего намѣренія. У чеховъ перспектива была обширнѣе, и они предпочли тяжелый трудъ образованія новаго языка, безъ чего невозможно было ожидать успѣховъ новой литературы. Въ какую область науки или искусства ни обращался чешскій писатель, вездѣ онъ долженъ былъ выбирать, придумывать слова, передѣлывать свои, переводить чужія и т. д. Послѣ многихъ трудовъ, колебаній, ошибокъ, они успѣли однако въ главномъ, и хотя работа еще до сихъ поръ не кончена, но чешскій языкъ уже чрезвычайно расширилъ свои границы, создалъ новую, уже богатую, терминологію, легко дается и поэту, и серьезному ученому, и вообще начинаетъ выходить изъ своего неопредѣленнаго положенія, которое можно сравнить съ положеніемъ нашего языка въ концѣ XVIII столѣтія и въ эпоху Карамзина, когда у насъ было столько споровъ изъ-за словъ и запятыхъ. Къ вопросу о языкѣ присоединился вопросъ о правописаніи и о шрифтѣ. Какъ ни маловаженъ кажется этотъ вопросъ, онъ занималъ всѣхъ въ первое время, и долго послѣ; споры объ орѳографіи были такъ горячи, что иные защитники старины представляли нововводителей, какъ людей опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ дѣло шло объ изгнаніи изъ письма и типографій такъ называемаго швабаха (нѣмецкаго почерка и шрифта) и объ ипсилонахъ (у), и именно Неѣдлый, защищавшій ихъ, указывалъ на своихъ противниковъ, какъ на людей съ вредными тенденціями.

Эти мелочи, необходимыя въ свое время, не мѣшали однако серьезнымъ успѣхамъ національнаго дѣла, которое продолжалось съ блестящимъ успѣхомъ. Въ 1817 году Ганка, при помощи одного священника, нашелъ знаменитую Краледворскую рукопись. Незадолго передъ тѣмъ надѣлали въ

Европѣ шуму сербскія пѣсни Караджича; чехи обратили вниманіе на свои древніе поэтическіе памятники, Линда нашелъ извѣстную пѣсню о Вышеградѣ, Ганка издалъ уже первый томъ своего изданія: Starobylà Skladanie. Въ концѣ этого года, 16 сентября *), сдѣлана была знаменитая находка, бросившая совершенно новый свѣтъ на всю чешскую древность и имѣвшая благодѣтельное дѣйствіе на ходъ новой литературы: въ великолѣпныхъ пѣсняхъ Краледворской рукописи открылся новый міръ древнечешской поэзіи; прелесть ихъ во многихъ пробудила дремавшее чувство народности, стремленія литературы начинали вознаграждаться блестящимъ образомъ. Добровскій въ слѣдующемъ же году помѣстилъ въ своей Исторіи чешской литературы свое сужденіе о памятникѣ и нѣкоторые отрывки. Полное изданіе потребовало цѣлаго года для правильнаго чтенія и объясненія текста; оно вышло въ 1819 г. вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ Свободы. Европейскіе ученые съ любопытствомъ обратились къ замѣчательному поэтическому памятнику; Гёте, оракулъ тогдашняго литературнаго міра, призналъ его высокое значеніе для новой духовной жизни Чехіи и даже перевелъ пѣсню «Вѣнокъ» на нѣмецкій языкъ; у насъ Шишковъ тотчасъ же перевелъ Краледворскую рукопись на русскій. Съ тѣхъ поръ рукопись издавалась множество разъ; Ганкова «Полиглотта» представляетъ переводы ея на всѣ славянскія нарѣчія и почти на всѣ европейскіе языки, вполнѣ или въ отрывкахъ. Въ послѣднее время вышли венгерскій и французскій переводы; въ нынѣшнемъ году должно появиться великолѣпное изданіе Краледворской рукописи съ прекрасными иллюстраціями извѣстнаго чешскаго художника Манеса.

Къ этому же времени относится основаніе одного патріотическаго учрежденія, имѣвшаго въ свою очередь большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ національнаго движенія. Это было основаніе Народнаго Чешскаго Музея. Частныя желанія и предложенія о необходимости подобнаго учрежденія слышались уже давно въ новомъ чешскомъ обществѣ; теперь наконецъ они пошли въ дѣло. Съ одной стороны чисто чешскіе патріоты: Ганка, Янъ-Евангелистъ Пуркинье, Янъ-Святоплукъ Пресль, замѣчательный естествоиспытатель и горячій патріотъ,—профессоръ Яндера, баронъ Стенчъ; съ другой—болѣе космополитическіе любители и покровители наукъ, графы Францъ и Каспаръ Штернберги, князь Лобковицъ, графъ Гартманнъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій,

*) 1859.

лучшіе умы народа и лучшіе представители аристократіи соединились въ патріотическомъ дѣлѣ, и послѣдній, получивши частнымъ образомъ согласіе императора, уже 15 апрѣля 1818 года издалъ воззваніе «къ отечественнымъ друзьямъ наукъ». Открылась дѣятельная подписка и скоро собрана была значительная сумма въ пользу будущаго народнаго учрежденія. Каспаръ Штернбергъ былъ одинъ изъ людей, принесшихъ наибольшую пользу новому Музею своей заботливой дѣятельностью; онъ былъ назначенъ первымъ президентомъ общества, открытаго при Музеѣ для распространенія его и для покровительства наукамъ. Онъ положилъ основаніе библіотекѣ Музея, пожертвовавши ему свое прекрасное собраніе по естественнымъ и точнымъ наукамъ; графъ Коловратъ подарилъ музею драгоцѣнную для чешской исторіи и археологіи библіотеку Бржезницкую; Францъ Штернбергъ далъ свой минцъ-кабинетъ, другіе пожертвовали замѣчательныя коллекціи по естественной исторіи, Ганка принесъ Краледворскую рукопись. Первый уставъ Народнаго Музея и Музейнаго Общества утвержденъ былъ въ 1822 году. Музей соединяетъ въ себѣ богатыя коллекціи по естественной исторіи, большое замѣчательное собраніе чешскихъ древностей и рукописей и обширную, мы думаемъ даже лучшую въ своемъ родѣ, библіотеку по славянскимъ литературамъ. Для изученія чешской и вообще славянской старины и литературы она представляетъ богатыя средства; множество рукописей сохранено было здѣсь отъ погибели и стали доступны изслѣдователю. Ганка назначенъ былъ первымъ библіотекаремъ и до сихъ поръ остается заботливымъ и усерднымъ стражемъ библіотеки.

Воззваніе графа Коловрата и основаніе Музея были приняты въ чешскомъ обществѣ съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ 1818 году, въ только что основанный Музей прислано было по почтѣ, съ таинственнымъ, анонимнымъ письмомъ, еще одно въ высшей степени важное произведеніе древнечешской литературы, драгоцѣнность, подобной которой не имѣетъ ни одно славянское племя. То былъ «Любушинъ Судъ», два листочка пергамента, писанные древнимъ, но довольно необыкновеннымъ письмомъ, и заключавшіе отрывокъ поэмы, которую отнесли къ IX вѣку. Добровскій пріостановилъ изданіе памятника, потому что смотрѣлъ на него очень недовѣрчиво. Мы теперь нисколько не сомнѣваемся въ памятникѣ, пользуемся имъ, какъ драгоцѣннымъ остаткомъ славянской древности, но тогда онъ сдѣлался причиной раз-

дора между славянскими учеными. Добровскій, подъ конецъ жизни, желчный и подозрительный, прямо думалъ, что памятникъ, въ которомъ для него было столько новаго и неожиданнаго, просто сочиненъ Ганкой и Юнгманномъ и написанъ Линдой, тѣмъ самымъ, который прежде отыскалъ пѣсню о Вышеградѣ. Въ послѣдствіи Копитаръ объявлялъ подложными не только Любушинъ Судъ, но даже Краледворскую рукопись, древній словарь Mater Verborum и другіе памятники, и обвинялъ чешскихъ ученыхъ въ фальсификатѣ; послѣднимъ не оставалось больше ничего, какъ сказать, что и Копитаръ самъ написалъ славянскія глоссы въ изданный имъ кодексъ Гезихія. Полемика произвела сильное одушевленіе въ новой литературѣ, но всѣ сколько-нибудь благоразумные люди должны были оставить свою подозрительность, послѣ знаменитаго изданія этого памятника въ 1840 году.

Важныя литературныя событія быстро смѣнились въ новой чешской литературѣ. Еще не сошелъ со сцены «славянскій патріархъ», когда въ двадцатыхъ годахъ появились замѣчательные труды Шафарика. Чешскіе ученые обобщили мало-по-малу вопросъ о своей національности и связали его съ интересомъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Прага уже становилась «славянскими Аѳинами», названіе, которое не безъ причины могло быть ей присвоено. Труды Шафарика именно отличались этимъ всеобъемлющимъ содержаніемъ и быстро создали ему огромный авторитетъ; это былъ ученый уже сознательнаго панславизма. Онъ издаетъ изслѣдованіе о происхожденіи славянскаго племени, онъ первый пишетъ исторію славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ, онъ издаетъ громадный трудъ, «Славянскія Древности», одно изъ произведеній, имѣвшихъ сильное вліяніе на изученіе всего славянства, наконецъ, онъ первый издаетъ полный, хотя очень сжатый, обзоръ славянской этнографіи. Не упоминаемъ, наконецъ, множества его частныхъ изслѣдованій по славянскимъ древностямъ, филологіи и литературѣ. Изъ трудовъ его, относящихся собственно къ чешской литературѣ стараго времени, важнѣйшій есть изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка», приготовленное имъ вмѣстѣ съ Палацкимъ, гдѣ окончательно рѣшенъ былъ между прочимъ спорный вопросъ о «Любушиномъ Судѣ». Правда, это изслѣдованіе и многія другія сочиненія Шафарика были написаны на нѣмецкомъ языкѣ, но это только распространило ихъ извѣстность и открыло иноземнымъ ученымъ возможность

лучше оцѣнить тѣ стремленія, которыя одушевляли новую литературу. Шафарикъ сталъ извѣстенъ вездѣ, какъ наиболѣе компетентный судья in slavicis; берлинскій университетъ, первый университетъ Германіи, предложилъ ему славянскую каѳедру; въ славянскомъ ученомъ мірѣ труды Шафарика стали путеводной нитью для каждаго, кто пускался въ лабиринтъ славянской науки.

Я назвалъ сейчасъ другое имя, которому будутъ посвящены блестящія страницы новой чешской литературы. Палацкій выступилъ на литературное поприще почти въ одно время съ Шафарикомъ и скоро обнаружилъ энергичную дѣятельность; она почти исключительно посвящена была исторіи чешскаго народа. Палацкій долго былъ редакторомъ «Часописа» (повременнаго изданія) Чешскаго Музея и очень поднялъ это изданіе, которое подъ его редакціей представило много важныхъ ученыхъ трудовъ; онъ же долго завѣдывалъ дѣлами и предпріятіями Музейскаго Общества, которое много обязано его трудамъ. Послѣ долгихъ приготовительныхъ занятій Палацкій началъ издавать знаменитую «Чешскую исторію», сначала на нѣмецкомъ, потомъ вмѣстѣ и на чешскомъ языкѣ, которую онъ неутомимо продолжаетъ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще перевода этой книжки и она знакома у насъ только немногимъ спеціалистамъ. По литературному значенію, книгу Палацкаго можно сравнить съ трудомъ Карамзина: оба произведенія составили литературную эпоху. Они сходны отчасти и въ томъ отношеніи, что оба писателя принимались за огромную работу, почти не имѣя предшественниковъ, которые бы облегчили ихъ задачу. Палацкій долженъ былъ самъ отыскивать источники, оцѣнять ихъ достоинство, наконецъ, издавать ихъ; онъ читалъ своихъ авторовъ въ рукописяхъ, еще не читанныхъ и не комментированныхъ: онъ пересмотрѣлъ важнѣйшіе чешскіе архивы, библіотеки въ Вѣнѣ, Бреславлѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Франкфуртѣ, Базелѣ и ватиканскій архивъ въ Римѣ; онъ самъ долженъ былъ ставить вопросы и разрѣшать ихъ. Плодомъ всѣхъ его усилій было мастерское произведеніе, какихъ немного могутъ представить новыя славянскія литературы. Если мы сравнили его положеніе съ положеніемъ Карамзина относительно матеріала, то относительно результата мы, не сомнѣваясь, поставимъ трудъ Палацкаго гораздо выше: владѣя въ совершенствѣ своимъ матеріаломъ, Палацкій владѣетъ и строгимъ историческимъ методомъ, выработаннымъ современною наукою,

котораго, разумѣется, нельзя было бы и требовать отъ нашего историіографа; въ то же время онъ увлекаетъ прекраснымъ художественнымъ изложеніемъ, обличающимъ сильный литературный талантъ. Точнымъ изученіемъ и силою свѣтлаго взгляда Палацкій избѣжалъ и той опасности, которой легко подвергается историкъ-патріотъ: въ немъ нѣтъ и тѣни сантиментальнаго взгляда, такъ скучнаго теперь въ Карамзинѣ. Палацкій не остался однако при сухомъ безпристрастіи или безпристрастіи ученаго изслѣдователя: читая его книгу, вы чувствуете теплую симпатію автора къ предмету и видите вмѣстѣ съ тѣмъ, что она не мѣшаетъ ему быть строгимъ судьей тамъ, гдѣ событія вызываютъ строгій приговоръ. Возьмите послѣдній томъ его исторіи, гдѣ описывается одна изъ самыхъ яркихъ эпохъ чешской исторіи, XV столѣтіе, и вы поймете воззрѣнія Палацкаго.

Мы упоминали о томъ, какую важность получилъ для новой литературы вопросъ о языкѣ. Образованіе новой литературной рѣчи шло постепенно, не оставаясь при исключительномъ соблюденіи старыхъ формъ, но принимая также и новыя, слагавшіяся болѣе или менѣе удачно и входившія въ употребленіе. Въ такія эпохи колебанія языка играютъ важную роль словари, которыми—справедливо или несправедливо—думаютъ установить языкъ, собравши его наличное содержаніе. Для чешскаго языка этотъ огромный трудъ, которымъ занимаются обыкновенно цѣлыя академіи, и то безъ большого толку, совершенъ былъ однимъ Юнгманномъ: словарь его, оконченный въ 1839 году, есть одинъ изъ лучшихъ, если не лучшій словарь по славянскимъ нарѣчіямъ. За этимъ капитальнымъ произведеніемъ слѣдовало другое, столь же капитальное—«Исторія чешской литературы» отъ древнѣйшаго времени до послѣднихъ годовъ. Это собраніе одного библіографическаго матеріала, съ сжатыми историческими замѣчаніями о политическихъ событіяхъ, ходѣ просвѣщенія, языка и литературы. Книга Юнгманна, плодъ необыкновеннаго трудолюбія, есть чисто ученое, сухое сочиненіе, но она долго останется необходимымъ началомъ и руководствомъ для всякаго, кто желалъ бы заняться этимъ предметомъ. Бываютъ обстоятельства, когда книги этого рода дѣлаются литературными событіями, и тогдашнее положеніе было именно такое: задача чешскихъ ученыхъ была, какъ можно скорѣе и точнѣе, оріентироваться въ своей прежней исторіи, и Юнгманнъ, собравши всѣ

извѣстные факты чешскаго языка и литературы, сдѣлалъ важную услугу новой чешской наукѣ.

Изученіе языка и изданіе старыхъ памятниковъ было также постояннымъ трудомъ Ганки. Дѣятельный библіотекарь Чешскаго Музея принадлежитъ къ числу людей, горячо преданныхъ интересу своей народности, которой онъ служитъ всѣми своими средствами. Множество русскихъ, бывшихъ въ Прагѣ, съ удовольствіемъ вспомнятъ любезное гостепріимство чешскаго ученаго; его обширныя знакомства, его готовность сообщить указанія, матеріалы, книги, много способствовали къ установленію сношеній между славянскими учеными, облегчили многіе труды и скрѣпляли взаимность между новыми славянскими литературами, что очень важно для ихъ общаго успѣха. Его собственныя занятія почти исключительно посвящены чешскому языку, археологіи, нумизматикѣ; онъ издавалъ руководства, хрестоматіи, печаталъ древніе памятники. Цѣлый рядъ изданій послѣдняго рода былъ очень важенъ для изученія древне-чешской литературы, упомянемъ его Starobylà Skladanie, множество изданій Краледворской рукописи, Книгу о законахъ чешской земли, изданіе древнихъ словарей, Хронику Далимила, Реймское Евангеліе и т. д., не говоря о многихъ мелкихъ его изслѣдованіяхъ. Въ настоящее время приготовляетъ онъ два любопытные труда: изслѣдованіе о славянскомъ богослуженіи у чеховъ съ изданіемъ глаголическихъ и кирилловскихъ текстовъ, которые сюда относятся, и нѣмецкій переводъ Хроники Далимила, сдѣланный современникомъ чешскаго лѣтописца и интересный для опредѣленія тогдашнихъ отношеній между двумя національностями.

Вмѣстѣ съ учеными трудами, началась у чеховъ легкая литература; издавались популярныя книги по разнымъ предметамъ знанія, повѣсти для народнаго чтенія и т. п. Въ одно время нужно было создавать и литературу и читателей: гдѣ же нашлись они? Въ высшемъ и богатомъ, среднемъ классѣ находилось не много партизановъ народнаго движенія; они большею частью оставались къ нему болѣе чѣмъ хладнокровны; они скорѣе враждебно смотрѣли на тѣхъ, въ комъ кромѣ новыхъ литературныхъ тенденцій подозрѣвали и новыя соціальныя тенденціи. Для новой литературы, защищавшей дѣло народа, публика нашлась въ самомъ народѣ, наименѣе тронутомъ германизированіемъ. Небогатая часть средняго класса и провинціальное населеніе стали главною массою читателей; нужно было сдѣлать книги

доступными этой массѣ, которая не могла тратить много на ихъ пріобрѣтеніе, и въ то же время нужно было облегчить небогатымъ авторамъ изданіе ихъ сочиненій. Для достиженія этихъ цѣлей послужило прекрасное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Чешской Матицы. Въ 1830 году, Музейное Общество на основаніи своего устава образовало особенное отдѣленіе въ обществѣ для усовершенствованія чешскаго языка и литературы, а для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ основало особенный фондъ, подъ названіемъ Матицы; это родъ общества на акціяхъ. Главная мысль и заботливость о Матицѣ принадлежитъ другому Штернбергу, Францу. Членомъ основателемъ Матицы дѣлается тотъ, кто вноситъ заразъ или въ теченіе пяти лѣтъ 50 конвенціонныхъ флориновъ; отвлеченныя лица, напримѣръ, ученыя общества, заведенія, библіотеки вносятъ одинъ разъ на всегда 100 флориновъ. Въ вознагражденіе за то каждый членъ до смерти своей получаетъ даромъ всѣ изданія Матицы, выходящія со времени его вступленія. Это чрезвычайно практическое учрежденіе послужило образцомъ для другихъ славянскихъ народовъ, которые также основали у себя подобныя Матицы. Исключеніе составляетъ сербская, основанная еще раньше въ Пештѣ, потомъ перенесенная въ Новый Садъ. Послѣ чешской открыты были, скромная Словацкая Матица, Иллирская въ Загребѣ, Русинская во Львовѣ, Далматская, Лужицкая въ Будишинѣ (Бауценѣ). Въ то же время основаны подобныя общества «Св. Кирилла и Меодія» въ Берлѣ (Брюннѣ), «Дружество» въ Целовцѣ (Клагенфуртѣ) и другія, для той же цѣли сохраненія и возбужденія народной литературы.

Первымъ куратором Матицы былъ князь Рудольфъ Кинскій, пожертвовавшій на основаніе капитала тысячу флориновъ. Въ послѣднее время занималъ это мѣсто извѣстный профессоръ физіологіи Пуркинье; когда онъ отказался отъ него въ началѣ нынѣшняго года, куратором выбранъ былъ извѣстный чешско-нѣмецкій писатель Венцигъ, о которомъ мы будемъ еще говорить послѣ. Матица имѣла огромный успѣхъ, если взять въ расчетъ небольшія средства чешской публики; чтобы показать это наглядиѣе, мы заимствуемъ у Риттерсберга нѣкоторыя цифры. Въ 1831 году, на другой годъ по открытіи ея, Матица считала 15 членовъ и около 2,500 флориновъ капитала; въ концѣ 1846 г. число членовъ возросло уже до 1,900, а капиталъ до 50,000 флориновъ; къ концу 1854 года, капиталъ выросъ до ста тысячъ; въ

1857 году число членовъ доходило до 5,000. Комитетъ завѣдывавшій изданіями, исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ свои обязанности къ подписчикамъ Матицы: сочиненія, изданныя ею, имѣютъ несомнѣнныя достоинства; особенное вниманіе обращено было на изданіе важныхъ и обширныхъ книгъ, которыя иначе были бы недоступны для большинства; по содержанію изданія были довольно разнообразны. Матица сдѣлала, напримѣръ, слѣдующія изданія: Словарь Юнгманна, Древности Шафарика, Выборъ изъ старочешской литературы, Исторію Палацкаго, Исторію литературы Юнгманна, Сочиненія Челяковскаго, книги по географіи и естественной исторіи. Матица издаетъ также извѣстный журналъ Чешскаго Музея «Часописъ», «Археологическіе памятники» профессора Запа, и «Живу», прекрасный популярный журналъ по естественной исторіи, редакціей котораго занимаются профессоры Пуркинье и Крейчій.

Ученая дѣятельность, развившаяся такъ быстро въ новой чешской литературѣ, имѣла великое значеніе для самихъ чеховъ и для другихъ славянъ тѣмъ, что она путемъ строгаго изслѣдованія привела общество къ сознанію національной самобытности, поддержала упавшій духъ народа и дала ему свѣжія силы для борьбы съ гнетущимъ началомъ. Защита несправедливо попранной народности была лозунгомъ этой дѣятельности; мысль, высказанная ею, до такой степени соотвѣтствовала общему настроенію умовъ, давнишней потребности, что она тотчасъ же крѣпко привилась къ возрожденному обществу и съ тѣхъ поръ стала главною его двигательницею. Чисто научный способъ проведенія этой мысли имѣлъ ту великую выгоду, что онъ далъ прочное основаніе національнымъ стремленіямъ и далъ силу правды поэтическимъ дѣятелямъ, которые скоро выступили апостолами чешской и всеславянской народности, апостолами братскаго соединенія всѣхъ славянскихъ племенъ. Всѣхъ сильнѣе, энергичнѣе между ними былъ Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славы».

Янъ Колларъ, родомъ словакъ, былъ изъ того же поколѣнія, которому принадлежатъ названные нами выше представители чешской науки. Онъ родился въ 1793 году и уже въ ранней молодости прилежно изучалъ народную словесность, собиралъ пѣсни и преданія, и, окончивши свои богословскія занятія въ Бреславлѣ, отправился для продолженія ихъ въ Іену, въ 1817 году. Здѣсь, на Саалѣ, поразило его зрѣлище земель, нѣкогда славянскихъ, теперь со-

всѣмъ онѣмеченныхъ; его славянское чувство получило толчокъ, который уже тогда опредѣлилъ направленіе его пылкой поэзіи. Къ этому присоединилось еще особенное обстоятельство, сильно подѣйствовавшее на поэта. Въ одномъ мѣстечкѣ, невдалекѣ отъ Іены, познакомился онъ съ фрейлейнъ Вильгельминой Шмидтовой, отецъ которой, тамошній евангелическій проповѣдникъ, по семейному преданію происходилъ изъ недалекой оттуда деревни Рославы, отъ славянскихъ, насильно онѣмеченныхъ предковъ. Любовь къ Минѣ, любовь къ родинѣ, любовь ко всему славянству, стали главнымъ, единственнымъ содержаніемъ поэзіи Коллара; онъ разсказываетъ въ ней свои радости и печали, путешествія и приключенія, судьбу славянства прошедшую и настоящую. Онъ издалъ свое произведеніе подъ названіемъ «Дочь Славы» (Slavy Dcera), подъ которой понималось и великое славянство и его любезная Мина, дочь славянскихъ предковъ. Послѣднее изданіе поэмы, 1832 г., заключаетъ болѣе шестисотъ сонетовъ и дѣлится на пять пѣсенъ, названныхъ именами рѣкъ: 1) Сала, 2) Эльба, Рейнъ и Волтава, 3) Дунай, 4) Лета и 5) Ахеронъ. «Дочь Славы» написана, какъ мы уже замѣтили, сонетами, звучными и сильными; по одной формѣ своей это произведеніе было огромнымъ успѣхомъ для молодой литературы. Въ содержаніи ихъ явилось чрезвычайно поэтическое выраженіе цѣлаго направленія, обнявшаго дѣятельность новыхъ чеховъ и всѣхъ славянъ, у которыхъ пробудилась идея народности. Колларъ сталъ первымъ поэтомъ панславизма. Во всей поэмѣ оригинально смѣшиваются оба премета любви Коллара; къ разсказу о своей любви, о прекрасной дѣвѣ онъ привязываетъ разсказъ о своихъ странствіяхъ по землямъ славянъ, воспоминанія объ ихъ печальной исторіи, гаданья о будущемъ. Сонеты его то лирическая пѣсня, то элегія, когда онъ смотритъ на грустное настоящее, то звучатъ они энергическимъ воззваніемъ къ народному патріотизму, то желчной сатирой на недостойныхъ отщепенцевъ, то поэтъ становится суровымъ дидактитомъ и даетъ своимъ соотечественникамъ наставленія въ истинной любви къ родинѣ. Поэма встрѣчена была съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, этимъ однимъ произведеніемъ Колларъ создалъ свою славу.

Чтобы указать полнѣе характеръ его стремленій, мы должны упомянуть и о другихъ трудахъ знаменитаго поэта. Въ самой молодости Колларъ инстинктивно попалъ на ту дорогу, по которой шли потомъ славянскіе ученые, возстановлявшіе

полузабытую народность: мы сказали уже, что онъ занимался собираніемъ пѣсенъ; онъ продолжалъ эти занятія и послѣ, и въ тридцатыхъ годахъ издалъ замѣчательный сборникъ словацкихъ народныхъ пѣсенъ и легендъ, въ двухъ большихъ томахъ, съ разными этнографическими и миѳологическими объясненіями. Это была одна изъ его наиболѣе удачныхъ ученыхъ работъ. Стремясь на дѣлѣ быть полезнымъ изыскателемъ народности, Колларъ предпринималъ много другихъ ученыхъ трудовъ, но его поэтическая натура не могла ужиться съ холоднымъ анализомъ науки и живая фантазія автора всегда мѣшала строгому объясненію дѣла. Скажемъ сначала, что по возвращеніи въ Венгрію Колларъ сдѣланъ былъ въ 1819 году евангелическимъ проповѣдникомъ въ Пестѣ. Онъ имѣлъ на каѳедрѣ большой успѣхъ, проповѣди его усердно читались его соотечественниками; но съ другой стороны онъ навлекъ на себя страшныя преслѣдованія со стороны мадьяровъ и нѣмцевъ, которые вовсе недоброжелательно смотрѣли на талантливаго славянина, прекраснаго проповѣдника религіи и народности. Извѣстны ужасныя притѣсненія словаковъ, обратившія въ сороковыхъ годахъ вниманіе цѣлой Европы. Колларъ трудился неутомимо, словомъ и дѣломъ, на защиту угнетенныхъ соотечественниковъ, положеніе которыхъ становилось невыносимо; его энергія, наконецъ, истощилась, въ 48-мъ году онъ уже не могъ стоять впереди своего народа, и въ слѣдующемъ году принялъ славянскую каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ, которая должна была дать ему спокойствіе и свободу... Рядъ ученыхъ его трудовъ начинается изслѣдованіемъ объ именахъ и о происхожденіи славянскаго племени, изданнымъ въ 1830 году. Онъ предпринималъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянской старины, въ Швейцаріи, Италіи и Сѣверной Германіи, и изложилъ свои наблюденія въ нѣсколькихъ любопытныхъ, но далеко не критическихъ сочиненіяхъ. Его воображеніе, наполненное славянствомъ, опережало историческіе факты и ученые съ недовѣрчивостью смотрѣли на его скорые выводы. Такова его «Славянская Старо-Италія», его изслѣдованія о новострелицкихъ древностяхъ и др.

Между литературными трудами Коллара заслуживаетъ большого вниманія еще одно сочиненіе, вышедшее въ тридцатыхъ годахъ, о которомъ въ свое время сообщено было въ нашихъ журналахъ, Срезневскимъ, если не ошибаемся. Это брошюра «О литературной взаимности между различными

племенами и нарѣчіями славянскаго народа». Разсматривая положеніе славянскихъ литературъ, Колларъ выводитъ заключеніе, что для лучшаго выполненія ихъ задачи, для подкрѣпленія народности, славянскія племена должны какъ можно тѣснѣе соединиться въ литературной взаимности: они должны дѣлиться другъ съ другомъ своими результатами и взаимно облегчать свои труды. «Въ наше время,—говорилъ онъ,—недостаточно быть хорошимъ русскимъ, пылкимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, ученымъ чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по-русски, по-польски, по-чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу, по изреченію: Slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto (я славянинъ, ничто славянское мнѣ не чуждо)». Поэтому каждый образованный славянинъ долженъ знать четыре главныя славянскія нарѣчія, чтобы читать книги и понимать разговоръ. Колларъ не желалъ никакого общеславянскаго языка, потому что понималъ его несбыточность и думалъ достаточно замѣнить его этимъ изученіемъ нарѣчій, которое конечно не совсѣмъ легко въ томъ размѣрѣ, какъ онъ желалъ. Онъ выставляетъ потомъ опасность, предстоящую славянамъ отъ раздѣленія силъ и интересовъ, указываетъ на прежнія несчастныя времена, и въ заключеніе объясняетъ, что духовное общеніе должно облегчить историческую задачу, лежащую на славянахъ. Задача эта—вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, когда народы романскіе и германскіе уже оканчиваютъ свое поприще и уступаютъ мѣсто новому, совершеннѣйшему дѣятелю. Мы не будемъ теперь останавливаться на этомъ взглядѣ, потому что нашимъ читателямъ извѣстна эта доктрина изъ русскихъ писателей, не разъ ее развивавшихъ. Наконецъ Колларъ предлагаетъ средства, которыя могутъ пособить установленію этой взаимности славянскихъ литературъ. Мы будемъ говорить впослѣдствіи, до какой степени осуществились черезъ двадцать лѣтъ желанія Коллара.

Вліяніе Коллара было весьма обширно. Сильная поэзія его «Дочери Славы» начинаетъ цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, навѣянныхъ тѣмъ же чувствомъ славянской особности, братской любви къ соплеменникамъ, враждой къ притѣсненію и неправдѣ. Мысль о литературной взаимности встрѣтила большую симпатію со стороны многихъ славян-

скихъ писателей; идеи о цѣломъ славянствѣ, о великой роли его въ будущемъ, о широкихъ качествахъ славянскаго характера,—идеи, которыя съ такимъ жаромъ проповѣдывалъ Колларъ, пріобрѣтали болѣе и болѣе послѣдователей; за этими идеями окончательно утвердилось названіе панславизма. Поэтическій авторитетъ Коллара еще долго сохранитъ свою силу надъ умами тѣхъ, для кого дорого дѣло славянской народности.

Въ одно время съ Колларомъ дѣйствовалъ на поэтическомъ поприщѣ другой талантъ, не столь яркій и многообъемлющій, но также замѣчательно оригинальный. Франтишекъ-Ладиславъ Челяковскій родился въ 1799 году, только нѣсколькими годами позднѣе Коллара; отецъ его былъ небогатый плотникъ, или сапожникъ—неизвѣстно. Онъ прошелъ однако школу, гимназію и университетъ, и когда въ молодости начало сказываться въ немъ поэтическое дарованіе, Челяковскій началъ писать по-нѣмецки; но чувство народности наконецъ взяло вверхъ и онъ уничтожилъ свои нѣмецкія произведенія. Еще въ 1822 году онъ издалъ свои стихотворенія и славянскія народныя пѣсни, переводилъ изъ Гёте, Вальтера Скотта, пробуя свои силы въ языкѣ—трудъ не маловажный въ то время, когда чешскій писатель, при каждомъ новомъ предметѣ занятій, долженъ былъ бороться съ формами языка и дополнять ихъ недостаточность такъ или иначе. Поэтическая извѣстность Челяковскаго начинается съ 1829 года, когда онъ издалъ превосходный Ohlas pésni ruskych, «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ». По общему направленію Челяковскій былъ также поэтъ чисто-панславистскій, подобно Коллару, но средства ихъ были различны. Челяковскій хотѣлъ прямо знакомить чешскихъ читателей съ поэзіей другихъ славянъ; онъ издаетъ славянскія пѣсни, цѣлую антологію переводовъ изъ славянскихъ поэтовъ. Русская поэзія, исторія, литература были однимъ изъ его любимыхъ занятій и «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» доказываетъ, что дѣйствительно ему удалось прекрасно понять и усвоить себѣ духъ нашей народной пѣсни. Говоря безъ преувеличеній, немногіе даже изъ нашихъ поэтовъ умѣли такъ хорошо передать характеръ народной нашей поэзіи, соединить глубокое знаніе послѣдней и свою поэтическую самостоятельность. Русскій читатель Челяковскаго имѣетъ неожиданное удовольствіе, когда въ чешской формѣ узнаетъ свои давно знакомые мотивы, повидимому возможные только по-русски. Эффектъ русскихъ пѣсенъ Челяковскаго напо-

минаетъ «Пѣсни западныхъ славянъ» Пушкина, но то, что у Пушкина было чистой удачей, поэтическимъ инстинктомъ, что было у него случайно, у чешскаго поэта является какъ сознательное воспроизведеніе. Онъ не держался только того содержанія, какое давала ему пѣсня, и напротивъ умѣлъ въ аналогическую форму вносить совершенно новую поэтическую мысль... Такой же трудъ предпринялъ Челяковскій и въ отношеніи своихъ народныхъ пѣсенъ: «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» имѣлъ тотъ же успѣхъ. Его «Столистая роза», вышедшая въ одно время съ послѣднимъ произведеніемъ, представляетъ другую его манеру: одни изъ стихотвореній нѣсколько скучны, потому что отличаются общимъ, нѣсколько отвлеченнымъ содержаніемъ, другія посвящены патріотическимъ стремленіямъ автора, и въ нихъ гораздо больше интереснаго.

Въ тридцатыхъ годахъ Челяковскій былъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и вмѣстѣ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ университетѣ; и то и другое продолжалось однако недолго. Во время польскаго возстанія Челяковскій сочувствовалъ русскому дѣлу, съ убѣжденіемъ въ его пользѣ, но потомъ судьба поляковъ возбудила его симпатію и онъ открыто отказался отъ своего прежняго мнѣнія. Въ 1842 году онъ былъ вызванъ на профессуру въ Братиславѣ, гдѣ его товарищемъ былъ другой истый чехъ, Пуркинье: они вмѣстѣ слѣдили за славянскими литературами и старались распространить охоту къ ихъ изученію. Здѣсь навѣщали ихъ наши слависты, Срезневскій и Бодянскій. Наконецъ въ 1849 г. Челяковскій возвратился въ Прагу, на славянскую каѳедру, которую и сохранилъ до своей смерти. Ученые труды Челяковскаго также были обращены на всеславянское изученіе; главные изъ нихъ—«Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій» и «Мудрословіе» славянскаго народа въ пословицахъ. Живой, иногда раздражительный характеръ Челяковскаго отражается и въ его поэзіи, въ которой эпиграмма занимаетъ не послѣднее мѣсто. Спорные вопросы новой литературы не разъ увлекали его въ полемику, и онъ нерѣдко мстилъ своимъ противникамъ злыми сарказмами, которые еще не всѣ извѣстны въ печати. Челяковскій умеръ въ 1852 г., въ одинъ годъ съ Колларомъ.

Мы назвали наиболѣе извѣстныхъ представителей новой чешской литературы, еще видѣвшихъ ея возникновеніе. Въ настоящее время чешскій литературный міръ весьма расширился; теперь можно назвать много спеціальныхъ ученыхъ

и болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, но въ то время чувствовался большой недостатокъ въ силахъ, и оттого первые чешскіе писатели отличались большой многосторонностью. Каждый тогда изъ своей особенной спеціальности заходилъ и въ другія области литературы, совершенно постороннія главному направленію его трудовъ. Превосходный поэтъ Колларъ со страстью занимается археологіей; Челяковскій пишетъ грамматики; библіографъ и нумизматъ Ганка, пишетъ пѣсни; Шафарикъ переводитъ «Марію Стюартъ», Юнгманнъ—«Потерянный Рай» и «Аталу» Шатобріана, ученый Пуркинье переводитъ стихотворенія Шиллера. Движеніе литературы было очень единодушно; одна общая идея одушевляла каждаго изъ новыхъ писателей; эта идея была любовь къ народности, доходившая иногда до энтузіазма. Чешскіе поэты не дѣлились на школы, не расходились въ направленіи. Каждый истинный талантъ попадалъ на эту дорогу, каждый возвеличивалъ свою народность и проповѣдывалъ о самобытности. Суровый критикъ указалъ иногда бы въ этихъ стихотвореніяхъ и книгахъ преувеличенное и самолюбивое понятіе о своей народности, но въ цѣломъ направленіи столько было свѣжести и наивнаго чувства, что мы сочувствуемъ ему и желаемъ ему полнаго успѣха. Чешскіе патріоты притомъ не такіе злостные патріоты, какъ тѣ, которыхъ у насъ называли квасными. Иногда легкій оттѣнокъ шутки сглаживаетъ у чешскихъ поэтовъ, напр. у Челяковскаго, ихъ исключительный патріотизмъ, и читатель легко съ нимъ мирится.

Колларъ, опредѣляя, въ чемъ должна состоять любовь къ родинѣ, возставалъ противъ узкаго пониманія ея, заставляющаго любить свою родину въ тѣсномъ смыслѣ и забывающаго объ общемъ великомъ отечествѣ. «Меньшее всегда должно быть подчинено большему, высшему: любовь къ родинѣ любви къ отечеству. Ручьи, рѣки и потоки вливаются въ море; такъ и отдѣльныя земли, края, племена, нарѣчія должны выливаться въ народъ. Всѣ славяне имѣютъ только одно отечество». Въ своей поэмѣ онъ повторяетъ ту же мысль. «Конечно, дороги невинному чувству та роща, рѣка, хижина, которую прадѣдъ оставилъ своему внуку, но прочныя границы отечества, которыхъ боится тронуть злоба,—лежатъ въ нравахъ, рѣчи и единодушныхъ стремленіяхъ». Это панславистское воззрѣніе на цѣлое славянское отечество повторяется потомъ часто въ чешской поэзіи. Одинъ изъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ, въ прекрасномъ и по формѣ

стихотвореніи «Отечество Славянъ», говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ:

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ ли, гдѣ царь Лазарь въ славномъ бою пролилъ свою кровь? Въ сербской землѣ?—Выше, выше, предѣлы царства славянъ.

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ, гдѣ Зрини умирая совершалъ безсмертныя дѣла? Надъ Дунаемъ?—Выше, выше, предѣлы славянскаго царства.

«...Гдѣ Янъ Троцновскій (Жижка) велъ своихъ воиновъ на святую битву за народъ? На Волтавѣ...

«...Гдѣ славянинъ ступалъ въ крови, чтобы освободить Европу? На Моравѣ?..

«...Тамъ ли, гдѣ уланъ (полякъ) *не позволялъ*, пока пролилъ послѣднюю каплю? Тамъ, надъ Вислой?..

«...Тамъ, гдѣ пламень охватилъ Москву, чтобы возвратить спокойствіе міру? Въ русской землѣ?—Выше, выше предѣлы царства славянъ.

«Тамъ, гдѣ языкъ сына Славы говоритъ о чести отцовъ, гдѣ чистая мысль, пылкое сердце совершаютъ мужественные подвиги для отчизны, гдѣ любовь соединяетъ братьевъ,—тамъ стоитъ царство славянъ».

Мы сообщимъ здѣсь для образчика еще отрывки изъ двухъ-трехъ стихотвореній подобнаго содержанія: они дышатъ прямымъ, непосредственнымъ сознаніемъ народности, и это было самое естественное, живое содержаніе, которое прежде всего должно было представиться національному поэту. Въ новой чешской литературѣ читатель нерѣдко встрѣчается съ этими выраженіями наивнаго, но полнаго чувства; стихотвореніе «патріотическое» прямо отвѣчало на мысли и желанія читателя. Яблонскій, въ стихотвореніи «Славянинъ Чехъ», Махачекъ и особенно Рубешъ въ очень извѣстномъ стихотвореніи «Я Чехъ», и многіе другіе, развивали поэтическую теорію любви къ родинѣ. Приводимъ нѣкоторыя строфы изъ Яблонскаго:

«...Не дивитесь, мои дорогіе,—говоритъ онъ,—что звукъ пѣсни часто исцѣляетъ мою боль, что онъ погружаетъ меня въ райское блаженство; что я, увлеченный полетомъ музыки, готовъ раздѣлить сердце съ цѣлымъ широкимъ свѣтомъ: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что я такъ горячо люблю свой языкъ; что онъ звучитъ для меня слаще всѣхъ рѣчей; что

эти любимые звуки я такъ радъ слышать, такъ люблю говорить: вѣдь я рѣчью, родомъ чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что мнѣ нравится славянская одежда, славянская пляска, веселье; что всегда играетъ во мнѣ сердце, когда вижу братьевъ, когда вижу славянскіе края: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что сладкая слеза навертывается на глазахъ моихъ, когда читаю чудеса о сынахъ Чехіи; что гордый славою предковъ, чту свидѣтелей чешской славы; вѣдь я по родинѣ, по племени чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что моя славянская кровь неспокойна, когда на мой народъ пахнетъ ядовитое дыханіе; что я всегда караю злого клеветника, какъ только онъ касается чести моего рода: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что всѣ мои силы собираются, когда слухъ мой почувствуетъ вздохъ отчизны; что этой дорогой чешской отчизнѣ я хочу принести въ жертву и себя и все мое: я и тѣломъ и душой чехъ!..»

У Челяковскаго, который признается въ «Столистой розѣ», что онъ никогда бы не могъ полюбить нѣмку, хотя бы она была ангеломъ,—выраженія любви къ родинѣ граничатъ съ веселой, а иногда и злой шуткой. Въ одной сельской пѣснѣ поселяне говорятъ у него, что они засѣяли льну для своихъ женъ, розъ для своихъ дѣвушекъ, яблони для парней и конопли (на веревки) для какихъ-то бездѣльниковъ, которыхъ они не называютъ, и заставляютъ угадывать... Въ другой пѣснѣ онъ говоритъ о чешскомъ патріотѣ: «Тотъ нашъ братъ, кто въ дни юности не преклоняется съ радостью предъ чужими идолами; кто загорается любовью къ невинной, милой дочери изъ *чешскаго* рода, готовъ соединиться съ ней и отдавать отечеству дань добрыми дѣтьми. Тотъ нашъ братъ, кто, помня славныхъ праотцевъ, гордится быть чехомъ; кто, другъ давнихъ обычаевъ и правъ, не носитъ знаковъ рабства; кто мельницкое и жерносѣцкое (чешскія виноградныя вина) считаетъ лучше итальянскаго и нѣмецкаго. Тотъ нашъ братъ, кто воспѣваетъ для потомковъ геройскую борьбу предковъ и, не заглядывая въ чужіе сады, воспитываетъ домашнюю красу; кто радость и печаль и сладкую тоску умѣетъ вылить въ чешскую пѣсню...»

Талантливѣйшая изъ чешскихъ писательницъ нашего времени обращается съ патріотическимъ воззваніемъ къ чешскимъ женщинамъ, убѣждаетъ ихъ быть хранительницами народности, воспитательницами истинныхъ чеховъ:

«Чешскія женщины и матери! Дадимъ себѣ обѣтъ и сохранимъ его: принесемъ всѣ наши силы въ жертву дорогой родинѣ! Пусть мужчина не одинъ гордится тѣмъ, что все отдаетъ отечеству. Впередъ, женщины! мы также положимъ свою жертву на алтарь.

«Мужъ,—у него есть острый мечъ, рука, сила, у него есть все; но нѣжная, слабая женщина,—у нея есть только сердце и—дитя. Дѣти,—сладкое имя, даръ, данный женщинѣ небомъ. Матери! отдадимъ то, что у насъ есть самаго драгоцѣннаго, родинѣ.

«Первымъ ласковымъ словомъ, первымъ сладкимъ поцѣлуемъ вольемъ имъ въ душу чешскій звукъ съ горячей любовью къ отчизнѣ. Называйте имъ славныхъ отцовъ, говорите о пролитой за право крови, скажите имъ, какъ снова гордо поднимается чешскій левъ.

«Пусть выростутъ изъ нихъ герои могучіе, какъ липы и дубы; да имѣемъ въ нихъ Бржетиславовъ, защитниковъ права, губителей злобы. Чешскія женщины, чешскія матери! Пусть будетъ однимъ счастьемъ для насъ—воспитать нашихъ дѣтей для нашей славной, драгоцѣнной родины».

Австрійская цензура не давала конечно этому направленію поэзіи развиться полнѣе. Писатели-патріоты должны были довольствоваться недосказанными словами, недопечатанными строчками, которыя однако понимались, наперекоръ цензурѣ. Подобный примѣръ мы видѣли сейчасъ у Челяковскаго; когда въ 48-мъ году типографскіе станки дѣйствовали свободно, появилось множество пѣсенъ, которыя откровенно досказали то, что не было высказано прежде,—вражду къ нѣмцамъ за ихъ неправыя притязанія и за угнетеніе народности. Патріотизмъ, который проповѣдывали чешскіе поэты, не остался безъ вліянія на общество; чешскій языкъ началъ проникать въ кругъ людей, предпочитавшихъ прежде нѣмецкій; образовались разныя общества, гдѣ чешскій языкъ получилъ всѣ права, напримѣръ, общества для чтенія, чешскій клубъ («бесѣда») въ Прагѣ, основанный въ 1846 г.; составлялись чешскіе концерты, чешскіе балы, на которыхъ чешскій языкъ былъ обязателенъ. На этихъ балахъ кавалеры старались выиграть своихъ дамъ для національнаго дѣла, дарили имъ миніатюрные альманахи, которые печатались къ каждому новому году и наполнялись исключительно мадригалами патріотическаго свойства. Вотъ примѣры:

«Бѣденъ былъ садъ чешской родины (такъ писалъ одинъ изъ любимыхъ поэтовъ, баронъ Виллани), но онъ начинаетъ

пышно цвѣсти, потому что наши чудныя дѣвы ухаживаютъ за нимъ съ патріотическою любовью.

«Будемъ же любить, прекрасныя сестры, свой народъ и чешскій край, надъ которыми ясное небо снова играетъ блестящею зарей.

«Скоро утихнетъ жалкая зависть, языкъ чешскій расцвѣтетъ, когда ваши привѣтливыя уста будутъ обращаться къ намъ съ *чешскимъ* словомъ».

Другой поэтъ даетъ слѣдующій остроумный оборотъ своему мадригалу:

«Если кто какъ язычникъ не хочетъ вѣрить въ мощныя чудеса Власты (извѣстная чешская амазонка),—каждый день глаза видятъ и сердце чувствуетъ прекрасное, живое доказательство!

«Наши новыя Власты не носятъ блистающаго шлема и оружія: но кто могъ противустать имъ въ жгучемъ, тяжеломъ боѣ чувствъ?

«*Чешское* слово изъ розовыхъ устъ, пылающія стрѣлы изъ прекрасныхъ очей—и тотчасъ сердце несетъ ключи къ завоеванной мужской головѣ!»

Другую, подразумѣваемую сторону чешскаго патріотизма составляетъ, какъ мы замѣтили, рѣшительная антипатія къ нѣмцамъ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что неблагорасположеніе къ нѣмцамъ повторяется и у нашихъ славянофиловъ, и если нельзя одобрить этой мало мотивированной нелюбви къ нѣмцамъ у послѣднихъ, то у чеховъ она имѣетъ свои законныя и давнія права. Чешская народность съ незапамятныхъ временъ была въ борьбѣ съ нѣмецкой и къ нынѣшнимъ поколѣніямъ враждебное отношеніе къ нѣмцамъ перешло готовое; новое время только подкрѣпляетъ его, потому что и теперь нѣмцы не хотятъ признавать чешской народности. Древнѣйшій памятникъ чешской литературы, «Любушинъ Судъ», уже предостерегаетъ чеха, что ему «нехвально въ нѣмцахъ искать правду»,—обстоятельство, между прочимъ подавшее нынѣшнимъ нѣмцамъ поводъ заподозрить поэму, потому что ненависть славянъ они не считали такою давнишнею. Болѣе поздніе памятники различнымъ образомъ подтверждаютъ эти отношенія; въ одномъ старомъ законникѣ, писанномъ въ XV столѣтіи, но болѣе древнемъ по содержанію, прочли мы, напримѣръ, запрещеніе,—«прежде всего, чтобы никакой нѣмецъ-чужеземецъ, ни въ пражскомъ городѣ, ни въ чешскомъ княжествѣ никакимъ урядникомъ (чиновникомъ) не былъ учиненъ подъ страхомъ

урѣзанія носа, и притомъ ни въ духовномъ, ни свѣтскомъ чинѣ, но чтобы они считались какъ гости» (т.-е. иностранцы), и при этомъ какой-то старинный читатель прибавилъ замѣчаніе: «нѣмецъ, береги носъ» niemcze, warug nosu), что достаточно говоритъ о его симпатіи къ нѣмецкой націи. Въ старинныхъ штаммбухахъ, альбомахъ прежняго времени, случалось намъ видѣть отзывы и уподобленія, очень нелестные для нѣмцевъ. Новые поэты не могли изъ цензурныхъ причинъ высказываться яснѣе объ этомъ предметѣ, но все-таки читатель найдетъ у Коллара желчныя выходки противъ притѣснителей нѣмцевъ, у Челяковскаго встрѣтитъ онъ слѣдующую эпиграмму, бросающую свѣтъ на его взгляды: «Зачѣмъ завидуете вы греческой Иліадѣ,—говоритъ онъ нѣмцамъ:—вѣдь Клопштокъ воспѣвалъ же вамъ Мессію; но свою Одиссею вы не такъ скоро увидите, развѣ кто-нибудь изъ васъ попробуетъ объ Іудѣ»... Вражда къ нѣмцамъ проходитъ черезъ всю чешскую исторію, и безпристрастный изслѣдователь найдетъ, что она явилась у чеховъ не изъ узкой національной нетерпимости, а вслѣдствіе тяжелыхъ отношеній, въ какія всегда становилась къ чехамъ нѣмецкая нація, случайно или намѣренно. Въ новѣйшее время расцвѣтаніе чешской народности встрѣчено было сначала съ насмѣшкой и презрѣніемъ, потомъ съ ожесточенной ненавистью...

За идеей любви къ отечеству чешскому и общеславянскому слѣдовала, какъ прямое слѣдствіе, любовь къ народности. Отсюда прилежное изученіе языка, этнографіи, народной словесности, преданій и обычаевъ: оно одновременно распространилось у всѣхъ славянскихъ племенъ,—у насъ и у чеховъ оно принесло наиболѣе результатовъ и понято было глубже и живѣе. Для чеховъ вопросъ заключался въ возстановленіи упавшей національности, и изученіе народной жизни съ разныхъ сторонъ, стало необходимой потребностью; въ народѣ коренныя начала національности сохранились всего чище, въ его словесности выражался неподдѣльный, неиспорченный чужимъ вліяніемъ характеръ. Эти начала, возведенныя въ литературу, объясненныя и поддержанныя наукой, должны были опредѣлить будущее чешское образованіе. Вслѣдствіе того занятія народностью сдѣлались послѣднимъ словомъ литературы: начали усердно собирать чешскія пѣсни, старыя и новыя, преданія, сказки, пословицы, обычаи; лучшіе писатели давали этому матеріалу литературную обработку, появилось множество разсказовъ изъ на-

родной жизни и преданій, пѣсенъ въ народной формѣ и т. д. Челяковскій издалъ книжку славянскихъ народныхъ пѣсенъ, Ганка переводилъ сербскія и польскія, Камаритъ издалъ духовныя народныя пѣсни, Эрбенъ—лучшее собраніе чешскихъ пѣсенъ, Колларъ—прекрасный сборникъ словацкихъ; теперь Ф. Сушилъ издаетъ моравскія. Чешскіе поэты искали вдохновенія въ бытѣ народа и въ историческихъ воспоминаніяхъ.

Новой литературѣ предстояла и другая обширная задача—усвоить себѣ современныя литературныя формы, совершенно недостававшія ей, и она скоро представила свою поэзію, повѣсть, романъ, драму, популярное чтеніе, ученыя книги. Характеръ читающей публики и еще не вполнѣ развившійся литературный языкъ дали чешской литературѣ особенныя качества, которыя она сохраняетъ еще и теперь. Легкая литература у чеховъ до сихъ поръ гораздо ближе и доступнѣе для массы, чѣмъ, напримѣръ, у насъ, потому что она должна была имѣть въ виду большинство массы, слѣдовательно менѣе высокій уровень образованія. Чешская лирика долго оставалась съ чертами народной пѣсни; чешская повѣсть была популярнымъ разсказомъ и рѣдко бралась за отвлеченные психологическіе вопросы, какіе господствуютъ въ нашей повѣсти. Словомъ, въ легкой литературѣ у чеховъ народные сюжеты и популярное изложеніе еще перевѣшиваютъ число произведеній, назначаемыхъ для избраннаго, болѣе образованнаго класса читателей. Не пересказывая подробно фактовъ этой литературы, мы считаемъ однако нужнымъ назвать особенно извѣстныхъ писателей, тѣмъ болѣе, что со времени Коллара въ ней не было ни одного таланта такой же силы, на которомъ можно было бы объяснить все положеніе и успѣхъ литературы.

Въ настоящее время едва ли не лучшій представитель чешской поэзіи Карлъ-Яромиръ Эрбенъ, архиваріусъ города Праги, упомянутый нами какъ лучшій издатель чешскихъ пѣсенъ. Эрбенъ соединяетъ прекрасный поэтическій талантъ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта; его «Вѣнокъ изъ народныхъ повѣстей» пользуется большимъ уваженіемъ у чешскихъ читателей. Поэтъ Эрбенъ извѣстенъ также какъ очень многосторонній ученый; онъ приготовилъ къ 500-лѣтнему юбилею пражскаго университета прекрасное изданіе древняго чешскаго писателя, Ѳомы Штатнаго; нѣсколько лѣтъ назадъ онъ издалъ большое, очень важное собраніе древнихъ актовъ по чешской исторіи; въ настоящее время

онъ издастъ продолженіе «Выбора изъ старо-чешской литературы». Онъ издалъ потомъ нѣсколько монографій по чешской исторіи и славянской миѳологіи, приготовляетъ изданіе славянскихъ сказокъ по всѣмъ нарѣчіямъ, которое при извѣстномъ талантѣ и знаніяхъ автора обѣщаетъ быть замѣчательнымъ дополненіемъ къ всеславянскимъ трудамъ Шафарика. Во главѣ чешскихъ эпическихъ поэтовъ стоитъ опять извѣстный, какъ археологъ, профессоръ Воцель, авторъ поэмъ «Премысловцы», «Лабиринтъ Славы», «Мечъ и Чаша». Католическій священникъ Вацлавъ Штульцъ издалъ въ 1845 году свои «Воспоминанія на путяхъ жизни», гдѣ патріотическія воспоминанія о прежней силѣ чешскаго отечества соединяются съ религіозно-мистическими изліяніями поэта. Упомянутый нами Яблонскій, также священникъ, отличается преимущественно піэтистическимъ направленіемъ; изъ произведеній его особенно любопытенъ «Соломонъ», собраніе патріотическихъ и нравственныхъ размышленій и наставленій, не лишенныхъ иногда прекрасныхъ поэтическихъ оборотовъ. Янъ-Православъ Коубекъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ пражскаго университета, пріобрѣлъ себѣ репутацію въ особенности двумя произведеніями, поэмой «Гробы славянскихъ поэтовъ» и юмористическимъ «Странствованіемъ поэта въ адъ», въ которыхъ есть много остроумныхъ выходокъ, но которое въ цѣломъ занимаетъ довольно уединенное мѣсто въ чешской поэзіи. Карлъ-Марія баронъ Виллани—одинъ изъ любимыхъ и плодовитыхъ чешскихъ поэтовъ, не пишущій впрочемъ съ 1848 г., который своимъ несчастнымъ исходомъ вообще заставилъ замолчать многихъ чешскихъ писателей. Вацлавъ-Яромiръ Нѣцекъ (Подевіянскій) есть авторъ очень популярныхъ пѣсенъ. Въ настоящее время пріобрѣлъ себѣ извѣстность также пѣснями молодой поэтъ Витезславъ Галекъ; его «Вечернія пѣсни», вышедшія недавно, произвели впечатлѣніе, хотя, быть можетъ, слишкомъ много заняты чисто субъективными чувствами автора. Умершій въ 1838 году, въ очень молодыхъ лѣтахъ, Карлъ-Гинекъ Маха оставилъ очень любимую чешскими читателями поэму «Май»; это былъ поэтъ несомнѣннаго таланта, но съ направленіемъ, которое, какъ намъ кажется по крайней мѣрѣ, еще несвоевременно для чешской литературы: поэзія мистицизма и разочарованія, въ байроновскомъ или гейневскомъ родѣ, еще тяжелая пища для литературы начинающейся. Къ сожалѣнію, этому направленію отдаютъ большую дань молодые чешскіе поэты, Галекъ,

Пфлегеръ и другіе, у которыхъ нельзя отрицать таланта. Изъ женщинъ поэтовъ мы назовемъ въ особенности Марію Чацкую, въ стихотвореніяхъ которой много свѣжаго чувства и поэзіи.

Литература повѣсти и романа также имѣетъ многихъ представителей. Изъ нихъ мы назовемъ: Каэтана Тиля, весьма плодовитаго писателя, оставившаго много романовъ и повѣстей, историческихъ и изъ современной жизни; Седлецкаго (Хохолушекъ), повѣсти котораго, въ переводѣ, очень понравились и южно-славянскимъ читателямъ; Вацлава Клицперу, изъ числа старѣйшихъ и плодовитѣйшихъ чешскихъ писателей, которому принадлежитъ нѣсколько романовъ изъ чешской исторіи; Правду (псевдонимъ Глинки), автора нѣсколькихъ повѣстей, написанныхъ съ большимъ знаніемъ современнаго чешскаго быта; наконецъ Мозера, Іосифа Юрія Колара, Риттерсберга и др. Повѣсти для народа, передѣлки народныхъ преданій и разсказовъ составляютъ обширный отдѣлъ въ чешской беллетристикѣ, которая постоянно заботилась съ одной стороны доставить чтеніе своей народной публикѣ, съ другой сохранить для литературы народные разсказы. Въ этомъ отдѣлѣ мы обратимъ особенное вниманіе читателя на произведенія даровитой чешской писательницы Божены *) Нѣмцовой. Ни у кого чешскія преданія не разсказываются съ такимъ искусствомъ, простотой и истиной; чешская писательница превосходно изучила народный бытъ деревенскаго населенія въ Чехіи и у словаковъ, среди которыхъ она жила нѣсколько времени. Она издала нѣсколько книжекъ «Народныхъ сказокъ и повѣстей», нѣсколько разсказовъ изъ народной жизни, между которыми особенно хороши повѣсти «Горная деревушка» и «Бабушка»; наконецъ, ей принадлежитъ нѣсколько серьезныхъ этнографическихъ очерковъ ея отечества.

Чешская драма наиболѣе обязана тремъ изъ названныхъ нами писателей: Тилю, Клицперѣ и Колару. Изъ прежнихъ писателей можно назвать только Яна-Непомука Степанка, въ свое время полезнаго, но тяжелаго драматическаго автора и переводчика, и Махачка, у котораго есть удачныя и веселыя пьесы, наприм., комедія «Женихи». Тиль, и особенно Клицпера, оба чрезвычайно плодовитые, всего болѣе поддерживали репертуаръ чешской сцены множествомъ переводовъ, передѣлокъ и оригинальныхъ произведеній. Осо-

*) Чешское названіе «Беатриче».

бенный успѣхъ имѣли комедіи Клицперы, напр., «Чудесная шляпа», «Мечъ Жижки», «Фридландскій банщикъ» и др. Іосифъ-Юрій Коларъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, очень эффектныхъ и прекрасно разсчитанныхъ для сцены. Изъ нихъ были очень извѣстны трагедія «Моника», «Прекрасная Магелона» историческая драма изъ временъ Рудольфа II, золотого вѣка Чехіи, и особенно «Смерть Жижки», патріотическая трагедія, имѣвшая въ 1850 году успѣхъ небывалый на чешской сценѣ и вслѣдствіе того запрещенная австрійскимъ правительствомъ послѣ перваго представленія. Народный элементъ является иногда на сцену у лучшихъ писателей, но все еще мало, конечно, не всегда по винѣ авторовъ. Между молодыми писателями для театра первое мѣсто занимаетъ Фердинандъ Миковецъ, которому принадлежитъ трагедія изъ чешской исторіи «Гибель рода Премысловцевъ», и изъ русской—«Дмитрій Ивановичъ» (Самозванецъ); теперь онъ приготовляетъ трагедію изъ «Конрада Валленрода». Іосифъ Фричъ передѣлалъ въ драматическую форму «Тараса Бульбу» Гоголя; мы читали также забавную передѣлку «Исторіи о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», очень удачно написанную однимъ изъ молодыхъ чешскихъ поэтовъ, Іосифомъ Коларжемъ.

Несмотря на отсутствіе сильныхъ талантовъ, литература въ цѣломъ приносила полезные результаты; она могла уже удовлетворить насущнымъ потребностямъ читателей. У нихъ была своя поэзія и романъ; національный театръ имѣлъ достаточно большой репертуаръ, переводный и оригинальный; для народа написано было много популярныхъ книгъ. Этимъ послѣднимъ предметомъ съ самаго начала были серьезно заняты чешскіе писатели и многіе усердно трудились на этомъ поприщѣ, сначала Крамеріусъ, современникъ Добровскаго, потомъ Амерлингъ, Свобода; въ настоящее время популярная отрасль литературы идетъ еще съ большимъ успѣхомъ. Чешскіе ученые разныхъ спеціальностей приспособляли языкъ къ научному изложенію, создавая новую терминологію, мало-по-малу расширяли область понятій, доступныхъ языку, и такимъ образомъ явилась возможность писать популярно по разнымъ отраслямъ знанія. Главной задачей было сдѣлать возможнымъ образованіе при одномъ чешскомъ языкѣ, иначе, сдѣлать чешскій языкъ проводникомъ образованія, и если не уничтожить, то облегчить тотъ насильственный характеръ, который господствуетъ до сихъ поръ въ чешскомъ воспи-

таніи. Тотъ, кто желалъ бы узнать что-нибудь болѣе первыхъ элементарныхъ свѣдѣній, долженъ былъ идти въ нѣмецкую школу, гдѣ его встрѣчали вдругъ двѣ трудности: незнакомый ему предметъ объясняли ему на языкѣ, обыкновенно еще мало знакомомъ ученику. Лучшіе, наиболѣе впечатлительные годы проходятъ въ усиліи овладѣть чужимъ языкомъ; офиціальное пренебреженіе къ чешскому имѣетъ при этомъ вредное вліяніе на воспитанника, который начинаетъ онѣмечиваться еще со школы. Опытъ многихъ чешскихъ писателей, которымъ приходилось быть въ подобномъ положеніи, показываетъ, какъ тяжело оно для ученика и какъ прискорбно патріотическому чувству видѣть эту отвычку отъ родного языка. Чешскіе писатели выходятъ изъ прямо противоположнаго начала, именно, что воспитаніе, образованіе идутъ истиннымъ путемъ только тогда, когда дѣйствуютъ посредствомъ родного языка; что мысль и чувство развиваются подъ его вліяніемъ дѣятельнѣе и живѣе. Они приготовляютъ теперь средства для будущаго чешскаго воспитанія и многое уже сдѣлали.

Другой практической цѣлью новой литературы было усвоеніе замѣчательныхъ чужихъ произведеній посредствомъ переводовъ. Мы видѣли, что имъ отдавали свое время даже серьезные ученые. Въ настоящее время чешская литература имѣетъ уже достаточный запасъ переводныхъ, историческихъ и другихъ книгъ, интересныхъ для образованнаго читателя; кромѣ того, она представляетъ большое количество замѣчательныхъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ: напримѣръ, изъ англійскихъ писателей чехъ можетъ познакомиться въ переводахъ съ Шекспиромъ, Мильтономъ, Байрономъ, Ирвингомъ, Куперомъ, Диккенсомъ, Бичеръ-Стоу и др. Переводами съ другихъ славянскихъ языковъ чешская литература богаче всѣхъ относительно, если припомнить молодость новой ея дѣятельности. Чехамъ извѣстны, напримѣръ, въ переводахъ Мицкевичъ, Крашевскій, Чайковскій, Корженевскій, Мальческій; Загоскинъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и т. д.; они имѣютъ переводы сербскихъ, польскихъ, русскихъ пѣсенъ.

Несмотря однако на очевидный успѣхъ литературы, сомнѣніе западало иногда въ мысли даже лучшихъ людей панславизма, напр., Іосифа Юнгманна: произведетъ ли литература желаемый переворотъ, не останется ли она дѣломъ дилеттантовъ, выдержитъ ли она и побѣдитъ ли препятствія, безпрестанно становившіяся ей на пути? Мысль

о необходимости литературной взаимности, высказанная Колларомъ и принятая другими, между прочимъ вызвана была желаніемъ подкрѣпить чешскую литературу произведеніями другихъ славянъ. При разнообразіи нарѣчій и литературъ нужно было непремѣнно концентрировать литературную дѣятельность; для этого должна была служить славянская взаимность. Другіе, менѣе знающіе и болѣе мечтающіе люди говорили о необходимости одной общей литературы, общаго языка для всѣхъ славянъ: они думали, что его можно сочинить искусственно, на основаніи стараго славянскаго; другіе полагали, что общимъ языкомъ можетъ сдѣлаться русскій, какъ языкъ сильнѣйшаго, всего болѣе обѣщающаго племени. Мечты были конечно не практичны; нужно было по крайней мѣрѣ обезпечить настоящую область чешскаго языка, утвердить его литературное значеніе въ Чехахъ, на Моравѣ, въ австрійской Силезіи и у словаковъ. Во всемъ этомъ краю чешскій языкъ издавна господствовалъ въ литературѣ: словаки, наиболѣе далекіе отъ чеховъ по языку, имѣли чешскую библію и привыкли къ языку такъ, что отъ своихъ проповѣдниковъ требовали, чтобы они говорили почешски. Въ прежнія времена, въ послѣдней половинѣ XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, во время окончательнаго упадка литературы въ самой Чехіи, словацкіе писатели поддержали ее въ своихъ сочиненіяхъ и доставили ей нѣсколько замѣчательныхъ именъ. Въ настоящую пору словакамъ принадлежали два знаменитѣйшіе дѣятеля панславизма, Колларъ и Шафарикъ. Несмотря на всѣ эти тѣсныя связи, старыя и новыя, словаки произвели въ сороковыхъ годахъ печальный расколъ въ чешской литературѣ: въ то время, когда единство и согласіе было всего нужнѣе и полезнѣе для обоихъ, нѣкоторые словацкіе писатели вздумали ввести свой литературный языкъ и отдѣлились отъ чеховъ. Первый примѣръ поданъ былъ Бернолакомъ († 1813), который сталъ употреблять нитранское нарѣчіе; опытъ его не имѣлъ успѣха, хотя впрочемъ ему слѣдовалъ одинъ изъ извѣстныхъ чехо-словацкихъ писателей, поэтъ Янъ Голый, и хотя «бернолачина», какъ стали называть новоизобрѣтенный языкъ, удержалась отчасти въ употребленіи у словацкихъ католическихъ духовныхъ. Гораздо сильнѣе подвинутъ былъ словацкій сепаратизмъ Людевитомъ Штуромъ и Гурбаномъ, замѣчательными словацкими патріотами, принимавшими потомъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ своего народа противъ венгровъ во время революціи. «Бернолачина»

такъ не нравилась имъ самимъ, что Гурбанъ и Штуръ взяли въ основаніе другое нарѣчіе, липтовское, и начали писать на немъ книги, отказавшись отъ чешскаго языка. Это была крайность славянскаго патріотизма: стремленіе воздѣлывать народныя нарѣчія должно имѣть свои границы; чѣмъ больше они обособляются, тѣмъ хуже. Люди серьезные не могли не высказать своего явнаго неодобренія, и Музейное Общество издало въ 1846 году «Голоса о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, моравянъ и словаковъ», гдѣ собраны были мнѣнія многихъ компетентныхъ судей этого дѣла и вопросъ объясненъ былъ со всѣхъ сторонъ. Колларъ и Шафарикъ, сами изъ словаковъ, Палацкій, Юнгманнъ, Палковичъ, Шембера и многіе другіе чехи, моравяне и словаки, объявили себя прямо противъ нововведенія, положительно вреднаго для словаковъ, и достаточно мотивировали свои мнѣнія. Еще при первыхъ попыткахъ отдѣленія, Добровскій писалъ: «Истинно досадно, что словаки не хотятъ держаться съ нами, чехами. Деревенскіе говоры нельзя же принимать за дорическое, аттическое и іоническое нарѣчія. Нѣмцы были въ этомъ случаѣ умнѣе, чѣмъ мы, несогласные славяне». Странно, что Штуръ, человѣкъ съ талантомъ, не понималъ этой простой истины. Чехи говорили въ свое успокоеніе, что нововведенія словаковъ будутъ вредны имъ же: но на дѣлѣ они столько же вредны и для чешской литературы, потому что отрываютъ отъ нея цѣлую массу народа, которая бы доставляла ей много читателей и писателей. Сила литературы очень зависитъ отъ массы, на которую она можетъ распространять свое вліяніе и изъ которой она вербуетъ своихъ дѣятелей. Колларъ, этотъ славянинъ «безъ упрека», навлекъ на себя обвиненіе со стороны своихъ соотечественниковъ въ холодности къ родному языку и народу: такъ далеко зашло ослѣпленіе!.. Къ сожалѣнію, это была не единственная темная сторона въ новой славянской дѣятельности; раздѣленіе шло и въ другихъ направленіяхъ. Восторженныя воззванія Коллара о братскомъ единствѣ и общемъ трудѣ не были довольно сильны, чтобы подѣйствовать на всѣхъ духомъ согласія: новая литература отъ времени до времени представляла примѣры непримиримой вражды, зависти и зложелательства. Извѣстно, съ какой нетерпимостью смотрѣлъ краинецъ Копитаръ на многихъ почтенныхъ чешскихъ ученыхъ, какія непозволительныя вещи писалъ онъ противъ нихъ и какіе непохвальные мотивы управляли иногда его перомъ,—а это

былъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей новой славянской науки. Писатели разныхъ племенъ не одинъ разъ встрѣчались, какъ явные враги. То же было и въ самой чешской литературѣ; но она еще далеко не была въ той порѣ, когда раздѣленіе на кружки и партіи бываетъ безвредно въ литературѣ, становится даже необходимо въ ней; силы ея можно еще было легко сосчитать. Въ сороковыхъ годахъ новая литература встрѣтила еще одно враждебное начало; это была германская пресса, сначала мало интересовавшаяся славянами, но потомъ напуганная панславизмомъ и указывавшая правительству на панславизмъ, какъ на зловредное нарушеніе правъ германской націи.

Таковы были обстоятельства. Если, разбирая объемъ новой литературы, мы вспомнимъ, что все дѣло совершалось только при двухъ поколѣніяхъ—потому что до сихъ поръ дѣйствуютъ люди, еще видѣвшіе труды Добровскаго,—то нельзя не признать за ней большой внутренней силы. Обставленная самымъ невыгоднымъ образомъ, она совершила многое, но трудности далеко не были побѣждены: она все еще имѣла противъ себя непріятелей въ высшемъ и богатомъ классѣ чешскаго общества, въ бюрократическомъ и военномъ людѣ, въ значительной части образованныхъ людей съ нѣмецкими или вѣрнѣе съ австрійскими симпатіями и въ non plus ultra онѣмечившихся сынахъ Израиля, какъ желчно называетъ ихъ одинъ чешскій писатель. Кромѣ того отрицательнаго вреда, что въ этой массѣ пропадало для національнаго дѣла много чеховъ, она приносила и положительный вредъ, потому что нерѣдко прямо дѣйствовала противъ чешскихъ патріотовъ. Трудно было выиграть въ свою пользу этихъ людей, когда они не поддавались ни резонамъ, ни національной гордости, которую могъ пробудить блестящій успѣхъ литературы; по большей части они даже не знали, что именно дѣлается въ литературѣ, и становились на сторону нѣмецкихъ памфлетистовъ, которые скоро начали серьезную войну противъ панславизма. Нѣмцы еще прежде говорили изрѣдка о чешскомъ движеніи, не придавая ему большой важности; успѣхъ Коллара, распространеніе его идей у всѣхъ славянъ не могли не обратить ихъ вниманія и они увидѣли въ этихъ фактахъ зловѣщія предзнаменованія. Въ сороковыхъ годахъ уже началось у австрійскихъ славянъ безпокойное броженіе, приготовлявшее событіе 48-го года, и нѣмецкіе публицисты заговорили о панславизмѣ, какъ о гибельной тенденціи, которую слѣдуетъ искоренить во

что бы ни стало. Всѣмъ извѣстны несчастья словаковъ въ Венгріи: когда чехамъ грозила германизація, словаковъ хотѣли сдѣлать мадьярами. Такъ называемое тогда «національзированіе» Венгріи началось съ такими насиліями, гордые и дикіе венгерцы имѣли такъ мало терпимости, что положеніе словаковъ было невыносимо. Когда защитники словаковъ говорили вообще въ защиту славянской народности отъ угнетенія, противники ихъ говорили о панславизмѣ, грозящемъ основать какое-то славянское царство въ ущербъ единой и цѣлой Австріи и Германіи: въ боязливомъ воображеніи ихъ стремленія западнаго панславизма имѣли несомнѣнную связь съ завоевательными видами Россіи, и этого было достаточно, чтобы каждый истинный германецъ вооружился противъ него всѣми своими способностями. Въ сороковыхъ годахъ эти бури разражались безпрестанно, и любители чешской литературы должны были обезпечить чѣмъ-нибудь ея положеніе. Однимъ изъ ревностныхъ защитниковъ ея выступилъ графъ Лео Тунъ, въ то время чешскій патріотъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ. Въ 1842-мъ году онъ издалъ любопытную нѣмецкую брошюру «О нынѣшнемъ состояніи чешской литературы и ея значеніи»; эта апологія очень характеристична для тогдашняго положенія вопроса, и мы позволяемъ себѣ вкратцѣ изложить главныя мысли автора.

Объяснивши очень безпристрастно короткую исторію новой литературы, графъ Тунъ старался доказать ея непріятелямъ въ чешскомъ и нѣмецкомъ обществѣ полную законность ея существованія и необходимость ея для народнаго блага, и старался внушить равнодушной части чеховъ участіе къ національному стремленію. Въ своихъ убѣжденіяхъ онъ опровергаетъ всѣ упреки и обвиненія, какіе только взводились на нее. Сначала онъ обращается къ тѣмъ людямъ, которые, даже не имѣя ничего противъ принципа этой литературы, были недовольны ея произведеніями и говорили о непонятности языка, введеннаго писателями. Авторъ доказываетъ, что ходъ литературы и языка былъ именно такой, какого требовала необходимость. «Другіе, продолжаетъ онъ, съ сожалѣніемъ смотрятъ на то, что чешскій языкъ еще не пришелъ въ забвеніе, и прямо не одобряютъ тѣхъ, кто хочетъ языкъ простолюдина, какимъ былъ чешскій въ теченіе двухъ столѣтій, сдѣлать даже разговорнымъ языкомъ для всѣхъ сословій; эти люди вообще считаютъ несчастьемъ совмѣстное существованіе нѣсколькихъ языковъ. Они радуются, ко-

гда какой-нибудь языкъ вымираетъ; они думаютъ, что этимъ только отстраняется одно препятствіе къ общему братству и одинаковому размѣну мыслей, что этимъ совершается успѣхъ гуманности. Для чешскаго народа въ особенности ничто не можетъ быть, по ихъ мнѣнію, такъ полезно, какъ совершенное сліяніе съ нѣмцами. Если образованные классы чеховъ уже употребляютъ преимущественно нѣмецкій языкъ, то зачѣмъ хотятъ отдавать дѣло образованія литературѣ, которую еще должно создавать, вмѣсто того, чтобы окончательно присоединиться къ великой нѣмецкой націи, которая по духовному развитію и литературной дѣятельности стоитъ въ ряду первыхъ народовъ и можетъ представить почти неистощимыя сокровища для удовлетворенія любознательнаго читателя въ каждой отрасли наукъ или практическихъ свѣдѣній. Тамъ ищите мудрости; простой человѣкъ пойдетъ тогда по вашимъ слѣдамъ и будетъ пользоваться отъ нѣмцевъ тѣмъ, что ему нужно и чего онъ не можетъ найти на языкѣ своихъ отцовъ». Такъ опредѣляли свои требованія противники новой литературы, не только нѣмцы, но и значительная часть самихъ чеховъ. Вы хотите слѣдовательно полнаго германизированія, говоритъ авторъ, потому что и народъ долженъ же пользоваться средствами образованія, и онъ долженъ поэтому онѣмечиваться. Но возможно ли это? Съ самой бѣлогорской битвы, народъ, истощенный и уменьшенный войнами и эмиграціей, угнетенный, окруженный нѣмецкими поселенцами, выросъ въ числѣ втрое и сохранилъ до сихъ поръ свою національность; слѣдовательно, германизація не такъ легка, какъ кажется. «Теперь мы находимъ въ Чехіи три милліона людей, исключительно или предпочтительно говорящихъ по-чешски, поддерживаемыхъ другими четырьмя милліонами въ Моравіи и сѣверной Венгріи, ведомыхъ людьми съ глубокой прозорливостью и благородной силой, въ эпоху, когда уже нельзя думать о принудительныхъ мѣрахъ къ искорененію народностей,—и при этихъ обстоятельствахъ долженъ исчезнуть языкъ, пережившій всѣ измѣнчивости судьбы? Пусть вѣритъ этому кто хочетъ, но пусть не ожидаетъ онъ, чтобы основанный на этой мысли планъ его—осчастливить свой народъ—нашелъ общее одобреніе. Притомъ онъ долженъ сознаться, что перемѣна, на которую онъ разсчитываетъ, не можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ, что по крайней мѣрѣ еще много столѣтій должно пройти, чтобы утвердить нѣмецкій языкъ вездѣ, гдѣ звучитъ теперь чешскій. И *такъ долго* хотите вы держаться

вдали отъ *своего* народа? *Такъ долго* хотите вы быть въ немъ чужеземцами?» Эти люди скажутъ, что они допускаютъ чешскій языкъ настолько, насколько онъ нуженъ для разговора съ простолюдиномъ; но кто желаетъ говорить съ простолюдиномъ, особенно если долженъ вступать съ нимъ въ сношенія по обязанности, какъ школьный учитель, духовный, врачъ, чиновникъ,—тотъ долженъ вполнѣ владѣть языкомъ, долженъ изучить его, и можетъ ли онъ тогда быть противникомъ литературы, которая заботится о томъ же народѣ, о его пользахъ, его развитіи? Въ этомъ случаѣ гораздо послѣдовательнѣе тѣ, которые совсѣмъ отказываются отъ чешскаго языка и замѣняютъ его нѣмецкимъ вездѣ, гдѣ только можно. И тѣ и другіе совершаютъ однако явную несправедливость, отказываясь отъ чеха, если онъ чехъ; желая германизировать его, они во всякомъ случаѣ должны образованіе и благо нынѣшнихъ поколѣній принести въ жертву мнимому благу будущихъ. Но какъ еще будутъ смотрѣть на это будущія поколѣнія? Это остается вопросомъ... Отъ этой частной точки зрѣнія авторъ переходитъ потомъ къ болѣе общей и защищаетъ права языка и народности на существованіе, особенно, если они уже доказали свою силу и способность къ развитію. Языкъ и народность являются не случайно; какъ отдѣльный человѣкъ отличается особеннымъ характеромъ, взглядомъ на вещи, талантомъ, такъ каждый народъ приноситъ что-нибудь свое въ общій ходъ человѣческой цивилизаціи. Препятствіемъ участвовать въ дѣлѣ человѣчества служитъ не языкъ, а меньшая степень развитія, и ей-то должно помогать всѣми средствами, если уже несомнѣнно, что она можетъ подняться. Для чешской литературы это уже не подлежитъ сомнѣнію; и прежде эта нація дѣйствовала со славою въ исторіи, и если пала, то отъ страшнаго напряженія; усилія ея направлены были къ благородной, человѣчественной цѣли. Если каждый развивающійся народъ имѣетъ свою историческую задачу, она есть и у чеховъ. Славянскія племена еще мало дѣйствовали въ исторіи, но придетъ и для нихъ время выступить на сцену общечеловѣческой дѣятельности; усвоивъ себѣ результаты, добытые другими народами, они поведутъ ихъ дальше своимъ собственнымъ трудомъ. Задача чешской націи, по мнѣнію автора, именно есть вызвать славянскія племена на это поприще и указать имъ дорогу. Дѣйствительно, новое чешское движеніе нашло отзывъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, и первый важный успѣхъ пріобрѣтенъ. Прошедшая исторія и всѣ внѣшнія обстоятельства дали чехамъ возможность взять на

себя и выполнить ту задачу. Возрожденіе чешской литературы есть фактъ величайшаго значенія для всего славянства, и содѣйствіе другихъ племенъ облегчаетъ ея дѣло.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ опасеніямъ, которыя возбуждалъ панславизмъ въ нѣмецкомъ обществѣ. «Именно то, говоритъ онъ, что мы ставили въ заслугу національному движенію чеховъ, быть можетъ всего болѣе поднимаетъ вражду противъ него. Въ особенности между нѣмцами симпатіи славянскихъ народовъ возбуждаютъ извѣстныя опасенія, и въ движеніи, замѣчаемомъ одновременно у всѣхъ славянъ, въ ихъ предчувствіи великаго назначенія, нѣмцы видятъ грозящую опасность. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на этотъ образъ мыслей, потому что подозрѣніе враждебныхъ замысловъ способно бываетъ вызвать ихъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, особливо въ нашемъ случаѣ. Въ прежнія времена между славянами и нѣмцами велся суровый, продолжительный бой, который наконецъ шелъ и въ Богеміи. Владычество осталось въ рукахъ нѣмцевъ и тяжело легло на побѣжденныхъ. Мы не хотимъ винить нѣмцевъ въ томъ, что было недостаткомъ той мрачной эпохи; но нечего и удивляться, что событія возбудили въ славянахъ недовѣрчивость къ нѣмцамъ. Серьезная забота каждаго честнаго думающаго человѣка должна быть обращена къ тому, чтобы не зажигать снова стараго пожара. Кто бы вздумалъ теперь оживлять національное чувство славянъ возбужденіемъ ненависти и мщенія противъ нѣмцевъ, тотъ взялъ бы на себя тяжелый грѣхъ относительно обоихъ. Напротивъ, теперь и для нѣмцевъ должно быть священной обязанностью не увѣковѣчивать печальнаго впечатлѣнія историческихъ событій. Мы желаемъ поэтому, чтобы они радостно и дружелюбно встрѣтили славянскіе народы, у которыхъ начинаетъ являться надежда на лучшія времена и стремленіе къ духовному прогрессу. Настоящіе факты доказываютъ одно это стремленіе, по какому же праву считаютъ его покровомъ враждебныхъ замысловъ? Неужели же вѣчно, какъ во времена переселенія народовъ, появленіе націи должно наводить страхъ на сосѣдей? Неужели понапрасну за тысячу лѣтъ распространилось по Европѣ христіанство? Неужели духъ любви не долженъ никогда проникнуть народы, установить ихъ взаимныя сношенія и направить ихъ къ общему достиженію высшихъ цѣлей?.. Осмотритесь спокойно кругомъ, и страхъ исчезнетъ, когда вы лучше узнаете истинный видъ дѣла. Становится замѣтно, что въ положеніи славянскихъ народовъ приготовляются важныя перемѣны, и такъ какъ многіе не объясняютъ себѣ

ихъ основанія и направленія, то и смотрятъ на неизвѣстное будущее съ боязливымъ сомнѣніемъ... Но нѣтъ, она уже открыта, эта цѣль славянскихъ симпатій: необходимымъ слѣдствіемъ общихъ литературныхъ стремленій славянскихъ народовъ должна быть всеславянская монархія, разрушающая настоящія отношенія Европы. Это мнѣніе выставляется многими совершенно серьезно; но сколько мы знаемъ, они еще не представили никакихъ доказательствъ». Этихъ доказательствъ, разумѣется, и никогда не было представлено. Авторъ доказываетъ сначала примѣромъ самихъ нѣмцевъ, что единство языка не обусловливаетъ еще единую монархію, что напротивъ оно не помѣшало и существовавшей уже одной монархіи разбиться на отдѣльныя государства. Притомъ между славянскими народами никогда не было такого единства въ языкѣ и въ исторической жизни, какое всегда соединяло германцевъ. Раскинутые на огромномъ пространствѣ, раздѣленные чужими племенами, славяне имѣли различную исторію, должны были познакомиться съ своими сосѣдями и еще болѣе отдѣлиться отъ соплеменниковъ. Литература и языки ихъ настолько различны, что не могутъ соединиться въ одно, безъ опасности для отдѣльныхъ національностей; языки такъ несходны, что знаніе ихъ пріобрѣтается изученіемъ, и произведенія одного языка должны быть переводимы, чтобы сдѣлаться доступными читателямъ другого. При этомъ возможно вліяніе литературъ, помощь ихъ одна другой, потому что онѣ имѣютъ общую цѣль—сохраненіе и развитіе славянской національности, но тѣмъ не менѣе всеславянское національное чувство можетъ жить только въ груди образованнѣйшихъ славянъ: оно можетъ имѣть великую важность для духовнаго развитія, но не можетъ провести политической тенденціи. Авторъ опровергаетъ и тѣхъ, которые указывали въ панславизмѣ русскія симпатіи, смотрѣли на него какъ на предисловіе будущаго русскаго владычества въ славянскихъ земляхъ. «Это могутъ считать возможнымъ или даже желать только отдѣльныя лица, пока ихъ ослѣпляетъ страхъ, что всякая другая комбинація опасна для національнаго существованія ихъ народа». Онъ переходитъ потомъ къ вопросу объ австрійской имперіи и утверждаетъ, что панславизмъ не представляетъ для нея ни малѣйшей опасности, что Австрія, какъ государство разноплеменное, будетъ сильна, когда будутъ сильны ея составныя части; предпочтеніе одной національности предъ другими не должно имѣть мѣста; славянское развитіе должно быть поощряемо и не долженъ

быть вводимъ раздоръ во внутреннія отношенія, потому что discordia res magnae dilabuntur.

Панславизмъ сильно встревожилъ нѣмцевъ, потому что имъ казалось, что панславизмъ есть чисто политическая тенденція, и она, если бы существовала дѣйствительно, вовсе не могла нравиться великой нѣмецкой націи. Графъ Тунъ уже говорилъ на это очень справедливо, что никто не думаетъ о славянской монархіи, думаютъ только объ образованіи и литературѣ. Если при этомъ славяне не выражали особенной любви къ нѣмцамъ, вѣроятно не было въ нѣмцахъ много достолюбезнаго, вѣроятно натуры слишкомъ несходны. Множество брошюръ, журнальныхъ статей наполнено было филиппиками противъ славянъ древнихъ и новыхъ, писанными большей частью съ крайней нетерпимостью. Чтобы познакомить читателей съ мало извѣстными у насъ взглядами антиславянскихъ писателей, мы выбираемъ одну брошюру, изданную годомъ позже книжки Туна, подъ названіемъ: «Австрія—нѣмецкая ли?» (Ist Oesterreich deutsch?). Читатель увидитъ, сколько гуманнаго чувства было въ этихъ господахъ, проповѣдывавшихъ нѣмецкое образованіе, которое, конечно, сильно, плодотворно и человѣчественно, но къ представителямъ котораго эти писатели едва ли могутъ быть причислены.

Изобразивъ вкратцѣ положеніе юной и могучей Австріи, авторъ спрашиваетъ, можетъ ли она считаться вполнѣ нѣмецкой, когда въ ней столько славянскихъ и другихъ племенъ, и отвѣчаетъ *да*. Онъ приводитъ въ цифрахъ количество населенія и находитъ прежде всего, что въ извѣстныхъ австрійскихъ земляхъ, принадлежащихъ къ Германскому союзу, нѣмцы многочисленнѣе славянъ, что къ нѣмцамъ принадлежитъ высшій и образованный классъ, что славяне часто оторваны другъ отъ друга и окружены нѣмецкими поселеньями. Въ другихъ австрійскихъ земляхъ славяне, правда, составляютъ большинство, но и тамъ они раздѣлены: словаки подчинены венграмъ (которые хотя и притѣсняютъ словаковъ, но, по мнѣнію автора, исполняютъ почетное дѣло, загораживая Германію отъ властолюбивой Россіи, и заслуживаютъ всякой похвалы); руссины—полякамъ, города заняты нѣмцами; по развитію они стоятъ невысоко, слѣдовательно и тамъ необходимъ нѣмецкій присмотръ. Главное, почему Австрія остается нѣмецкой, то, что славяне, хотя ихъ и много, должны германизироваться, чтобы усвоить себѣ образованіе и стать людьми. Авторъ радикально не вѣритъ

въ славянъ и не надѣется, чтобы они могли что-нибудь сдѣлать. Приводимъ его злыя обвиненія, которыя не разъ дѣлались славянамъ ихъ противниками; хотя сильно преувеличивая, они иногда попадали на дѣйствительно слабыя стороны славянства, стараго и возрожденнаго,—стороны, знакомыя и самимъ панславистамъ, но не всегда ими признаваемыя.

«Нѣмецкій языкъ,—говоритъ авторъ,—есть родной языкъ всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ, и даже низшія сословія славянъ добровольно и постоянно стремятся усвоить его себѣ. Большею частью это происходило еще до Іосифа II, и нѣмецкій языкъ сдѣлался господствующимъ не потому, что Іосифъ объявилъ его такимъ, а Іосифъ могъ и долженъ былъ сдѣлать это, потому что языкъ путемъ естественнаго развитія сталъ господствующимъ. Каждый славянинъ, который хочетъ выйти впередъ въ духовной и общественной жизни или въ какой-нибудь отрасли ея, необходимо долженъ стремиться къ нѣмецкому образованію. Конечно, это ни пріятно, ни почетно для славянъ, но имъ некого обвинять въ этомъ, кромѣ себя. Почему они подобно нѣмцамъ не соединились въ одну націю, по крайней мѣрѣ въ образованіи? Почему, въ теченіе столь многихъ вѣковъ, они не развили никакого образованія, которое бы можно было сравнить съ европейскимъ вообще и съ нѣмецкимъ въ особенности, хоть въ самой отдаленной степени?» Авторъ задаетъ потомъ другіе вопросы, на иные изъ которыхъ исторія уже давно отвѣчала удовлетворительно, въ оправданіе славянъ: отчего славяне, столь же многочисленные, какъ и нѣмцы, позволили онѣмечить себя на сѣверѣ и въ срединѣ Германіи? Зачѣмъ поляки не возвысили славянства? Отчего они не развили у себя государственной жизни и не послужили примѣромъ для другихъ соплеменниковъ? Отчего дунайскіе славяне до сихъ поръ такъ неразвиты? Отчего Россія только съ Петра принимаетъ образованіе и мѣшаетъ его съ варварской грубостью?.. Образованнѣйшіе люди славянъ образованы по-французски или по-нѣмецки; одни изъ нихъ отчаиваются въ своемъ народѣ, другіе хотятъ возстановить національность, но для ихъ воззванія недостаетъ народа, который бы могъ ихъ послушать и пойти за ними. Существенное несчастіе и недостатокъ славянъ, говоритъ авторъ, есть отсутствіе гражданскаго элемента въ славянскомъ характерѣ; потому они не могли создать ничего оригинальнаго прекраснаго и великаго. Успѣхъ возможенъ только тогда, когда дѣло литературное соединится съ гражданскимъ, политическимъ.

Славяне, живущіе съ нѣмцами, должны германизироваться необходимо, продолжаетъ онъ. «Они германизируются даже противъ ихъ воли, по естественному превосходству нѣмецкаго духа (sic), и всѣ образованные уже стали нѣмцами; но они хотятъ этого сами, они онѣмечиваются ревностно и съ любовью, потому что знаютъ гражданскія и чисто человѣческія выгоды нѣмецкаго просвѣщенія. Они граждански и нравственно обязаны германизироваться, потому что только съ нѣмецкимъ образованіемъ они могутъ имѣть важное значеніе въ службѣ государству и потому что нравственный долгъ каждаго человѣка—облагораживать и совершенствовать самого себя... Каждый славянинъ въ нѣмецкой Австріи, желающій принять участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи и высшихъ гражданскихъ стремленіяхъ, даже послѣдній славянскій ремесленникъ, который не хочетъ ограничиться одной своей деревней, необходимо по свободному побужденію долженъ учиться по-нѣмецки и долженъ быть благодаренъ правительству, что оно облегчаетъ ему эту духовную метаморфозу. Австрійское правительство дѣлаетъ здѣсь истинно все, что только должно и можетъ сдѣлать. Оно содержитъ вездѣ славянскія школы для низшихъ потребностей славянскаго населенія; приказываетъ, чтобы каждый военный и гражданскій чиновникъ, которому нужно имѣть дѣло съ народомъ, зналъ славянскій языкъ; издаетъ въ славянскихъ земляхъ всѣ законы по-нѣмецки и по-славянски; поддерживаетъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ профессуры для славянскаго языка и литературы; не только не препятствуетъ (еще бы препятствовало!), но даже помогаетъ и даетъ вознагражденія усиліямъ славянскихъ поэтовъ и ученыхъ. Поистинѣ, это все, что можетъ сдѣлать австрійское правительство; но если оно образовываетъ по-нѣмецки каждаго, кто въ гражданскомъ отношеніи хочетъ выступить изъ самой низшей среды или выбираетъ ученое поприще, оно дѣлаетъ это конечно не потому, что оно само нѣмецкое, а потому, что это совершенно необходимо.—Большинство славянъ въ этихъ провинціяхъ признаетъ это и благодаритъ правительство; слабая оппозиція существуетъ только въ Прагѣ, но и тамъ она выходитъ изъ одной очень небольшой партіи, которая кромѣ того состоитъ въ сильномъ подозрѣніи, что она доступна русскому вліянію (именно!).—Поэтому въ сложности образованіе этихъ провинцій издавна совершенно нѣмецкое, и оно имѣетъ свое средоточіе въ Вѣнѣ, которая тутъ даетъ тонъ. Недавно одинъ

берлинскій писатель выставилъ забавное мнѣніе, что вѣнское образованіе вовсе не нѣмецкое, а смѣшанное изъ итальянскаго, славянскаго и нѣмецкаго; еще забавнѣе, что Коль хочетъ найти въ вѣнскомъ образованіи даже восточный элементъ. Правда, въ Вѣнѣ живетъ много славянъ, мадьяровъ и итальянцевъ, даже часто встрѣчаются живописныя восточныя фигуры, но всѣ они нисколько не измѣняютъ чисто южно-нѣмецкой жизни Вѣны; скорѣе она измѣняетъ ихъ. Давно извѣстно волшебное вліяніе Вѣны въ этомъ отношеніи. Въ Вѣнѣ не только славяне, мадьяры и итальянцы, но даже французы и англичане германизируются по-вѣнски, и тамъ вовсе не рѣдкость встрѣтить людей въ греческомъ, даже турецкомъ костюмѣ, говорящихъ и живущихъ чисто по-вѣнски. Богатая удовольствіями, прекрасная и женственная Вѣна для всѣхъ провинцій монархіи и даже за предѣлами ея служитъ главнымъ мѣстомъ прививки германизма».

Мы хотѣли оставить безъ комментарія разсужденія этого автора, какъ видно изъ послѣднихъ словъ, чисто вѣнскаго патріота; но разсужденія эти могли бы ввести въ заблужденіе читателя, мало знакомаго съ славянскими обстоятельствами, когда авторъ такъ утвердительно говоритъ о великодушномъ отношеніи правительства къ славянскому образованію. Если правительство обязываетъ чиновника знать славянскій языкъ, объявляетъ законы по-славянски, къ тому принуждаетъ его не желаніе дать значеніе языку, а чистая необходимость, потому что далеко не всѣ достаточно владѣютъ нѣмецкимъ. Притомъ самъ авторъ признается, что это сдѣлано только для облегченія метаморфозы, т.-е. превращенія славянина въ нѣмца. Дозволеніе каѳедръ славянскаго языка и литературы не есть какое-нибудь особенное благодѣяніе для чеховъ, напримѣръ, имѣющихъ значительную ученую литературу и создавшихъ главнымъ образомъ самую науку о славянствѣ. Когда для славянской литературы есть каѳедры и тамъ, гдѣ очень мало или вовсе нѣтъ славянскаго населенія, напримѣръ, въ Берлинѣ и Парижѣ, то было бы варварствомъ не завести ихъ въ Вѣнѣ и Прагѣ. Деревенскія школы и не могутъ обойтись безъ славянскаго языка, потому что въ сельскомъ населеніи дѣти не знаютъ понѣмецки. Мы никогда не слыхали объ особенно блестящихъ вознагражденіяхъ славянскимъ ученымъ; если Шафарику дали мѣсто библіотекаря въ университетской библіотекѣ, это награда слишкомъ скромная для громадныхъ заслугъ ученаго; если Палацкому давали для его ученыхъ трудовъ

и путешествій шестьсотъ флориновъ въ годъ, то мы должны замѣтить читателю, что это составляетъ только около 400 р. сер., слѣдовательно, о подобномъ вознагражденіи можно и не писать громкихъ фразъ. Напротивъ, сколько мы знаемъ, ученые всего чаще предоставлены самимъ себѣ и случаю; въ тѣхъ, кого правительство назначаетъ своими чиновниками, оно не одобряетъ занятій славянской литературой; офиціальное пренебреженіе и черезъ мѣру строгая цензура всегда были для новой чешской литературы тяжелымъ камнемъ преткновенія, на который она спотыкается до сихъ поръ. Что касается до чарующей Вѣны, то и сами сѣверные нѣмцы не очень долюбливаютъ ее, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться и въ настоящее время, если онъ слѣдитъ за газетными дебатами по поводу итальянскаго дѣла. Прелесть вѣнской жизни и отличительное качество вѣнскаго образованія, такъ восхваляемаго авторомъ, заключаются во внѣшней комфортабельности и наслажденіяхъ жизнью: вѣнцы—хорошіе гастрономы и бонвиваны,—занятія, удобно отвлекающія массу общества отъ тернистыхъ вопросовъ общественнаго устройства и политики, и въ этомъ заключается прелесть вѣнскаго вліянія, которому не могутъ сопротивляться не только «люди въ восточномъ костюмѣ», но, по словамъ автора, даже французы и англичане. Вѣна—городъ австрійской дипломатіи и бюрократіи, съ веселымъ въ извѣстномъ родѣ препровожденіемъ времени; нѣмецкая наука и искусство, по признанію самихъ нѣмцевъ, всегда хромали въ Австріи.

Затѣмъ авторъ говоритъ о чешскомъ движеніи, которому отдаетъ справедливость, но по-своему. «Національное движеніе чеховъ основалось естественно и достойнымъ уваженія образомъ. Изо всѣхъ славянъ чехи самые талантливые; они до сихъ поръ истинные хранители чести славянства. Одни чехи рядомъ съ другими и отчасти даже прежде другихъ народовъ завоевали себѣ почетное мѣсто въ исторіи европейской цивилизаціи и уже въ раннее время создали цвѣтущую литературу. Ихъ исторія представляетъ славные моменты героизма и своимъ высокотрагическимъ исходомъ должна возбуждать удивленіе и сочувствіе всего свѣта и всѣхъ временъ. Воспоминаніе объ этой славѣ никогда совершенно не исчезало въ Богеміи, и въ новѣйшую пору, когда національныя стремленія составляютъ главную черту духа времени, оно оживилось сильнѣе и свѣжѣе. Но оно оживилось не въ народѣ, потому что на свѣтѣ не существуетъ образован-

наго чешскаго народа; оно движетъ голову и сердце только немногихъ людей, которыхъ именно ихъ нѣмецкое образованіе побуждаетъ къ сохраненію чешскаго (замѣтимъ здѣсь, что съ точки зрѣнія автора это должно быть странно: отчего люди, владѣющіе великимъ нѣмецкимъ образованіемъ, заботятся о незначительномъ чешскомъ?). Но эта небольшая партія чешскихъ патріотовъ дѣлится на двѣ существенно различныя части. Большая состоитъ изъ серьезныхъ и благоразумныхъ людей, которые видятъ, что никакая земная сила не можетъ возстановить того, что погибло въ потокѣ временъ, какъ чешская слава. Эти люди знаютъ, что Богемія уже никогда не можетъ сдѣлаться славянскимъ царствомъ, что она сама для себя, ради собственной выгоды и блага, должна оставаться соединенною съ Германіей и германскимъ образованіемъ. Поэтому они хотятъ только рядомъ съ нѣмецкимъ сохранять и образовывать чешскій языкъ и литературу, и это стремленіе конечно въ высшей степени похвально и достойно уваженія, и не только нѣмецкое правительство, но даже многіе изъ нѣмецкихъ жителей Богеміи поддерживаютъ его (но черезъ двѣ страницы автору очень не нравится, что нѣмецкій графъ Тунъ выступилъ въ числѣ защитниковъ чешской національности). Удастся ли этимъ достойнымъ людямъ развить и сберечь истинно оригинальную и сколько-нибудь значительную литературу, найдутъ ли они для того твердое и живое основаніе, не будетъ ли эта литература по большей части передавать нѣмецкія мысли славянскими знаками,—это конечно другой вопросъ; но какъ сказано, похвально и желаніе. Меньшая часть чешскихъ патріотовъ идетъ гораздо далѣе, и сами благоразумные чехи обвиняютъ ее въ чехоманіи. Эти чехоманы не хотятъ для мирнаго и дружелюбнаго развитія стать рядомъ съ нѣмецкимъ образованіемъ, но становятся противъ него. Они злобно смотрятъ на преобладаніе нѣмецкаго начала въ Богеміи и хотятъ не только прекратить его дальнѣйшее распространеніе, но совершенно повернуть дѣло и чехизировать нѣмцевъ (автору было бы прискорбно узнать, что теперь именно доказаны нѣкоторые факты подобнаго чехизированія нѣмцевъ въ Богеміи, несмотря на все могущество нѣмецкаго духа). Для славизма они представляютъ притязанія на цѣлую Богемію со всѣми ея жителями, и каждаго нѣмецкаго жителя Богеміи бранятъ, какъ ворвавшагося разбойника или славянскаго отщепенца. Они желаютъ, чтобы Богемія подъ властью какого-нибудь австрійскаго принца получила чисто

славянское правительство; они мечтаютъ даже о новомъ славянскомъ центральномъ царствѣ, которое должно обнять Богемію, Моравію *и по крайней мѣрѣ* сѣверную Венгрію». Славянское царство—общій кошмаръ всѣхъ враговъ панславизма и одно изъ ловко употребляемыхъ обвиненій, возстановляющихъ противъ него правительство, хотя каждый благомыслящій человѣкъ видитъ, сколько правды въ этомъ обвиненіи. Что чехи не любятъ нѣмцевъ, мы уже объясняли прежде; да и какъ имъ не приходить къ такому взгляду на нѣмцевъ, когда земли дѣйствительно достались имъ послѣ насильственной эмиграціи и притѣсненія чеховъ въ семнадцатомъ столѣтіи; теперь нѣмцы своей враждой первые подаютъ поводъ къ недовольству и раздраженію. Авторъ не придаетъ впрочемъ значенія этой послѣдней партіи. Но, «такъ какъ писатели этой партіи находятъ въ Германіи, Франціи, Англіи и особенно въ Россіи достаточно органовъ, посредствомъ которыхъ они возвѣщаютъ свѣту огромный успѣхъ славизма въ Богеміи; и такъ какъ въ австрійскихъ дѣлахъ охотно вѣрятъ самымъ баснословнымъ разсказамъ; такъ какъ есть люди и правительства, которые сердечно радуются каждому затрудненію Австріи, то въ новѣйшее время сдѣлалось модой безъ дальнѣйшихъ околичностей причислять Богемію къ славянскимъ землямъ»,—и авторъ, въ оригинальномъ обзорѣ чешской исторіи, старается доказать, что Богемія уже издавна есть нѣмецкая земля, и что въ настоящее не можетъ быть вопроса о чешской Богеміи. Это разсужденіе похоже какъ двѣ капли на толки австрійскихъ журналовъ, увѣряющихъ теперь весь свѣтъ, что «такъ называемый» итальянскій вопросъ вовсе не существуетъ.—Событія сорокъ восьмого и девятаго года показали, что нѣкоторыя правительства, на которыя намекаетъ авторъ, не только не были рады затрудненіямъ Австріи, но даже спасли ее отъ окончательной погибели, за что она отплатила по своему обыкновенію.

Наконецъ переходитъ авторъ къ литературѣ и замѣчаетъ, что чешскія книги и журналы покупаются и читаются мало. «На народную жизнь и состояніе просвѣщенія усилія чешскихъ писателей не имѣютъ никакого вліянія; ихъ дѣйствіе чисто филологическое. По большей части они и не имѣютъ другой цѣли, и при каждомъ случаѣ громко и прямо отвергаютъ подозрѣніе въ намѣренномъ духовномъ или политическомъ отдѣленіи отъ Австріи и Германіи. Но глубже видящій наблюдатель и критикъ не можетъ не замѣтить, что

многіе изъ начинателей и участниковъ этого чешскаго движенія менѣе одушевляются національнымъ чувствомъ, чѣмъ прельщаются оппозиціей и мнимой политической важностью дѣла. Можно опредѣлительно сказать, что чехизмъ и не пробудился бы, или не могъ бы достичь своей нынѣшней, хоть и небольшой важности, если бы въ Австріи позволено было участіе въ политической жизни». Да въ этомъ и дѣло. Если бы предоставлена была какая-нибудь свобода общественнаго развитія, все бы пошло правильно; чешское движеніе подвигалось бы мирно, не возставая противъ нѣмецкаго ярма, потому что нѣмецкое начало было для чеховъ синонимомъ лишенія всякой возможности свободной мысли. Авторъ не сознаетъ хорошенько, что чешская литература, мимо всякихъ идей о славянскомъ царствѣ, проникнута была также и вопросомъ чисто соціальнымъ, общественнымъ. Свободная національность предполагаетъ нѣкоторую автономію общества, и къ ней вмѣстѣ стремились лучшіе чешскіе и нѣмецкіе либералы Австріи. Авторъ то боится чешской литературы, то не приписываетъ ей никакой важности и не знаетъ хорошенько ея истиннаго смысла. Въ этомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: «Очень небольшая партія чеховъ отчасти дѣйствительно одушевлена за панславизмъ, отчасти, съ *буквальной истиной* (курсивъ въ подлинникѣ) пріобрѣтена для него (gewonnen). Эта партія посылаетъ въ Россію отчеты и доносы,—и что въ Богеміи есть явные или тайные русскіе агенты, что русскій министръ просвѣщенія получаетъ правильные отчеты о состояніи чешской литературы, это извѣстно (!). Но эту партію презираютъ и осуждаютъ сами чехи; Россіи нечего надѣяться въ Богеміи». Подобныя вещи могли представиться только перепуганному воображенію; человѣкъ съ здравымъ смысломъ никогда бы не могъ нашихъ мирныхъ ученыхъ, бывавшихъ въ Прагѣ, принять за политическихъ агентовъ.

Мы нарочно приводимъ буквально нѣкоторыя мѣста сочиненія, потому что самый тонъ, то наглый и презрительный, то раздражительный, показываетъ, съ какими доброжелателями встрѣтилась молодая литература. Мы не винимъ нѣмцевъ за превознесеніе ихъ образованія, мы сами признаемъ его великія заслуги, но самое это образованіе должно было внушить имъ болѣе гуманные взгляды на чешскій вопросъ. Нерѣдко подъ перомъ писателей говорилъ просто страхъ передъ русской силой; нѣмцы не могли простить чехамъ, что въ русскомъ обществѣ явились теплыя симпатіи къ чешскому

національному вопросу, и они вездѣ подозрѣвали заговоръ и козни.

Къ сожалѣнію, вопросъ явился на сцену, встрѣтился съ трудными испытаніями, раньше, чѣмъ успѣло созрѣть новое общество; литература, занятая еще элементарными вопросами, раздѣленная и во многомъ еще слабая, еще не имѣла возможности приготовить общества къ болѣе важнымъ задачамъ; общеславянскія симпатіи, правда, уже заявили себя, но еще не пріобрѣли практическаго значенія; интересы были разрознены. Поэтому панславизмъ и чешскія стремленія потерпѣли печальную неудачу, когда наступилъ сорокъ восьмой годъ.

II.

Съ сорокъ восьмымъ годомъ открылось въ Австріи всеобщее волненіе; въ амальгамированной имперіи вспыхнулъ наконецъ страшный раздоръ, съ одной стороны между подданными и правительственнымъ абсолютизмомъ, съ другой—между разными національностями, которыя наконецъ столкнулись и обнаружили всю взаимную вражду, таившуюся съ давнихъ поръ. Было бы долго разсказывать австрійскую революцію, почти даже безплодно, потому что чехи не вынесли изъ нея почти никакого результата, никакого облегченія для своего политическаго и общественнаго положенія. Для того, кто желалъ бы познакомиться вообще съ современными отношеніями славянскихъ племенъ въ Австріи, мы укажемъ замѣчательную брошюру Les Slaves Occidentaux, вышедшую въ 1858 году въ Парижѣ, у Франка; неизвѣстный авторъ очень хорошо знаетъ положеніе дѣла, желаетъ полнаго успѣха славянскому движенію, но говоритъ о немъ весьма практически, не поддаваясь панславистскому увлеченію. Ограничиваясь чехами, мы сдѣлаемъ только нѣкоторыя указанія о томъ, какія стремленія пробудились въ чешскомъ обществѣ въ революціонную эпоху и какое настроеніе господствовало въ умахъ лучшихъ людей того времени. Первая конституція подала много прекрасныхъ надеждъ; событія развязали всѣмъ руки; чехи, предоставленные самимъ себѣ, должны были сами позаботиться объ утвержденіи своихъ правъ и самобытности. Конституція, повидимому, обезпечила будущій общественный порядокъ, обѣщала равноправность національностей; но революція все еще грозила славянскимъ племенамъ. Нѣмецкіе патріоты считали

необходимымъ присоединить Австрію къ единой нѣмецкой націи; чехи твердо отказывались посылать своихъ депутатовъ на франкфуртскій сеймъ и нажили себѣ отчаянныхъ враговъ дома, въ нѣмцахъ, которые принимали Богемію за страну нѣмецкую и о чехахъ вовсе не думали; мадьяры грозили порабощеніемъ славянъ, входившихъ въ составъ Венгріи, и славянское возстаніе вспыхнуло на всемъ пространствѣ средней Австріи. Въ этихъ обстоятельствахъ родилась мысль о славянскомъ съѣздѣ: на немъ должны были явиться лучшіе люди каждой славянской національности въ Австріи, пользующіеся довѣріемъ своего народа; они должны были принять общія мѣры для безопасности австрійскаго славянства. Мысль о съѣздѣ явилась тогда у всѣхъ славянъ Австріи: у славянъ южныхъ, словаковъ, чеховъ, поляковъ. Первый печатно заговорилъ объ этомъ извѣстный Иванъ Кукульевичъ-Сакцинскій, въ Загребскихъ Иллирскихъ Новинахъ; мѣстомъ сейма выбрана была единогласно Прага, какъ центральный пунктъ славянскихъ земель. Первое воззваніе о съѣздѣ издано было на нѣсколькихъ славянскихъ языкахъ 1-го мая 1848 г. Такъ какъ у насъ вообще мало извѣстны славянскія дѣла этого времени, то мы позволяемъ себѣ привести здѣсь эту прокламацію, въ русскомъ переводѣ, какъ любопытный памятникъ тогдашнихъ событій, въ свое время не дошедшій до насъ:

«Славяне, братья!

«Кто изъ насъ не смотритъ съ грустью на наше прошедшее? И кому неизвѣстно, что то, что мы испытали, произошло отъ нашей безсознательности и раздробленности, дѣлившей брата отъ брата? Но послѣ долгихъ вѣковъ, въ которые мы забыли одинъ о другомъ, въ которые упало на наши головы столько несчастій, мы пришли къ тому убѣжденію, что мы одно, что мы—братья. Пришли времена важныя, времена, освободившія народы и снявшія съ нихъ бремя, подъ тяжестью котораго они стонали; эти времена сняли много бремени съ насъ, и мы можемъ теперь высказать, что уже давно чувствовали, обдумать и заключить то, что служитъ къ нашей пользѣ. Европейскіе народы сговариваются и соединяются. Нѣмцы для своего соединенія составили во Франкфуртѣ парламентъ, который стоитъ на томъ, чтобы Австрійская имперія уступила ему отъ своего независимаго владѣнія столько, сколько нужно для нѣмецкаго единства, и чтобы имперія со всѣми не-венгерскими землями вошла въ составъ новаго нѣмецкаго царства. Та-

кой шагъ разрушилъ бы не только единство Австріи, но и соединеніе и самобытность славянскихъ племенъ, которыхъ народность подверглась бы при этомъ опасности. Мы должны твердо защищать то, что у насъ есть самаго святого; пришло время, чтобы и мы, славяне, сговорились и соединили свои намѣренія. И потому, радостно соглашаясь на многія желанія, посланныя къ намъ изъ разныхъ славянскихъ краевъ, мы дѣлаемъ воззваніе ко всѣмъ славянамъ Австрійской имперіи и вызываемъ всѣхъ мужей, имѣющихъ довѣріе народа, которымъ дорога наша общая польза,—собраться въ старославной славянской Прагѣ чешской къ 31-му мая этого года, гдѣ бы мы сообща обсудили все то, чего требуетъ польза нашего народа и что мы должны дѣлать въ эти важныя времена. Если и другіе славяне, живущіе внѣ нашего государства, захотятъ почтить насъ своимъ присутствіемъ, они будутъ для насъ гостями, которымъ мы будемъ сердечно рады.

«Въ Прагѣ, 1-го мая 1848».

Въ то же время предварительнымъ «Выборомъ» издано было воззваніе къ неславянскимъ жителямъ имперіи для успокоенія ихъ касательно намѣреній славянскаго съѣзда: въ немъ объяснено было, что участники съѣзда желаютъ вполнѣ сохраненія и самостоятельности имперіи; что они нисколько не думаютъ о стѣсненіи другихъ народностей и хотятъ только дать практическое значеніе уравненію правъ народностей въ имперіи; что они защищаютъ въ полномъ объемѣ тѣ права, которыя принадлежатъ славянамъ на этомъ основаніи, и желаютъ вообще мирнаго утвержденія порядка и лучшихъ отношеній между разными народами. Наконецъ составленъ былъ порядокъ занятій и программа предметовъ, которые должны были быть опредѣлены на съѣздѣ. Депутаты съѣхались въ значительномъ числѣ и распредѣлены были на три отдѣленія, по народностямъ: къ первому принадлежали чехи, моравне, слезаки и словаки; ко второму—поляки и русины; къ третьему—словенцы, хорваты, сербы и далматинцы. Сеймъ, въ числѣ 340 членовъ, собрался въ первый разъ 3-го іюня, въ публичномъ засѣданіи. Утромъ члены сошлись въ Чешскомъ Музеѣ, оттуда въ торжественной процессіи отправились въ Тынскую церковь, гдѣ передъ памятникомъ Кирилла и Меѳодія священникъ и членъ сейма Вацлавъ Штульцъ принесъ молитву объ успѣхѣ дѣла. Послѣ этой трогательной церемоніи процессія двинулась къ Софійскому острову: во главѣ ея шло общество пѣвцовъ, ко-

торые пѣли патріотическія и старинныя духовныя пѣсни. «Староста» сейма, Францъ Палацкій, открылъ его теплою патріотическою рѣчью, и засѣданія сейма начались. Времени было не много, и члены торопились формулировать свои желанія и требованія, слѣдуя сначала программѣ, составленной еще въ предварительномъ «Выборѣ» мораванномъ Захомъ, но потомъ принята была болѣе краткая программа, предложенная извѣстнымъ польскимъ публицистомъ Карломъ Либельтомъ, который представлялъ, что нужно, во-первыхъ, приготовить манифестъ къ европейскимъ народамъ объ основаніяхъ и цѣляхъ славянскаго съѣзда; во-вторыхъ, адресъ или петицію къ императору съ изложеніемъ желаній славянскихъ народовъ Австріи; въ-третьихъ, заключить союзъ славянскихъ племенъ между собою и опредѣлить средства къ поддержанію его стремленій. Манифестъ составленъ былъ, на основаніи проектовъ Заха, Либельта и др., самимъ «старостой» Палацкимъ. Славянскій съѣздъ высказалъ въ немъ начала свободы, равенства и братства для отдѣльной личности; потомъ менѣе признанное въ Европѣ начало полной равноправности всѣхъ народовъ, отвращеніе отъ политики, которая считаетъ земли и народы безотвѣтнымъ владѣньемъ,—говоритъ о своемъ намѣреніи представить императору петицію въ этомъ смыслѣ, чтобы онъ превратилъ свое государство въ союзъ равноправныхъ народовъ. Манифестъ былъ прочитанъ и утвержденъ членами съѣзда. Другія работы, петиція къ правительству и заключеніе договора между славянскими племенами о защитѣ своей народности остались только въ проектахъ, потому что наступившія событія насильственно прервали труды сейма.

Утромъ 11-го іюня, въ присутствіи членовъ съѣзда и при множествѣ народа греко-уніатскій каноникъ львовскій, Григорій Инилевичъ, совершалъ священную службу на славянскомъ языкѣ. Еще болѣе любопытное торжество, вызванное славянскимъ съѣздомъ, происходило за недѣлю передъ тѣмъ на Свято-вацлавскомъ намѣстьи (площади): какъ воспоминаніе о господствовавшемъ нѣкогда у чеховъ православіи, славянская служба по греческому обряду совершена была православнымъ сербскимъ протопресвитеромъ изъ Новаго Сада, Павломъ Стаматовичемъ. 12-го іюня члены собрались въ небольшомъ числѣ; такъ какъ главныя дѣла были уже окончены, оставалась только редакція актовъ, и притомъ обстоятельства требовали присутствія членовъ сейма на родинѣ, то положено было имѣть заключительное собраніе

14-го. Но съѣзду не суждено было тогда кончить первый важный политическій трудъ панславизма; въ тотъ же день вспыхнула пражская революція, плодъ интриги реакціонеровъ: какъ снѣгъ на голову упала на мирныхъ пражскихъ славянъ солдатская фурія; она должна была напомнить имъ Австрію.

Политическое одушевленіе чеховъ и особенно славянскій съѣздъ вовсе не нравились и приверженцамъ франкфуртскаго сейма и рѣшительнымъ реакціонерамъ, для которыхъ старый порядокъ казался лучше всего на свѣтѣ. Австрійскіе патріоты не могли равнодушно видѣть, что молчавшіе прежде славяне начали пріобрѣтать нѣкоторый авторитетъ и самоувѣренность; они видѣли въ чехахъ отчаянныхъ демократовъ, сепаратистовъ, и противодѣйствовали имъ, сколько могли. Не имѣя возможности выставить реакцію явно,—потому что этимъ они возбудили бы ненависть самихъ нѣмецкихъ либераловъ,—они не пренебрегли тайными путями и возстановили противъ чеховъ Виндишгреца, управлявшаго тогда Прагой, и его солдатчину, которая и безъ того была очень неблагосклонна къ политическимъ клубамъ, рѣчамъ и собраніямъ, и въ частности не терпѣла студентскихъ легіоновъ и отряда «Сворности» (согласія), представлявшихъ родъ національной гвардіи, носившихъ національные цвѣта и вводившихъ чешскую военную команду. Уже за нѣсколько дней до іюньскихъ событій замѣчали приготовленія къ какому-то австрійскому coup-d'état, и 12-го іюня, въ праздникъ св. Духа, дѣло вспыхнуло: одна шумная процессія студентовъ и народа встрѣчена была безъ всякаго повода пушками, приготовленными, какъ оказалось, заранѣе. Чувство самосохраненія вооружило весь народъ, и битва, которой онъ вовсе не предвидѣлъ и не предчувствовалъ, началась вдругъ по всей Прагѣ. Къ чехамъ присоединились всѣ благомыслящіе нѣмцы. Тотчасъ послѣ первой встрѣчи отрядъ войска двинулся по Коловратской улицѣ, разгонять «демократовъ», и цѣлый ружейный залпъ влетѣлъ въ окна Чешскаго Музея, гдѣ думали найти членовъ съѣзда: библіотекарь Ганка уцѣлѣлъ только потому, что вô-время успѣлъ отойти отъ окна. Толпа студентовъ осаждена была въ Каролинумѣ, взята въ плѣнъ и осыпана оскорбленіями. Прага вооружилась, кто чѣмъ могъ; городъ покрылся баррикадами; народъ, еще въ первый разъ прибѣгнувшій къ этому революціонному средству, защищалъ ихъ съ храбростью отчаянія, противъ которой войска ничего не могли сдѣлать. Такъ шло нѣсколько

дней; войска, вездѣ отбиваемыя отъ баррикадъ, перешли наконецъ окольными путями на Малую Страну и начали правильную осаду «Стараго Мѣста». Въ то время, когда противъ города направлено было страшное бомбардированіе, распространившее ужасъ по всей Прагѣ, на одной изъ первыхъ станцій желѣзной дороги къ Вѣнѣ происходила гнусная сцена: отрядъ австрійскихъ гусаръ остановилъ поѣздъ, въ которомъ уѣзжало изъ Праги много ея случайныхъ посѣтителей, бѣжавшихъ отъ безпорядка; благородные гусары напали на обезоруженныхъ путешественниковъ, убивали ихъ на станціонномъ дворѣ и въ вагонахъ. Въ Прагѣ студенты собрались въ Клементинумъ, храбро защищали баррикады у башни, ведущей на мостъ, и отвѣчали на ядра дѣятельнымъ ружейнымъ огнемъ, который унесъ едва ли не болѣе враговъ. Силы были однако далеко не равны; горожане начали переговоры, которые окончили наконецъ враждебныя дѣйствія. Прага объявлена была въ осадномъ положеніи, начались арестаціи и допросы; въ Градчинъ забирали множество людей, которыхъ указывали Виндишгрецу усердные реакціонеры. Конституція еще существовала, свобода и новыя права не были еще отняты, но наглое употребленіе кулачнаго права—со стороны представителей правительства—уже показывало, что конституція, доставшаяся такъ дешево, не обѣщаетъ прочнаго существованія. Съ тѣхъ поръ лучшіе люди общества постоянно находились между страхомъ и надеждой. Весь ходъ событій того времени только подтверждалъ ихъ печальныя сомнѣнія: ихъ радовало созваніе вѣнскаго или кромѣрижскаго сейма, но пугало реакціонное министерство; они съ удовольствіемъ видѣли побѣды Елачича и освобожденіе хорватъ, но предчувствовали, что эти побѣды только поддержатъ старый абсолютизмъ. Для защиты правъ своей народности отъ нѣмцевъ и мадьяръ славяне должны были защищать австрійскій принципъ, который они сами ненавидѣли не меньше либеральныхъ нѣмцевъ и венгровъ. Ихъ собственная слабость дѣлала для нихъ необходимой какую-нибудь точку соединенія, и она представлялась имъ тогда въ габсбургскомъ домѣ. Для революціонной части венгровъ и нѣмцевъ это давало еще больше поводовъ смотрѣть на славянское дѣло съ досадой и ожесточеніемъ.

Первый славянскій съѣздъ разошелся, не успѣвши связать прочнымъ актомъ договора о народномъ соединеніи австрійскихъ славянъ. Дѣло осталось въ томъ же положеніи, какъ и прежде, но депутаты не теряли еще духа: «пражская

буря вырвала у нихъ перо изъ рукъ,—говорили они тогда,—но не вырвала изъ души ихъ предпріятія. Пражская буря загремѣла надъ съѣздомъ, чтобы согнать съ славянскаго солнца послѣднія тучи, которыя закрывали его до сихъ поръ. Посланцы разошлись, чтобъ сказать своимъ народамъ, что они видѣлись и сговорились съ братьями; что потокъ вѣковъ и давняя разрозненность не стерли печати сходства нашихъ языковъ такъ, чтобы мы уже не могли, каждый на своемъ языкѣ, взаимно понимать другъ друга; что такимъ образомъ уничтожается главнѣйшее препятствіе общаго сеймованья; что потребности, намѣренія и цѣли у всѣхъ насъ одни и нераздѣльны, что мы всѣ должны стоять за одного и одинъ за всѣхъ, если хотимъ добыть себѣ полнаго обезпеченія своихъ правъ; что мы должны быть согласны, изгладивши изъ своихъ мыслей всякую память старыхъ домашнихъ споровъ; что мы должны быть братьями, равными братьями отъ одной матери, между которыми нѣтъ первороженнаго». Депутаты, оставшіеся въ Прагѣ, сошлись въ послѣдній разъ 16-го іюня; и когда пражская битва началась снова и продолженіе засѣданій было уже невозможно, они объявили славянскій съѣздъ отложеннымъ на неопредѣленное время, чтобы въ болѣе благопріятную пору окончить то, чего нельзя было кончить на первомъ съѣздѣ. Надежда на болѣе счастливое свиданіе утѣшала славянскихъ посланцевъ: скоро ли она можетъ осуществиться, принесетъ ли австрійскимъ славянамъ пользу первый тяжелый политическій урокъ, поддержитъ ли ихъ братская любовь и согласіе—мы не будемъ загадывать; но желая имъ всякаго добра, какого они себѣ желаютъ, мы къ сожалѣнію не можемъ вывести изъ нынѣшняго ихъ положенія возможности слишкомъ сангвиническихъ надеждъ...

Что же дѣлала въ это время литература? Первое время конституціонной свободы вызвало сильное патріотическое движеніе въ чешскомъ обществѣ; народность въ первый разъ была признана положительнымъ образомъ и она дѣйствительно вдругъ выросла въ это время. Образовалось нѣсколько чешскихъ политическихъ клубовъ, появилось нѣсколько политическихъ газетъ; по-чешски заговорили даже тѣ, кто прежде не обнаруживалъ къ этому языку большой привязанности. Позднѣе, когда славяне поднялись, какъ высшая сила, сокрушавшая венгерцевъ, даже въ Вѣнѣ славянскій элементъ обнаружился очень сильно, какъ никогда прежде. Свобода книгопечатанія дала особенный интересъ ли-

тературѣ: ее наводнили патріотическія пѣсни и книжки; газеты имѣли успѣхъ, о какомъ нельзя было бы и думать прежде; ихъ явилось вдругъ очень много и всѣ были полны патріотическими проектами, разсужденіями объ общественныхъ вопросахъ. Даже чешскія дамы составили полуполитическое общество и писали въ журналахъ патріотическія воззванія къ славянскимъ соотечественницамъ, возбуждая въ нихъ чувство народности, чтобы преобразовать воспитаніе славянскихъ женщинъ и сдѣлать ихъ органами народнаго дѣла. Лучшіе чешскіе литераторы были членами клубовъ, членами славянскаго съѣзда, многіе были потомъ депутатами на кромѣрижскомъ сеймѣ. Въ этой новой жизни молодого общества было много проявленій чистаго, безкорыстнаго патріотизма; но оно было слишкомъ свѣжо, довѣрчиво для тогдашнихъ обстоятельствъ, слишкомъ мало опытно въ политическихъ буряхъ. Его открытыя стремленія, чувство правоты, въ которомъ видѣли они свою защиту, не были въ состояніи обезоружить махинаціи ихъ противниковъ, вообще не разбиравшихъ средствъ для цѣли. Журнальной литературѣ, которая заняла теперь важнѣйшее мѣсто въ общественной дѣятельности, предстояла необходимая и трудная задача—дать обществу и особенно большой народной массѣ необходимое политическое образованіе, объяснить смыслъ событій и указать, къ чему должно стремиться и чего требовать. Чешскія газеты исполняли эту задачу болѣе или менѣе удачно, сколько было въ ихъ силахъ, и важнѣйшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ одному изъ даровитѣйшихъ людей того времени, о которомъ мы считаемъ нужнымъ сказать подробнѣе,—Карлу Гавличку. Его «Народныя Новины» имѣли огромный успѣхъ и до сихъ поръ остаются любимымъ, хотя и запрещеннымъ чтеніемъ. Имя Гавличка повторяется съ уваженіемъ всѣми чешскими патріотами; они помнятъ и должнымъ образомъ цѣнятъ его неистощимую энергію, которая въ пользу дѣла свободы боролась съ препятствіями и преслѣдованьемъ до послѣдней возможности. Реакція послѣднихъ годовъ подвергла строгому запрету имя талантливаго писателя и чехи до сихъ поръ не имѣютъ хорошей біографіи его; я знаю только одну маленькую, помѣщенную Риттерсбергомъ еще въ 1851 году въ любопытномъ его «Словарѣ», теперь также запрещенномъ. Гавличекъ родился въ 1821 году, такъ что въ сорокъ восьмомъ году ему было только двадцать семь лѣтъ. Вступивши въ молодости въ архіепископскую пражскую

семинарію, Гавличекъ своими остроумными выходками, сатирическими стишками и нескончаемой оппозиціей пріобрѣлъ себѣ такую любовь своего начальства, что оно не могло дождаться времени, когда освободится наконецъ отъ богослова, подававшаго такія надежды. Семинарская жизнь не приходилась по вкусу и самому Гавличку, и онъ разстался съ своими наставниками и начальниками къ обоюдному удовольствію. Онъ отправился потомъ въ Москву, гдѣ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто гувернера, если не ошибаемся, у г. Шевырева. Въ Москвѣ талантливый славянинъ прилежно изучалъ русскую жизнь, общественныя отношенія, литературу; между прочимъ здѣсь произвелъ на него глубокое впечатлѣніе экзаменъ изъ чешскаго языка и литературы въ московскомъ университетѣ, куда его пригласили, какъ гостя; патріоту-чеху въ высшей степени пріятно было видѣть, что въ сердцѣ великаго славянскаго народа чешскій языкъ уважался такъ, какъ не уважаютъ его многіе природные чехи дома. Жизнь въ Москвѣ, по отзыву людей, его знавшихъ, была очень важна для его развитія. Критическій, оппозиціонный характеръ ума, составлявшій рѣзкую особенность его природы, опредѣлился и установился здѣсь еще тверже; онъ привыкъ еще сильнѣе ненавидѣть насиліе, произволъ и всякія стремленія ретроградовъ. По возвращеніи въ Прагу, въ 1845 году, онъ началъ помѣщать въ журналахъ свои письма и статьи о Россіи, которыя въ первый разъ вѣрно знакомили чешскихъ читателей съ истиннымъ положеніемъ русской жизни, съ характеромъ русской литературы. Въ тѣ годы наша литература была уже сильно занята общественными вопросами, и Гавличку легко было освоиться съ движеніемъ русской цивилизаціи, которую онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, понялъ отчасти съ славянофильской точки зрѣнія. Между прочимъ онъ познакомилъ чешскую публику и съ нѣкоторыми произведеніями русской литературы, напр., съ Гоголемъ; онъ собирался написать для чеховъ русскую исторію... Статьи о Россіи, которыя онъ продолжалъ и въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ, показываютъ въ немъ очень хорошее пониманіе предмета; онъ любилъ русскихъ, но не сдѣлался руссофиломъ. Въ 1846 году Гавличка пригласили быть редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», которая выходила вмѣстѣ съ ними. Уже съ этого времени ему удалось сообщить интересъ своимъ изданіямъ; своими занимательными и остроумными статьями онъ пріобрѣлъ чрезвычайную популярность у чешскихъ чи-

тателей. Въ то время австрійская цензура нѣсколько смягчилась, и Гавличекъ умѣлъ вполнѣ этимъ воспользоваться, чтобы пробудить сильнѣе народное чувство и защищать интересы чешскаго общества. Безпрестанныя столкновенія съ цензурой навлекли наконецъ на него подозрѣнія и австрійское правительство уже готово было запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала руки смѣлому журналисту. Онъ принималъ самое горячее и дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 48—49 годовъ, въ политическихъ и литературныхъ спорахъ чешскихъ патріотовъ съ ихъ противниками и всюду вносилъ свой вѣрный политическій взглядъ и умѣнье дѣйствовать. Онъ участвовалъ такимъ образомъ въ Пражскомъ народномъ Выборѣ, составившемся тотчасъ послѣ революціи для защиты чешскихъ интересовъ; въ Сворности, упомянутомъ уже нами патріотическомъ пражскомъ легіонѣ; былъ членомъ славянскаго съѣзда, вѣнско-кромѣрижскаго сейма, «Славянской Липы»—чешскаго политическаго клуба въ Прагѣ. Вскорѣ послѣ мартовскихъ событій, приведшихъ первую конституцію, Гавличекъ, поддерживаемый графомъ Альбертомъ Деймомъ, началъ издавать «Народныя Новины», журналъ, получившій скоро огромное вліяніе на массу чешскаго общества; это безъ сомнѣнія важнѣйшее изъ славянскихъ политическихъ изданій, когда-либо выходившихъ въ Австріи. Во время реакціонной революціи Виндишгреца онъ также не избѣжалъ преслѣдованій, былъ арестованъ, но между тѣмъ онъ отъ многихъ мѣстъ выбранъ былъ депутатомъ на вѣнскій сеймъ; на сеймѣ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Палацкаго и Ригера, наиболѣе вліятельныхъ чешскихъ представителей; но въ концѣ сорокъ восьмого года воротился опять въ Прагу, чтобы поддерживать правую сторону своимъ вліяніемъ на публику черезъ «Народныя Новины». По разогнаніи кромѣрижскаго сейма и послѣ изданія октроированной конституціи 4 марта сорокъ девятаго года, Гавличекъ напечаталъ такую рѣзкую критику новой конституціи, заключавшей уже всѣ сѣмена позднѣйшей реакціи, что правительство потребовало его къ суду. Это былъ чрезвычайно любопытный и единственный литературно-политическій процессъ, который былъ рѣшенъ тогда въ Прагѣ судомъ присяжныхъ во время его краткаго существованія. Защиту Гавличка хотѣлъ взять на себя Ладиславъ Ригеръ; но ему было отказано на томъ основаніи, что хотя онъ и былъ докторомъ правъ, но не былъ земскимъ адвокатомъ. Гавличекъ объявилъ тогда, что явится одинъ

передъ судомъ и будетъ защищать себя самъ. Въ залѣ суда собралось множество публики, любопытство было крайне возбуждено, потому что имя смѣлаго писателя было извѣстно всѣмъ и каждому. По исполненіи судебныхъ предварительныхъ порядковъ, Гавличекъ началъ свою защиту; онъ говорилъ съ увѣренностью, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, вполнѣ оправдалъ свой взглядъ на новую конституцію, которой вовсе не сочувствовалъ, и объяснилъ еще подробнѣе, чѣмъ прежде, печальный смыслъ конституціи, нарушавшей прежнія обѣщанія правительства и открывавшей впереди старую систему безконтрольнаго самовластія. Окончивши защиту, онъ обратился къ судьямъ: судъ присяжныхъ было новое учрежденіе, еще не вошедшее въ нравы; Гавличекъ воспользовался случаемъ показать великое значеніе этого учрежденія и объяснилъ присяжнымъ ихъ высокую обязанность передъ правымъ дѣломъ и обществомъ, которое они собой представляютъ. Присяжные объявили Гавличка невиннымъ. Онъ продолжалъ писать попрежнему, обличая правительство и министровъ, нападая на ретроградовъ и реакціонеровъ,—но преслѣдованія также продолжались: въ апрѣлѣ онъ былъ оправданъ, а въ іюнѣ военная власть запретила ему изданіе «Народныхъ Новинъ». На этотъ разъ онъ отправился въ Вѣну и съ большимъ трудомъ выхлопоталъ у министерства позволеніе продолжать изданіе. Скоро потомъ Гавличекъ опять за смѣлую статью сидѣлъ подъ арестомъ на Градчинѣ; въ январѣ пятидесятаго года «Народныя Новины» были окончательно запрещены. Твердый редакторъ не потерялъ однако энергіи и въ томъ же году началъ издавать «Слована» (славянина), впрочемъ уже не въ газетной формѣ и не въ Прагѣ, гдѣ невозможно было изданіе по случаю осаднаго положенія, а въ Кутной-Горѣ. Измѣнивши форму журнала, Гавличекъ конечно нисколько не измѣнилъ единственнаго возможнаго для него направленія и неутомимо продолжалъ свою полемику; отдѣльные выпуски журнала иногда запрещали, но издатель все еще пользовался значительной свободой. Наконецъ, когда не было конца этимъ печатнымъ упрекамъ совѣсти, правительство серьезно вооружилось противъ неумолимаго редактора: въ мартѣ 1851 года Гавличку запретили въѣздъ въ Прагу, потомъ запретили «Слована», потомъ сослали Гавличка въ Тироль... Тяжелая болѣзнь не умилостивила его преслѣдователей; ему позволили, правда, ѣхать на чешскія воды, но Прагу увидѣлъ онъ снова только наканунѣ своей смерти.

На судьбѣ этой привлекательной, даровитой личности какъ будто отразилась вся исторія новѣйшаго, кратковременнаго освобожденія. Онъ началъ полный желаньями блага своему народу, полный надеждъ на право и свободу; событія скоро заставили его задумываться; онъ съ жаромъ возставалъ противъ несправедливости, вѣроломства, совершоннаго надъ цѣлымъ народомъ; у него была только одна сила— талантъ, и онъ протестовалъ до тѣхъ поръ, пока у него отняли послѣднія средства дѣйствовать. Подъ конецъ Гавличекъ былъ уже одинъ, крѣпко стоявшій за общественное дѣло; съ окончаніемъ его литературной дѣятельности, которой не могли не отдать справедливости даже враги его, еще раньше смерти Гавличка, тяжелая апатія овладѣла чешскимъ обществомъ и владѣетъ имъ до сихъ поръ. Если бы обстоятельства были нѣсколько болѣе благопріятны, Гавличекъ помогъ бы чешскому народу сдѣлать большой шагъ впередъ; для своего времени онъ сдѣлалъ все возможное, и чешскій читатель до сихъ поръ перечитываетъ старую драгоцѣнность, «Народныя Новины» и «Слована», подвергшихся теперь запрету австрійскихъ властей. Талантъ Гавличка былъ именно талантъ публициста, воспитателя общественнаго мнѣнія; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ говорить съ массой публики и которыхъ она слушаетъ съ полнымъ довѣріемъ. Вліяніе его мы сравнили бы съ вліяніемъ Бѣлинскаго. Онъ отличался способностью чрезвычайно ясно представлять и просто объяснять всякій встрѣчавшійся ему вопросъ; это качество дѣлало его прекраснымъ популярнымъ писателемъ. Онъ постоянно шелъ впередъ и совершенствовался, въ каждомъ новомъ положеніи онъ развивалъ новыя силы. Внѣшнія качества его таланта, легкость изложенія, остроуміе и неподдѣльный юморъ увеличивали его вліяніе на массу. Характеръ направленія Гавличка былъ чисто-либеральный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; при своемъ практическомъ умѣ онъ не стремился къ невозможному, онъ только прекрасно понималъ выгоды того общественнаго устройства, до котораго достигли образованнѣйшіе народы Европы, и желалъ, чтобы Австрія получила нѣчто подобное, чтобы она по крайней мѣрѣ не уничтожала того, что дала первая конституція 48-го года. Отсюда его безпрестанныя стычки съ австрійскимъ правительствомъ; онъ не прощалъ реакціонному министерству ни одной ошибки, ни одного нарушенія свободы, обѣщанной въ конституціи, ни одного произвольнаго дѣйствія, а тогда, еще съ 48-го

года, безпрестанно открывались новыя и новыя покушенія противъ народной самостоятельности—то пражская реакція и закрытіе славянскаго съѣзда, то преслѣдованіе литературы, то разогнаніе кромѣрижскаго сейма, то октроированная конституція, то объявленіе «свободы» католической церкви, то славяне, принесенные въ жертву мадьярамъ, и т. д. Для твердыхъ и ясныхъ умовъ, какой былъ у Гавличка, никогда не существовалъ фактическій авторитетъ имени, названія, и онъ не увлекался тамъ, гдѣ другіе увлекаются очень легко; напр., панславизмъ понималъ онъ чисто практическимъ образомъ, давая ему цѣны настолько, насколько онъ можетъ дать положительной, насущной пользы. Археологическій панславизмъ, уходящій отъ дѣла, онъ не прощалъ никому при его малѣйшихъ претензіяхъ. Вотъ одинъ примѣръ. Однажды знаменитый Колларъ напечаталъ въ офиціальномъ Reichszeitung извѣстіе о стрелицкихъ и ретрскихъ божествахъ, имъ отысканныхъ; Гавличекъ указалъ на нѣкоторыя крайности въ его разсужденіяхъ и удивлялся, что Колларъ выбралъ подобный журналъ для своихъ статей. Колларъ желчно отвѣчалъ на это, и Гавличекъ прочиталъ ему въ «Слованѣ» многозначительное поученіе, въ которомъ объяснилъ, что Колларъ напрасно обращается къ нему, какъ наставникъ къ ребенку, что онъ самъ имѣлъ нѣкоторую опытность, и въ заключеніе говоритъ: «я очень удивляюсь, какимъ образомъ такой мужъ, какъ панъ Колларъ, авторъ «Дочери Славы», словакъ, въ нынѣшнее время имѣетъ столько досугу, что можетъ осматривать этихъ стрелицкихъ домовыхъ и вѣдьмъ. По крайней мѣрѣ для меня теперь каждый живой и ловкій славянинъ, изъ котораго можетъ что-нибудь выйти, гораздо милѣе и важнѣе, чѣмъ всѣ старославянскіе боги, сколько ихъ было до сихъ поръ и еще будетъ выкопано или вылито».—Если же говорить объ опытности,—продолжаетъ онъ,—то «одной только опытности г. Коллара у меня нѣтъ, именно—чтобы мои статьи попадали въ Reichszeitung или «Вѣнскую газету», между тѣмъ, какъ прежде я написалъ бы «Дочь Славы»; но если это единственная опытность, которую можно пріобрѣсти только въ старости, то прошу Бога, чтобы Онъ мнѣ не далъ дождаться этой старости». Остроуміе, часто очень ѣдкое, какъ въ этомъ примѣрѣ, не покидало его и тогда, когда онъ говорилъ о самыхъ серьезныхъ предметахъ. Его панславистскій взглядъ на Россію не имѣетъ ничего фантастическаго и сантиментальнаго. Между прочимъ, въ одной статьѣ «О русскихъ»,

Гавличекъ, раздосадованный нѣмецкими газетами,—выписавши для эпиграфа извѣстное мѣсто изъ Гоголя: «Русь, куда стремишься ты?» и т. д., продолжаетъ: «мы знаемъ, что каждаго изъ насъ, кто не хочетъ быть нѣмцемъ, называютъ обыкновенно «чтителемъ и поклонникомъ кнута», и дѣйствительно, не было бы ничего страннаго, если бы люди, какъ мы, вправду чтили кнутъ и поклонялись ему, потому что русскій кнутъ есть пожалуй единственная вещь, которой боятся эти велико-германскіе журналисты, которые ни въ Бога не вѣруютъ, и кромѣ einiges Deutschland никакой справедливости и ничего святого на свѣтѣ не знаютъ. Поэтому и я самъ очень часто, прочитавши какой-нибудь нумеръ Ost-deutsche Post (вѣнскій журналъ) и подобныхъ газетъ, съ сердечной радостью смотрю на свой русскій кнутъ, который привезъ себѣ на вѣчное воспоминаніе изъ Москвы, и успокоиваюсь: In hoc signo vinces! что по-чешски значитъ: когда бы не было этого страха передъ Русью, какъ бы поступили теперь съ нами!»

Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Гавличка были «Нѣкоторыя повѣсти», переведенныя имъ съ французскаго и изданныя въ Кутной-Горѣ. «Читателю, которому покажется страненъ титулъ этой книжки,—говоритъ онъ въ предисловіи,—мы должны объяснить, что причиной такого заглавія—нынѣшнія обстоятельства, которыя помѣшали намъ выставить на книжкѣ имя сочинителя. Это одинъ изъ превосходнѣйшихъ умовъ вообще и признанный первый писатель Франціи; одно имя его, если бы мы поставили его въ заглавіи, дало бы нашимъ противникамъ поводъ къ преслѣдованію этой книжки, содержаніе которой, какъ увидитъ каждый, прочитавши ее, самое невинное... Наконецъ, для объясненія всѣмъ тѣмъ, которые все, соединенное съ нижеподписаннымъ именемъ (Гавличка), привыкли преслѣдовать, не обращая вниманія на содержаніе, прибавлю, что всѣ повѣсти, помѣщенныя здѣсь, я заимствовалъ изъ изданія сочиненій этого автора, которое вышло въ Вѣнѣ въ 1810 году, слѣдовательно въ абсолютныя времена». Это были повѣсти Вольтера.

Время чешской свободы длилось недолго; покореніе Венгріи окончательно возвратило австрійскому правительству его прежнюю увѣренность и прежнія тенденціи. Когда разогнаніе кромѣ-рижскаго конституціоннаго сейма обошлось безъ всякихъ послѣдствій, правительство увидѣло, что ему нечего опасаться либерализма, еще не созрѣлаго. Начался тотъ порядокъ внутренней австрійской политики, который его пар-

тизаны называютъ Neugestaltung Австріи. Конституціонныя права 48-го года пали, и въ настоящую минуту господствуетъ statu quo ante. Ущербы и внутреннія прорѣхи, причиненныя старой бюрократіей, нынѣшняя система «поставки заново» исправляетъ съ помощью той же бюрократіи. Баронъ Чёрнигъ, издавшій въ прошломъ году толстый официальный панегирикъ новой системѣ, увѣряетъ, что въ ней заключается истинная потребность и истинное благо австрійскихъ народовъ; но теперь, напримѣръ, Ломбардія упрямится понять это благо и удовлетворяется владычествомъ новѣйшей бюрократіи; Венгрія опять недовольна и Кошутъ въ своей новой брошюрѣ утверждаетъ, что она уже готова на вторичную борьбу; славянская жизнь снова подавляется—до новаго взрыва, въ неминуемости котораго увѣряютъ многіе.

Таково ближайшее прошедшее и настоящее общественной жизни и чешскаго движенія, съ которыми я долженъ былъ познакомиться въ Прагѣ. Общій видъ ея теперь говоритъ уже, что нѣмецкое начало одержало верхъ, въ союзѣ съ правительственнымъ вліяніемъ. Въ 48 и 49 годахъ Прага сдѣлалась на время почти исключительно чешскимъ городомъ; любовь къ народности вспыхнула ярче, чѣмъ когда-либо; въ обществахъ слышался только чешскій языкъ. Вмѣстѣ съ реакціей воротилось и преобладаніе нѣмецкаго языка въ обществѣ, въ театрѣ, въ администраціи и т. д.; онъ входилъ опять мало-по-малу, какъ проходило патріотическое одушевленіе. Въ чешской «Бесѣдѣ» въ Прагѣ, основаніе которой въ 1846 году было чуть не побѣдой для чешской народности, мы слышали нѣмецкій языкъ очень часто. На чешскихъ большихъ балахъ зимой, на которыхъ прежде исключительно долженъ былъ господствовать чешскій, славянскія дѣвы и дамы уже позволяютъ себѣ сильныя отступленія отъ правила: чехи теперь вообще обвиняютъ прекрасную половину своего общества въ легкомысленномъ увлеченіи нѣмецкой модой. Наиболѣе горячіе и ревностные защитники народности находятся, разумѣется, въ литературномъ кругу и въ людяхъ, стоящихъ къ нему ближе, въ классѣ учителей, особенно въ людяхъ, видѣвшихъ 48-й годъ; между молодежью университета патріотическія стремленія также сильны. Въ чешской привязанности къ народному дѣлу очень часто проглядываетъ оттѣнокъ панславизма, имѣющаго у чеховъ конечно болѣе преданій, чѣмъ у какого-нибудь другого славянскаго племени; до послѣдняго времени чешская словесность едва ли не болѣе всѣхъ заботилась о литературной

славянской взаимности. Чехи много переводятъ съ другихъ славянскихъ нарѣчій; въ Прагѣ получается значительное количество славянскихъ журналовъ, кромѣ австрійскихъ, также польскія, русскія, даже болгарскія изданія. Для театра есть переводы польскихъ и сербскихъ пьесъ, передѣлываются иногда русскія вещи. На двухъ или трехъ концертахъ, которые давали любители въ чешской «Бесѣдѣ» прошлую зиму, мнѣ пріятно было услышать русскую музыку Глинки, Варламова, Алябьева, хотя и съ переводнымъ чешскимъ текстомъ. Я долженъ прибавить, что я имѣлъ также удовольствіе нѣсколько разъ слышать одну изъ молодыхъ и талантливыхъ пражскихъ пѣвицъ, которая прекрасно пѣла русскія и малорусскія пѣсни и романсы на ихъ подлинномъ языкѣ... Между пражскими литераторами, особенно молодыми, знаніе славянскихъ нарѣчій довольно распространено; число переводчиковъ, напримѣръ, съ русскаго значительно велико, и нѣкоторые изъ нихъ прекрасно выполняютъ свое дѣло: назовемъ мастерскіе переводы Бендля изъ Пушкина, покойнаго Гавличка изъ Гоголя, Томичка изъ Тургенева, не упоминая о другихъ. Иные даже хорошо владѣютъ другими нарѣчіями; напр., почтенный библіотекарь Ганка безъ труда пишетъ по-русски, Риттерсбергъ владѣлъ польскимъ языкомъ, какъ роднымъ. Между пражской молодежью, никогда не бывавшей въ Россіи и мало видѣвшей русскихъ, я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ, очень порядочно говорившихъ по-русски. Самымъ любопытнымъ образомъ мнѣ случилось увѣриться въ панславистскомъ настроеніи молодежи на новый годъ. Вечеромъ я отправился сначала въ официально признанную чешскую «Бесѣду», но тамъ явились только немногіе изъ обыкновенныхъ посѣтителей; было довольно мрачно и я часовъ въ одиннадцать отправился съ молодымъ пріятелемъ—чехомъ въ одинъ нѣсколько демократическій «гостинецъ» (ресторанъ, трактиръ), куда обыкновенно собирается обѣдать и ужинать небогатая штудирующая и другая молодежь. Мой пріятель обѣщалъ, что мы проведемъ тамъ время гораздо веселѣе. Дѣйствительно, мы еще издали заслышали чешскія пѣсни; въ большой, задымленной сигарами залѣ мы застали многочисленное общество, сидѣвшее за столами съ кружками пива, съ бутылками мельницкаго и жерносѣцкаго. Опять начались чешскія пѣсни, и пѣвцы цѣлой залы, полузнакомые или даже вовсе незнакомые другъ съ другомъ, составляли замѣчательно согласный хоръ. Пѣли «Hora vysoka», «Koukej» и другія веселыя чешскія пѣсни.

«Слушайте, это хорватская», сказалъ мнѣ мой чичероне; затѣмъ слѣдовала моравская; онѣ были знакомы цѣлому хору. Явился для дополненія сцены и полицейскій наблюдатель австрійскихъ интересовъ, но присутствіе его не остановило праздника. Пропѣли польскую пѣсню, провозгласили «здравіе» Краледворской рукописи и Ганки и pereat Krava,— переводъ Kuh, фамилія редактора австрійской газеты въ Прагѣ, начавшей очень неприличную полемику противъ чешской литературы, о чемъ мы разскажемъ послѣ; затѣмъ слѣдовало громогласное: at'źije Palacky, имя пользующееся великимъ уваженіемъ; тосты принимались очень единодушно. Въ 12 часовъ встрѣтили новый годъ и запѣли: «hej Slované», славянскую Марсельезу; потомъ старую гусситскую пѣсню, обѣ наполненныя выраженіями чешскаго патріотизма. Эти искреннія увлеченія убѣждали меня, что апатія и усталость не въ конецъ одолѣли чешское общество, что молодые его члены, на которыхъ оно должно надѣяться, не похожи на тѣхъ, кто предпочелъ зарыться въ книги или погрузиться въ окончательное бездѣйствіе. Незнакомые подходили ко мнѣ, какъ къ «руссу», и чокались со мной при патріотическихъ славянскихъ тостахъ: «at'źiju Slované», было послѣднее шумное восклицаніе, когда я оставилъ наконецъ милое общество: оно еще продолжало веселиться. Австрійская полиція вѣроятно получила на другой день точный рефератъ о panslawistischen Umtrieben.

Эта часть администраціи довольно дѣятельна. Офиціальное господство принципа grosses und einiges Oesterreich дѣлаетъ всякій мѣстный патріотизмъ подозрительнымъ, потому что онъ прямо противорѣчитъ этому началу, а понятно, что въ Австріи только и можетъ существовать мѣстный патріотизмъ: какимъ образомъ чистый славянинъ можетъ остаться вѣрнымъ офиціальному началу, когда оно заставляетъ его любить не родину, а какое-то фантастическое отечество, гдѣ онъ все-таки чужой вездѣ, кромѣ своей настоящей родины; когда оно заставляетъ его считать дорогимъ соотечественникомъ нѣмца, который надѣляетъ его своей нетерпимой и безжизненной бюрократіей и угнетеніемъ; мадьяра и итальянца, съ которыми онъ ничего общаго не имѣетъ. Поэтому внимательная полиція имѣетъ много дѣла и прилежно смотритъ за чешскими патріотами; если въ кофейнѣ собирается нѣсколько чешскихъ литераторовъ и молодежи, начинается между ними нѣсколько оживленный разговоръ, вы можете быть увѣрены, что гдѣ-нибудь около уже присосѣдился не-

званный посѣтитель и слушаетъ. Этотъ способъ узнавать общественное настроеніе считаютъ болѣе удобнымъ, чѣмъ свободная цензура, державшаяся нѣсколько времени послѣ 48-го года. Нѣтъ ничего удивительнаго, что общественное мнѣніе, прошедшее черезъ такой проводникъ, получается въ совершенно искаженномъ видѣ, и власти, въ постоянномъ недоразумѣніи съ обществомъ, болѣе и болѣе возстановляются противъ чешскихъ патріотовъ. Если чехи боятся правительства, то и оно боится ихъ, кажется, не меньше; когда на чешскомъ театрѣ приготовлялись одинъ разъ живыя картины изъ чешской исторіи, то полиція сочла нужнымъ спрашивать позволенія въ Вѣнѣ. Въ январѣ нынѣшняго года умеръ графъ Вальдштейнъ, президентъ Чешскаго Музея; этотъ офиціальный президентъ вовсе не былъ жаркимъ покровителемъ народности, но все-таки мы слышали, что изъ Вѣны запретили выбирать новаго (можетъ быть такого же?) главу Музея. Почему? неужели потому, какъ говорятъ, чтобы не дать случая многочисленному собранію членовъ патріотическаго учрежденія? Господствовавшая система недовѣрія можетъ, безъ сомнѣнія, принести для правительства болѣе горькіе плоды, чѣмъ либеральное управленіе, какого требовала бы справедливость въ отношеніи къ славянамъ, все-таки спасшимъ правительство въ тяжелое для него время. Вслѣдствіе подозрительности австрійскаго правительства упала, наконецъ, и литература, политическія газеты, основавшіяся съ 48-го года, исчезли всѣ, кромѣ офиціальныхъ, влачащихъ жалкое существованіе. Значительная кауція, которая требуется отъ политической газеты, стала въ рукахъ правительства самымъ лучшимъ средствомъ убить чешскій публицизмъ, потому что литературный кругъ у чеховъ очень небогатъ. Цензура строга сколько только возможно; какъ извѣстно, цензура въ Австріи не превентивная, она судитъ книгу уже тогда, когда она отпечатана, и ея гнетъ становится оттого тѣмъ тяжелѣе. Превентивная цензура, по крайней мѣрѣ, избавляетъ автора отъ издержекъ изданія; въ Австріи изданіе, не подходящее подъ цензурныя правила, конфискуется и издатель терпитъ убытокъ необходимо. Понятно, какъ онъ долженъ быть остороженъ, какъ онъ будетъ бояться напечатать сколько-нибудь смѣлое слово: никакой законъ не даетъ столько произвола въ руки судьи, какъ цензурный: отпечатанную букву онъ можетъ судить, какъ ему угодно, она не можетъ защищаться. Само собою разумѣется, что цензурѣ подвергаются и ввозимыя книги: намъ случалось

видѣть и нѣкоторыя распоряженія касательно ввозимыхъ книгъ отъ вѣнской Oberste Polizei-Behörde; списки ея могли бы служить хорошимъ продолженіемъ старинныхъ индексовъ librorum prohibitorum. Въ новѣйшіе индексы входятъ и нѣмецкія книги, изданныя въ Германіи, и польскія, и даже нѣкоторыя русскія. Положеніе литературы вслѣдствіе того довольно печально: стоитъ сравнить то, что пишется теперь, съ тѣмъ, что писалось, напримѣръ, въ 1850, не только 1848 году, чтобы оцѣнить вліяніе цензуры. Эта неестественная молчаливость нагоняетъ на литературу страшную скуку: ни одинъ важный вопросъ, занимающій въ душѣ всѣхъ образованныхъ славянъ, не можетъ быть разбираемъ печатно; ученые удаляются въ сухую археологію, занимаются чисто спеціальными, безразличными вопросами; легкая литература вертится въ любовныхъ пѣсенкахъ и поэмкахъ, на невинныхъ повѣстяхъ. Нѣмцы, не любящіе чешскаго движенія и импонирующіе своей образованностью, не имѣютъ никакого права говорить теперь, что они даютъ чехамъ и славянамъ вообще mächtige deutsche Bildung, если только хотятъ быть справедливы: это образованіе останавливается на австрійской границѣ, которой давно уже не переступаетъ смѣлая нѣмецкая наука настоящаго времени, наука, разбивающая старые предразсудки, авторитетъ и идолы.

Со стороны нѣмцевъ, даже не правительственныхъ, до сихъ поръ продолжается та же вражда, которая прежде встрѣчала первые попытки чехизма. Событія сорокъ восьмого года еще болѣе раздули непріязнь нѣмцевъ, когда они увидѣли нѣсколько побѣдъ славянскаго начала, когда увидѣли энергическое сопротивленіе чешской партіи участвовать въ общенѣмецкомъ сеймѣ; съ другой стороны, на славянъ упало и обвиненіе, что они поддержали абсолютизмъ и дали средства для позднѣйшей реакціи... Австрійскія и германскія газеты до сихъ поръ говорятъ о славянскихъ дѣлахъ съ желчью: panslawistische Umtriebe не сходятъ у нихъ съ языка; признаемся, мы не понимаемъ хорошенько, чего боятся нѣмцы при нынѣшнемъ положеніи вопроса. На каждый панславистскій фактъ смотрятъ они черезъ стекло, увеличивающее вдесятеро; объ изданіи «Паруса» я прочиталъ, напримѣръ, слѣдующее извѣстіе въ Кёльнской газетѣ, въ которую писалъ ея корреспондентъ изъ Парижа: «одинъ мой пріятель, только что вернувшійся изъ Россіи, не можетъ наговориться о панславистскихъ стремленіяхъ въ Россіи. Никогда панслависты не были такъ дѣятельны,

какъ именно теперь. Съ новаго года будетъ выходить въ Москвѣ новый панславистскій журналъ, подъ названіемъ «*Парусъ*»; онъ долженъ заключать оригинальныя статьи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (!). Въ древней столицѣ царей уже находятся редакторы съ береговъ Дуная, Дравы и Савы, и будутъ участвовать въ веденіи обширнаго предпріятія. Въ Германіи панславистская пропаганда, кажется, также дѣятельна (!); говорятъ объ основаніи типографіи въ Берлинѣ (!). Штудирующая молодежь настроена очень панславистически», и т. д.

Этого враждебнаго чувства нѣмцы и не думаютъ скрывать. Въ концѣ прошлаго года, передъ моимъ пріѣздомъ въ Прагу, между нѣмцами и чехами начался литературный споръ, въ которомъ нѣмецкіе журналисты съ замѣчательной наглостью выразили свои антиславянскіе взгляды. Мы разскажемъ главные факты этой полемики, возмутившей весь чешскій литературный міръ и всѣхъ образованныхъ людей въ Прагѣ, и хорошо опредѣляющей нынѣшнія чешскія отношенія. Споръ шелъ по поводу древнихъ памятниковъ чешской литературы. Я упоминалъ уже прежде, что замѣчательнѣйшій изъ нихъ по древности, «Любушинъ Судъ», своими чертами старины, неожиданными для тогдашнихъ ученыхъ, поднялъ сомнѣнія въ Добровскомъ, а литературная нетерпимость заставила сомнѣваться Копитара, и вслѣдъ за этими громкими именами славянской науки явились и другіе скептики, считавшіе свои сомнѣнія за верхъ ученаго критицизма, въ родѣ того, какъ у насъ скептики двадцатыхъ годовъ сомнѣвались въ Несторѣ, не вѣрили въ существованіе Святослава и т. п. Въ послѣднее время извѣстный въ чешско-нѣмецкой литературѣ Ганушъ, издававшій въ прошломъ году неудачные «Критическіе Листки», нѣсколькими фразами также выразилъ мнѣніе, что наука не должна слишкомъ довѣряться древнимъ памятникамъ чешской литературы. Я сказалъ уже, что послѣ превосходнаго критическаго изданія Шафарика и Палацкаго подобныя сомнѣнія обнаруживаютъ уже не тонкость, а скорѣе тупость критической способности у тѣхъ, кто продолжаетъ стоять на скептической точкѣ зрѣнія. Въ концѣ прошлаго года эти новыя сомнѣнія подхвачены были нѣмецкой газетой въ Прагѣ «Tagesbote aus Boehmen», редакторъ которой д-ръ Кугъ (Kuh) не принадлежитъ къ числу людей, благосклонныхъ къ чешской народности. Въ «Тагесботѣ» появился цѣлый рядъ статей неизвѣстнаго автора подъ рѣшительнымъ заглавіемъ: Handschriftliche Lügen und paläogra-

phische Wahrheiten, т.-е. статьи имѣли цѣлью высказать палеографическія истины о подложныхъ рукописяхъ, изъ которыхъ будто бы состоитъ древнѣйшая чешская литература. Въ Прагѣ приготовлялся въ то время праздникъ по поводу открытія памятника Радецкому; тамъ собрались всѣ высшіе члены правительства, которымъ можетъ быть вздумалось бы поинтересоваться чешской литературой, и въ это самое время (въ октябрѣ 1858) ловкій редакторъ «Тагесбота» предложилъ читателямъ своего журнала свое или чужое произведеніе, принятое съ великимъ удовольствіемъ нѣмецкими противниками чеховъ,—гдѣ чешская древность объявлена была безстыднымъ подлогомъ, знаменитыя имена чешскихъ ученыхъ поставлены рядомъ съ именами поддѣлывателей и обманщиковъ. Неизвѣстный авторъ заводитъ рѣчь отъ Дюпуаза, выдававшемъ недавно свой топазъ за первый алмазъ въ мірѣ, отъ Макферсона, разсказываетъ новѣйшую литературную исторію, надѣлавшую шуму въ послѣдніе годы, о грекѣ Симонидѣ, поддѣлавшемъ или сочинившемъ цѣлый рядъ произведеній мнимо древней греческой литературы,—все это для того, чтобы перейти потомъ къ Ганкѣ, какъ къ открытому уже поддѣлывателю чешскихъ памятниковъ, какъ извѣстной праматери (Stammutter) неопредѣленнаго числа подлоговъ, появившихся съ 1817 года. Авторъ, по словамъ его, не боится поднимать дѣло уже порѣшенное, и вмѣстѣ съ двумя-тремя сомнительными и неважными памятниками осуждаетъ на погибель «Любушинъ Судъ» и «Краледворскую рукопись»: памятники эти конечно льстятъ національному чувству и это объясняетъ успѣхъ подлога; но строгая критика не удовлетворяется ими и по всѣмъ отношеніямъ—палеографическому, историческому и литературному, должна наконецъ изобличить явную ложь. Авторъ съ стѣсненнымъ сердцемъ «поднимаетъ руку на пресловутыя сокровища, чтобы этой жертвой очистить духовную атмосферу чеховъ». Движимый этимъ благороднымъ желаніемъ, онъ выступаетъ противъ Ганки, или вѣрнѣе противъ цѣлой школы, въ которой онъ называетъ также Палацкаго и Шафарика,—чтобы раскрыть публикѣ глаза на недостойный обманъ: эта школа, по словамъ его, завела правильную фабрикацію древнихъ рукописей, провозглашаетъ о нихъ на весь славянскій міръ и потомъ выгодно пользуется своимъ обманомъ.

Такова была сущность обвиненій, взведенныхъ неизвѣстнымъ авторомъ на чешскую древность и на Ганку. Чехи давно не видѣли подобной наглости въ своихъ противникахъ,

увѣряющихъ, что они приносятъ къ славянамъ образованіе и гуманизмъ. Оскорбленіе нанесено было явно, именно въ то время, когда подобный скандалъ могъ всего болѣе занять общество: когда собрались въ Прагѣ люди, движущіе судьбами Австріи, имъ представляли движеніе чешской народности, какъ плодъ интриги, которая должна быть наказана общественнымъ мнѣніемъ; первые люди чешской націи изображены, какъ шарлатаны и обманщики. Полемика дѣйствительно заинтересовала тѣхъ, на кого тутъ между прочимъ разсчитывали: министръ внутреннихъ дѣлъ Бахъ, при посѣщеніи Музея, обратилъ особенное вниманіе на памятники, о которыхъ шла рѣчь, и долго ихъ разсматривалъ... Но дѣло выходило уже изъ границъ литературной полемики, и Ганка не нашелъ лучшаго средства отвѣчать на клевету, какъ предоставивши споръ на рѣшеніе—суду: онъ началъ литературный процессъ противъ редактора «Тагесбота», какъ противъ клеветника; процессъ, слѣдствія тянутся уже мѣсяца четыре,—можно ожидать, что правительство, пожалуй, оправдаетъ г. Куга. Но общество возмутилось фактомъ, и Палацкій, задѣтый косвенно, какъ одинъ изъ издателей «Любушина Суда», первый сильно и рѣзко отвѣчалъ «Тагесботу». Такъ какъ неизвѣстный рыцарь «безъ страха, но не безъ укора», выступалъ съ мнимо-учеными пріемами и старался доказать свои сомнѣнія, то нужно было очистить вопросъ и съ этой стороны, и Палацкій (въ нѣмецкой пражской газетѣ «Boheмia») коротко, но совершенно достаточно объяснилъ дѣло, доказавши въ то же время и ученую неопытность непризнаннаго скептика и недобросовѣстность его, свойственную литературному гамэну. Редакторъ «Тагесбота» сдѣлалъ въ своемъ журналѣ реплику на первую статью Палацкаго, упрекая ея автора за недостатокъ спокойнаго взгляда и за подозрѣніе и презрѣніе, которыя редакторъ думалъ найти противъ себя въ словахъ чешскаго историка. Палацкій и не думалъ опровергать его упрековъ; изъ приводимыхъ нами словъ Палацкаго читатель увидитъ, какую роль дастъ онъ редактору и какой смыслъ для чешскаго общества имѣла эта археологическая полемика.

«...Г. Кугъ съ нѣкотораго времени все тѣснѣе и тѣснѣе пристаетъ къ извѣстной, не совсѣмъ «мирной» партіи, которая вторгается во всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Германіи, и которая,—я не могу выразиться иначе,—сѣетъ національную ненависть: она безъ отдыху трудится надъ тѣмъ, чтобы грубую тему: «славянинъ отъ природы есть

существо, которое только при помощи нѣмца можетъ сдѣлаться человѣкомъ»—заклеймить, какъ догматъ этнографіи, въ журналахъ, памфлетахъ и даже ученыхъ произведеніяхъ посредствомъ варіацій in infinitum. Можетъ ли эта партія признать какую-нибудь Краледворскую рукопись, такъ громко и краснорѣчиво опровергающую ея ученіе? Поэтому пускаются въ ходъ всѣ хитрости софистики, чтобы отстранить этого свидѣтеля, приходящаго вовсе не кстати: насмѣшка, подозрѣніе, клевета,—все годится въ оружіе, и г. Кугъ безъ всякой церемоніи предлагаетъ себя въ истолкователи этой партіи. Безъ достаточнаго основанія, слова его отравляютъ и заподозриваютъ наши лучшія наслажденія, наши лучшія стремленія, и онъ еще недоволенъ, что мы не уважаемъ его за это. Онъ старается отнять у насъ наши драгоцѣннѣйшія сокровища и удивляется, что мы не смотримъ на него спокойно и равнодушно. Онъ представляетъ всѣхъ насъ вмѣстѣ, какъ обманщиковъ или обманутыхъ, и мы не должны этимъ оскорбляться! Онъ нападаетъ на наши священнѣйшіе интересы столько же дерзко, сколько чувствительно, а мы должны принимать его удары съ историческимъ спокойствіемъ и объективностью. Его пріятели и товарищи спѣшатъ прозвонить съ кликами побѣды объ его изреченіяхъ и подвигахъ (см. Allgem. Zeit. 3 ноября); а мы, мы должны съ кротостью агнца терпѣть и молчать... Я заключу мои слова замѣчаніемъ, что болѣе уже не буду принимать никакого участія въ дальнѣйшемъ спорѣ объ этомъ дѣлѣ. Противникамъ моимъ позволяется поступать со мной за это по ихъ усмотрѣнію. Благосклонные читатели, я надѣюсь, согласятся со мной, что я долженъ дѣлать нѣчто лучшее, чѣмъ еще далѣе втягиваться въ драму, въ которой calumniare audaciter играетъ такую значительную роль».

Палацкій въ своихъ статьяхъ коснулся историческаго значенія памятниковъ и объяснилъ, какъ позднѣйшія изслѣдованія подтверждали данныя, представляемыя спорными рукописями; онъ указываетъ absurdum, въ который впадаетъ невѣжественный обвинитель, предполагая въ мнимомъ поддѣлывателѣ знанія славянской древности, языка и исторіи, совершенно невозможныя въ то время, когда славянская филологія дѣлала свои первые опыты; и куда же скрылся тотъ великій поэтическій геній, который такъ чудно угадывалъ древность и могъ создать такія дивныя произведенія, какъ пѣсни Краледворской рукописи? Въ сущности скептицизмъ не стоилъ опроверженій, но чешскіе ученые, какъ

видитъ читатель, имѣли дѣло съ весьма злонамѣренными судьями, и они снова объяснили памятники, приложивши къ нимъ результатъ современнаго положенія науки. Профессоръ Станекъ произвелъ новыя химическія изслѣдованія надъ рукописью «Любушина Суда»; профессоръ Гаттала, въ Prager Zeitung и въ «Часописѣ» Чешскаго Музея весьма удачно объяснялъ филологическія особенности памятника; докторъ Герменсгильдъ Пречекъ напечаталъ въ «Свѣтозорѣ» очень любопытное изслѣдованіе объ исторической и юридической сторонѣ «Любушина Суда». Краледворская рукопись почти не упоминалась при этомъ: она уже много разъ была объяснена совершенно удовлетворительно, и сомнѣнія неизвѣстнаго памфлетиста обнаруживали только или его невѣжество или недобросовѣстность. Наконецъ, очень недурныя статьи написаны были въ защиту «Любушина Суда» въ Oesterreichisches Morgenblatt: здѣсь объяснена была поэтическая сторона произведенія, потому что и въ ней скептикъ «Тагесбота» находилъ много подозрительнаго, между прочимъ за знаменитую фразу—«не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правду...» Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ не только опровергнуты всѣ сомнѣнія, какія только могъ выставить недоброжелательный взглядъ неизвѣстнаго чехоѣда (Czechenfresser, названіе, которое чехи даютъ подобнымъ господамъ), но представлено также нѣсколько новыхъ любопытныхъ объясненій памятника, напр., въ статьяхъ Гатталы и Пречка.

Въ своей послѣдней, пятой, статьѣ «Тагесботъ» спеціальнѣе обращается къ Ганкѣ; хотя авторъ рѣдко называетъ его, но какъ человѣкъ, нашедшій Краледворскую рукопись, онъ стоитъ одинъ, какъ прямая цѣль его нападеній. Сказавши, что чешская «школа писанія» (Schreibschule)—подразумѣвается поддѣлываніе старыхъ памятниковъ,—процвѣтала въ девятнадцатомъ столѣтіи, авторъ продолжаетъ: «Процвѣтала? Конечно; потому что, для того, чтобы не счесть слишкомъ смѣлымъ мнѣніе о ея новѣйшей *цвѣтущей* эпохѣ, надобно знать, что между 1820—40 годами, кромѣ указанныхъ выше памятниковъ, она создала столько *старо*чешскихъ рукописей, что могла производить ими формальную вывозную торговлю съ одной сѣверной столицей, особенно интересующейся библіотечными цимеліями... (*) Пу-

*) Примѣч. Тагесбота: «Извѣстно, что императорская библіотека въ Петербургѣ по литературнымъ драгоцѣнностямъ или цимеліямъ есть самое богатое собраніе въ свѣтѣ».

блика не замѣчала этого давнишняго вывоза старо-чешскихъ рукописей на сѣверо-востокъ,—вызова, который старо-чешская школа вела безъ всякаго шума, вѣроятно для того, чтобы изъ скромности не подать вида, что она хвастливо хочетъ обратить вниманіе свѣта на свой труды и заслуги: гдѣ дѣло хвалить мастера, *самъ* мастеръ не имѣетъ нужды заботиться о похвалахъ... Нѣтъ сомнѣнія, что старо-чешская школа организовала свою дѣятельность самымъ обширнымъ образомъ и стремительно развила свою производительность. Кто между всѣми нами, не посвященными въ школу, можетъ проникнуть въ тайны этой производительности? Кто можетъ съ точностью означить границы, гдѣ прекращается система ея обмановъ? Кто можетъ опредѣлить цифру ея литературныхъ поддѣлокъ? Кто можетъ поручиться за то, что сказанная школа не состоитъ ко *всѣмъ* съ 1817 г. появившимся *старо*-чешскимъ рукописямъ въ отношеніи общей, хотя и безъименной праматери? Да, мы должны открыто—хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ—высказать это здѣсь: Краледворское *сокровище* не только не стоитъ внѣ этихъ подозрѣній, которыя даетъ намъ, даже налагаетъ на насъ, аналогія прежнихъ примѣровъ; мы должны, хотя и неохотно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно высказать: могущество этой аналогіи поколебало въ нашихъ глазахъ честь Краледворской рукописи...» Авторъ дошелъ въ этихъ словахъ до послѣдняго нелѣпаго вывода изъ своей теоріи и на немъ мы остановимся въ нашемъ переводѣ. Изъ горячихъ словъ Палацкаго, приведенныхъ нами выше, читатель увидитъ, до какой степени оскорбительно было все это для чешскаго патріотизма: надобно припомнить вѣчную вражду нѣмцевъ, трудное положеніе чешскаго общества, лишеннаго свободнаго голоса, униженіе національности, чтобы понять, почему обвиненія литературнаго гамэна, которыя можно было бы въ другое время оставить безъ вниманія, такъ тяжело отозвались въ сердцѣ чешскихъ патріотовъ. Они знали, что словами этого скептика говоритъ цѣлая партія людей, не соглашающихся признать въ чехѣ, какъ чехѣ, даже обыкновеннаго человѣческаго достоинства; подобные люди, если бы представился случай, стали бы и въ другой, болѣе важной сферѣ дѣйствовать противъ чеховъ съ той же терпимостью и добросовѣстностью. Чтобы покончить съ этими обвиненіями, мы осмѣливаемся, если еще не поздно, пригласить къ окончательному объясненію дѣла и тѣхъ, кого въ Петербургѣ касаются слова «Tagesbota» о торговлѣ старо-чешскими рукописями: пусть

будетъ передана на судъ общественнаго мнѣнія истина дѣла, навлекшаго столько несправедливостей на мирные патріотическіе труды чешскихъ ученыхъ.

Мы перейдемъ теперь къ болѣе веселымъ подробностямъ, заканчивающимъ въ послѣднее время исторію этой полемики. Когда ученые исполнили главное, до очевидности объяснили достоинство своихъ древнихъ памятниковъ, явилась на сцену шутка, чтобы окончательно наказать непризваннаго скептика. Редакторъ Кугъ, за безъименностью автора, принимаемъ былъ вообще за сочинителя статей «Тагесбота»: студенты, встрѣчая новый годъ, прокричали ему: «pereat Krava»; другіе припомнили еврейское происхожденіе автора,— пражскіе евреи не пользуются особенной любовью чеховъ, потому что замѣчено, что изъ онѣмеченныхъ евреевъ выходятъ самые ревностные чехоѣды,—и всѣ обстоятельства спора дали поводъ къ разнымъ выходкамъ противъ неизвѣстнаго рыцаря, иногда очень забавнымъ. Противъ Куга спеціально вооружился юмористическій журналъ «Рюбецаль», родъ пражскаго Кладдерадача; онъ тогда только что началъ выходить и въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ помѣстилъ слѣдующее извѣстіе объ отличіи, данномъ неизвѣстному писателю:

«Нюренбергскій музей (извѣстный музей съ нѣмецкими древностями) рѣшилъ поставить прочный памятникъ уже совершившемуся факту открытія подложности Краледворской рукописи. «Тагесботъ» за 1858 годъ будетъ тамъ поставленъ въ драгоцѣнномъ переплетѣ изъ свиной кожи, и въ залѣ библіотеки повѣшенъ будетъ портретъ въ настоящую величину побѣдоноснаго опровергателя рукописи, между Моисеемъ Мендельсономъ и Бенъ-Маймонидесомъ. Какъ говорятъ, въ Прагу уже отправился живописецъ Больцъ, по другимъ извѣстіямъ Эберль, чтобы снять съ натуры портретъ сочинителя извѣстныхъ статей въ «Тагесботѣ».

Черезъ нѣсколько строкъ другого содержанія стоитъ слѣдующій avis:

«Мы рисуемъ не только картины съ животными, коровъ (Kühe) и т. д.» Больцъ и Эберль, Thiermaler.

Тотъ же листокъ извѣщалъ потомъ, что извѣстная газета предлагаетъ, чтобы на фонтанѣ въ Краледворѣ, гдѣ поставлена была нѣсколько лѣтъ тому назадъ статуя Забоя (чешскаго героя, упоминаемаго въ Краледворской рукописи), помѣстить другое изображеніе, потому что Забой уже уничтоженъ вмѣстѣ съ Краледворской рукописью; Забоя могъ бы

замѣнить Іуда Маккавей, Мозесъ Монтефіаре или другая подобная знаменитость. Въ слѣдующихъ нумерахъ «Рюбецаль» продолжаетъ опять ту же матерію и объявляетъ, что экспедакторъ «Критическихъ Листковъ» Ганушъ,—какъ мы замѣтили, старавшійся прежде навлечь подозрѣніе на чешскіе памятники, и вслѣдствіе того навлекшій нѣкоторыя подозрѣнія на самого себя,—во вниманіе своихъ неутомимыхъ трудовъ, назначается «почетнымъ» сотрудникомъ «Тагесбота»; ему дается «почетное» сотрудничество потому между прочимъ, что его собственная журнальная дѣятельность кончилась только убыткомъ издателя... Наконецъ, чтобы уничтожить дурное впечатлѣніе всей этой исторіи, чехи вздумали устроить патріотическое представленіе въ театрѣ, которое бы имѣло связь съ ихъ древностью. Положено было приготовить живыя картины изъ одной поэмы Краледворской рукописи; полиція сомнѣвалась дать позволеніе, потому что думала видѣть въ этомъ *демонстрацію* противъ нѣмцевъ, но изъ Вѣны позволеніе было дано и 12-го декабря данъ былъ спектакль, въ которомъ были устроены живыя картины изъ «Ярослава». Театръ ломился отъ множества зрителей; спектакль былъ въ высшей степени занимателенъ; живыя картины, проектированныя чешскими художниками, удались превосходно. Одинъ изъ лучшихъ актеровъ чешскаго театра, Колларъ старшій, упомянутый нами прежде, какъ драматическій писатель и романистъ, явился на сценѣ въ костюмѣ древняго пѣвца и декламировалъ одну изъ прекрасныхъ поэмъ Краледворской рукописи, разсказывающую о побѣдѣ надъ татарами. Это рецитированіе прерывалось три раза живыми картинами, которыя чрезвычайно эффектно выполняли разныя сцены, описанныя въ поэмѣ. Первая сцена изображала гибель монгольской княжны Кублаевны съ ея свитой; на второй представлены были утомленные боемъ и отдыхающіе чешскіе воины; на третьей пораженіе татаръ у Оломуца. Картины были обдуманы и выполнены съ большимъ искусствомъ; вся публика была въ единодушномъ восторгѣ: ей дорого было одно изъ немногихъ національныхъ удовольствій, какія еще уцѣлѣли для нея.

Такимъ образомъ споръ приходилъ къ разрѣшенію; неизвѣстный авторъ статьи скрывался отъ насмѣшекъ и презрѣнія и уже не подавалъ голоса въ «Тагесботѣ». Только изрѣдка появлялись въ Кёльнской газетѣ корреспонденціи изъ Праги, весьма нелюбезно относившіяся къ этому вопросу и чехамъ и повторявшія старую клевету. Когда нельзя было

доказать, что Ганка сочинилъ Краледворскую рукопись, корреспондентъ утверждалъ, что по крайней мѣрѣ не ему принадлежитъ открытіе ея. Отъ 20-го декабря въ Кёльнской газетѣ слѣдующимъ образомъ писали о положеніи дѣла: «Г. Ганка, первый издатель Краледворской рукописи, которому до сихъ поръ несправедливо приписываютъ ея открытіе, подалъ жалобу на г. Куга, редактора того журнала, гдѣ недавно подняты были сомнѣнія въ подлинности этого и другихъ пергаментовъ,—жалобу, какъ противъ клеветника. Въ журналѣ именно указанъ былъ фактъ, конечно странный въ подобномъ случаѣ, что уже нѣсколько времени велся изъ Праги съ извѣстной сѣверной столицей формальный вывозный торгъ старо-чешскими рукописями; хотя бы даже рукописи были и подлинны, обстоятельство это показываетъ болѣе меркантильныя, чѣмъ патріотическія стремленія; но при страшно большомъ количествѣ превращенныхъ въ деньги отечественныхъ сокровищъ можетъ по крайней мѣрѣ явиться подозрѣніе, подлинны ли они. Теперь г. Ганка, этотъ торговецъ рукописями, вознагражденный разными русскими украшеніями, увидѣлъ въ этомъ оскорбительное заподозрѣніе своей личности, какъ будто бы онъ былъ обманщикъ, и отсюда одна жалоба. Но другія лица думали еще, что сомнѣніе въ подлинности Краледворской рукописи *и проч.* есть позоръ для чешскаго народа и возбужденіе національностей, чешской и нѣмецкой, другъ противъ друга, и такъ какъ это отмѣчено закономъ, какъ преступленіе, то они хотѣли призвать правосудіе государства противъ г. Куга, и потому вторая жалоба. Слѣдовательно, г. Кугъ долженъ будетъ выдержать два уголовные процесса, изъ которыхъ второй, сколько мы знаемъ по крайней мѣрѣ, будетъ въ то же время первымъ въ своемъ родѣ въ Австріи. Уже идетъ слѣдствіе, которое занимается предварительно тѣмъ, чтобы констатировать на мѣстѣ фактъ находки, произведенной въ Краледворѣ». Корреспондентъ продолжаетъ говорить, что защита памятниковъ чешскими учеными предпринята, къ сожалѣнію, не для того, чтобы привести къ научному рѣшенію вопроса, а только чтобы обвинить скептика въ crimen majestatis. Мы говорили, что, напротивъ, полемика имѣла единственную пользу въ томъ, что чешскіе ученые дали нѣсколько новыхъ изслѣдованій съ дѣйствительнымъ ученымъ интересомъ. Наконецъ, уже послѣ моего отъѣзда изъ Праги, разрѣшилось и давнишнее недоумѣніе о первомъ появленіи «Любушина Суда», недоумѣніе, бывшее одной изъ главныхъ причинъ

недовѣрія, съ которымъ встрѣтили этотъ памятникъ славянскіе ученые, Добровскій, Копитаръ, Палковичъ. Я упоминалъ уже, что рукопись «Любушина Суда» прислана была въ 1818 г. въ Чешскій Музей, или, лучше сказать, на имя гр. Коловрата для Музея, при безыменномъ письмѣ: неизвѣстный корреспондентъ боялся сказать свое имя, потому что зависѣлъ отъ человѣка, вовсе не любившаго чешской народности, но въ то же время желалъ сохранить древній чешскій памятникъ, содержанія котораго онъ впрочемъ не умѣлъ понять. Обстоятельство очень вѣроятное, но тогда оно показалось подозрительнымъ; Добровскій не хотѣлъ слышать о «Любушиномъ Судѣ» и рукопись нѣсколько времени оставалась какъ будто забытою. Изданіе Шафарика и Палацкаго должно было открыть глаза всѣмъ сомнѣвавшимся, и Копитаръ не рѣшался нападать на памятникъ, комментированный знаменитыми учеными. О лицѣ неизвѣстнаго корреспондента дѣлали разныя предположенія, даже называли его иногда, но безъ положительныхъ основаній. Въ февралѣ нынѣшняго года профессоръ пражскаго университета Томекъ, управляющій дѣлами Чешскаго Музея, получилъ отъ одного деревенскаго священника, недалеко отъ Зеленой-Горы и Стяглава, подробную исторію этой находки. Священникъ, человѣкъ мало знакомый съ литературой, считалъ эту исторію давно извѣстною и теперь только узналъ, что о происхожденіи рукописи идутъ споры и ничего хорошенько неизвѣстно. Онъ разсказываетъ, совершенно согласно съ приведенными выше обстоятельствами, что рукопись найдена была въ одномъ зеленогорскомъ подвалѣ нѣкимъ Іосифомъ Коваржемъ, умершимъ уже казначеемъ или управителемъ князя Іеронима Коллоредо-Мансфельдта. Коваржъ показывалъ рукопись, въ которой самъ ничего не понималъ, тамошнимъ ученымъ людямъ и узналъ отъ нихъ, что это можетъ быть интересно для Музея; онъ боялся однако сдѣлать публично подобную посылку, потому что его патронъ чеховъ не любилъ, и отправилъ ее съ безыменнымъ письмомъ. Старый Коваржъ уже умеръ, но до сихъ поръ живъ одинъ капланъ, читавшій рукопись еще тогда, когда она была только что найдена. Таковы факты этой простой и совершенно вѣроятной исторіи. Нѣмецкія газеты, конечно, по внушеніямъ пражскихъ доброхотовъ, сомнѣвались и здѣсь, но мысль о подлогѣ становится уже комична и можетъ явиться только въ упрямой головѣ: всѣ эти люди, среди которыхъ явилась рукопись въ 1817 г., не умѣли даже хорошенько

разобрать манускрипта *). Теперь въ высшей степени интересно, какимъ образомъ почтенный пражскій судъ разрѣшитъ процессъ объ этомъ дѣлѣ, столько важномъ для новаго движенія чешской литературы: уступитъ ли онъ общественному мнѣнію чеховъ или оправдаетъ человѣка, такъ оскорбительно поступившаго съ лучшими именами чешской націи?

Читатель оцѣнитъ теперь тѣ международныя отношенія, при которыхъ существуетъ новѣйшая чешская литература. Кромѣ непріязненныхъ встрѣчъ въ родѣ вышеописанной, эти отношенія произвели въ чешскомъ литературномъ мірѣ, какъ и во всей общественной жизни, своеобразное раздвоеніе: образованный чехъ, даже образованный нѣмецъ, находитъ у себя двѣ нравственныя родины; по своему воспитанію онъ признаетъ въ себѣ присутствіе нѣмецкаго элемента, происхожденіе и патріотизмъ дѣлаютъ его исключительнымъ чехомъ. Мы нерѣдко встрѣчаемся съ чехами, какъ съ нѣмецкими писателями, и съ нѣмцами, потерявшими обыкновенную нѣмецкую нетерпимость и проникнутыми истинно-чешскимъ патріотизмомъ. Примѣръ послѣдняго мы видѣли прежде въ графѣ Лео Тунѣ, въ прежнія времена ревностномъ защитникѣ чешскаго развитія; назовемъ нѣсколько подобныхъ дѣятелей изъ новѣйшаго времени. Чехъ Герлошъ (Herlossohn) весь вѣкъ писалъ нѣмецкіе романы изъ чешской исторіи и подъ конецъ жизни жалѣлъ, что не сдѣлался чешскимъ писателемъ; Фердинандъ Миковецъ, прекрасный чешскій драматургъ и журналистъ, извѣстенъ и своими нѣмецкими сочиненіями; Зигфридъ Капперъ, написавшій нѣмецкую эпопею о князѣ Лазарѣ, сдѣлавшій недавно прекрасный, можетъ быть, лучшій нѣмецкій переводъ «Любушина Суда» **), есть

---

*) Мы уже упоминали, какъ относятся къ тому предмету *Allgemeine* и *Kölnische Zeitung*, двѣ изъ газетъ, наиболѣе распространенныхъ въ Германіи. Въ послѣднее время, до костей австрійскій нѣмецъ, историкъ Бюдингеръ напечаталъ въ «Историческомъ журналѣ» Зибеля, въ Мюнхенѣ, статью въ тонѣ Куга, подъ заглавіемъ: *Die Königinhöfer Handschrift und ihre Schwestern* (Крал. рукопись и ея сестры). Неужели и такіе люди, какъ знаменитый Зибель, вѣрятъ наглой клеветѣ? Читатель можетъ видѣть, какъ далеко идетъ нѣмецкая нетерпимость. Мнѣ пишутъ изъ Праги, что профессоръ Томекъ въ особенной книгѣ изложитъ исторію этого спора съ надлежащими объясненіями. Чешскія газеты уже отвѣчали, какъ слѣдуетъ Бюдингеру.

**) Если не ошибаемся, онъ уже передалъ этотъ замѣчательный переводъ въ руки Ганки, который безъ сомнѣнія скоро издастъ его въ свѣтъ.

въ то же время чешскій лирикъ; нѣмецкій писатель Венцигъ всю свою дѣятельность посвятилъ однако чешской литературѣ, съ которой до сихъ поръ продолжаетъ знакомить нѣмцевъ своими переводами; самъ Палацкій началъ писать свою исторію по-нѣмецки; въ послѣднее время Шафарикъ, кажется, исключительно выбралъ нѣмецкій языкъ для своихъ сочиненій. Наконецъ для сколькихъ людей эта встрѣча двухъ національностей кончается совершеннымъ забвеніемъ своей чешской народности; у многихъ очень трудно въ точности опредѣлить, къ какой изъ двухъ народностей они принадлежатъ. Этотъ вопросъ о чешской національности превращается иногда въ трагическую дилемму, и съ этой стороны онъ нашелъ себѣ прекрасное выраженіе у одного изъ талантливѣйшихъ нѣмецко-чешскихъ поэтовъ настоящаго времени, Альфреда Мейснера: его «Жижка» *) представляетъ поэтичную апотеозу одной изъ величавыхъ эпохъ чешской исторіи и очень любопытенъ съ другой стороны для опредѣленія отношеній современнаго чехизма. Оригинальная муза Мейснера у насъ малоизвѣстна, и я позволю себѣ привести въ переводѣ нѣсколько строфъ изъ его заключительной пѣсни, гдѣ онъ отъ драматическихъ временъ Жижки обращается къ современной Чехіи и съ печалью смотритъ на ея упадокъ и угнетеніе. Поэтъ кончилъ свои пѣсни, и когда оглянулся на нынѣшнюю Чехію, ему показалось, что онъ стоитъ у смертнаго одра великаго народа.

«Да, великаго народа! Ты, чужая кровь, ты конечно не можешь прочесть въ пѣсняхъ, какъ великъ былъ этотъ народъ въ старое время, какъ кротокъ, какъ мученически святъ былъ онъ въ своей смерти. Никакое сердце поэта не имѣетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы показать, какъ ты страдалъ; какъ въ то время, когда весь міръ кругомъ лежалъ въ дремотѣ, ты, великодушная Чехія, боролась за свѣтъ. Это знаетъ только тотъ, чья родина эта нива, кто рано ступалъ по этой святой почвѣ, и сердце влечетъ его еще разъ принести въ пѣснѣ свою мольбу предъ алтаремъ славной старины.

«Здѣсь былъ первый очагъ священнаго огня, здѣсь стоялъ ковчегъ перваго свѣта; на кострѣ, погубившемъ Гуса, Лютеръ и Гуттенъ зажгли свои факелы; слово, которое еще и нынѣ движетъ міромъ и останется на всѣ времена лозунгомъ свободы, здѣсь было въ первый разъ сказано, въ пер-

*) *Ziska, Gesänge von Alfred Meissner. 7-te Aufl. Leipzig*, 1856.

вый разъ услышано, вызвало народъ къ небывалому бою. И хотя то слово даже въ этой странѣ погибло въ горестной, не имѣющей себѣ подобныхъ битвъ, но предчувствіе свободы не ушло съ нимъ въ могилу; оно продолжаетъ бороться подъ другимъ знаменемъ и теперь».

Такъ понимаетъ онъ чешское возрожденіе и переноситъ на него всѣ симпатіи, которыя пробудила въ немъ славная пора чешской исторіи, но настоящее пугаетъ его. Страна, нѣкогда столь одушевленная, наполненная благороднымъ человѣчественнымъ движеніемъ, теперь нѣма и уныла; страна Гуса наполнена суевѣріями и попами, родина Жижки отдана угнетенію и нуждѣ, вмѣсто звуковъ оружія могильная тишина, вмѣсто полной жизни окостенѣвшая смерть. Печальную картину онъ заключаетъ сильными словами:

Wo einst die Taboritenschlacht gewettert
Für's Recht der Armen, geht der Robotpflug,
Hoch in den Lüften eine Lerche schmettert,
Dass Alles gut sei—Herr, des Hohn's genug!

«Богатый радостями и печалями,—продолжаетъ поэтъ,—я шелъ черезъ прекрасную страну, защищенную лѣсами и горами, и подслушивалъ въ мнимо-умершемъ біеніе сердца, я прикладывалъ руку къ каждому куску земли. Еще бьется кровь глубоко въ сердцѣ, источники жизни совершаютъ свой бѣгъ. Часто, сквозь сонъ, съ невыразимой печалью взглядываетъ страна на синее небо. Но удастся ли спасти это сердце? Встанетъ ли больной твердо для новаго свѣта? Теперь онъ двигается безпокойно на своемъ ложѣ; подойдетъ ли къ нему его спаситель? Я не знаю.

«Но я знаю, придетъ еще день, когда эта страна поднимется на борьбу, на послѣднюю борьбу; когда она, чтобы разорвать околдованныя сѣти, еще разъ впуститъ когти въ тѣло брата; день битвы, какъ чаша до краевъ переполненный печалью и страданіемъ, день, когда битва должна рѣшить, долженъ ли наконецъ побѣдить нѣмецъ или чехъ. Но я не хочу знать, какъ разрѣшится этотъ кровавый день: я радуюсь, что тогда уже долго мой холодный трупъ будетъ лежать въ холодной землѣ.

«Свободный пѣвецъ, отпрыскъ нѣмецкой крови, но вѣрный родинѣ въ ея страданіяхъ, всегда стоявшій союзникомъ слабѣйшаго, какъ сталъ бы онъ тогда въ войско сильнаго? Онъ всегда вѣрно сражался за народность; справедливость была его лозунгомъ,—могъ ли бы онъ, перебѣжавши въ толпу

притѣснителей, стоять за неправое дѣло и заблужденія нашего времени? Онъ долженъ былъ бы обратить мечъ на собственную грудь, собственною смертью искореняя раздоръ, когда бы онъ увидѣлъ передъ собой жертву съ воздѣтыми руками, братьевъ здѣсь, и братьевъ тамъ...»

Поэтъ—нѣмецъ; но, какъ читатель видитъ, онъ горячо любитъ свою чешскую родину, въ сердцѣ его борются два начала, которымъ принадлежитъ онъ одинаково и которыя не могутъ примириться, и самое тяжелое въ его чувствѣ есть его грустное сомнѣніе въ томъ, поднимется ли къ новой полной жизни чешская народность, любимая имъ, какъ богатое преданіе, какъ народность его угнетенной родины, какъ предчувствіе и стремленіе къ свободѣ. Его сомнѣніе идетъ не отъ холоднаго, безучастнаго скептицизма, а изъ печальнаго опыта, который до сихъ поръ убѣждалъ его въ несоединимости двухъ враждебныхъ началъ,—и тѣмъ тяжеле ложится на душу это сомнѣніе. Мейснеръ представляетъ небольшую часть образованныхъ нѣмцевъ, которая исполняетъ требованія справедливости въ отношеніи къ чехамъ и даже симпатизируетъ ихъ стремленіямъ, понимая ихъ благородный характеръ; онъ былъ поэтомъ тѣхъ, которые въ 48-мъ году открыто стали на сторону чеховъ, чье правдивое чувство возмущалось сначала угнетеньемъ, потомъ предательствомъ. Но увы! такихъ людей еще немного.

Еще болѣе тяжелый камень преткновенія, чѣмъ національная нетерпимость нѣмцевъ, составляетъ для чеховъ бюрократическая и абсолютная реакція, изъ которой удобно объясняется довольно мрачная апатія чешской литературы послѣ 48-го года. Но въ то же время нельзя не согласиться, что нынѣшнее молодое поколѣніе до сихъ поръ не выставило ни одного сильнаго таланта. Вспышка чешской національности привела цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, которые на своихъ плечахъ вынесли ея дѣло; но теперь не видно людей, которые бы съ той же энергіей продолжали трудъ, начатый Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкой и другими. Не ограничится ли дѣло одной вспышкой, спрашиваютъ скептическіе наблюдатели чешской литературы; не обнаружится ли здѣсь извѣстный недостатокъ гражданской стойкости, отличающей славянское племя? Но прежде всего намъ кажется неестественнымъ, чтобы такое живое начало, какъ начало чешскаго движенія, могло опять заглохнуть,— это была бы историческая безсмыслица: если оно удержалось тогда, когда у него не было почти никакихъ посторонникъ

связей, то много вѣроятности, что въ настоящее время оно должно еще болѣе окрѣпнуть, когда открывается перспектива болѣе дѣятельной литературной взаимности. Появленіе сильныхъ талантовъ есть дѣло случая, и если чешская литература, кромѣ прежнихъ, не имѣетъ новыхъ дѣятелей первостепенной силы, то взамѣнъ того въ ней гораздо выше прежняго стоитъ общій уровень образованія въ національномъ смыслѣ. Общество можетъ насчитать много горячихъ патріотовъ, «народовцевъ» по выраженію чисто-чешскому, представляющему смыслъ патріотизма именно національнаго; эта любовь къ народности и при небольшихъ средствахъ способна сдѣлать большіе успѣхи. Обезпечивши свое существованіе, литература приняла теперь въ отношеніи къ народу характеръ воспитателя, и въ этомъ направленіи она уже могла бы дѣйствовать очень положительно, если бы австрійская цензура не заставляла ее безпрестанно оглядываться. Послѣ 48-го года, отстранившаго это препятствіе, у чеховъ вдругъ явилось прекрасное развивающее чтеніе для народа: дѣятельность Гавличка, распространявшаго въ своемъ народѣ здравыя политическія и общественныя понятія, имѣла большое и существенное достоинство. Между многими другими назовемъ также Лудвига Риттерсберга, который въ 1850 году одинъ началъ издавать замѣчательный конверсаціонный словарь преимущественно политическаго содержанія: онъ прекрасно знакомилъ массу съ европейскими и славянскими событіями и людьми современной исторіи; но либеральное направленіе было причиной, что и этотъ словарь, дошедши до половины, былъ запрещенъ. И теперь чешскіе ученые, хотя насильственно удаленные отъ общественныхъ вопросовъ, постоянно трудятся для двухъ главныхъ задачъ— изслѣдованія своей національности и усвоенія чешской литературѣ результатовъ науки, издаютъ чешскіе учебники и популярныя книги; напр., для естественныхъ наукъ чехи имѣютъ прекрасные труды проф. Пуркинье, Крейчаго, Станка, Кодима и др. Недавно, къ этимъ почтеннымъ именамъ присоединился молодой чешскій ученый, Войтехъ Шафарикъ, сынъ знаменитаго славяниста, издавшій замѣчательное, какъ мы слышали, изложеніе химіи на чешскомъ языкѣ. Упомянемъ здѣсь и объ одномъ приготовляемомъ трудѣ, въ которомъ принимаютъ участіе многіе изъ чешскихъ писателей и который безъ сомнѣнія будетъ очень интересенъ и для русскихъ ученыхъ по славянской части; это изданіе довольно обширнаго чешскаго конверсаціоннаго словаря, гдѣ славянскіе

предметы будутъ занимать важное мѣсто; имя редактора, Ладислава Ригера обѣщаетъ трудъ несомнѣнной важности.

Чешская литература народна и въ томъ смыслѣ, что многіе лучшіе люди ея вышли и выходятъ изъ самого народа, изъ той свѣжей части націи, которая осталась наиболѣе вѣрна языку и преданьямъ: изъ нея вышли Колларъ, Юнгманъ, Челяковскій, Шафарикъ, Ганка и много другихъ защитниковъ народности. Пріобрѣтая себѣ болѣе и болѣе кліентовъ въ народѣ, литература исполняетъ одно изъ благороднѣйшихъ своихъ назначеній; но имѣя дѣло съ народомъ, она не владѣетъ большими матеріальными средствами и это не мало вредитъ ея успѣхамъ. Масса читателей, которая представляется ей, невелика, и литература вслѣдствіе того принимаетъ отчасти миніатюрные размѣры. Книги и журналы очень дешевы, чтобы быть доступными самому небогатому покупателю; напр., «Часописъ» Чешскаго Музея стоитъ только два гульдена, т.-е. меньше полутора рублей; «Люмиръ», лучшій беллетристическій журналъ чешскій, стоитъ около четырехъ рублей и то съ преміей, которая одна стоитъ два гульдена. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень невеликъ и литературный гонорарій: въ «Часописѣ» онъ доходитъ до двадцати гульденовъ, цифры уже значительной. Вотъ еще примѣръ изъ экономической стороны чешской литературы, который былъ для меня очень занимателенъ. Въ декабрѣ прошлаго года чешскія газеты объявляли, что молодые граждане города Писка отдали въ редакцію журнала «Путникъ отъ Отавы» тридцать златыхъ (гульденовъ), чтобы они были выданы тому, кто напишетъ для этого журнала лучшую повѣсть изъ исторіи города Писка или по крайней мѣрѣ того края: повѣсть не должна быть болѣе трехъ, но не менѣе двухъ печатныхъ листовъ «Путника» и кромѣ того должна быть прислана въ редакцію *франко*. Чешскіе литераторы вообще очень не богаты, потому что литературная и педагогическая дѣятельность, которыя они обыкновенно соединяютъ, принадлежатъ къ числу наименѣе выгодныхъ въ денежномъ отношеніи занятій; большею частью они живутъ очень скромно, нуждаясь иногда въ необходимѣйшихъ книгахъ, но при всемъ томъ эта жизнь проходитъ часто въ неутомимомъ трудѣ, исполняемомъ съ безкорыстной любовью къ наукѣ и къ народу.

Такова, напр., немногосложная біографія умершаго недавно чешскаго лексикографа Шумавскаго, ревностнаго панслависта, предлагавшаго теорію всеславянскаго языка, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ. Іосифъ-Франта Шумав-

скій принадлежалъ къ поколѣнію старѣйшихъ чешскихъ писателей. Онъ родился въ 1796 г. около Клатова; родители его заботились о воспитаніи своихъ дѣтей, но они были бѣдны и не разсчитывали посылать Іосифа дальше обыкновенной сельской школы. Несмотря на то, ему удалось попасть въ клатовскую гимназію. Однажды капланъ, занимавшій должность учителя, отобравши лучшихъ учениковъ своихъ, вздумалъ учить ихъ по-нѣмецки; одна деревенская протекція доставила Шумавскому случай бывать на этихъ урокахъ, и онъ усердно учился въ свободное время, которое оставалось ему отъ пасенія коровы и другихъ подобныхъ занятій. Иногда онъ забѣгалъ утромъ къ патеру, отдавалъ ему сдѣланный урокъ и потомъ отправлялся работать въ огородѣ или чинить дорогу. Въ одно прекрасное утро добрый патеръ, замѣтившій способности парня.—Шумавскому было уже за шестнадцать лѣтъ,—предложилъ ему отправиться на экзаменъ въ Клатовъ: «авось паны увидятъ, что ты знаешь кое-что, и тебѣ можно будетъ продолжать ученье дальше». Экзаменъ совершенно удался и патеръ тутъ же записалъ Шумавскаго въ гимназію; родители согласились отпустить его, когда узнали, что имъ ничего не нужно будетъ платить за сына. Патеръ устроилъ кое-какъ новаго гимназиста въ Клатовѣ: одни согласились дать ему квартиру за маленькія послуги, за чищенье сапоговъ и т. п., другіе давали ему обѣдъ. Съ 1817 года ему сталъ платить небольшую стипендію графъ Рудольфъ Чернинъ. Въ 1819 году, окончивши гимназическій курсъ, Шумавскій переѣхалъ въ Прагу, штудировалъ философію, слушалъ у Яна Неѣдлаго курсъ чешскаго языка и литературы, поступилъ далѣе въ Еммаузскій монастырь для изученія теологіи; но въ 1825 году разстался съ нимъ и исключительно отдался педагогическимъ занятіямъ и литературѣ. Нѣсколько времени онъ былъ корректоромъ въ архіепископской типографіи, гдѣ тогда печатался большой словарь Юнгманна, но главнымъ занятіемъ его осталось преподаваніе: онъ училъ чешскому языку дома, въ школахъ, въ гимназіяхъ, и составилъ себѣ большую репутацію въ этомъ дѣлѣ. Распространеніе чешскаго языка было одной изъ главныхъ заботъ его, и онъ училъ ему иногда безплатно, напр., въ Софійской Академіи. Шумавскій принималъ участіе въ разныхъ чешскихъ журналахъ, писалъ грамматики, хрестоматіи, первоначальныя руководства, и въ его наставленіяхъ о преподаваніи языка найдется много умныхъ практическихъ замѣчаній. Главнымъ трудомъ его была лексикографія; чехи

очень хвалятъ его чешско-нѣмецкій и нѣмецко-чешскій словарь. Передъ концомъ жизни онъ началъ заниматься составленіемъ обширнаго всеславянскаго словаря, и издалъ уже первые четыре выпуска, но смерть остановила его работу. Онъ умеръ въ декабрѣ 1857 года, въ большой бѣдности. Шумавскій былъ горячій патріотъ и пользовался большой любовью со стороны тѣхъ, кто его зналъ; мы слышали о немъ теплыя воспоминанія пражской молодежи. Въ своей лексикографической дѣятельности Шумавскій явился жаркимъ поборникомъ мысли о всеславянскомъ языкѣ; для ея распространенія предпринятъ былъ имъ огромный трудъ составленія всеславянскаго словаря. Мысль о всеславянскомъ литературномъ языкѣ въ той или другой формѣ уже давно появилась между славянскими учеными. Въ самомъ дѣлѣ, для славянскихъ литературъ нашего времени вопросъ объ общемъ литературномъ языкѣ,—который можетъ пожалуй показаться фантастическимъ,—есть вопросъ великой важности. Новое возрожденіе обняло вдругъ всѣ славянскія племена, большія и малыя, имѣвшія свою блестящую исторію и совсѣмъ безъ исторіи; все бросилось къ изученію народности и народность предъявила свои права въ каждомъ славянскомъ углу. Явилось необычайное разнообразіе родственныхъ, но тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ литературъ, языковъ, азбукъ, правописаній, въ которыхъ можетъ чувствовать себя дома только привычный спеціалистъ. Чешская литература имѣла наиболѣе оправданныхъ исторіей основаній для нынѣшней дѣятельности; она уже прежде достигла замѣчательной степени развитія, но литературныя стремленія явились также у хорутанъ, хорватовъ, галичанъ, лужичанъ, сербовъ, болгаръ, словаковъ. Когда мы говорили объ историческихъ основаніяхъ чешской литературы, мы не думали отрицать за всѣми остальными народами права создавать свою литературу: они имѣютъ его вполнѣ и могутъ существовать справедливо, если уже могли составиться и поддерживаться,—мы хотѣли только сказать, что предыдущая исторія даетъ болѣе корней для новой литературы, и потому неудивительно, напримѣръ, что чешская литература заняла безспорно первое мѣсто между другими южно-славянскими, потому что издавна имѣла свои Любушины Суды, Краледворскія рукописи, своихъ Штитныхъ, Гусовъ, Каменскихъ. Но чѣмъ можетъ быть лужицкая литература, литература языка, которымъ говорятъ едва полтораста тысячъ человѣкъ, и то раздѣленныхъ на два отдѣльныхъ нарѣчія? Они не захотѣ-

ли присоединиться въ литературѣ къ большому народу чешскому. Мало того: словацкое племя, давно жившее въ этомъ соединеніи, давно имѣвшее чешскій языкъ языкомъ книги, желаетъ имѣть свою особенную словесность: являются Бернолакъ, Годжа, Штуръ, пишутъ словацкія книги, и раздѣленію конца нѣтъ. Эти литературы стараются каждая поддержать свое существованіе, и само собою разумѣется, что чѣмъ больше будутъ стремиться врозь эти отдѣльныя литературы,—если можно назвать литературой десятокъ книгъ словацкихъ, десятокъ книгъ лужицкихъ и т. п.,—тѣмъ слабѣе будетъ цѣлое движеніе. Это докажется весьма просто раздробленіемъ силъ и недостаткомъ людей. Какой-нибудь спеціалистъ можетъ радоваться на эти маленькія словесности, можетъ дорожить ими, потому что это смѣшеніе языковъ будетъ удовлетворять его филологическому сладострастію; но эта небольшая литература всегда останется на младенческой степени, будетъ довольствоваться сказочками, интересными для селянина, учеными предметами, доступными его понятіямъ. Выходя за предѣлъ ихъ, писатель уже не имѣетъ родного языка; у него нѣтъ терминологіи, нѣтъ даже необходимости писать на своемъ языкѣ, онъ не найдетъ читателей. Ему останется два выхода—или опять присоединиться къ болѣе сильной славянской литературѣ, или къ нѣмецкой; многіе выбираютъ послѣднее. Панслависты скажутъ, что сила общаго происхожденія племенъ соединяетъ литературы разныхъ нарѣчій, взаимность поддерживаетъ вліяніемъ родства каждую изъ нихъ,—одна изъ многихъ фразъ, которыя говоритъ панславизмъ и содержанія которыхъ онъ не хочетъ понять простымъ практическимъ образомъ. Должны же они согласиться, что литература сильна только той массой, на которую дѣйствуетъ ея голосъ, что отвлеченныхъ литературъ не существуетъ; но какому числу образованныхъ славянъ доступенъ до сихъ поръ сильнѣйшій изъ славянскихъ языковъ, русскій? Отвѣтомъ на этотъ простой вопросъ могло бы, по нашему мнѣнію, удобно опредѣлиться положеніе панславистскаго дѣла; но кто изъ нашихъ панславистовъ рѣшится отвѣчать на него прямо и согласиться въ слабости дѣла, которое они считаютъ уже порѣшеннымъ и съ гордостью выставляютъ противъ своихъ антагонистовъ, обвиняемыхъ ими въ «европейскихъ» стремленіяхъ? Тотъ же вопросъ можетъ принять для настоящаго времени другой, болѣе рѣшительный

оборотъ: въ какой же области литературы, кромѣ чисто ученой, ограниченной сферы, возбуждается серьезный общеславянскій интересъ? Наши исторіи различны, наши обстоятельственныя отношенія, наше славянское образованіе представляютъ всѣ степени отъ европейской цивилизаціи чеховъ до восточнаго застоя и невѣжества какого-нибудь болгарскаго или сербскаго потурченина. Если предположить даже знаніе разныхъ славянскихъ нарѣчій, для серба или хорвата пропадаютъ красоты поэтическаго созданія, прелесть котораго неотразима для насъ; мы не можемъ принимать никакого участія, кромѣ участія спеціалиста, въ тѣхъ младенческихъ попыткахъ, которыя дѣлаетъ словацкая литература. О славянской взаимности лучше продолжать говорить еще въ будущемъ времени... Эта запутанность нарѣчій, недостатокъ литературнаго средоточія, которое дѣйствовало бы на всѣ части и въ которомъ бы всѣ могли имѣть свою долю, привело многихъ ученыхъ славянъ къ мысли объ общемъ литературномъ языкѣ: они невольно должны были сознаться въ слабости панславизма, какъ развился онъ самъ по себѣ. Колларъ еще не думалъ о всеславянскомъ литературномъ языкѣ: онъ принималъ существующія нарѣчія и полагалъ, что всѣ они вмѣстѣ (по крайней мѣрѣ четыре главныхъ) составятъ одно цѣлое, сохраняя свои особенности, какъ древніе греческіе діалекты. Другіе не удовлетворялись этимъ разъединеніемъ и думали, что если славяне должны имѣть общій языкъ, а они должны имѣть его для успѣха всеславянской цивилизаціи, то имъ должно сдѣлаться не какое-нибудь слабое численно нарѣчіе или нарѣчіе искусственное, а языкъ живой, сильный, съ богатой и развитой литературой, притомъ языкъ народа, сильнаго политически, не имѣющаго нужды защищать свою народность отъ иноязычества, словомъ—это долженъ былъ быть языкъ русскій. Народныя нарѣчія могутъ продолжать свое существованіе для первыхъ потребностей народа, но для каждаго образованнаго славянина русскій языкъ долженъ былъ быть языкомъ центральнымъ, въ которомъ онъ соединялся бы съ другими славянами. Мы знаемъ, что подобная мысль приходила въ голову не только славянамъ, болѣе близкимъ къ намъ по языку, но и нѣкоторымъ образованнымъ чехамъ, очень знакомымъ съ положеніемъ и силами своей литературы. Но если она естественно могла явиться у православныхъ сербовъ, которые уже имѣютъ въ своихъ церковныхъ книгахъ старославян-

скій языкъ, какъ переходъ къ русскому *), то для чеха вообще трудно согласиться на мысль о принятіи русскаго, какъ литературнаго языка,—это значило бы отказаться отъ продолженія своей собственной литературы, а онъ уже имѣетъ основанія нѣсколько гордиться ею. Въ самомъ дѣлѣ, чехъ Шумавскій придумалъ иную теорію всеславянскаго языка, которую онъ излагалъ въ брошюрѣ, вышедшей въ 1851 г. подъ заглавіемъ «Славянскій языкъ или мысли о всеславянскомъ письменномъ языкѣ». Именно, Шумавскій думалъ сдѣлать старославянскій языкъ центромъ, къ которому бы должны сойтись всѣ нынѣшнія племена. Сколько можно понять изъ его мыслей, обставленныхъ разными оговорками, это нарѣчіе должно быть образцомъ, по которому каждый народъ долженъ былъ бы опредѣлить и приноровить свою грамматику; съ нимъ долженъ познакомиться каждый образованный славянинъ; умѣя читать на этомъ языкѣ, онъ скоро могъ бы на немъ говорить и писать. Славяне отъ Шумавы и Урала, отъ Вислы и Дона создали бы себѣ идеальную грамматику и при встрѣчѣ могли бы легко понимать другъ друга. Шумавскій предчувствовалъ возраженія противъ своей теоріи и старался доказать ее, объясняя свойства старославянскаго языка, въ которомъ, какъ общемъ источникѣ, сходятся современныя нарѣчія; онъ желаетъ, чтобы изученіе этого языка шло постепенно, чтобы теорія всеславянскаго языка вошла въ школу, и тогда славянскій народъ будетъ, наконецъ, имѣть его. Потребность этого языка славяне уже чувствуютъ и онъ необходимо долженъ явиться: безъ него славянскій народъ не могъ бы выполнить своего призванія и для связи всего славянскаго племени его старое нарѣчіе можетъ служить наилучшимъ средствомъ. Тѣмъ, которые бы не повѣрили возможности этого, Шумавскій возражаетъ: «но какъ велика часть нѣмцевъ, пишущихъ такъ, какъ говоритъ? Не мала ли она въ сравненіи съ той, которая не говоритъ такъ, какъ пишетъ?» Но дѣло въ томъ, что у нѣмцевъ, не по теоріи, а историче-

*) Сербскій епископъ Іоанновичъ писалъ недавно объ этомъ предметѣ слѣдующими словами, которыя приводимъ буквально: «По моему и многихъ мнѣнію, вси Славяне должны бы были воспріяти писмена славенска (Кириллова), зане сія совершеннѣйша суть, и характеру языковъ славянскихъ наипаче сходствуютъ; иначе бо, аще вси при своемъ обычаи останемъ, рѣка россійская течетъ сильно и обильно, и не можетъ поклонитися потокомъ прочихъ славянъ; а потоцы безъ рѣки что суть и что есть тогда славенская взаимность?»

ски. превозмогло одно нарѣчіе, воспитанное литературой. нарѣчіе живое, нарѣчіе образованнаго класса: что же изъ этихъ началъ представляетъ старославянскій языкъ? Неподвижный языкъ старой книги, онъ потерялъ теперь всякое литературное значеніе; имъ никто не говоритъ, и не пишетъ даже у тѣхъ народовъ, для которыхъ онъ уцѣлѣлъ въ языкѣ церкви. Принимать старославянскій языкъ, значитъ то же, что принимать искусственный, выдуманный, а это физически невозможно; старославянскій языкъ не годится для нашего времени, потому что остановился на развитіи XI-го вѣка, не имѣетъ ни одной фразы для современной жизни. Заставить писать и говорить на этомъ языкѣ, возводить самыя нарѣчія къ языку мертвому, окончательно невозможно, какое бы уваженіе къ нему ни питали и мы, и всѣ западные славяне. Мысль Шумавскаго была совершенно фантастическая, выстроенная панславистскимъ увлеченіемъ; теорія его забыла справиться о томъ, въ какомъ положеніи находится этотъ языкъ въ настоящую минуту и есть ли у него какіе-нибудь шансы на возрожденіе... Въ связи съ этими идеями стоитъ трудъ, начатый Шумавскимъ около того же времени,—Всеславянскій Словарь; кромѣ словаря, соединеннаго съ другимъ языкомъ (нѣмецкимъ), онъ думалъ о словарѣ чисто-славянскомъ, гдѣ должны были быть собраны слова всѣхъ славянскихъ нарѣчій, собственно для употребленія славянина, который бы хотѣлъ читать книги на какомъ-нибудь изъ родственныхъ нарѣчій. Онъ успѣлъ въ 1857 г. издать только четыре выпуска нѣмецко-славянскаго словаря для шести главныхъ нарѣчій. Подробное объясненіе системы его читатель можетъ найти въ одной изъ книгъ «Русской Бесѣды», гдѣ излагалъ ее Гильфердингъ, который согласился самъ въ непрактичности системы. Шумавскому именно хотѣлось выставить въ словарѣ тѣсное родство нарѣчій и онъ изобрѣлъ особенное, довольно мудреное правописаніе, съ помощью котораго онъ старался въ одномъ словѣ совмѣстить нѣсколько разныхъ выговоровъ и для того долженъ былъ употреблять много значковъ, весьма затрудняющихъ чтеніе. При болѣе простой системѣ Всеславянскій Словарь можетъ быть очень полезнымъ пособіемъ. Теперь словарь продолжается сотрудникомъ Шумавскаго, трудолюбивымъ Ранкомъ; къ сожалѣнію, недостатокъ матеріальныхъ средствъ вѣроятно еще надолго задержитъ изданіе.

Другихъ занимаетъ мысль о введеніи къ западнымъ сла-

вянамъ кирилловской, т.-е. русской азбуки, отъ чего иные славянскіе патріоты надѣются великихъ успѣховъ, увѣряя, что славянскія нарѣчія раздѣлены только различіемъ письма. Быть можетъ, это было бы полезно, если бы было возможно, но во всякомъ случаѣ форма буквъ не даетъ знанія языка; если я не понимаю чешской фразы, написанной латинскими буквами, то я также не пойму ея, если она будетъ написана по-кирилловски...

Нынѣшняя эпоха чешской литературы до сихъ поръ сохраняетъ свои прежнія стремленія, но мало вноситъ новаго; это эпоха переходная, неопредѣленность которой усиливается еще гнетомъ австрійской цензуры. Вслѣдствіе принужденной недѣятельности, панславистскіе и народные интересы отчасти охладѣли. Преданья сорокъ восьмого года, которыя могли бы дѣйствовать одушевляющимъ образомъ, подверглись запрещенію и замолкли: въ Прагѣ трудно достать изданія этого времени, потому что они по возможности были конфискованы. Изъ обращенія и продажи пропали и остроумные сатирическіе листки того времени, и книжки патріотическихъ пѣсенъ, и изданія Гавличка; запрещенъ былъ и словарь Риттерсберга и патріотическая трагедія Коллара «Жижкова смерть»,—словомъ все, въ чемъ выразилась та дѣятельная и живая пора. Списокъ запрещеній наполняется новыми распоряженіями вѣнской высшей полиціи, и они почти излишни: этого рода книги не возбуждаютъ лихорадочнаго интереса, вызываемаго запрещеніемъ, и читаются только тогда, когда случайно попадутъ въ руки. Чешскій языкъ, права котораго защищались прежде при каждомъ удобномъ случаѣ, теперь неглижируется, и не только въ обществѣ, отъ котораго нельзя и требовать слишкомъ много, но и въ кругу ученомъ и литературномъ: мнѣ случалось нѣсколько разъ быть въ засѣданіяхъ «Королевскаго чешскаго Общества наукъ», къ которому принадлежатъ всѣ лучшіе чешскіе ученые, и каждый разъ всѣ чтенія и диспутаціи происходили на нѣмецкомъ языкѣ.

Мы до сихъ поръ еще не сказали ничего о чешскомъ театрѣ; какъ и все, онъ тоже находится въ принужденномъ состояніи. Я успѣлъ довольно хорошо познакомиться съ пражскимъ театромъ, посѣщая его постоянно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; онъ имѣетъ свои достоинства и могъ бы быть еще лучше, если бы ему не мѣшали исключительныя условія, въ которыя онъ поставленъ. Чешскій театръ имѣетъ мало матеріальныхъ средствъ, и только терпимъ подлѣ

нѣмецкаго; чехи не имѣютъ отдѣльной сцены и пользуются нѣмецкимъ театромъ Іосифа: они могутъ давать свои спектакли только по воскресеньямъ и по праздникамъ, и то отъ трехъ до семи часовъ, чтобы не помѣшать нѣмецкому представленію. Недавно чехи думали было выстроить для своего театра особенное зданіе, открылась уже подписка, но правительство остановило ее. Потребность чешскаго зрѣлища дѣйствительно велика; чешскій театръ всегда бываетъ полонъ до нельзя; въ провинціальныхъ городахъ безпрестанно составляются партіи охотниковъ и любителей, которые даютъ чешскіе спектакли. Демократизмъ новаго чешскаго образованія, указанный нами въ литературѣ, замѣчается и въ театрѣ; вы обыкновенно не увидите въ немъ ряда ложъ, занятыхъ нарядными дамами и изящными кавалерами; они здѣсь исключеніе; большинство публики изъ средняго класса; народъ наполняетъ верхніе ярусы и партеръ. Мѣста очень дешевы, какъ вообще въ европейскихъ театрахъ, но въ чешскомъ они особенно доступны для всѣхъ; напримѣръ, кресла, хотя бы въ первыхъ рядахъ, стоятъ не болѣе полгульдена, т.-е. около тридцати коп. сер. Между актерами нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ талантахъ, особенно комическихъ... Театръ бываетъ обыкновенно довольно яснымъ отраженіемъ общественной жизни, и на нынѣшнемъ чешскомъ театрѣ это замѣчаніе совершенно оправдывается: сдавленная общественная жизнь не допускаетъ на сцену живой пьесы, которая бы прямо коснулась дѣла, какъ не можетъ коснуться его самая литература. Пражскій театръ долженъ былъ отчасти принять общую физіономію австрійскаго театра, который я имѣлъ случай наблюдать въ Вѣнѣ, и о которомъ позволю себѣ маленькое отступленіе.

Вы знаете репутацію Вѣны: обитатели ея издавна извѣстны, какъ люди веселящіеся и добродушные, lebenslustig и gemütlich, хотя послѣднее качество начинаетъ исчезать у нихъ,—высшими вопросами тревожатся мало, веселятся въ Элизіумѣ, танцуютъ подъ музыку Штрауса, кушаютъ знаменитыя вѣнскія колбасы и шницели, и читаютъ въ кофейныхъ Wiener и Allgemeine Zeitung, два главнѣйшіе журнальные органы Австріи, характеръ которыхъ весьма знакомъ читателю даже по слуху. Въ дѣлѣ искусства, выраженія вѣнской публики и ея потребность—легкая музыка Штрауса и пьесы Нестроя, которыя распространяются иногда и по Германіи, но которыхъ истинная родина въ Вѣнѣ. Въ австрійскихъ театрахъ даются оперы, извѣстныя трагедіи

и драмы; въ комедіи допускается только осужденіе общечеловѣческихъ пороковъ, напр., скупость, расточительность и т. п. и совершенно индифферентныя каррикатуры, какъ пьесы Нестроя. Талантливѣйшій комикъ Вѣны составилъ себѣ нѣкотораго рода знаменитость своими пародіями и каррикатурами: онъ пародировалъ Тангейзера, Сандрильону и т. д., нѣкоторыя изъ его произведеній смотрѣлъ я и на чешской сценѣ. Между прочимъ я видѣлъ Нестроя въ его собственной пародіи: «Юдиоь и Олофернъ». Заглавіе пьесы и пѣніе Нестроя, игравшаго главное лицо, обѣщали нѣчто великолѣпное, и дѣйствительно, я смѣялся такъ, какъ мнѣ удавалось смѣяться только въ бульварномъ театрѣ Funambules въ Парижѣ и въ маленькомъ Санъ-Карлино въ Неаполѣ: трудно почти сказать, на которой изъ этихъ сценъ фарсъ зашелъ дальше. Поднимается занавѣсъ; зритель видитъ лагерь подъ Бетуліей, Олофернъ собирается взять городъ. Олофернъ (Нестрой) здоровый, красный, приземистый мужчина съ кровавыми глазами и черной бородой, напомнившей мнѣ самоваръ съ черной бородой у Гоголя, и повидимому испиваетъ; къ нему являются посланцы, величаютъ его мечомъ судьбы и т. д., Олофернъ выслушиваетъ все тупо и ругается. Въ другой сценѣ внутренность осажденнаго города; на сценѣ являются жители, не тѣ идеальные израильтяне, которыхъ описываетъ Мей въ своей «Юдиоп», а простые современные евреи съ ихъ пейсиками, ухватками, бѣгающими глазами и необыкновенной говорливостью; они трусятъ жестоко, но все еще не забываютъ о денежномъ курсѣ и процентахъ. Престарѣлый отецъ Юдиоп печалится о бѣдствіи родины и только повторяетъ сокрушеннымъ голосомъ: o weh, weh, dreimal weh! На сценѣ является и фигура пророка, слѣпого и глухого старика, повидимому, выжившаго изъ ума; тѣмъ не менѣе всѣ съ благоговѣніемъ внимаютъ его рѣчамъ. Олоферпъ свирѣпъ: одинъ изъ его приближенныхъ провинился чѣмъ-то передъ нимъ: онъ хватается за широкій и кривой мечъ, но мечъ застрялъ въ ножнахъ и не выходитъ; Олоферпъ бѣсится, наконецъ, кое-какъ выдергиваетъ мечъ и закалываетъ несчастнаго; въ эту недобрую минуту подвертывается ему другой изъ его подчиненныхъ, онъ закалываетъ и его, и потомъ недовольнымъ голосомъ велитъ убрать негодяевъ. Наконецъ, какъ извѣстно, въ станъ Олоферна является Юдиоь (комикъ Трейманъ) съ своей дуэньей. Олоферпъ ей очень радъ и велитъ подать вина, выпиваетъ стаканъ за стаканомъ, чувствуетъ

головокруженіе и уходитъ спать; Юдиоь беретъ кривой мечъ и начинаетъ что-то пилить за занавѣской,—она отпиливаетъ какую-то голову, которая оказывается чучелой. Олоферпъ остается живъ, но войско поражено и разбѣгается, и евреи торжествуютъ,—Олоферпъ взятъ въ плѣнъ. Юдиоь, несомая на щитѣ, какъ Радецкій на памятникѣ, видитъ поглупѣвшаго Олоферна и грозитъ ему пальцемъ. Пародія нескончаема: при хорошемъ исполненіи она конечно очень забавна, но послѣднее впечатлѣніе отъ подобныхъ вещей всегда есть необыкновенная пустота. Нестрой прекрасно угадалъ вкусы своей публики; самъ онъ и его пьесы имѣютъ огромный успѣхъ. По преимуществу чисто увеселительное направленіе сцены есть необходимое слѣдствіе отсутствія серьезныхъ интересовъ: мнѣ пришлось потомъ не одинъ разъ убѣждаться въ наклонности австрійской сцены—въ Прагѣ, какъ и въ Вѣнѣ—къ шаржу и каррикатурѣ, которая иногда бываетъ болѣе неожиданна, чѣмъ забавна. Въ Прагѣ мнѣ случилось однажды видѣть на нѣмецкой сценѣ «Севильскаго Цирюльника»; опера конечно дастъ поводъ къ каррикатурѣ, но я не ожидалъ такой, какую увидѣлъ. Восхитительная опера превратилась въ площадной фарсъ: движущіеся усы доктора Бартоло были забавны только въ первую минуту; указательный палецъ дона-Базиліо въ цѣлую четверть длины и огромный, придѣланный носъ были бы смѣшны, если бы ему удалось хорошо спѣть la calunnia, но этого не было; естественное остроуміе пьесы вездѣ закрыто было грубыми фарсами и въ заключеніе мнѣ грустно и досадно было видѣть искаженіе превосходной оперы. Это было однако же въ правахъ австрійскаго театра. Чешская сцена нерѣдко прибѣгаетъ къ пьесамъ каррикатурнаго разряда, но пражане вообще не одобряютъ ихъ, замѣчая, что они хороши только pro viden'skou chatru. Въ сорокъ восьмомъ году чешскій театръ оживился, какъ и все въ то время; интересы минуты перешли на сцену и она стала пріобрѣтать общественное значеніе, но это продолжалось недолго, и она вернулась къ своей прежней роли—невиннаго увеселенія, чѣмъ остается и до сихъ поръ, подъ отеческимъ наблюденіемъ полиціи.

Репертуаръ чешской сцены довольно обширенъ, благодаря упомянутымъ уже нами прежде драматическимъ писателямъ и переводчикамъ,—но собственно національныхъ произведеній я видѣлъ въ Прагѣ очень немного: драма изъ чешской исторіи не всегда одобряется правительствомъ, са-

тира на общественные порядки допускается только въ видѣ легкой шутки. Господствуетъ нѣсколько оригинальныхъ чешскихъ пьесъ и большое количество переводовъ, съ нѣмецкаго, французскаго, польскаго. Въ двухъ-трехъ пьесахъ, передѣланныхъ съ *иностраннаго*, я видѣлъ на сценѣ и русскихъ, но увы! не узналъ ихъ; чешскіе актеры представляютъ себѣ русскихъ, по обыкновенному европейскому преданію: русскій является непремѣнно въ бородѣ и въ шубѣ и считается отчасти медвѣдемъ. Я очень жалѣю, что мнѣ не пришлось видѣть драмы Миковца: «Дмитрій Ивановичъ», которая была поставлена нынѣшнюю зиму. Но ожидая болѣе счастливыхъ временъ для театра, чешскіе литераторы стараются по крайней мѣрѣ обогатить его переводами, и въ этомъ отношеніи они сдѣлали уже не мало: драмы Шиллера, Гёте и другихъ первостепенныхъ писателей нерѣдко появляются на чешской сценѣ. Особенно прилежное изученіе чешскіе писатели посвятили Шекспиру: уже теперь они имѣютъ почти полный переводъ Шекспира, котораго изданіе и приведеніе къ концу взяла на себя Чешская Матица. Четыре шекспировскія драмы и между прочимъ «Короля Лира» перевелъ еще Челяковскій; пять пьесъ перевелъ д-ръ Чейка; столько же,—и между ними «Отелло»—перевелъ Янъ Малый; «Гамлетъ», «Макбетъ» и «Венеціанскій купецъ» переведены Іос. Юріемъ Колларомъ; наконецъ, трудолюбивый священникъ Духа (Fr. Doucha), прекрасно знающій Шекспира, перевелъ восемь пьесъ, въ томъ числѣ «Ромео и Юлію» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Какъ говорятъ, шекспировскія пьесы прекрасно идутъ на чешскомъ театрѣ, даже нѣмцы отдаютъ полную справедливость чешскимъ исполнителямъ; мнѣ случилось видѣть только одну комедію «Много шуму изъ ничего», которая дѣйствительно была разыграна какъ нельзя лучше. Между чешскими актерами, вообще весьма старательно исполняющими свое дѣло, можно указать нѣсколько замѣчательныхъ артистовъ. Первое мѣсто между ними публика отдаетъ Іосифу-Юрію Коллару старшему, владѣющему очень разнообразнымъ дарованіемъ и исполняющему обыкновенно серьезныя роли; но съ тѣмъ же успѣхомъ онъ беретъ на себя и комическія роли. Другой Колларъ, младшій,—весьма замѣчательный комикъ, особенно удачный въ пьесахъ изъ народной жизни; кромѣ его, чешская сцена имѣетъ еще двухъ-трехъ великолѣпныхъ исполнителей для народныхъ пьесъ, которыя вообще идутъ очень легко. Между актрисами есть также нѣсколько любимыхъ

именъ, вполнѣ оправдывающихъ вниманіе публики. Къ сожалѣнію, неловкое положеніе, въ которое насильственно поставленъ чешскій театръ, сильно вредитъ ему: бываютъ случаи, что талантливый актеръ или актриса, чувствуя свои силы и не удовлетворяясь мизерными обстоятельствами пражскаго театра, покидаютъ чешскую сцену и отдаются нѣмецкой. Такъ недавно Прага потеряла талантливую и хорошенькую актрису Гейнцову. Оперы, за неимѣніемъ времени, даются на чешскомъ театрѣ очень рѣдко, и чешскіе пѣвцы и пѣвицы поютъ обыкновенно въ нѣмецкой оперѣ или принимаютъ ангажементы на другіе театры Германіи. Музыкальная Прага поставляетъ много замѣчательныхъ артистовъ на всю Европу; лично для себя она мало пользуется талантами, выросшими на чешской почвѣ.

Куда ни обратишься, на что ни взглянешь въ нынѣшней Прагѣ, на всемъ отражается тяжелое давленіе современной атмосферы. Не мудрено, что на людей, окруженныхъ этой атмосферой постоянно, она производитъ невыгодное дѣйствіе, усыпляетъ и отнимаетъ энергію. Очень естественно, что люди, сомнѣвающіеся въ славянскомъ движеніи, найдутъ въ этомъ положеніи чешскаго общества факты, которые повидимому подтверждаютъ ихъ скептицизмъ. Если уже оправдать нынѣшнее политическое положеніе славянъ, въ которомъ виновата ихъ же слабость,—гдѣ славянская взаимность, о которой всѣ говорятъ, гдѣ данныя, указывающія родственную связь идей и литературъ? Дѣйствительно, славянская взаимность теперь не въ лучшей своей эпохѣ, и внѣшнія обстоятельства ее вовсе не поддерживаютъ. Въ Прагѣ можно найти только чешскія книги, но вы не отыщете въ ней ни сербскихъ, ни польскихъ, ни словенскихъ. Книжная торговля установилась такъ, что нѣмецкую книгу можно получить самымъ удобнымъ образомъ, но чтобы купить, напр., русскую, надобно много хлопотать съ книгопродавцами и потомъ цѣлые мѣсяцы дожидаться присылки. Книжная торговля собственно для славянскихъ книгъ находится еще во младенчествѣ; притомъ дорогія привозныя книги доступны только немногимъ изъ чешскихъ читателей, вообще небогатыхъ, и кромѣ того, каждая нѣсколько яркая книга подвергается запрещенію. Вслѣдствіе всего этого даже любители славянской литературы не могутъ хорошенько слѣдить за ея движеніемъ, и не знаютъ, что думаютъ въ настоящую

минуту тѣ и другіе соплеменники; вступить съ ними въ сколько-нибудь дѣятельныя сношенія, безъ сомнѣнія, было бы не безполезно. Русская литература, русскія общественныя отношенія, какъ я убѣждался много разъ, извѣстны въ Прагѣ весьма поверхностно: «Русская Бесѣда», наиболѣе извѣстный чехамъ русскій журналъ, считается тамъ едва ли не главнымъ выраженіемъ общественнаго настроенія въ Россіи, чего, конечно, нельзя сказать объ этомъ журналѣ, стоящемъ такъ исключительно. Правда, переводовъ съ русскаго много въ нынѣшней чешской литературѣ, но переводится все это довольно случайно,—какая книга попадется въ руки, а такъ какъ новыхъ книгъ до послѣдняго времени еще мало въ Прагѣ, то переводятъ Кукольника, Булгарина: мнѣ досадно было смотрѣть на чешскіе журналы, такъ дурно рекомендующіе русскую литературу своимъ читателямъ. Изъ этого примѣра видно, что у чеховъ, за немногими исключеніями быть можетъ, господствуетъ самое неясное понятіе о томъ, что дѣлается въ русской литературѣ,—все-таки важнѣйшей славянской литературѣ нынѣшняго времени. Разрозненность славянскаго міра, такимъ печальнымъ опытомъ извѣданная въ революцію, какъ будто пришла опять къ прежнему; развѣ событія помогутъ уничтожить это раздѣленіе, вовсе невыгодное для отдѣльныхъ членовъ западнаго славянства. Симпатіи конечно существуютъ, народныя и международная (хотя не безъ исключеній), но онѣ не дѣятельны; всѣ, въ этой славянской общинѣ, кажется, слишкомъ надѣются другъ на друга.

Мнѣ казалось, напримѣръ, всегда, что у насъ они предполагаютъ большее распространеніе идей панславизма, скажу даже просто, большую симпатію къ славянскому, чѣмъ есть на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ по нашему обществу и литературѣ. Трудно было разувѣрять въ этомъ, но мы однако должны говорить правду, и представлять дѣло, не преувеличивая его по своимъ личнымъ симпатіямъ и не дѣлая своихъ желаній и ожиданій существующимъ фактомъ. Прежде всего, русскій панславизмъ становится въ совершенно иныя отношенія, чѣмъ панславизмъ западный. Послѣдній есть произведеніе почвы, результатъ, вынесенный изъ жизни и доставшійся послѣ борьбы, спасенье отъ онѣмеченія, защита сознавшей себя народности и защита свободнаго развитія. Перенесенный къ намъ, панславизмъ уже не имѣетъ этого характера необходимости; онъ является только вслѣдствіе науки, а не непосредственнаго чувства

жизни. Наше общество еще холодно къ славянскимъ дѣламъ, потому что само въ нихъ ничѣмъ не заинтересовано; мы не чувствуемъ потребности соединяться съ другими славянами, наша литература и жизнь развивались и идутъ независимо отъ нихъ. Въ настоящую минуту мы заняты огромнымъ вопросомъ, и вопросъ этотъ чисто-русскій. Наше соціальное положеніе совершенно иное; мы не имѣемъ враговъ другой національности, враги нашего прогресса среди насъ самихъ,—это только ретрограды, не вошедшіе въ колею движенія образованности. Оцѣнивши должнымъ образомъ всѣ эти обстоятельства, легко понять, почему интересы славянства нашли у насъ ревностныхъ заступниковъ только въ извѣстной части образованнаго общества, вѣрнѣе сказать, въ извѣстномъ кружкѣ. Славянскія симпатіи цѣлаго общества или еще не существуютъ, или находятся въ зародышѣ; чтобы масса вышла изъ своего индифферентизма, стала прямо на ту или на другую сторону, нуженъ сильный толчокъ, нуженъ по крайней мѣрѣ не отвлеченный, а живой интересъ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, куда обратятся симпатіи общества, если оно оглянется въ эту сторону,—потому что дѣло ясно, видно, кто правъ и кто неправъ,—но скоро ли это будетъ, зависитъ отъ обстоятельствъ. Они могутъ дать самый неожиданный оборотъ дѣлу.

Славянскимъ симпатіямъ мѣшаетъ у насъ всего болѣе совершенное невѣжество о славянскомъ мірѣ. Мы знаемъ гораздо болѣе о Берлинѣ, Парижѣ, Римѣ, чѣмъ о Прагѣ и о цѣлой Австріи, но мы не рѣшимся безусловно обвинить въ этомъ массу, какъ дѣлаютъ славянофилы. Почему интересуетъ насъ Германія, Парижъ и Лондонъ, это не нуждается въ объясненіяхъ; если у насъ общему интересу, возбуждаемому Европой, приносятъ въ жертву Прагу, Бѣлградъ и Загребъ, это довольно понятно, и вина забвенія лежитъ на самихъ тѣхъ, кто бралъ у насъ руководство по этому предмету. Европа вообще мало думала о славянскомъ вопросѣ, и большею частью думала невыгодно; изъ европейскихъ источниковъ трудно съ нимъ познакомиться,—что же дѣлали наши славянскіе спеціалисты? До публики даже и не доходили ихъ разсужденія и споры о глаголицѣ и реймскомъ евангеліи, о сербскихъ и болгарскихъ хартіяхъ, если и важныхъ въ ученомъ смыслѣ, то далеко не занимательныхъ для общества, которое можно занять только современнымъ вопросомъ, живой исторіей. Наши спеціалисты не выходятъ изъ археологическихъ келій: откуда же масса узнаетъ о

томъ, чѣмъ движется западно-славянская жизнь, къ чему стремятся ея лучшіе люди, чего ждутъ отъ насъ? Мы не знаемъ ни современной исторіи, ни новой литературы славянъ, насъ угощаютъ одной археологіей, и публика не безъ причины привыкаетъ думать, что дѣло и ограничивается одной археологіей. Винить ее за это очень смѣшно... Намъ было очень пріятно узнать, что «Русская Бесѣда» помѣстила у себя переводъ упомянутой нами французской брошюры «О западныхъ славянахъ»,—едва ли не первый живой и дѣльный голосъ о славянскомъ вопросѣ. Уже давно пора перестать говорить о немъ и съ археологической и съ литературной точки зрѣнія.

Еще одно обстоятельство бросаетъ ложный свѣтъ на отношенія западныхъ панславистовъ къ русскимъ. Западный панславизмъ, какъ мы замѣтили, не можетъ существовать у насъ въ той же формѣ, потому что находитъ у насъ совершенно иныя внѣшнія условія, и онъ, у всѣхъ почти русскихъ представителей своихъ обратился въ славянофильство. Идея народности, такъ высоко поставленная западнымъ панславизмомъ, получаетъ для него особенный смыслъ потому, что для самой народности рѣшался вопросъ: «быть или не быть»; у насъ она необходимо видоизмѣняется, а славянофилы между тѣмъ приняли ее буквально. Я всегда думалъ, что панславистская поэзія Хомякова гораздо больше прилична какой-нибудь западно-славянской литературѣ, чѣмъ русской; для славянъ она имѣетъ гораздо больше увлекательнаго, чѣмъ у насъ, мало фантазирующихъ о Дунаѣ, Дравѣ и Савѣ. То же самое и съ защитой русской народности, которую взяли на себя славянофилы. Наша народность въ ней вовсе не нуждается; если она отрицалась или, вѣрнѣе сказать, не замѣчалась, игнорировалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ XVIII столѣтіемъ, то уже никогда не была въ томъ положеніи, какое выпало на долю чешской, сербской и т. д.; она никогда не была преслѣдуема по принципу и поголовно. Въ нашей литературѣ, правда, распространилось въ извѣстную эпоху довольно рабское подражаніе, но причина его лежала единственно въ слабости литературы и образованія, и оно кончилось наконецъ само собой, безъ борьбы, какъ только литература и общество окрѣпли; народность получила въ литературѣ всѣ права, которыхъ только можетъ требовать, и въ послѣднее время дала нашей литературѣ—въ нашихъ лучшихъ поэтахъ и писателяхъ—такой своеобразный характеръ національности, что отвер-

гать его могутъ только упрямые и крайніе люди. Эти люди однако нашлись между нашими славянофилами, которые вздумали приноровлять къ намъ идею народности, выработанную западнымъ панславизмомъ. Это недоразумѣніе повлекло за собой странные результаты, невѣрность которыхъ инстинктивно почувствована была всѣми непредубѣжденными людьми. Славянофилы, вооружившись своими симпатіями къ славянству, выступили, какъ защитники народности, противъ которой никто не думалъ спорить, которую никто не думаетъ притѣснять; но скоро они должны были увидѣть, что борются противъ воображаемаго врага, и прибѣгнули къ tour de force, въ видѣ «народности въ наукѣ», «цѣльности развитія» и другихъ тонкостей, о которыхъ такъ много было споровъ въ нашихъ журналахъ. Корень всего этого опять таится въ желаніи западнаго панславизма уединить народность отъ чужеземнаго вліянія, дѣйствующаго насильственнымъ и поглощающимъ образомъ. У западныхъ славянъ это понятно: чехъ, чувствующій отдѣльность своей народности, естественно будетъ защищать ее отъ фактическаго угнетенія; изъ-за чего же намъ ставить себя противъ нѣмцевъ, какъ положительное и отрицательное начало, къ чему намъ заподозрѣвать нѣмецкую науку въ односторонности и ограниченности? Этого не дѣлаютъ самые горячіе панслависты—чехи. Взгляните на ихъ лучшихъ ученыхъ; откуда эта сила анализа, эта строгая метода, непоколебимая логика? Она перешла къ нимъ прямо изъ нѣмецкой или, лучше сказать, европейской науки, и это нисколько не уменьшаетъ ихъ заслуги, какъ писателей національныхъ. Наука принадлежитъ одинаково всѣмъ, кто ее усваиваетъ. Наши славянофилы не довольствуются европейской наукой, съ самообольщеніемъ говорятъ о русской наукѣ, не замѣчая того, какъ странно звучатъ эти слова, если только вспомнить самые ближайшіе факты русской современной образованности и жизни. Здѣсь наши славянофилы ушли дальше западныхъ панславистовъ, и мы думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они ушли дальше той черты, гдѣ стоитъ благоразуміе. Конечно, трудно переубѣдить людей, думающихъ, что Европа уже отжила свой вѣкъ, что ея гніющая цивилизація не можетъ принести намъ пользы; но мы думаемъ, что эта цивилизація еще долго будетъ важна и для насъ и для другихъ славянъ, напримѣръ, сербовъ, болгаръ, хорватовъ, передъ которыми путь цивилизаціи еще далеко впереди. Если они вступятъ на него рѣшительно, то европейская наука распространитъ ко-

нечно и на нихъ свой авторитетъ, и можно думать, что они не будутъ возставать противъ нея, не предпочтутъ старыхъ авторитетовъ Іоанна экзарха болгарскаго и Савы сербскаго. По крайней мѣрѣ чехи, знакомые уже съ европейской наукой, не вооружаются противъ нея; они знаютъ по опыту, что западъ еще не гнилъ.

Панславизмъ, вопросъ о будущемъ западныхъ славянъ, не есть «вдохновеніе археологіи», какъ назвалъ его недавно Times, но это не есть и вопросъ о борьбѣ съ западной цивилизаціей; скорѣе,—это вопросъ объ ея расширеніи. Первымъ важнымъ шагомъ западныхъ славянъ, послѣ ихъ недавняго пробужденія, было стремленіе пріобрѣсти національную самобытность, потому что только подъ этимъ условіемъ возможно развитіе націи. Стремленіе ихъ сохранить племенныя прерогативы и цѣлость совершенно законно и человѣчественно, и когда будетъ рѣшаться дѣло этого стремленія, когда къ намъ донесется отголосокъ борьбы, и вопросъ о славянскомъ образованіи серьезно займетъ русскую литературу, мы убѣждены, что общество наше, не задумываясь надъ крайностями панславистскихъ мистиковъ, отдастъ все свое сочувствіе сторонѣ, стоящей за свободное развитіе національностей и народное благо.

Берлинъ, 25 марта 1859 г.

III.

Нынѣшней зимой Прага опять лежала на моемъ пути, и я съ удовольствіемъ надѣялся провести тамъ еще нѣсколько недѣль. Надолго я былъ совершенно оторванъ отъ нея, почти не зналъ ея новостей,—и только изъ французскихъ газетъ вычиталъ очень извращенное извѣстіе объ окончаніи процесса, начатаго Ганкой по поводу нападокъ на древнечешскіе памятники, о чемъ я говорилъ уже прежде. Одно это извѣстіе было довольно значительно и я, забѣгая впередъ съ своими надеждами, думалъ увидѣть новые успѣхи національнаго движенія, увидѣть наконецъ, его признаніе отъ самихъ его враговъ. Къ сожалѣнію, эти ожиданія нисколько не оправдались; я не нашелъ въ Прагѣ перемѣнъ,—развѣ къ худшему.

Процессъ Куга, редактора газеты Tagesbote, выставившаго самыя площадныя клеветы на чешскихъ ученыхъ и на чеш-

скія древности, рѣшенъ былъ дѣйствительно такъ, какъ передавали журналы: Куга осудили на четырехмѣсячное заключеніе, сто флориновъ штрафа, и къ этому прибавлено еще одно странное условіе наказанія—во время своего заключенія онъ долженъ былъ поститься по пятницамъ. Но приговоръ, весьма удовлетворительный для его противниковъ, до сихъ поръ еще не былъ приведенъ въ исполненіе. Кугъ апеллировалъ къ императору, прося его милости, и австрійскіе журналы съ большой радостью объявили однажды, что процессъ будетъ пересмотрѣнъ и уже не въ Прагѣ, гдѣ будто бы въ дѣло замѣшались національныя притязанія, при которыхъ было невозможно рѣшеніе безпристрастное. Говорили, дѣйствительно, что Кугъ освободится отъ наложеннаго наказанія; потомъ дѣло приняло другой оборотъ, потому что и правительство вспомнило за Кугомъ старые грѣхи, выставлявшіе его въ неблаговидномъ свѣтѣ, но положительнаго неизвѣстно было ничего. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ объ этомъ процессѣ, защиту Куга взяли на себя и австрійскіе ученые; послѣ Бюдингера, опровергнутаго Палацкимъ, нашелся еще одинъ ученый, который съ неменьшимъ запасомъ наглости повторилъ въ академіи нападки на подлинность Краледворской рукописи, и вслѣдъ затѣмъ рѣшеніе процесса пріостановлено. Австрійская академія приняла на себя въ этомъ дѣлѣ роль не весьма почтенную.

За минутное удовлетвореніе, которое имѣла чешская національность въ первомъ рѣшеніи процесса, ей пришлось и теперь еще приходится отплачиваться очень непріятными исторіями. Въ прежнихъ письмахъ мы уже достаточно говорили объ условіяхъ, въ которыя заключено теперь чешское движеніе,—о враждѣ національностей, о стѣсненномъ положеніи чешскаго общества, о недостаткѣ сильныхъ талантовъ и сильныхъ характеровъ; я разскажу теперь, сколько знаю, о послѣднихъ пражскихъ новостяхъ, и читатель увидитъ, къ чему сводятся нынѣшніе интересы общества, еще ревниваго къ своей народности, но часто безсильнаго противъ нѣмецкихъ «наѣздовъ». Еще до моего пріѣзда въ Прагу произошла тамъ одна изъ этихъ исторій, поводъ къ которой подало празднованіе шиллеровскаго юбилея. Предупреждаю читателя, что исторія можетъ ему показаться дикой, даже непозволительной, но мы надѣемся, что и онъ оправдаетъ ее нѣсколько вмѣстѣ съ нами, если оцѣнитъ достаточно другіе факты, примѣры которыхъ приводимъ мы дальше. Читатель

знаетъ безъ сомнѣнія о всесвѣтныхъ праздникахъ, какіе давались при наступленіи столѣтняго юбилея рожденія Шиллера. Говорятъ, что инымъ нѣмецкимъ правительствамъ не нравились восторженныя изъявленія симпатіи къ либеральнѣйшему изъ поэтовъ Германіи; даже въ Берлинѣ была замѣчена холодность къ празднику. Въ Австріи, говорятъ, вздумали воспользоваться имъ съ дипломатической точки зрѣнія; считая увлеченіе общества минутнымъ, въ торжествѣ не видѣли ничего опаснаго; оно не только не встрѣтило препятствій, но даже нашло одобреніе со стороны правительства. Австрійское сочувствіе къ Шиллеру должно было показать Германіи, что эта держава и есть истинная представительница нѣмецкаго духа, что она раздѣляетъ всѣ германскія увлеченія и симпатіи, потому и съ своей стороны имѣетъ полное право на сочувствіе всякихъ нѣмцевъ. Въ Вѣнѣ шиллеровскій праздникъ былъ однимъ изъ блестящихъ и шумныхъ. Въ Прагѣ, какъ намъ разсказывали, полиція приняла даже нѣкоторую инціативу въ этомъ дѣлѣ: чехамъ предлагали принять участіе въ праздникѣ, дававшемся въ память о поэтѣ гезаммт-фатерланда. У чеховъ явился тотчасъ же вопросъ: чѣмъ же признаютъ они себя, если будутъ участвовать въ праздникѣ? Они бы присоединились къ общему энтузіазму, если бы дѣло шло о другой всемірно-исторической славѣ, о Мольерѣ или о Шекспирѣ; но здѣсь они теряли свой обыкновенный либерализмъ и становились рядомъ съ злѣйшими обскурантами: міровой поэтъ являлся имъ въ образѣ нѣмца, и нѣмцы конечно дѣлали особенное удареніе на этомъ его качествѣ. Какъ поступить? Люди благоразумные просто не были въ процессіи, но молодежь изъ университета, техническаго института и гимназій, не могла и не хотѣла остаться столь равнодушной; ей нуженъ былъ протестъ, явное несогласіе. Протестъ дѣйствительно появился; сочинителями его были нѣсколько студентовъ «старомѣстской» гимназіи,—одинъ написалъ патріотическое воззваніе къ чешской молодежи, другіе прибили воззваніе къ стѣнѣ и тѣмъ дали ему публичность. Юные чехи—это были мальчики 15 и 16 лѣтъ—твердо убѣждали своихъ товарищей не прельщаться нѣмецкимъ праздникомъ, не поклоняться чужому кумиру, помнить, что они чехи и что у нихъ есть своя роль: «отдадимъ нѣмцамъ прошедшее, намъ принадлежитъ будущее!» Прокламація не осталась безъ результата: толпа студентовъ собралась на набережной Волтавы, и когда въ виду ея проходила шиллеровская процессія, они кри-

чали «слава» своимъ національнымъ знаменитостямъ и пѣли «hej, slované». Полиція, разумѣется, не оставила этого безъ вниманія; зачинщиковъ студентовъ отыскали, вытребовали изъ гимназіи, продержали подъ арестомъ на Градчинѣ. Когда ихъ выпустили оттуда, надъ ними начался другой, домашній судъ, конечно, подъ полицейскимъ вліяніемъ. Дѣтская шалость, достаточно наказанная посѣщеніемъ Градчина, была строго осуждаема въ совѣтѣ старомѣстской гимназіи, и страхъ передъ «мѣстодержательствомъ» такъ великъ, что сами учителя, почти всѣ безъ исключенія чехи, осудили молодыхъ людей на исключеніе; напрасно защищали ихъ немногіе патріоты изъ учителей,—они были въ меньшинствѣ.

Это покажется вѣроятно страннымъ читателю, какъ показалось и мнѣ, уже знакомому съ пражскими обстоятельствами: какъ въ этомъ собраніи чешскихъ профессоровъ, учителей, людей передовыхъ въ своемъ обществѣ, не нашлось достаточно единодушія и для такого въ сущности неважнаго дѣла, гдѣ они все-таки могли нѣсколько выдержать характеръ; сами чехи, уже послѣ одного наказанія, наказывали свою молодежь за выраженіе чешскаго патріотизма! Подобный фактъ едва ли бы можно было вообразить въ австрійской Италіи. У чеховъ національность уже теряетъ свое достоинство, и въ этомъ заключается одно изъ печальныхъ явленій нынѣшняго чешскаго общества и одно изъ препятствій къ завоеванію національной свободы. На нѣсколько человѣкъ, понимающихъ свои права и имѣющихъ характеръ, чтобы говорить въ ихъ защиту, вы находите цѣлую массу людей или безхарактерныхъ, полуонѣмечившихся и холодныхъ къ чешскому дѣлу,—хотя все еще чеховъ,—или страшно запуганныхъ господствующимъ режимомъ. Правда и то, что они дѣйствительно находятся въ исключительномъ положеніи: приверженцы національнаго дѣла большею частью люди бѣдные, живущіе жалованіемъ и оттого всегда находящіеся въ рукахъ правительства; въ случаѣ, если они ему не понравятся, а они не понравятся ему навѣрно, когда будутъ слишкомъ по-чешски настроены, имъ легко попасть изъ Праги куда-нибудь на императорскую службу въ Буковину или Трансильванію. Такого рода примѣры бывали, и каждый боится испытать подобное путешествіе на себѣ. Но это еще не оправдываетъ безхарактерности большинства чеховъ; они все-таки могли бы дѣлать больше, чѣмъ дѣлаютъ, и своей апатіей, трусостью или равнодушіемъ они даютъ больше и больше смѣлости своимъ непріятелямъ. По-

слѣдніе привыкаютъ думать, что они могутъ позволить себѣ все, и что чехъ не въ силахъ сопротивляться. Наглость начальствующихъ особъ доходитъ до забавнаго. Почтенный старецъ, каноникъ Винаржицкій, хотѣлъ недавно основать какое-то благочестивое католическое изданіе; для этого нужно было ему обратиться къ полиціи за позволеніемъ, но полицейская власть просто совѣтовала ему оставить столь безполезное предпріятіе: «повѣрьте, что черезъ шесть лѣтъ незачѣмъ будетъ писать по-чешски».

Всего болѣе, во время моего пребыванія въ Прагѣ, занималъ чеховъ вопросъ о политическомъ журналѣ, который хотѣлъ основать на чешскомъ языкѣ одинъ изъ людей, очень уважаемыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пали политическіе журналы, появившіеся съ 1848 года, чехи до сихъ поръ не имѣютъ политической газеты. Три офиціальные журнала («Пражскія», «Моравскія» и «Словацкія новины») до такой степени ничтожны, что о нихъ не стоитъ и упоминать. Чехамъ давно уже хотѣлось имѣть нѣсколько самостоятельный органъ; послѣднія событія еще болѣе развили интересъ къ политикѣ, и наконецъ, одинъ изъ почтенныхъ пражскихъ литераторовъ подалъ просьбу о дозволеніи политическаго изданія. Онъ представилъ *всѣ* требуемыя гарантіи, но дѣло тянулось, и наконецъ уже при мнѣ онъ получилъ рѣшительный и голословный отказъ; въ отвѣтѣ не было сказано ни слова о томъ, чего недостаетъ въ представленной просьбѣ и почему она неудовлетворительна. Очевидно, правительство просто не желаетъ чешскаго политическаго изданія, и чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы въ самомъ отказѣ не приводить никакихъ благовидныхъ резоновъ. Поступокъ не совсѣмъ рыцарскій со стороны австрійской полицейской цензуры. Если уже она видитъ въ чехахъ враговъ, то по крайней мѣрѣ могла бы дать имъ хоть какое-нибудь оружіе, или возможность высказаться; правительство предпочитаетъ нападать на безоружныхъ. Да и что за оружіе политическій журналъ въ Австріи, гдѣ онъ при первомъ сомнѣніи можетъ быть подведенъ подъ Pressgesetz и потомъ запрещенъ? Чехи кажется ожидали такого исхода дѣла, но крайней мѣрѣ неудачный конецъ его произвелъ на нихъ мало впечатлѣнія, имъ приходилъ только въ голову слѣдующій контрастъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ просилъ позволенія издавать журналъ и получилъ его нѣкто, занимавшій значительную роль въ революціонной канцеляріи Кошута, агитировавшій венгровъ, осужденный сначала за Hochverrath на смерть, потомъ вмѣ-

сто казни на двѣнадцатилѣтнее тяжкое заключеніе, и, наконецъ черезъ четыре года амнистированный; ему тотчасъ же разрѣшили изданіе, какъ только увѣрились, что онъ будетъ вѣрнымъ союзникомъ противъ славянъ. Съ другой стороны проситъ теперь того же позволенія г. З., императорскій королевскій чиновникъ, человѣкъ способный, совершенно чистый передъ правительствомъ, выполнившій всѣ условія, поставленныя закономъ, и получаетъ отказъ,—единственно потому, что правительство въ каждомъ славянинѣ, который не называетъ себя нѣмцемъ, видитъ личнаго врага. Подобныя мѣры кажутся правительству способными отбить у чеховъ всякую охоту къ ихъ собственной литературѣ,—чего мы еще не думаемъ,—но они недостойны цивилизованнаго государства: впрочемъ, Австрія, кажется, и не гонится за этимъ титуломъ.

Но тѣмъ еще не кончается пражская хроника. Запрещенія начали было распространять и на чешскіе балы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заведены были въ Прагѣ и даже въ Вѣнѣ, такъ называемыя «бесѣды», чешскіе національные балы. Они устроены были въ первый разъ съ цѣлью ввести въ общество чешскій языкъ, остававшійся до того времени языкомъ домашней жизни, и въ публичныхъ собраніяхъ постоянно уступавшій свое мѣсто нѣмецкому. Первыя попытки были встрѣчены съ недовѣрчивыми улыбками и насмѣшками отъ тѣхъ, кто не хотѣлъ вѣрить въ возможность такой роли славянскаго языка,—но первые опыты удались какъ нельзя лучше, и чешскіе балы не только удержались, но даже вошли въ моду. Съ тѣхъ поръ они давались постоянно и очень нравились чехамъ, потому что этимъ средствомъ національный патріотизмъ начиналъ имѣть доступъ и къ прекрасному полу, который иначе трудно было бы привлечь къ дѣлу: археологія на него не дѣйствуетъ. Я былъ на одномъ изъ такихъ баловъ въ первый мой пріѣздъ въ Прагу, и то, что я видѣлъ, дѣйствительно можно было назвать чешскимъ баломъ: тамъ было все, что сочувствуетъ національнымъ интересамъ, изъ патріотизма танцовали почтенные ученые и литераторы, общество было многочисленное, и нѣмецкія фразы слышались только какъ исключеніе. Нынѣшній разъ ожидался такой же балъ, къ нему уже готовились дамы, но полиція, опять неизвѣстно почему, снова наложила свое запрещеніе. Я ждалъ, какой эффектъ произведетъ на моихъ пріятелей этотъ новый фактъ полицейскаго самоуправства, но эффекта никакого не было; новое нападеніе на ихъ права

было принято ими такъ сухо и апатично, что мнѣ вчужѣ стало досадно. Они готовы были бы покориться, но къ счастью главный распорядитель бала нашелся; онъ объявилъ, что поѣдетъ за дозволеніемъ въ Вѣну,—и послѣ этого балъ разрѣшили. Почему? Потому что пражской полиціи было бы непріятно, если бы ея продѣлки были извѣстны въ Вѣнѣ; она по собственному усердію превышала свою власть и налагала запрещенія даже тамъ, гдѣ не имѣла на то права. Читатель можетъ вывести отсюда заключеніе о терпимости нѣмецкихъ властей и о мужествѣ чеховъ.

Такимъ образомъ идутъ обыкновенно дѣла въ Прагѣ. Очевидно, что подобное положеніе можетъ только усиливать германизацію, и трудъ чешскаго патріота становится все тяжеле и тяжеле. Какія же надежды питаетъ чешское общество и какія средства можетъ противопоставить оно постоянному наплыву нѣмецкаго, въ союзѣ съ которымъ дѣйствуетъ абсолютизмъ, бюрократія и другія многія условія австрійской жизни?

Если мы оглянемся лѣтъ за двадцать или за тридцать назадъ, мы находимъ слѣдующее положеніе вопроса. Національное дѣло, начатое незадолго передъ тѣмъ, велось еще тѣми же людьми, которые въ первый разъ вдохновились прежнимъ значеніемъ родины и стремились возстановить ея самостоятельную духовную жизнь. Реставрація чешской исторіи началась блестящими историческими трудами; адепты новаго движенія, хотя немногочисленные, проникнуты были горячимъ увлеченіемъ; имена Челяковскаго, Ганки, Пуркинье, Палацкаго останутся и въ этомъ смыслѣ надолго памятны чешскимъ патріотамъ. Масса общества и народа была еще, правда, холодна къ ихъ стремленіямъ, но мало-по-малу они увлекали и ее, передъ ними была перспектива полнаго преобразованія націи. Ученые и литераторы трудились неутомимо на новомъ поприщѣ, и часто съ успѣхомъ. Вообще, это было свѣжее начало труда; если тогда еще мало отдавали себѣ отчета въ томъ, гдѣ оно кончится, по крайней мѣрѣ въ патріотическомъ кружкѣ было много свѣтлой увѣренности.

Все это принесло конечно свои плоды. Къ народному движенію пристало съ тѣхъ поръ много новыхъ людей, наука завоевала много данныхъ въ пользу національности, литература стала богаче и многостороннѣе: но несмотря на все это, теперь, когда прежніе вожатаи или сошли со сцены или стали стариками, виды чешской литературы попрежнему

могутъ возбудить сильныя сомнѣнія. Время принесло съ собой и много разбитыхъ иллюзій. Въ сорокъ восьмомъ году національности выступили и на политическую сцену, но выступили совершенно неудачно; общество было возбуждено насильственно, когда силы не были еще готовы, и оттого послѣ первыхъ усилій всѣми овладѣла усталость и апатія. Когда я пріѣхалъ теперь въ Прагу, болѣе или менѣе знакомый съ характеромъ ея интересовъ и не развлекаемый новостью занимавшихъ меня предметовъ, меня поразилъ господствующій тонъ жизни и неподвижная флегма, царствующая на берегахъ исторической Волтавы. Литература, вообще довольно наглядно рисующая фазы общественнаго развитія, идетъ «неслышной поступью», даже безъ тѣхъ порывовъ, какіе, напр., появились въ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ у насъ, какъ признакъ незаглохшаго еще внутренняго жара. Германизмъ охватилъ весь бытъ общества, и литература, отчасти сцена, остались почти единственными путями, которыми можетъ еще высказываться народное начало: потому то, что есть неудовлетворительнаго и слабаго въ ея предѣлахъ, въ ея отношеніи къ разнымъ вопросамъ современности, даетъ приблизительно вѣрное понятіе вообще о настоящемъ пунктѣ національнаго движенія. Въ прежнихъ письмахъ мы говорили уже, что появленіе новой чешской литературы носитъ по преимуществу демократическій характеръ, въ томъ смыслѣ, что источникъ ея въ низшемъ слоѣ народа, стоявшемъ всего далѣе отъ онѣмеченія и наиболѣе сохранившемъ славянскій бытъ. Первые и важнѣйшіе дѣятели ея были дѣтьми народа. Съ перваго времени она нашла твердую почву въ низшемъ и среднемъ классѣ народа въ чехахъ, на Моравѣ и у словаковъ, въ томъ объемѣ, какой дозволяла германизирующая пропаганда. Она нашла также немногихъ партизановъ и въ высшемъ кругу общества: въ однихъ нѣсколько пробудилось чешское чувство, въ другихъ вызвало симпатію трагическое положеніе славнаго нѣкогда и полузадавленнаго народа; но съ тѣхъ поръ она уже не имѣла здѣсь никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Почти вся аристократія осталась совершенно чужда и литературѣ и народности; тотъ изъ аристократовъ, который прежде представилъ довольно рѣзкое исключеніе изъ этого правила, графъ Тунъ, какъ нарочно охладѣлъ окончательно къ народности, и его не замѣнилъ никто. Правда, аристократы знаютъ иногда языкъ народа, но въ томъ же родѣ, какъ самъ австрійскій императоръ знаетъ языки своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ самый богатый классъ исключенъ изъ народнаго движенія и слѣдовательно отнимаетъ у него очень много матеріальныхъ средствъ, имѣющихъ здѣсь прямую важность. Болѣе сильную поддержку представляетъ средній классъ, хотя опять наиболѣе богатые бюргеры по связямъ и разсчету скорѣе дѣлаются нѣмцами, чѣмъ чехами; остальные, какъ люди практическіе, не рѣшатся на какую-нибудь дѣйствительную оппозицію и предпочитаютъ оставаться наблюдателями: они говорятъ въ патріотическомъ смыслѣ, особенно съ надежнымъ человѣкомъ, но мало переходятъ отъ словъ къ дѣлу. Симпатія народа не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, но она до сихъ поръ была столь же пассивна: народъ не любилъ правительства, но едва ли столько оттого, что оно не національно, сколько просто потому, что оно угнетаетъ его тяжелыми налогами, возрастающими при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ охотно читаетъ по-чешски, часто даже исключительно по-чешски, но просто потому, что не успѣлъ онѣмечиться и родной языкъ знаетъ лучше; отвлеченная мысль о національности вообще рѣдко приходитъ въ голову поселянину, думающему только о ближайшихъ своихъ заботахъ,—по крайней мѣрѣ гораздо рѣже, чѣмъ предполагаютъ чешскіе оптимисты. У краинцевъ, какъ говорятъ, совершается тотъ фактъ перерожденія, котораго страшатся чехи,—и патріотическій абстрактъ безсиленъ противъ него.

Главными двигателями вопроса остаются люди литературные, какъ было и въ началѣ. Но мы уже замѣтили, что положеніе литературнаго міра въ Прагѣ весьма нетвердо. Почти все это люди служащіе и существующіе однимъ лишь жалованіемъ. Сама литература еще далеко не можетъ обезпечивать писателя; сначала литературный трудъ былъ просто трудомъ почетнымъ, какъ было нѣкогда у насъ,—теперь онъ оплачивается, но конечно въ той пропорціи, какую допускаетъ умѣренный сбытъ дешевыхъ чешскихъ книгъ. Въ образчикъ цѣнъ можно привести, напримѣръ, плату за работы для энциклопедическаго словаря, начатаго въ Прагѣ въ прошломъ году: за очень большой листъ мелкаго шрифта, книгопродавецъ платитъ тридцать гульденовъ, или около семнадцати р. сер. Очевидно, что при этомъ существованіе одной литературой положительно невозможно,—а иначе и быть не можетъ; книги должны оставаться дешевы, потому что большая часть покупателей небогатые мѣщане и деревенскіе жители. Кромѣ этого недостатка средствъ, лите-

ратурный міръ ослабляется разъединеніемъ, причинъ котораго мы не могли себѣ достаточно объяснить: съ одной стороны, старое поколѣніе мало связано съ новымъ, затѣмъ и новое раздѣлено на два лагеря, такъ что мнѣ, познакомившись сначала съ одной частью его, было потомъ уже труднѣе сойтись съ другой. Повидимому, одна изъ причинъ раздѣленія заключается въ степени радикальности мнѣній и поэтическомъ направленіи; противъ перваго можно сказать то, что въ настоящее время ни умѣреннымъ, ни радикаламъ нѣтъ возможности приводить въ печати своихъ мнѣній. Поэтическое направленіе, проповѣдуемое «молодой Чехіей»,—нѣчто байроновское или гейневское, придѣланное къ молодой, полународной литературѣ, какъ-то не ладится съ остальнымъ содержаніемъ словесности. Молодое поколѣніе не выразило себя еще ни однимъ яркимъ произведеніемъ, которое бы способно было произвести общее впечатлѣніе; литературы достаетъ пока на одни эфемерные альманахи... Къ числу усердныхъ партизановъ славянства принадлежитъ и почти вся чешская молодежь, собирающаяся въ гимназіяхъ и университетѣ; она привязывается къ народному вопросу съ обыкновеннымъ жаромъ молодости. Въ первую революцію одними изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, были студенты. Повидимому университеты должны бы были мало-по-малу распространить въ массѣ тотъ же образъ мыслей; но на самомъ дѣлѣ оказывается, что университеты только успѣваютъ пополнять ряды патріотовъ, рѣдѣющіе отъ вліянія германизаціи. Далеко не каждый юноша-патріотъ дѣлается патріотомъ-гражданиномъ, и очень многіе, какъ это бываетъ и у насъ, бросаютъ университетскія преданія, встрѣчаясь съ такъ называемымъ опытомъ жизни.

Но даже и разъединенный кружокъ писателей не можетъ прочно дѣйствовать въ литературѣ, потому что страшно стѣсненъ цензурой, которая успѣла сдѣлать изъ чешской литературы самое невинное развлеченіе для публики. Живая мысль проходитъ только украдкой; сколько-нибудь серьезное разсужденіе объ общественныхъ дѣлахъ возможно только подъ эгидой извѣстнаго канцелярскаго патріотизма, который дѣлаетъ несносными даже вещи въ сущности умныя и либеральныя. Литература послѣдняго времени вслѣдствіе этого очень бѣдна: ее исчерпываютъ нѣсколько небольшихъ ученыхъ и беллетристическихъ изданій. Для повѣсти пользуются всего болѣе переводами,—въ послѣднее время особенно

съ русскаго *); поэзія состоитъ почти исключительно въ любовныхъ стишкахъ.

Изъ серьезныхъ литературныхъ явленій выдается въ послѣднее время только одинъ трудъ,—изданіе энциклопедическаго словаря, подъ редакціей Ригера, одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ и вліятельныхъ людей въ чешской Прагѣ. Словарь, начатый въ прошломъ году, обѣщаетъ особенно внимательную разработку славянскихъ предметовъ, и вѣроятно въ самомъ дѣлѣ представитъ въ этомъ занимательный матеріалъ. Весь литературный кружокъ въ Прагѣ принимаетъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, и словарь съ перваго раза имѣлъ значительный успѣхъ: читатель, нѣсколько знакомый, напримѣръ, съ нашей книжной торговлей, удивится, конечно, когда узнаетъ, что число абонентовъ чешскаго словаря уже перешло за пять тысячъ. Мои друзья въ Прагѣ указывали мнѣ на эту цифру, въ доказательство того, какъ силенъ національный интересъ въ массѣ народа. Мы не споримъ, что цифра замѣчательна (хотя, какъ мы слышали, она достигнута нѣсколько искусственнымъ образомъ), но старые опыты наводятъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли можно возложить столько надеждъ на явленіе литературное.

Намъ кажется именно, что пора литературнаго веденія вопроса прошла, или проходитъ; литературныя попытки сдѣлали свое дѣло, онѣ пробудили племенное самосознаніе, и вопросъ долженъ перейти на политическую почву, если только ему предстоитъ будущее. Дѣло идетъ столько же о свободѣ національности, сколько о свободѣ общественной и политической; нѣтъ никакого сомнѣнія, что первая возможна будетъ для чеховъ только при послѣдней. Современный упадокъ чешской словесности есть очевидное слѣдствіе политическаго угнетенія. Партизаны народнаго дѣла надѣются, что оно идетъ впередъ, что теперь больше читается чешскихъ книгъ, чѣмъ прежде, что народъ не забылъ короткой свободы 48—49 годовъ, что онъ дорожитъ памятью и книгами Гавличка и т. д. Не оспаривая этихъ фактовъ, мы замѣтимъ только, что австрійская опека, устроенная очень хитро, въ

---

*) Въ послѣднее время чехамъ стали посылать довольно много книгъ изъ Россіи, и вслѣдъ затѣмъ появилось у нихъ очень много переводовъ изъ новѣйшей русской литературы. Переводятся Лермонтовъ, Кольцовъ, Щедринъ, Григоровичъ, Тургеневъ и т. д., въ особенности послѣдній; въ прошломъ году уже было переведено «Дворянское гнѣздо».

состояніи вырвать изъ народа подобныя воспоминанія, если только дѣла будутъ идти такъ же, какъ идутъ теперь. Литературный дѣйствующій міръ совершенно въ рукахъ полиціи, ея притязанія и наглость не вызываютъ никакой оппозиціи, и эта безотвѣтственность входитъ въ привычку и у передового класса и у народа. Конечно, народность бываетъ удивительно живуча, но бываютъ обстоятельства, которыхъ и она не выдерживаетъ; дѣло будетъ уже проиграно, если чехи будутъ похожи на лужичанъ. Нынѣшнее положеніе народности у чеховъ весьма не блестящее, и быть можетъ сами чехи, взглянувъ со стороны, почувствовали бы необходимость поддерживать ее болѣе энергическими средствами. Ограниченная только нѣкоторыми классами народа, и то не гарантированными отъ онѣмеченія, она не ограждена никакими прочными правами и только терпится правительствомъ, какъ необходимое зло (съ его точки зрѣнія). Чехи имѣютъ, напримѣръ, свою сцену, но ей позволяется давать представленіе только разъ въ недѣлю; они хотятъ выстроить свой театръ, имъ не позволяютъ; они имѣютъ одну цензуру съ нѣмцами, но цензура несравненно строже къ чешскимъ изданіямъ, такъ что обыкновенно нѣмецкому писателю дозволяется гораздо большая степень либерализма; они хотятъ начать свое политическое изданіе, — министерство не соглашается; они желали бы имѣть болѣе тѣсныя литературныя сношенія съ другими славянами, даже въ Австріи, это сочтется почти за заговоръ. Человѣкъ, извѣстный своимъ національнымъ патріотизмомъ, дѣлается человѣкомъ опаснымъ и считается врагомъ правительства. Послѣднее до сихъ поръ продолжаетъ смотрѣть на вопросъ національностей, какъ на злѣйшую язву государства; потому само оно,—или его тайная полиція, все равно,—весьма подозрительно смотритъ на русскихъ, которые теперь, конечно, появляются въ Прагѣ гораздо чаще, чѣмъ прежде; насъ, скромную, студирующую молодежь, оно считаетъ не иначе, какъ политическими агентами, эмиссарами, читаетъ наши письма, снабжаетъ шпіонами, которые даже не всегда скрываютъ свою профессію. На этомъ основаніи въ Прагѣ только немногіе изъ нашихъ добрыхъ друзей рѣшались дѣлать намъ посѣщеніе дома; они думали, что это только усилитъ полицейскій надзоръ, и безъ того не упускающій ихъ изъ виду; я убѣдился по крайней мѣрѣ, что для иныхъ было подвигомъ сдѣлать мнѣ визитъ на моей собственной квартирѣ. Поддаваясь такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ нелѣпымъ при-

тязаніямъ австрійской политики или полиціи, чехи сами даютъ ей оружіе противъ себя, и она чѣмъ дальше, тѣмъ больше пріобрѣтаетъ смѣлости. Теперь въ Прагѣ безъ пушекъ и штыковъ совершается блокада не хуже блокады Виндишгреца. Многими даже изъ лучшихъ людей начинаетъ овладѣвать безнадежность: «наше дѣло проиграно,—слышали мы не разъ;—ужъ намъ не помогутъ теперь, все кончено», и все-таки не дѣлается ничего для измѣненія порядка вещей. У нихъ недостаетъ даже умѣнія или храбрости сдѣлать свое дѣло доступнымъ публичности.

Мы сказали уже, что теперь поздно поддерживать вопросъ одной литературой; но къ дѣйствительно важной дѣятельности общественной и политической чехи оказываются всего менѣе приготовленными. Не говоря объ итальянцахъ или венграхъ, у которыхъ доставало энергіи на очень горячія протестаціи, даже кроаты превосходятъ чеховъ чувствомъ независимости. Правда, что ихъ политическое положеніе, можетъ быть, самое запутанное изъ всѣхъ; при ихъ нерѣшительности и неопытности въ политическихъ дѣлахъ, они сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, перепутаны съ нѣмецкимъ населеніемъ, которое будетъ для нихъ помѣхой на каждомъ шагу. Венгры остаются по крайней мѣрѣ неоспоримыми владыками своего края; въ Богеміи же, при первой революціонной попыткѣ чеховъ, въ нѣмецкомъ населеніи опять откроется стремленіе къ соединенію съ Германіей, какъ у франкфуртистовъ 48 года, и это можетъ парализировать революцію въ славянскомъ духѣ. Далѣе, въ цѣломъ своемъ составѣ чешско-славянская національность заключаетъ, кромѣ чеховъ, также моравовъ и словаковъ, что составляетъ весьма значительное цѣлое, но, къ сожалѣнію, и они раздѣлены международной антипатіей. Моравы, которые бы могли служить переходнымъ звеномъ между чехами и болѣе отдаленными словаками, не только не питаютъ къ первымъ никакого сочувствія, но даже просто не терпятъ ихъ; эта роковая антипатія, обнаружившаяся и въ первую революцію, сильно распространена во всемъ славянскомъ мірѣ и можетъ много повредить его будущей исторіи, какъ повредила прошедшей. Даже южные славяне, заѣзжающіе теперь нерѣдко въ Прагу для университетскихъ занятій, обыкновенно держатся вдалекѣ отъ чеховъ, къ которымъ у нихъ не лежитъ сердце: чехи получили уже репутацію народа слишкомъ сносливаго и ненадежнаго.

Въ Европѣ теперь уже многіе убѣждены въ близкомъ

распаденіи Австріи; въ немъ убѣждены и многіе чехи, которымъ очень нравится такая перспектива. Послѣдняя война дѣйствительно произвела въ Австріи нѣкоторое броженіе, но въ немъ не было ничего рѣшительнаго, и теперь всѣ, кромѣ венгровъ, входятъ въ старую колею (мы исключаемъ конечно недоосвобожденную Венецію). Чешскіе славяне болѣе другихъ убѣждаются въ своей слабости, и начинаютъ ждать своего спасенія отъ вмѣшательства deus ex machina, въ видѣ могущественнаго союзника, который возьметъ на себя защиту угнетенныхъ національностей, какъ взяла Франція въ Италіи. Подобнаго рода надежды мы очень часто слышали отъ чеховъ.

Нынѣшнее положеніе славянскихъ дѣлъ напоминаетъ нѣсколько обстоятельства, предшествовавшія сорокъ восьмому году. Нѣкоторое движеніе началось уже у венгерскихъ словаковъ, которые опять встрѣчаются съ мадьярами въ вопросѣ о національности; послѣдніе непремѣнно хотятъ дать своей народности безраздѣльное господство во всей венгерской землѣ, и не хотятъ дать словакамъ права на сохраненіе своей. Въ то же время венгры стали во враждебное отношеніе къ австрійскому правительству, такъ что въ случаѣ взрыва дѣлаются возможны тѣ самыя комбинаціи, которыя тогда погубили и венгерское, да и славянское дѣло. Чехи изъ сочувствія къ словакамъ опять могутъ стать на сторону Австріи,—развѣ найдется человѣкъ съ вліяніемъ, который воспользуется старымъ урокомъ и сумѣетъ провести трудное дѣло черезъ грозящія ему опасности.

Политическая неприготовленность и нерѣшительность, сносливость чешскаго народа такъ велика, что многіе люди, знающіе положеніе австрійскихъ славянъ, начинаютъ думать, что чехи уже не могутъ въ настоящую минуту принять, какъ прежде, политическую иниціативу. Гораздо больше имѣютъ надежды на южныхъ славянъ, сербовъ и кроатовъ, которые хотя и меньше развиты, но зато и меньше мирятся съ нѣмцами и подчиняются австрійскому игу. Эта нація, еще очень первобытная, суровая и крѣпкая физически, можетъ вынести на своихъ плечахъ славянскій вопросъ въ Австріи, когда страшные кроаты, до сихъ поръ слуги абсолютизма, болѣе займутся мыслью о правахъ своего отечества, которая уже заходитъ въ ихъ головы. Ихъ подталкиваетъ къ этому и сосѣдство съ угнетенной Босніей, съ турецкой Кроаціей и освободившейся уже Сербіей.

Какими путями пойдетъ теперь славянскій вопросъ, нельзя

конечно предвидѣть въ настоящую минуту; мы видимъ только, что для иныхъ изъ западныхъ славянъ наступаетъ критическій періодъ, который опредѣлитъ ихъ дальнѣйшую исторію. Переворотъ ожидается, но будетъ ли онъ началомъ новой жизни или принесетъ только убѣжденіе въ невозможности борьбы? Невольному сомнѣнію отдается даже тотъ, кто отъ души сочувствуетъ развитію славянскихъ народностей; ихъ настоящее смутно и тяжело, и «золотая» Прага, какъ зовутъ ее южные славяне, въ этомъ смыслѣ оставитъ въ постороннемъ наблюдателѣ не одно грустное впечатлѣніе.

Январь, 1860.

ВЯЧЕСЛАВЪ ГАНКА.

12-го января н. ст. *) умеръ въ Прагѣ Вячеславъ Ганка, одинъ изъ немногихъ теперь оставшихся дѣятелей чешскаго возрожденія, видѣвшихъ его начало и отдавшихъ ему весь свой трудъ и всю силу патріотическаго стремленія. Имя Ганки знаютъ всѣ, кому сколько-нибудь знакомы интересы славянскаго движенія. Многіе изъ русскихъ, бывавшихъ въ Прагѣ и лично знавшихъ Ганку, помянутъ добрымъ словомъ почтеннаго старика, для котораго они были дорогими гостями. Имя Ганки останется неразрывно связано съ исторіей обновленія чешской національности, которое представляетъ одинъ изъ главныхъ фактовъ славянскаго движенія нашего времени и такъ называемаго панславизма. Съ самой молодости и до послѣднихъ дней Ганка неутомимо трудился для дѣла своей родины. Онъ былъ почти исключительно археологомъ, нумизматомъ, издателемъ старыхъ памятниковъ; но эта сухость его личныхъ занятій не мѣшала ему долго сохранить теплое нравственное вліяніе среди нѣсколькихъ поколѣній молодежи, которую училъ онъ славянскимъ языкамъ и которой передавалъ свои славянскія симпатіи. Любовь къ своей чешской родинѣ соединялась у него всегда съ любовью ко всему славянству: онъ много лѣтъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ учеными разныхъ концовъ славянскаго міра, русскими и польскими, хорватскими и сербскими,—въ его обширной перепискѣ найдется безъ сомнѣнія очень много интереснаго для исторіи новой славянской жизни. Ганка оказалъ несомнѣнныя услуги литературной взаимности славянскихъ племенъ, отъ которой такъ многаго ждутъ наши западные единоплеменники.

Въ нашей литературѣ выразилось въ послѣдніе годы положительное сочувствіе къ славянскому вопросу. Онъ пересталъ занимать однихъ спеціалистовъ и дѣлается предметомъ болѣе или менѣе общаго вниманія,—но до сихъ поръ у насъ мало извѣстны подробности этого вопроса и тѣ люди,

*) 1861 г.

которые были главными его представителями у западныхъ славянъ. Ганка былъ однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ лицъ новой чешской литературы, игравшихъ роль въ развитіи панславизма, и мы рѣшаемся дать читателю если не полную его біографію, какой должно ожидать отъ его соотечественниковъ, то по крайней мѣрѣ главныя черты его литературнаго поприща *).

Въ настоящее время, такое тревожное для нѣмецкой Австріи, чешское общество начинаетъ оправляться послѣ того удара, который оно потерпѣло отъ реставраціи 1849-го года. Быть можетъ, счастливыя событія опять выведутъ на сцену этотъ народъ, и онъ будетъ имѣть больше успѣха, наученный горькимъ опытомъ прежней революціи. Общество начинаетъ открыто подавать голосъ и заявлять свои первыя требованія. Эти требованія впрочемъ не новы: чешская народность уже съ конца прошлаго вѣка вспомнила свои права, она успѣла съ тѣхъ поръ пріобрѣсти нѣкоторую независимость и старается вести все дальше споръ о своемъ правѣ. Защита этого права народности была существенной задачей дѣятельности Ганки, и потому біографія его можетъ быть любопытнымъ эпизодомъ исторіи чешскаго вопроса: Ганка долго былъ его ревностнымъ труженикомъ, онъ видѣлъ первыя попытки предпріятія и его успѣхъ; ему пришлось пережить тяжелыя испытанія пятидесятыхъ годовъ, но удалось видѣть и настоящіе проблески національной жизни, въ которыхъ скрывается можетъ быть «заря святого искупленья».

Послѣдніе годы восемнадцатаго столѣтія были для чеховъ тѣмъ критическимъ временемъ, когда ихъ народность дѣлала первыя попытки новаго развитія. Послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), кончившей самостоятельность Чехіи и золотой вѣкъ ея литературы, наступилъ длинный періодъ преслѣдованій: огромная масса чешскихъ протестантовъ должна была покинуть родину, потому что не хотѣла принимать католичества; въ странѣ, опустѣвшей отъ эмиграціи, безраздѣльно господствовали іезуиты, которые принялись истреблять все, что считали опаснымъ для чистоты католическаго ученія. Литература чеховъ упала вдругъ: ея лучшіе люди погибли, іезуиты жгли тысячами книги, потому что видѣли или предполагали въ чешской книгѣ ересь; энергія націи

*) Фактическія подробности мы беремъ изъ единственной біографіи, писанной еще при жизни Ганки однимъ изъ его почитателей, Легисъ-Глюкзелихомъ въ нѣмецкомъ альманахѣ: Libussa (Любуша), Prag, 1852 г. стр. 285—369.

была окончательно поражена. Въ долгій промежутокъ времени отъ Бѣлогорской битвы до послѣдней четверти XVIII вѣка сознаніе народа о самомъ себѣ какъ будто не существовало; онъ тупо покорялся своей судьбѣ и кажется не ждалъ впереди лучшаго. Въ странѣ усиливалось нѣмецкое населеніе и нѣмецкіе порядки, чешскій языкъ оставался наконецъ, только въ простомъ народѣ, да и здѣсь правительство стало считать его излишней помѣхой для себя. Въ концѣ XVIII-го столѣтія правительство Іосифа II принимало уже положительныя мѣры для того, чтобы сдѣлать господствующимъ нѣмецкій языкъ вмѣсто народнаго, который мѣшалъ государственному единству. Такъ въ 1780 г. вышло и потомъ нѣсколько разъ было повторено запрещеніе принимать въ школы тѣхъ, кто не зналъ достаточно понѣмецки; если природные чехи желали отправлять дѣтей въ школу, имъ велѣно было сначала отдавать ихъ нѣмцамъ для обученія нѣмецкому языку; въ тѣ мѣста, гдѣ было одно чешское населеніе, приказано было назначать нѣмецкихъ учителей *). Покинутый высшимъ классомъ и городскимъ населеніемъ, стѣсненный даже въ деревняхъ и селахъ, чешскій языкъ готовъ былъ исчезнуть окончательно; лучшіе люди того времени, какъ знаменитый аббатъ Добровскій, считали его языкомъ мертвымъ; для ученыхъ онъ сталъ предметомъ археологіи. Чешская старина, которая могла еще поддерживать въ народѣ любовь къ родному, все еще не была оставлена въ покоѣ; австрійскіе ультрамонтаны продолжали и въ XVIII-мъ столѣтіи ненавидѣть въ ней остатки ереси, и не дальше какъ въ 1770-мъ году изданъ былъ послѣдній «Индексъ», списокъ запрещенныхъ чешскихъ книгъ, составленный по той же программѣ, какую придумали іезуиты семнадцатаго вѣка. «Индексъ» запрещалъ всѣ лучшіе памятники старой чешской литературы, всѣ книги съ 1414 года, и не только сочиненія Гуса и Амоса Коменскаго, но даже старинныя басни Калилы-ва-Димны, Троянская исторія и другія подобныя вещи запрещались цѣликомъ или частями.

Реформы Іосифа, какъ мы видѣли по приведеннымъ распоряженіямъ, не могли быть полезны для чешской народности; сохраненіе ея не входило въ планы ни этого императора, ни его предшественниковъ. Но несмотря на все

*) Всѣ подобныя мѣры пересчитаны у Юнгмана, въ его Исторіи Чешской литературы (Прага, 1849), стр. 354.

давленіе австрійской и іезуитской системы, еще до Іосифа II, при которомъ въ первый разъ явилась религіозная и нѣкоторая общественная свобода, въ чешскомъ обществѣ обнаружились первыя движенія народности, выходившей изъ своего летаргическаго сна. Въ семидесятыхъ годахъ послышались еще робкіе, но уже сознательные голоса, напоминавшіе чехамъ о славной старинѣ. Образованные чехи вспомнили о старой литературѣ, перепечатали нѣкоторыя наиболѣе невинныя изъ ея произведеній, доказывали богатство чешскаго языка, упавшаго тогда до простонароднаго нарѣчія и крайне испорченнаго въ немногихъ книгахъ, которыя могли выходить подъ іезуитской опекой *). Откуда же вышло это первое побужденіе возвратиться къ старинѣ, первая мысль о забытой народности? Извѣстнѣйшій изъ историковъ чешской литературы, Юнгманъ, справедливо утверждаетъ, что причиной этого явленія было общее возвышеніе образованности и поворотъ мнѣній цѣлаго европейскаго общества, отразившійся и на Австріи. Передъ тѣмъ временемъ, когда либеральныя идеи терпимости и общественной свободы вошли при Іосифѣ въ законъ и стали государственной мѣрой, эти идеи уже сознавались лучшими представителями общества; у чеховъ онѣ очень естественно нашли себѣ первое приложеніе въ вопросѣ о чешскомъ народѣ и народности, стѣсненіе которыхъ было вопіющимъ обвиненіемъ противъ стараго порядка. До Іосифа еще трудно было вспоминать еретическую Чехію XV-го и XVI-го столѣтій: при немъ это сдѣлалось возможнѣе, и желаніе вызвать изъ забвенія славную старину порабощеннаго народа слилось съ заботой о самомъ народѣ: языкъ его не имѣлъ литературы, народъ лишенъ былъ всякихъ средствъ образованія. Какъ ни враждебно смотрѣлъ самъ Іосифъ II на чешскую народность, нѣтъ сомнѣнія, что его гуманныя стремленія имѣли свою долю вліянія на успѣхъ чешскаго возрожденія.

Мысль о потребностяхъ народа съ перваго раза предста-

*) Вотъ заглавія нѣсколькихъ книгъ, съ появленія которыхъ чехи начинаютъ свою новую литературу: Erinnerungen eines Böhmen über einen wichtigen Gegenstand, Prag, 1774, графа Кинскаго; Dissertatio apologetica pro lingua Bohemica, старое сочиненіе ученаго іезуита Бальбина, изданное Пельцлемъ въ 1775 г.; Путешествіе въ Турцію графа Вратислава зъ-Митровицъ (1599 г.), изданное тѣмъ же Пельцлемъ съ патріотическимъ предисловіемъ, 1777 г.; Empfehlung der böhmischen Sprache und Literatur. Wien, 1783, Ганке ф.-Ганкенштейна, который составилъ тогда и планъ изученія чешскаго языка.

вилась чешскимъ патріотамъ, и это было очень естественно. Само правительство, при всей нелюбви къ чешской народности, съ другой стороны, пришло къ необходимости воспользоваться народнымъ языкомъ для своихъ видовъ. Большая часть народа совершенно не знала по-нѣмецки; чтобы сдѣлать природнаго чеха годнымъ къ службѣ, чтобы научить его какимъ-нибудь необходимымъ знаніямъ, нужно было говорить съ нимъ по-чешски. Съ первыхъ годовъ второй половины XVIII-го столѣтія правительство начало употреблять частныя мѣры для введенія чешскаго языка: такимъ образомъ, чешское преподаваніе введено было въ Вѣнской военной академіи и инженерной школѣ для новичковъ изъ чеховъ; съ 1775 года, еще при Маріи Терезіи, стали учить чешскому языку въ вѣнскомъ университетѣ. При Іосифѣ чешскій языкъ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ этомъ направленіи: школы преобразовывались, схоластическая латынь выводилась, но ея мѣсто занималъ постоянно нѣмецкій. Но короткое правленіе его не остановило возрастающей любви къ народному языку; при Леопольдѣ чешскій языкъ опять пріобрѣлъ нѣкоторыя права: нѣсколько разъ онъ послышался даже въ торжественныхъ церемоніяхъ въ присутствіи императора; въ 1792 г. открыта была въ пражскомъ университетѣ каѳедра чешскаго языка и словесности, которую заняли сначала Пельцель, потомъ Неѣдлый. Для первыхъ чешскихъ писателей удовлетвореніе нравственнымъ потребностямъ массы стало существенной задачей; они хотѣли дать народу полезное, здоровое чтеніе, поддержать любовь къ своему языку въ однихъ, возбудить ее въ другихъ, которые становились къ нему холодны; литература, разсчитанная для народа, имѣла высокую заслугу нравственнаго воспитанія народа и вмѣстѣ служила лучшимъ средствомъ дать прочное основаніе новому національному движенію. Господствующей чертой литературы съ самаго начала стала популярность; первыми книгами было элементарное чтеніе для народа. Самымъ характеристическимъ представителемъ этой литературы была почтенная личность Вацлава Матея Крамеріуса (1759—1808), который всю дѣятельность своей жизни посвятилъ исключительно расширенію своего роднаго языка и заботамъ о нравственномъ и общественномъ развитіи народа Крамеріусъ былъ глубоко проникнутъ гуманнымъ чувствомъ къ народу; съ ничтожными средствами онъ началъ издавать для него книги, которыя по простому практическому смыслу считалъ для него нужными; отличаясь боль-

шой плодовитостью, онъ давалъ народу все, что было пригодно для его быта, начиная отъ молитвенника до театральной пьесы, издавалъ альманахи, народныя газеты, гдѣ говорилъ о религіи и сельскомъ хозяйствѣ, географіи и исторіи, писалъ и переводилъ повѣсти и т. д. Крамеріусъ понималъ задачу свою просто, безъ разныхъ затѣйливыхъ умозрѣній современнаго славянофильства, и имѣлъ большой успѣхъ; онъ серьезно и толково входилъ въ интересы народа, забавлялъ его своими и чужими разсказами, и книжки усердно читались въ его публикѣ. Въ этомъ популярномъ направленіи дѣйствовали и другіе чешскіе патріоты, его современники; литература состояла исключительно изъ книгъ первоначальной необходимости: грамматики, сборники стихотвореній и пѣсенъ, популярныя книжки для чтенія были ея главнымъ содержаніемъ. Ученая литература шла пока отдѣльно, языкомъ ея всего чаще былъ нѣмецкій или латинскій, какъ въ сочиненіяхъ Добровскаго. Труды Крамеріуса и его сподвижниковъ обезпечили слѣдующему поколѣнію массу людей, которые уже привязались къ родному языку и которыхъ оно могло вести дальше на пути національнаго сознанія.

Ни Крамеріусъ, ни современники его не предвидѣли еще, что̀ выйдетъ изъ начатаго ими дѣла; единственнымъ помышленіемъ ихъ было поднять народный языкъ и помочь народному образованію; имъ не представлялись еще иныя задачи, волновавшія позднѣйшую эпоху, — ни историческое значеніе славянства, ни освобожденіе отъ нѣмецкаго авторитета, ни панславизмъ. За первыми домашними заботами они не думали о другихъ славянахъ, да и мало знали ихъ. Расширить это національное чувство до идеи о цѣломъ славянствѣ, сдѣлать попытку къ соединенію всего славянскаго міра въ одно нравственное цѣлое, досталось слѣдующему поколѣнію. Ганка былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и дѣятельныхъ его представителей.

Такимъ образомъ первый успѣхъ народности былъ пріобрѣтенъ чисто педагогическими и литературными способами; литература и впослѣдствіи осталась единственной почвой и средствомъ для развитія національныхъ стремленій. Руководителями общественной мысли были писатели и ученые; завоеванія ихъ ограничивались отвлеченными результатами,—и внѣшняя исторія славянскаго движенія была у чеховъ литературнымъ споромъ и литературными задачами. Эти завоеванныя идеи, правда, глубоко укоренялись въ со-

знаніи общества, становились необходимымъ условіемъ его характера, но все еще имѣли мало силы для практической дѣйствительности. Общество не имѣло еще никакой возможности перейти на политическую дорогу, и первая политическая попытка панславизма въ 48-мъ году была совершенно неудачна. Въ этомъ нельзя, конечно, винить его тогдашнихъ представителей: политическая дѣятельность требуетъ людей другого рода. При всемъ томъ эта литературная проповѣдь панславизма имѣла великую заслугу; она одна была возможна въ томъ общественномъ застоѣ, который господствовалъ во всей императорской и католической Австріи; она старалась послѣдовательно развивать въ ней идею народности, и отъ нея она умѣла, наконецъ, дойти до извѣстныхъ политическихъ убѣжденій, судьба которыхъ составитъ дальнѣйшую исторію панславизма.

Читатель не удивится поэтому, что біографія Ганки, котораго мы поставили въ числѣ важнѣйшихъ дѣятелей чешскаго движенія, состоитъ почти исключительно изъ однихъ литературныхъ фактовъ: къ нимъ сводилась вся исторія чешскаго общества.

Вячеславъ Ганка родился въ 1791 году, въ Горинѣ-веси, въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ Богеміи. Отецъ его былъ мужикъ, довольно зажиточный сельскій хозяинъ, который предназначалъ сыну тѣ же занятія и не думалъ много заботиться о его воспитаніи. Мальчикъ выросталъ на свободѣ и весь отдавался удовольствіямъ деревни, которыя надолго сохранили для него свою привлекательность; съ тѣхъ поръ осталась въ характерѣ его простота жизни и незатѣйливая искренность чувства. Ганка съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ наслажденіи, которое доставляла ему спокойная деревенская жизнь и природа. Онъ долженъ былъ пасти отцовское стадо; въ дождь или снѣгъ онъ одѣвался въ старый гусарскій плащъ, изъ временъ семилѣтней войны, доставшійся ему по наслѣдству отъ стараго пастуха; лѣтомъ онъ развѣшивалъ этотъ плащъ на палкѣ и устраивалъ палатку. Ему удалось провести всѣ дѣтскіе годы въ своей семьѣ и на свободѣ: мы упоминали уже, что у чеховъ было обыкновеніе отдавать дѣтей въ чужія нѣмецкія семьи, чтобы они на сторонѣ легче выучивались нужному для нихъ нѣмецкому языку: старшіе братья и сестры Ганки попали въ эту науку, Handel, какъ ее называли,—но онъ остался дома, вѣроятно потому, что некому было больше смотрѣть за стадомъ.

Такъ проходили годы его дѣтства, на глазахъ матери, отъ которой онъ перенялъ любовь къ родному языку и народнымъ пѣснямъ. Воспитаніе его предоставлено было волѣ случая; читать онъ выучился по старой рукописи XVI или XVII столѣтія, отъ которой онъ пріобрѣлъ и странный почеркъ письма, совершенно архаическій, похожій на почеркъ стараго Яна Жижки. До пятнадцати лѣтъ онъ ходилъ въ школу только по зимамъ, потому что лѣто было занято сельскими работами. Только одно обстоятельство заставило его отца подумать о болѣе основательномъ воспитаніи сына. Въ то время шла война съ Франціей, постоянно происходили наборы, и отъ рекрутства можно было избавиться только школой. Отецъ пристроилъ Ганку къ какому-то учителю изъ сельскаго духовенства, чтобы онъ могъ приготовиться къ гимназическому курсу, хотя собственно говоря, мальчикъ былъ уже слишкомъ великъ для этого начала. По заключеніи мира занятія кончились,—воспитанникъ снова вернулся къ своей деревенской жизни, но въ 1805 году война возобновилась и Ганка долженъ былъ рѣшительно заняться ученіемъ. Онъ плохо выдержалъ пріемный экзаменъ, мало зналъ по-нѣмецки, но, несмотря на то, поступилъ въ 1807 г. въ гимназію въ Краловѣ-Градцѣ (Königgrätz). Учителя знали о намѣреніяхъ отца Ганки и не считали его настоящимъ ученикомъ; Ганкѣ позволялось даже подавать задачи на чешскомъ языкѣ, хотя все ученіе шло по-нѣмецки. Ганка усердно занимался своими чешскими задачами и примѣромъ своимъ подѣйствовалъ на многихъ товарищей,—это былъ первый успѣхъ его въ пользу чешской народности. Случилось, что въ то время расположенъ былъ на его родинѣ полкъ сербской пѣхоты,—Ганка воспользовался этимъ, чтобы выучиться по-сербски; такія же благопріятныя обстоятельства дали ему потомъ возможность въ первый разъ познакомиться съ хорватскимъ и русскимъ языкомъ. Конечно, разговоръ солдата и его молитвенникъ не были богатымъ филологическимъ пособіемъ; за то личная встрѣча съ родными славянами оставляла глубокое впечатлѣніе: съ тѣхъ поръ Ганка уже не забывалъ о славянскихъ единоплеменникахъ.

Отецъ замѣтилъ въ сынѣ любовь къ занятіямъ, и это измѣнило, наконецъ, его планы; онъ сталъ предназначать сына къ духовному званію, и осенью 1810 года Ганка отправился для слушанія философскаго курса въ Прагу. Онъ уже чувствовалъ сильное влеченіе къ занятіямъ чешской литературой и языкомъ, и думалъ, что найдетъ въ

Прагѣ всѣ средства для достиженія своей цѣли. Онъ нѣсколько ошибся въ своихъ расчетахъ; Прага того времени представляла очень мало чешской жизни и чешскаго литературнаго движенія. Правда, тамъ собралось уже нѣсколько лицъ, принимавшихъ къ сердцу народные интересы: Добровскій, Пельцель, Крамеріусъ, Прохазка, Тамъ, Неѣдлый, всѣ трудились съ большимъ усердіемъ, но одни трудились чисто ученымъ образомъ, разрѣшали отвлеченные вопросы филологіи, интересной ученымъ, и исторіи, забытой народомъ; другіе думали о простомъ народѣ, писали для него повѣсти, календари, перепечатывали старыя стихотворенія. Все это могло принести большую пользу въ будущемъ, но для настоящаго это было слишкомъ незамѣтно и мало дѣйствовало на болѣе образованную часть общества, которое, за исключеніемъ небольшого кружка патріотовъ, оставалось равнодушно къ національному вопросу, только что тронутому. Самъ Добровскій, къ учености котораго всѣ чувствовали великое уваженіе, называлъ себя чехомъ и ревнителемъ истинной славы своего народа, но эту славу понималъ еще довольно смутно; при всей привязанности къ народному языку, о которой свидѣтельствуютъ его чешскіе почитатели, онъ отказался отъ надежды на возстановленіе чешской литературы, и думалъ, что она никогда не пойдетъ дальше обыкновенной простонародной книги *).

Первое поколѣніе патріотовъ, начавшихъ трудиться для народа, почти оканчивало свое поприще, но еще много оставалось сдѣлать людямъ, которые стремились къ возвышенію чешскаго языка и словесности. Уже въ это время Ганка, въ двадцать лѣтъ только что кончившій гимназическій курсъ, затѣвалъ разные планы въ пользу чешскаго языка, и въ теченіе своего философскаго курса (1810—1812) былъ душой молодого кружка, преданнаго той же патріотической мысли. Никто изъ нихъ еще не рѣшался выступить въ литературѣ,—заботой ихъ было практическое распространеніе чешскаго языка, и съ этой цѣлью Ганка устроилъ въ университетѣ чешскія чтенія. Онъ пользовался для нихъ сборникомъ чешскихъ пьесъ Пухмайера, но иногда появлялись въ нихъ и собственныя сочиненія юныхъ авторовъ. Чтенія имѣли такой успѣхъ, что ими заинтересовались не только студенты, но и лица изъ высшаго общества Праги; на нихъ

*) *Палацкій*, біографія Іос. Добровскаго, перев. Царскаго. Москва, 1838 г., стр. 34.

бывалъ даже губернаторъ графъ Валлисъ и графъ Коловрать, имя котораго памятно для исторіи чешскаго возрожденія по участію его къ дѣлу народности. Молодые люди изъ высшаго класса начинали учиться по-чешски, Ганка сталъ преподавателемъ чешскаго языка, что и дало первую извѣстность его имени. Впослѣдствіи былъ ученикомъ его и извѣстный графъ Лео Тунъ, нѣкогда ревностный чешскій патріотъ, занимавшій потомъ мѣсто въ министерствѣ Баха. Такими скромными успѣхами подвигалось впередъ задуманное дѣло; чѣмъ дальше, тѣмъ больше выростали надежды патріотовъ и они дѣйствовали съ большей увѣренностью. Чешскія чтенія съ тѣхъ поръ не выводились изъ моды; до сихъ поръ однимъ изъ любимыхъ удовольствій пражской публики бываютъ такъ называемыя «бесѣды», часть которыхъ занята концертомъ, а другая чтеніемъ «декламованокъ»: это пьесы въ стихахъ и прозѣ, которыя предназначаются собственно для публичнаго чтенія; написанныя не безъ остроумія, онѣ способны поддерживать въ публикѣ охоту къ родному языку и до сихъ поръ доставляютъ ей пріятное препровожденіе времени.

Въ это время Ганка познакомился съ Добровскимъ, къ которому уже питалъ большое уваженіе; это былъ первый ученый авторитетъ славянской науки. Добровскій, тогда уже старикъ, съ перваго знакомства встрѣтилъ Ганку съ сочувствіемъ, потому что увидѣлъ въ немъ замѣчательное по тому времени знакомство съ славянскими нарѣчіями. Мы говорили о томъ, какимъ образомъ Ганка научился по-сербски; онъ сумѣлъ объяснить Добровскому нѣсколько сербскихъ пословицъ, для чего самъ «патріархъ» тогдашней славянской филологіи не имѣлъ никакихъ средствъ. Это подняло Ганку въ глазахъ Добровскаго, и онъ впослѣдствіи формально сталъ учителемъ Ганки, въ которомъ нашелъ большія способности къ славянской лингвистикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отсутствіе пособій, Ганка уже тогда пріобрѣлъ большое знаніе славянскихъ нарѣчій; онъ учился отъ сербскихъ граничаровъ и галицкихъ уланъ, у краинцевъ, продававшихъ лимоны, у словацкихъ дротарей *), заходившихъ

*) «Дротари», бѣдные словаки, которые, не находя дома никакихъ средствъ существованія, отправляются по окрестнымъ провинціямъ, заходятъ въ Прагу, Вѣну и дальше и промышляютъ продажей мышеловокъ, связываютъ проволокой разбитую посуду и т. п. Эти бѣдняки до сихъ поръ продолжаютъ старое ремесло, ихъ легко можно узнать по свертку проволоки на поясѣ и по ихъ «національному» рубищу.

въ домъ его отца. Онъ покупалъ у нихъ книжки, которыя они случайно заносили изъ своей родины, и самъ доискивался правилъ чужого нарѣчія.

Ганка былъ уже студентомъ права; духовная карьера была оставлена, и осенью 1813 года онъ отправился въ Вѣну продолжать свои юридическія занятія; кромѣ того, въ Вѣнѣ предвидѣлась и другая дѣятельность. Тамъ основана была чешская газета (Vídenské listy), и при началѣ изданія Ганка работалъ для нея очень много. Его понятія и патріотическія требованія расширялись больше и больше; его энтузіазмъ еще усилился послѣ теплаго письма Юнгмана, уже извѣстнаго тогда своимъ чешскимъ патріотизмомъ: «трудитесь только, какъ прежде, тихо и безъ шуму, гдѣ и какъ только возможно,—писалъ ему Юнгманъ,—чтобы не погибла наша *народность*; вы не останетесь безъ благодарности и благословенія отъ грядущихъ поколѣній». Ганка увидѣлъ новую сторону своихъ стремленій, о которой, кажется, мало думалъ прежде; біографъ его разсказываетъ, что онъ понялъ тогда политическій смыслъ своего дѣла; защита языка стала защитой народности; Ганка былъ съ этого времени партизаномъ идеи, такъ часто пугавшей нѣмцевъ и получившей названіе «чехизма».

Черезъ годъ онъ вернулся въ Прагу. Все свободное время онъ опять отдавалъ чешскому языку, и уже нѣсколько смѣлѣе, хотя бо̀льшею частью безъ имени, выступалъ на литературное поприще. Его поэтическое дарованіе находило сочувствіе въ его друзьяхъ, и нѣкоторыя стихотворенія его, читанныя на публичныхъ чтеніяхъ, обратили на него вниманіе. Въ 1815 году онъ издалъ свою первую книжку; въ это время проходили черезъ Богемію русскія войска,—Добровскій написалъ для народа «Пособіе для пониманія русскаго языка», а Ганка составилъ маленькое «Описаніе Россіи и ея войска». Тогда же онъ издалъ свои первыя двѣнадцать пѣсенъ, положенныхъ на музыку; на слѣдующій годъ вышелъ второй выпускъ, въ которомъ появилась, между прочимъ, и пьеса знаменитаго славянскаго ученаго Шафарика. Пѣсни Ганки, писанныя въ народномъ духѣ, безъ литературныхъ затѣй и прикрасъ, имѣли большой успѣхъ и до сихъ поръ сохранили свою извѣстность у чешскихъ читателей.

Дѣятельность этихъ людей, доставившихъ потомъ чешской литературѣ ея важнѣйшія орудія для защиты національности, начиналась такимъ образомъ самыми скромными произведеніями, которыми они хотѣли поддерживать въ народѣ

любовь къ своему языку. Мы видѣли, какая необходимость заставляла чешскихъ писателей держаться этихъ элементарныхъ средствъ. Ганка продолжалъ свои занятія съ Добровскимъ, который передавалъ ему и нѣсколькимъ другимъ чехамъ свою теорію славянской филологіи. Ганка и самъ занимался преподаваніемъ, и издалъ книжку о чешскомъ правописаніи, которое подняло въ это время сильные споры, долго потомъ продолжавшіеся между чешскими учеными. Люди посторонніе смѣялись надъ этими спорами объ азбукѣ, но литература была въ такомъ положеніи, что правописаніе въ самомъ дѣлѣ стало для нея вопросомъ. Прошло двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ порвалось старое литературное преданіе, и классическій языкъ прежняго времени уже не годился въ девятнадцатомъ столѣтіи; споры о правописаніи перепортили много крови чешскимъ ученымъ, но избѣжать ихъ было нельзя: они длились все время существованія новой литературы, прекращались и открывались снова, шли въ одно время съ рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ славянской науки, и кончились только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ганку занимали въ то же время и другіе планы: его занималъ еще чужой для чеховъ славянскій міръ, и еще въ 1817 году онъ переводитъ на чешскій языкъ «Пѣсни Сербовъ» *), изданныя незадолго передъ тѣмъ Вукомъ Стефановичемъ и надѣлавшія шуму въ литературной Европѣ. Тогда же обратился онъ и къ изученію памятниковъ чешской старины и началъ изданія рукописей. Первымъ опытомъ его были Starobylà Skládanie, «Старинныя Стихотворенія», послужившія дополненіемъ исторіи чешскаго языка и литературы, которую приготовлялъ Добровскій. Въ небольшихъ томикахъ этого изданія Ганка въ первый разъ сталъ систематически выводить на свѣтъ старую поэтическую литературу, погребенную въ рукописяхъ и напоминавшую лучшія времена народной исторіи. Эта старина должна была получить чрезвычайно оживляющее вліяніе. Новая литература нуждалась въ историческомъ преданьѣ, въ генеалогіи памятниковъ, которые должны были дать ей нравственную опору.

Потребность этой исторической основы чувствовалась всѣми. Историческое изученіе должно было дать корень новому движенію литературы. Добровскій уже оказалъ въ этомъ отношеніи великую услугу трудами, имѣвшими всеславянское значеніе, но эти труды были слишкомъ сухо-учены; въ

*) Prostonárodni Serbska Muza и пр. Прага, 1817.

ихъ эрудиціи мало находило пищи живое увлеченіе современнымъ дѣломъ народности. Общество нуждалось въ другомъ; оно искало въ своей старинѣ національной славы, историческихъ доблестей, симпатичной поэзіи,—на этой почвѣ современное сознаніе народа могло быть связано съ его прошедшей судьбой, здѣсь могло возстановиться порванное національное преданіе.

Старые поэтическіе памятники удовлетворяли отчасти этой потребности, но еще больше раздражали любопытство; отъ старины ждали чего-нибудь болѣе полнаго, законченнаго и самобытнаго, чѣмъ памятники, собранные Ганкой, въ которыхъ подражаніе чужимъ образцамъ пересиливало поэзію. Въ это-то время надеждъ и ожиданій, когда первый успѣхъ цѣнится больше всѣхъ послѣдующихъ, потому что поддерживаетъ надежды,—Ганка открылъ такъ называемую Краледворскую рукопись, которая привела въ восторгъ патріотовъ. Краледворская рукопись—сборникъ поэмъ и пѣсенъ XIII—XIV столѣтія—давала имъ вдругъ все, чего они желали отъ своей старины: славныя національныя преданія, строгое чувство своей народности и мягкую, увлекательную поэзію. Открытіе Краледворской рукописи было событіемъ, которое вдругъ далеко подвинуло новую литературу. Оно сдѣлалось событіемъ для цѣлаго славянскаго міра: поэмы Краледворской рукописи вездѣ произвели впечатлѣніе своими красотами и славянскимъ настроеніемъ своей поэзіи; чехи съ гордостью видѣли въ ней лучшее произведеніе, какое только сбереглось отъ старой поэзіи славянскаго племени. Открытіе выпало на долю Ганки,—судьба какъ будто хотѣла вознаградить его за энтузіазмъ къ языку своего народа и преданіямъ его старины.

Краледворская рукопись найдена была Ганкой въ сентябрѣ 1818 года почти случайно. Онъ отправился въ городокъ Кралевинъ-дворъ (Königinhof) навѣстить одного изъ товарищей, и тамъ въ разговорахъ съ знакомыми услышалъ, что въ одномъ закоулкѣ древней городской церкви находится старое гусситское оружіе и клочки рукописей. Онъ пошелъ осматривать старую церковную башню, и тамъ, въ кладовой или въ подвалѣ, между разнымъ хламомъ отыскалъ сначала два узенькіе обрѣзка пергамента, потомъ двѣнадцать цѣлыхъ листковъ; этими обрѣзками оперены были стрѣлы гусситской эпохи. Просмотрѣвши наскоро листки пергамента, Ганка убѣдился, что это только отрывокъ большого цѣлаго, но всѣ его усилія отыскать остальныя части рукописи

были напрасны. Лица, принимавшія участіе въ поискахъ, безраздѣльно уступили рукопись Ганкѣ, а онъ подарилъ ее потомъ національному музею, который вскорѣ послѣ этого основанъ былъ въ Прагѣ чешскими патріотами.

Отрывокъ рукописи представлялъ только четыре (25—28) неполныя главы одной третьей части существовавшаго нѣкогда цѣлаго сборника литературныхъ памятниковъ чешской старины, но и въ этомъ небольшомъ отрывкѣ сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ произведеній. Это были эпическія стихотворенія и народныя лирическія пѣсни, собранныя въ концѣ XIII-го или началѣ XIV-го вѣка; первыя относились къ событіямъ чешской исторіи отъ половины XIII-го столѣтія въ глубь среднихъ вѣковъ до языческой эпохи,—они обнимали героическій періодъ народной исторіи, борьбу чеховъ съ врагами ихъ нѣмцами, поляками, монгольскимъ нашествіемъ; въ лирическихъ пѣсняхъ уцѣлѣли прекрасные образцы народной поэзіи. Въ небольшихъ поэмахъ Краледворской рукописи живо рисовались событія чешской жизни старыхъ временъ; въ нихъ одушевленнымъ языкомъ выражалось твердое сознаніе національной свободы.

Первыя свѣдѣнія о рукописи и нѣкоторые отрывки Добровскій помѣстилъ въ выходившей тогда его исторіи чешской литературы. Полное изданіе памятника потребовало довольно много времени и вышло уже черезъ годъ, съ нѣмецкимъ переводомъ Свободы, какъ отдѣльная часть «Старинныхъ Стихотвореній» (1819). Чешскіе памятники еще не представляли до тѣхъ поръ ничего столько живого и поэтическаго, ничего столько самобытнаго, и Краледворская рукопись имѣла огромный успѣхъ между чешскими патріотами; она осуществляла для нихъ то, чего они желали для подкрѣпленія своихъ національныхъ притязаній. Чешская старина явилась въ поэмахъ Краледворской рукописи въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, что они уже сильнѣе начинали думать о своихъ идеалахъ, больше вѣрили въ высокія достоинства славянскаго генія, и эта вѣра поддерживала ихъ въ усиліяхъ возстановить старую независимость народности. Самолюбію чеховъ льстило впечатлѣніе, произведенное пѣснями ихъ старины въ европейскихъ литературахъ. Краледворская рукопись была мало-по-малу переведена цѣликомъ или частями на всѣ славянскія нарѣчія и почти на всѣ европейскіе языки.

Ганка пріобрѣлъ большую популярность; ему посвящали хвалебныя стихотворенія не только свои, но и нѣкоторые

нѣмцы.—присылали медали, ученые дипломы; даже Россійская Академія, ратовавшая за старый слогъ, прислала ему медаль «за похвальныя упражненія въ словесности». Около этого времени начинаются дѣятельныя сношенія его съ разными славянскими учеными, много способствовавшія къ установленію той славянской взаимности, которая была мечтою Коллара.

Между тѣмъ основанъ былъ чешскій народный музей. Мысль о соединеніи въ одно цѣлое памятниковъ чешской старины уже давно занимала патріотовъ; Ганка въ особенности старался возбудить участіе къ этой мысли. Правительство позволило наконецъ открыть подписку; графъ Коловратъ-Либштейнскій въ апрѣлѣ 1818 г. издалъ воззваніе къ чешскимъ патріотамъ, и уже въ концѣ мая собрано было больше 60,000 флориновъ,—сумма весьма значительная для тогдашнихъ приверженцевъ народнаго дѣла, принадлежавшихъ къ небогатому классу общества. Въ число партизановъ народности вошло впрочемъ и нѣсколько аристократическихъ именъ, какъ, напр., князь Лобковицъ, Коловратъ-Либштейнскій, Коловратъ-Краковскій, графъ Вратиславъ и особенно двое Штернберговъ, которые займутъ почетное мѣсто въ исторіи чешскаго движенія. Пожертвованія дѣлались очень усердно; аристократы дали музею богатыя собранія книгъ, рукописей, коллекціи по естественной исторіи и т. п. Мало-по-малу музей организовалъ свое правильное существованіе, и Ганка, подарившій ему Краледворскую рукопись, сдѣланъ былъ библіотекаремъ музея и завѣдывалъ имъ до самой смерти. Библіотека музея не могла имѣть лучшаго хранителя.

Общественное положеніе Ганки такимъ образомъ окончательно установилось. Его личное, скромное существованіе не представляетъ въ это время да и послѣ не представляло никакихъ особенныхъ событій и переворотовъ. Это была жизнь ученаго труженика, отдававшаго все время работѣ, которой съ начала до конца руководила неизмѣнная патріотическая мысль. Ему приходилось однако не разъ подвергаться изъ-за этой мысли жестокимъ нападкамъ не только отъ нѣмцевъ, которые стали подозрѣвать въ ней вредную политическую тенденцію, но и отъ своихъ. Ученая дѣятельность Ганки не представила большихъ капитальныхъ трудовъ, какъ дѣятельность Палацкаго или Шафарика; напротивъ, она была чрезвычайно разбросана, и цѣлаго въ ней очень мало: по природѣ своей Ганка не могъ быть серьезнымъ и глубокимъ ученымъ. Работы его состояли изъ множества небольшихъ

статей и изслѣдованій по древностямъ, библіографіи, нумизматикѣ, изъ большого числа изданій или переводовъ. Чтобы дать о нихъ понятіе читателю, мы не будемъ входить въ мелкія подробности и укажемъ только главные предметы его дѣятельности; намъ можно будетъ замѣтить въ нихъ характеръ интересовъ и потребностей чешской литературы и стремленія выроставшаго панславизма.

Мы уже видѣли, что литература нуждалась въ самыхъ элементарныхъ вещахъ; ей нужно было создавать себѣ публику, начинать съ утвержденія самыхъ простыхъ историческихъ принциповъ, установить литературный языкъ и даже правописаніе. Ганка усердно трудился по всѣмъ этимъ задачамъ. Онъ участвовалъ въ небольшихъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя рисковали уже чешскіе писатели; взялъ на себя окончаніе большого нѣмецко-чешскаго словаря, начатаго Добровскимъ еще въ 1802 году, и издалъ его въ 1821 г.; написалъ чешскую грамматику и т. д. Чисто-филологическія работы,—какъ впослѣдствіи большой словарь Юнгмана, гдѣ Ганка опять участвовалъ богатыми вкладами,—составляли еще первую необходимость тогдашней литературы; писатель часто приходилъ въ недоумѣніе, не находя выраженій для множества понятій, неизвѣстныхъ народному языку; приходилось ковать новыя слова, чтобы не уродовать языка чужими словами, надобно было создавать самую фразу, которая была обыкновенно буквальнымъ переводомъ нѣмецкой, и т. п. Ганка издавалъ потомъ даже прописи для народа и школъ. Обыденныя потребности народнаго образованія вообще всегда были предметомъ его заботъ: онъ издаетъ для народа коротенькій, но весьма патріотическій «Обзоръ чешской исторіи», печатаетъ потомъ «Чешскія историческія пѣсни» на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, составленныя, за недостаткомъ собственно народныхъ пѣсенъ, новыми поэтами съ той же цѣлью пробудить національное чувство и заохотить къ языку. Для народнаго чтенія Ганка печаталъ и нѣкоторыя книги изъ старой эпохи, напр., повѣсть о Стоймирѣ и о Гризельдѣ; чтобы напомнить о Гусѣ, онъ издалъ для народа одинъ изъ его нравственныхъ трактатовъ. Память Гуса была особенно дорога чешскимъ патріотамъ; имя Гуса говорило о славной эпохѣ, когда чехи явились первыми защитниками религіозной свободы; въ Гусѣ видѣли и преданіе стараго чешскаго православія, которое, какъ мы увидимъ, находило въ Ганкѣ самое живое сочувствіе. Онъ не бросалъ въ то же время и своихъ панславистскихъ занятій, начатыхъ прежде

переводомъ сербскихъ пѣсенъ; онъ помогалъ теперь Челяковскому въ собраніи славянскихъ народныхъ пѣсенъ,—первомъ трудѣ этого извѣстнаго панслависта. Передъ тѣмъ Ганка сдѣлалъ изданіе Слова о Полку Игоревѣ, имѣвшее совершенно панславистскій видъ: рядомъ съ русскимъ текстомъ, онъ помѣстилъ чешскій переводъ и въ началѣ поставилъ предисловіе на чешскомъ, сербскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. Ганку занимало уже и всеславянское письмо, и въ этомъ изданіи онъ хотѣлъ сдѣлать «Слово» доступнымъ для всѣхъ славянъ, переписавши русскій текстъ какимъ-то фантастическимъ правописаніемъ, въ которомъ къ славянскимъ буквамъ прибавлены еще новыя выдуманныя буквы.

При этомъ началѣ своего поприща Ганка сдѣлался уже цѣлью ожесточенныхъ нападеній, которыя повторились потомъ при концѣ его жизни, и одинаково тяжело оскорбляли и его личное достоинство и его патріотизмъ. Поводомъ послужила рукопись знаменитой древне-чешской поэмы, «Суда Любуши». Имя Ганки было совершенно непричастно къ исторіи рукописи, но несмотря на то, оно замѣшалось въ горячій споръ объ этомъ памятникѣ, начавшійся съ самаго появленія его,—и потому мы не считаемъ лишнимъ разсказать исторію, которая долго была серьезнымъ вопросомъ въ новой чешской литературѣ.

Еще до открытія Краледворской рукописи графъ Штернбергъ получилъ для національнаго музея, черезъ городскую почту и неизвѣстно отъ кого, рукопись, состоявшую изъ двухъ листковъ пергамента и имѣвшую видъ глубокой древности. Въ запискѣ, приложенной къ ней, посылавшій не сказалъ ни своего имени, ни мѣста, гдѣ рукопись была отыскана, и отговаривался тѣмъ, что боится потерять свое мѣсто, если узнаетъ о посылкѣ господинъ его, небольшой охотникъ до чешской старины, который скорѣе сжегъ бы рукопись, чѣмъ послалъ ее для чешскаго музея. Это обстоятельство представляло всѣ признаки вѣроятности, потому что чешская литература имѣла много враговъ, которые не долюбливали ея притязаній и готовы были бы помѣшать ей подобными средствами. Рукопись съ перваго раза заняла многихъ, но Добровскій, ходъ старость подозрительный и капризный, усомнился въ справедливости таинственной исторіи и прямо объявилъ рукопись подложною. Но открытой полемики еще не было,—авторитетъ Добровскаго сдѣлалъ то, что рукопись просто сдана была для храненія въ музей съ положительнымъ замѣчаніемъ, что она поддѣльная. Нѣсколь-

ко времени рукопись была забыта, но наконецъ она издана была уже въ Польшѣ извѣстнымъ археологомъ Раковецкимъ, который получилъ списокъ ея изъ Праги, и нашла себѣ защитниковъ, которые объявили ее въ высшей степени замѣчательнымъ остаткомъ чешской древности. Тогда Добровскій открыто назвалъ «Любушинъ Судъ» литературнымъ обманомъ (1824 г.), и къ мнѣнію его присталъ другой извѣстный ученый того времени, Копитаръ, который въ одномъ вѣнскомъ журналѣ старался подкрѣпить это положеніе и научными доказательствами *). Добровскій въ частныхъ письмахъ и полемическихъ статейкахъ далъ наконецъ понять, что, по его мнѣнію, подобные древніе пергаменты поддѣлываются слишкомъ усердными патріотами; писцомъ «Любушина Суда» былъ по его мнѣнію нѣкто Линда, а сочинителемъ или Юнгманъ или Ганка,—лучшіе тогда знатоки чешской литературной старины. Добровскій считалъ также Ганку сочинителемъ древняго подстрочнаго перевода Евангелія отъ Іоанна, отрывокъ котораго Ганка нашелъ на старомъ переплетѣ. Добровскій остался съ этими убѣжденіями до самой смерти.

Когда подозрѣнія о подлинности рукописи рѣшительно выразились въ литературѣ, Палацкій взялъ на себя защиту памятника въ критической статьѣ по поводу второго изданія Краледворской рукописи, въ которомъ помѣщенъ былъ также «Судъ Любуши» и другія старо-чешскія произведенія. Это не убѣдило Копитара и за нимъ многихъ, вѣрившихъ въ непреложный авторитетъ его учености. Продолжая сомнѣваться, онъ дошелъ наконецъ до того, что заподозрилъ и самую Краледворскую рукопись, которая, по словамъ его, просто была сочиненіемъ новаго чешскаго поэта, подражавшаго сербскимъ пѣснямъ. Подъ этимъ новымъ поэтомъ понимался конечно Ганка. Эти упорныя нападки возмутили чешскихъ патріотовъ, которые видѣли въ нихъ чисто-политическое оскорбленіе своей народности. Лучшіе представители чешской науки Шафарикъ и Палацкій предприняли наконецъ подробное и въ высшей степени добросовѣстное изученіе старыхъ памятниковъ и издали ихъ въ 1840 году по всѣмъ требованіямъ археологической критики. Они старались открыть и того неизвѣстнаго, который посылалъ рукопись музею въ 1818 году; они предполагали, что это былъ уже умершій тогда Норбертъ Ванекъ, служившій прежде секретаремъ у одного нѣмецкаго графа. Мы разскажемъ дальше,

*) Wiener Jahrbücher der Literatur, etc. Bd. XXVII.

какъ разыгралась эта исторія въ послѣдніе годы жизни Ганки и какимъ образомъ напали наконецъ на настоящій источникъ, изъ котораго шла рукопись «Суда Любуши». Сомнѣнія Добровскаго и Копитара не уничтожили авторитета памятниковъ, который былъ признанъ славянскими учеными, но для враговъ чешской народности эти споры были чрезвычайно пріятны, потому что подрывали славу памятниковъ, въ которыхъ чехи видѣли лучшій остатокъ своей національной старины. Вражда Копитара къ этимъ памятникамъ перешла конечно на Ганку, Шафарика и другихъ защитниковъ рукописи; непріязненныя отношенія раздѣляютъ и до сихъ поръ представителей славянской литературы въ Австріи: одни обвиняли чеховъ въ неумѣренномъ патріотизмѣ, чехи видятъ въ своихъ противникахъ людей, отказавшихся отъ славянства и ставшихъ орудіемъ австрійской политики.

Въ двадцатыхъ годахъ для чешской литературы наступилъ новый періодъ. Старое поколѣніе съ Добровскимъ, Крамеріусомъ и ихъ товарищами оканчивало свое поприще, и на ихъ мѣсто является новое поколѣніе дѣятелей, которые тверже стояли на національной почвѣ и яснѣе понимали свою задачу. Къ этому поколѣнію принадлежали Шафарикъ, Палацкій, Колларъ, Челяковскій и Ганка. Заслуга стараго поколѣнія была въ томъ, что оно дало первыя и научныя основанія для будущихъ изслѣдователей чешскаго славянскаго міра, но само оно еще не видѣло, какой національный смыслъ могло имѣть сдѣланное имъ изученіе. Интересы Добровскаго были чисто отвлеченные, археологическіе. Современные ему народные писатели стремились только къ одной цѣли—удовлетворить первымъ потребностямъ образованія въ народѣ, давно лишенномъ литературы. Это были исключительно писатели популярные; лучшимъ представителемъ дѣятельности этого поколѣнія былъ Крамеріусъ, всю жизнь издававшій полезныя и занимательныя книжки для народа. Новые люди видѣли дальше: они сильнѣе почувствовали свою славянскую особенность; ихъ славянское чувство не ограничилось уже однимъ чешскимъ народомъ и обняло всѣ другія славянскія племена; историческое изученіе навело ихъ на мысль объ особенной исторической роли, опредѣленной славянскому міру; въ исторіи славянъ, такъ несходной съ исторіей другихъ народовъ Европы, они стали искать уроковъ для настоящаго и пришли къ убѣжденію о необходимости тѣсной нравственной связи всего славянства,—все прошедшее славянскаго племени, побѣжденнаго и угнетеннаго своими вра-

гами, казалось имъ только трудной школой, приготовленіемъ къ будущей великой дѣятельности, въ которой славянамъ суждено будетъ вести дѣло развитія и цивилизаціи. Это было первое сознательное движеніе панславизма, которое начало новую эпоху въ жизни и въ литературѣ западнаго славянскаго міра. Въ двадцатыхъ годахъ панславистская идея въ первый разъ ясно опредѣлилась въ чешской литературѣ и затѣмъ нашла себѣ болѣе или менѣе горячее сочувствіе у всѣхъ славянскихъ племенъ. Названные нами писатели были ревностнѣйшими партизанами этой идеи.

Распространеніе ея выразилось уже въ двадцатыхъ годахъ нѣсколькими важными учеными и литературными явленіями, которыя произвели большое впечатлѣніе. Юнгманъ издалъ въ это время свою исторію чешской литературы, въ первый разъ познакомившую чеховъ со всѣмъ богатствомъ ихъ литературы стараго славнаго періода. Еще важнѣе была книга Шафарика, одно изъ первыхъ его произведеній—«Исторія славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ», гдѣ онъ сопоставилъ литературное движеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ древнюю и новую эпохи. Мы упоминали уже о панславистской попыткѣ Челяковскаго, составившаго сборникъ славянскихъ пѣсенъ,—но самымъ яркимъ и одушевленнымъ выраженіемъ юнаго панславизма была знаменитая поэма Коллара «Дочь Славы», наполненная диѳирамбами о древней славѣ и призывавшая славянъ къ братскому союзу и дружной борьбѣ противъ общаго врага.

Мы видѣли, что Ганка уже съ первыхъ трудовъ своихъ руководился мыслью о взаимной связи славянскихъ литературъ, которая должна была приготовить и сближеніе племенъ. Съ такими цѣлями онъ писалъ для народа книжку о Россіи, исторію славянскихъ народовъ, переводилъ сербскія пѣсни, издавалъ Слово о полку Игоревѣ. Онъ до конца оставался вѣренъ этому всеславянскому влеченію и, проводя его въ своемъ преподаваніи, имѣлъ большое вліяніе на распространеніе славянскихъ знаній среди чешской молодежи. Открытіе Краледворской рукописи и въ этомъ случаѣ имѣло большое значеніе; рукопись, обратившая на себя общее вниманіе, доставила новой литературѣ сочувствіе, въ которомъ она такъ нуждалась, и подкрѣпила ея славянскую самоувѣренность.

Дѣятельность чешской литературы замѣтно расширяется въ двадцатыхъ годахъ; и она пріобрѣла себѣ наконецъ постоянный органъ, представлявшій ея стремленія. Съ 1827

года, вмѣсто прежняго нѣмецкаго изданія Музея, начался чешскій «Журналъ Общества Національнаго Музея», который съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ продолжается до сихъ поръ. Этотъ журналъ имѣлъ самое благотворное вліяніе; въ немъ впервые соединились всѣ лучшія силы чешской литературы и науки. Изученіе своей старины и народности и знакомство съ жизнью другихъ славянъ стало главнымъ предметомъ его программы. Журналъ доставлялъ въ этомъ отношеніи множество занимательнаго матеріала; въ немъ получили мѣсто и корреспонденціи изъ другихъ славянскихъ земель. Славянскій вопросъ, расширяясь въ ученой литературѣ, расширялся вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общественныхъ понятіяхъ. Ганка постоянно принималъ самое дѣятельное участіе въ «Журналѣ Музея», и доставилъ ему очень много историческихъ статей и стиховъ, изданій памятниковъ и рецензій.

Уже въ это время Ганка находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми русскими учеными. Россія давно возбудила симпатіи Ганки: въ ранней молодости на него произвели впечатлѣніе событія двѣнадцатаго и пятнадцатаго года; эти событія напомнили западнымъ славянамъ о ихъ сильныхъ единоплеменникахъ на востокѣ и имѣли большую долю въ развитіи панславизма. Событія, въ которыхъ славянская Россія играла самую блестящую роль, должны были польстить племенной гордости; они возбуждали сочувствіе и надежды. Понятно, почему Ганка съ первой встрѣчи съ русскими могъ почувствовать къ нимъ ту теплую симпатію, которой отличался всю свою жизнь и которой не могли измѣнить въ немъ никакія неблагопріятныя обстоятельства. Въ сильномъ русскомъ народѣ и царствѣ онъ видѣлъ ручательство за историческую роль цѣлаго племени; не видавши никогда Россіи, онъ представлялъ себѣ ее въ идеальномъ свѣтѣ, и встрѣчаясь только съ тѣми изъ русскихъ, кто болѣе или менѣе живо интересовался славянскимъ движеніемъ, онъ легко могъ увлекаться надеждами, пріятными для его патріотическаго сердца, но къ сожалѣнію не всегда основательными.

Въ Россіи труды Ганки были скоро замѣчены. Шишковъ перевелъ Краледворскую рукопись на русскій языкъ тотчасъ по выходѣ перваго изданія ея; въ двадцатыхъ годахъ Ганка велъ дѣятельную переписку съ нашимъ академикомъ Кеппеномъ, который занимался тогда древностями славянской литературы; Погодинъ начиналъ уже интересоваться западными славянами и сообщалъ извѣстія о нихъ въ «Москов-

скомъ Вѣстникѣ» по письмамъ Ганки. Кромѣ Петербурга и Москвы, Ганка имѣлъ сношенія и съ польскими центрами: Варшавой, Краковомъ, Вильной и пр. Ганка развивалъ въ перепискѣ свои панславистскіе планы, предлагалъ средства усилить изученіе славянства въ Россіи, въ которой предчувствовалъ поддержку славянъ въ будущемъ. Вѣрнѣйшимъ корреспондентомъ его былъ тогда Кеппенъ; переписка ихъ, отрывки которой приводятся біографомъ Ганки, должна заключать весьма любопытные документы для исторіи начинавшагося панславизма. Одинъ изъ любимыхъ плановъ Ганки было устройство славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ; еще въ 20-хъ годахъ онъ писалъ о ихъ необходимости и убѣждалъ своихъ русскихъ друзей хлопотать объ ихъ учрежденіи. Кеппенъ тогда заинтересованъ былъ славянщиной и дѣлалъ все, что только было въ его средствахъ; дѣло наконецъ обратило на себя вниманіе людей вліятельныхъ, и нѣсколько позднѣе каѳедры были основаны. Въ 30 году Кеппенъ пишетъ Ганкѣ, что академія наукъ назначила до сорока тысячъ рублей на основаніе славянской библіотеки и что Ганкѣ предлагаютъ быть библіотекаремъ. Планъ академіи дѣйствительно получилъ утвержденіе свыше, и въ концѣ января того же года Кеппенъ передавалъ Ганкѣ офиціальное предложеніе пріѣхать въ Россію; условія были выгодны: Ганкѣ давали соотвѣтственный его патріотическимъ заслугамъ чинъ (кажется, надворнаго совѣтника), потомственное дворянство и академическое жалованье. Какъ блестящи и заманчивы должны были казаться тогда эти условія, можно видѣть изъ того, что названный нами біографъ Ганки, писавшій уже въ пятидесятыхъ годахъ, не можетъ удержать своего изумленія передъ такой щедростью русскаго правительства и передъ важнымъ чиномъ, предстоявшимъ Ганкѣ въ Россіи. Для небогатаго чешскаго ученаго перспектива поѣздки могла имѣть много соблазнительнаго, но Ганка не принялъ предложенія и остался въ Прагѣ. Мы не знаемъ, какія постороннія причины побудили, между прочимъ, Ганку къ этому отказу, но главной былъ конечно патріотизмъ: онъ предпочелъ работать дома, и безъ сомнѣнія былъ гораздо полезнѣе въ Прагѣ. За то онъ получилъ отъ русскаго правительства орденъ за услуги въ славянскихъ древностяхъ и литературѣ: Ганка съ великимъ удовольствіемъ надѣвалъ потомъ при торжественныхъ случаяхъ своего русскаго Владиміра 4-й степени.

Благодаря Краледворской рукописи и пѣснямъ Караджича,

славянскія литературы были замѣчены въ Европѣ, особенно чешская: Эдгаръ Кинѣ посвятилъ чешской эпопеѣ восторженную по обыкновенію статью; англичанинъ Боурингъ, почему-то полюбившій чешскую литературу и Прагу, писалъ о нихъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ и издалъ въ 1832 году цѣлую чешскую антологію, въ которой появились и нѣкоторыя стихотворенія Ганки. Позднѣе, въ 1849 году, другая подобная антологія издана была въ англійскомъ переводѣ Вратиславомъ, воспитанникомъ кембриджскаго университета, потомкомъ старинной чешской фамиліи. Всего больше обратили вниманія на чешскую литературу ихъ ближайшіе сосѣди—нѣмцы; Гёте выражалъ къ ней сочувствіе; она получала наконецъ право гражданства, хотя нѣмецкая подозрительность уже открывала рѣзкія нападки на народъ, въ которомъ появлялся опасный сепаратизмъ. Наконецъ, Краледворская рукопись мало-по-малу переведена была на всѣ славянскія нарѣчія, имѣвшія литературу или желавшія имѣть ее: Луціанъ Семеньскій сдѣлалъ польскій переводъ ея, Хаджичъ—сербскій, Игнатій Берличъ—хорватскій, Смоляръ и Іорданъ,—верхне-лужицкій, неизвѣстный переводчикъ—краинскій, Срезневскій и І. Галка—малорусскій; послѣ перевода Шишкова явился другой русскій переводъ—Соколова въ Казани, наконецъ третій — Берга, изданный въ Москвѣ и въ Прагѣ. Всего больше заботился о распространеніи этихъ переводовъ самъ Ганка: впослѣдствіи онъ соединилъ эти многоразличные переводы въ одну любопытную полиглотту.

Его ученая дѣятельность продолжалась въ 30-хъ годахъ съ прежнимъ усердіемъ; изъ длиннаго списка, который могъ бы составиться изъ перечета его ученыхъ работъ, мы выберемъ опять только немногое собственно для того, чтобы указать ихъ содержаніе. По смерти Добровскаго въ 1829 г., онъ сдѣлалъ новыя улучшенныя изданія нѣкоторыхъ книгъ своего учителя, переводилъ польскія пѣсни, издалъ для чеховъ польскую грамматику, началъ свои работы по чешской нумизматикѣ, въ которой подъ конецъ онъ былъ безъ сомнѣнія первымъ знатокомъ. Онъ занялся потомъ древними памятниками чешскаго и моравскаго права и многое изъ нихъ сообщилъ для извѣстнаго изданія «Древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права», сдѣланнаго въ 1838 г. полякомъ Кухарскимъ, гдѣ въ первый разъ собрана была въ одно цѣлое юридическая старина славянскаго племени. Ганка пересмотрѣлъ и сличилъ большое количество чешскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ рукописей этого рода, представляющихъ

старое чешское законодательство; онъ составилъ обзоръ этой литературы, издалъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ ея памятниковъ и сообщилъ много матеріаловъ въ «Чешскій Архивъ» Палацкаго. Ганка вообще принималъ ревностное участіе въ каждомъ важномъ предпріятіи, касавшемся изученія стараго или новаго славянства: онъ помогалъ впослѣдствіи Іордану въ его верхне-лужицкой грамматикѣ и его панславистскихъ «Лѣтописяхъ»; въ изданіи «Выбора изъ старо-чешской литературы» и пр. Извѣстность Ганки увеличивалась; разныя ученыя общества, славянскія и нѣмецкія, сдѣлали его своимъ членомъ, и это еще болѣе расширяло его ученыя сношенія, которыми онъ въ послѣднее время приносилъ вообще большую пользу разъединеннымъ другъ отъ друга славянскимъ ученымъ. Въ 1836 году Ганка получилъ отъ Россійской Академіи, гдѣ его знали черезъ Шишкова, большую золотую медаль «принесшему пользу россійскому слову», которая должна была доставить ему большое удовольствіе.

Очень скоро начались у Ганки и личныя связи съ славянскими учеными и русскими путешественниками. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заѣзжали въ Прагу и жили тамъ наши ученые, приготовлявшіеся занять только что устроенныя каѳедры славянскихъ нарѣчій, и много другихъ людей, особенно того оттѣнка мнѣній, который извѣстенъ подъ именемъ славянофильскаго. Многіе изъ нихъ оставались съ тѣхъ поръ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ганкой, потому что никто въ Прагѣ не принималъ ихъ радушнѣе Ганки: онъ доставлялъ всѣ существовавшія въ музеѣ средства для изученія славянщины тѣмъ, кто хотѣлъ ею заниматься; онъ усердно старался вводить русскихъ въ національные интересы славянъ и желалъ, чтобы черезъ нихъ русская литература ближе познакомилась съ другими славянскими литературами и вступила съ ними въ тѣсную связь. Онъ старался открыть передъ ними всѣ симпатичныя имъ стороны вопроса, убѣдить ихъ въ дѣйствительности своихъ надеждъ и неохотно говорилъ о вещахъ, которыя могли навести сомнѣніе. Русскіе въ особенности привлекали его, потому что на нихъ онъ всего болѣе полагалъ свои надежды: онъ былъ искренно убѣжденъ, что русскіе, единственный славянскій народъ, оставшійся сильнымъ и свободнымъ, всего больше могутъ подвинуть дѣло славянскаго возрожденія, съ ихъ матеріальными и нравственными средствами; во всеобщей враждѣ, дѣлившей родственныя племена, одни русскіе оказывались въ глазахъ его наиболѣе великодушными и свободными

отъ международныхъ предразсудковъ. Отсюда являлось въ Ганкѣ невольное желаніе пріобрѣсти русскихъ для своего дѣла и заинтересовать ихъ панславистскимъ вопросомъ. Въ его мечтахъ о всеславянскомъ языкѣ,—мысль о которомъ уже не одинъ разъ появлялась между западными племенами и была необходимымъ слѣдствіемъ панславистской теоріи,—русскій языкъ представлялся, наконецъ, какъ единственный возможный путь для достиженія этого единства. Ганка уже въ 40-хъ годахъ составлялъ планы подобнаго рода; онъ разсказывалъ намъ, что во время толковъ объ уничтоженіи Россійской Академіи онъ послалъ графу Уварову свой проектъ, по которому въ русскую Академію должны были быть приняты члены изъ всѣхъ славянскихъ народностей: ихъ обязанностью было бы составить словари и грамматики своихъ нарѣчій, составить географическія книги съ мѣстными народными названіями и т. п. Онъ думалъ, что основаніе славянскихъ каѳедръ при университетахъ и принятіе славянскихъ ученыхъ въ среду высшаго ученаго учрежденія въ Россіи помогутъ русскому языку получить ту панславистскую роль, которую онъ считалъ для него возможной. Это центральное славянское учрежденіе должно было установить мѣстныя народныя особенности и вмѣстѣ прочно закрѣпить нравственныя и литературныя связи въ разрозненномъ славянскомъ мірѣ. Біографъ Ганки приводитъ отрывокъ письма, писаннаго Ганкой въ 1842 г. объ этомъ предметѣ: «уже очень близко время,—говоритъ Ганка,—когда общій письменный языкъ сдѣлается необходимой потребностью для славянскаго племени. Славянскія нарѣчія останутся конечно для народа in statu quo; но то изъ нихъ, которое приметъ въ себя наиболѣе богатый запасъ словъ и оборотовъ отъ своихъ братьевъ и всѣхъ счастливѣе будетъ воздѣлывать науку во всѣхъ ея отрасляхъ,—то получитъ и пальму первенства». Чешское нарѣчіе, по мнѣнію его, могло бы въ этомъ случаѣ имѣть много правъ на своей сторонѣ; чехи стоятъ всего ближе къ просвѣщеннымъ сосѣдямъ и это можетъ дать имъ особый авторитетъ въ дѣлѣ просвѣщенія у другихъ славянъ. Въ настоящее время сильнѣйшимъ соперникомъ чешскаго нарѣчія сталъ богатый русскій языкъ, вліянію котораго между западными славянами мѣшаетъ, по мнѣнію Ганки, только непривычная для нихъ кирилловская азбука. Ганка думалъ, что у славянъ долженъ неизбѣжно явиться такой же общій языкъ, какой есть у нѣмцевъ, у французовъ, англичанъ, при всемъ различіи ихъ

мѣстныхъ говоровъ. Его убѣжденіе остановилось на томъ, что этимъ общимъ языкомъ сдѣлается именно то нарѣчіе, у котораго есть дѣятельная жизнь и политическая сила.

Русскія увлеченія Ганки развивались такимъ образомъ и изъ его личныхъ отношеній, и изъ его пониманія исторіи. Онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій, заботился распространить знаніе русскаго языка между чехами, велъ съ русскими дѣятельную переписку, посылалъ въ Россію книги и оказывалъ заѣзжимъ русскимъ самое искреннее гостепріимство. Это не разъ вызывало противъ него нареканія отъ нѣкоторыхъ патріотовъ: ревнивые къ своей народности, они опасались отчасти тѣхъ связей, о которыхъ проповѣдывалъ Ганка, и опасенія ихъ конечно могутъ быть достаточно объяснены. На Ганку взваливали по этому поводу и совершенно вздорныя обвиненія; такъ, въ тридцатыхъ годахъ обвинили его въ томъ, будто онъ указалъ русскому посольству въ Вѣнѣ статью, написанную Челяковскимъ о польскихъ дѣлахъ того времени; тонъ статьи былъ таковъ, что австрійское правительство лишило мѣста редактора газеты и каѳедры въ университетѣ. Въ бумагахъ Ганки мы видѣли письмо тогдашняго русскаго посланника Татищева, которое можетъ совершенно оправдать Ганку отъ этой сплетни,—но ей тогда повѣрили. Еще меньше нравились русскія сношенія Ганки австрійской полиціи. Она давно считала Ганку въ числѣ людей подозрительныхъ и видѣла въ немъ сообщника русскихъ агентовъ и эмиссаровъ, какими она воображала вообще всѣхъ русскихъ, заѣзжавшихъ на нѣсколько времени въ Прагу, а особенно тѣхъ, кто занимался славянскими нарѣчіями и этнографіей. Не только тѣ русскіе, которые жили въ Австріи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, какъ Бодянскій, Надеждинъ, Срезневскій, Григоровичъ, Чижовъ и др., но и нынѣшніе путешественники подвергались внимательному полицейскому надзору. Всѣ эти страхи полиціи, которымъ вѣрили многіе нѣмцы, напуганные панславизмомъ, были конечно неосновательны, потому что наши ученые вовсе не были эмиссарами; они занимались мирной филологіей, и въ письмахъ Ганки полиція не находила комплотовъ и злоумышленій.

Эта симпатія Ганки къ русскому нашла себѣ пищу и въ его историческихъ мнѣніяхъ. Чешская старина представила факты, которые могли служить новымъ звеномъ нравственной связи чеховъ съ славянскимъ востокомъ. Въ тридцатыхъ годахъ начался длинный, до сихъ поръ еще неконченный

ученый споръ о знаменитомъ въ славянской наукѣ реймскомъ евангеліи. Ганка принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе, потому что вопросъ археологіи представлялъ важную патріотическую сторону. Въ концѣ XVIII столѣтія начали говорить, какъ о странномъ курьезѣ, о рукописномъ славянскомъ евангеліи, которое хранилось въ Реймсѣ и употреблялось при коронаціяхъ французскихъ королей. По преданію, Петръ Великій, во время своего путешествія, первый указалъ, что одна половина этой рукописи писана на славянскомъ языкѣ, обыкновенными кирилловскими буквами. Съ тѣхъ поръ изрѣдка появлялись свѣдѣнія о реймскомъ евангеліи, но никто изъ спеціальныхъ филологовъ еще не видѣлъ его, и по доходившимъ извѣстіямъ они могли только догадаться, что другая половина рукописи, неразобранная Петромъ, написана глаголическими буквами. Во время французской революціи это евангеліе, богато переплетенное и украшенное золотомъ и драгоцѣнными каменьями, исчезло безъ слѣда. Ученые долго жалѣли о пропажѣ замѣчательной рукописи, когда извѣстный А. И. Тургеневъ нашелъ ее въ реймской городской библіотекѣ, куда она возвращена была при Наполеонѣ, уже безъ переплета и дорогихъ украшеній. Рукопись и прежде, полуизвѣстная, занимала ученыхъ славянъ своей странной судьбой; теперь, когда въ 1836 г. дошли до нихъ первыя свѣдѣнія о ней, доставленныя реймскимъ библіотекаремъ Луи Пари, русскимъ археологомъ Строевымъ и польскимъ ученымъ Ястржембскимъ, она заинтересовала ихъ чрезвычайно. Оказалось, что старая пергаментная рукопись представляетъ два текста, во-первыхъ—отрывокъ кирилловскаго евангелія, во-вторыхъ—глаголическій служебникъ, въ концѣ котораго находится любопытная чешская замѣтка 1395 года, писанная тѣми же глаголическими буквами, гдѣ сказано, что «первую часть этой книги *русскаго* закона писалъ святой аббатъ Прокопъ (1030—1051) своей рукой».

Эта приписка, выставлявшая реймское евангеліе рукописью чешскаго святого XI вѣка, дала великую цѣну памятнику въ глазахъ археологовъ, а особенно въ глазахъ Ганки: это былъ слѣдовательно замѣчательнѣйшій памятникъ древняго чешскаго православія, драгоцѣнный остатокъ проповѣди Кирилла и Меѳодія. Реймское евангеліе переносило Ганку въ ту древнюю эпоху, которая имѣла для него особенную прелесть,—эпоху національной самобытности и религіознаго единства чеховъ съ восточными и южными славянами. Ган-

кѣ пріятно было видѣть старую чешскую книгу, написанную по *русскому* церковному закону; русскій законъ давно казался ему характеристической чертой славянскаго міра и нравился своей противоположностью съ католичествомъ, которое всегда было враждебно народному чешскому развитію, и въ эпоху аббата Прокопа и во времена Гуса и Таборитовъ. Исторія рукописи и характеръ ея представлялъ много загадочнаго: какимъ образомъ рукопись могла зайти во Францію, до какой степени достовѣрна приписка о св. Прокопѣ и потому въ самомъ ли дѣлѣ такъ важно ея значеніе,—все это были темные вопросы, но Ганка впередъ расположенъ былъ вѣрить преданію и старался найти доказательства, которыя бы могли дать ему вѣроятность въ глазахъ другихъ.

Здѣсь, въ этомъ новомъ вопросѣ чешской старины и чешскаго патріотизма, онъ опять встрѣтилъ противника въ томъ же Копитарѣ, который прежде такъ враждебно дѣйствовалъ противъ чеховъ по поводу «Суда Любуши». Реймское евангеліе надѣлало шуму въ ученомъ и даже неученомъ мірѣ и было, наконецъ, великолѣпно издано въ Парижѣ, въ полномъ факсимиле, по приказанію императора Николая. Копитаръ прибавилъ къ этому изданію латинское предисловіе, гдѣ съ безцеремонностью, свойственной латинскому языку, старался разбить всѣ положенія Ганки, въ которыхъ видѣлъ одно патріотическое ослѣпленіе. Копитаръ по филологическимъ признакамъ всю рукопись относилъ къ XIV столѣтію и слѣдовательно совсѣмъ уничтожалъ въ ней любезный Ганкѣ памятникъ стараго чешскаго православія. Славянскій ученый міръ раздѣлился опять на двѣ враждебныя стороны; мнѣній Копитара держался извѣстный его послѣдователь Миклошичъ; Ганка и Шафарикъ защищали преданіе о св. Прокопѣ; Востоковъ, авторитетъ въ славянской палеографіи, выразился о рукописи неопредѣленно. Ганка рѣшился, наконецъ, усвоить чешской литературѣ замѣчательный памятникъ и издалъ его въ 1846 г., давши ему титулъ «Сазаво-Емаузскаго благовѣствованія», по имени пражскихъ мѣстностей, съ которыми связана судьба рукописи и дѣятельность св. Прокопа. Ганка собралъ въ этомъ изданіи всѣ имѣвшіяся доказательства въ защиту преданія, но споръ тѣмъ не кончился: имъ занялись русскіе филологи, и черезъ два года послѣ изданія Ганки вышла книга Билярскаго, съ строгой критикой рукописи и желчной полемикой противъ защитниковъ реймской рукописи. Книга его осталась безъ отвѣта до сихъ поръ.

Но тогда, въ 1848 году, наступило для чеховъ такое время, въ которое можно было забыть о реймскомъ евангеліи даже Ганкѣ. Наступившіе дни свободы потребовали иной дѣятельности; все, что было до тѣхъ поръ предметомъ однихъ надеждъ и мечтаній, становилось возможнымъ; чехи думали, что пришло время утвердить ихъ національныя права и закрѣпить политическій союзъ съ ихъ единоплеменниками въ Австріи, которымъ они могли до сихъ поръ предлагать одно литературное братство. Ганка участвовалъ въ дѣйствіяхъ перваго «Народнаго Выбора» и подписалъ приглашеніе къ славянскому съѣзду въ Прагѣ, который долженъ былъ установить политическія отношенія западнаго славянства. Ганка по самой природѣ своей не могъ играть политической роли и мало походилъ на агитатора,—при всемъ томъ онъ обнаружилъ много патріотическаго усердія и смѣлости, которою вообще рѣдко отличаются такъ называемые друзья науки; убѣжденія его были прямы, слова искренни и теплы, и это не могло не внушать къ нему уваженія. Онъ былъ въ числѣ первыхъ основателей чешскаго политическаго клуба «Славянская Липа», который тогда же выбралъ его своимъ «старостой». Славянскій съѣздъ собралъ въ Прагу лучшихъ представителей славянскаго племени въ Австріи: соединеніе его сопровождалось горячими изъявленіями сочувствія; торжественные праздники глубоко подѣйствовали на сердца патріотовъ, которые думали, что видятъ уже исполненіе своихъ давнихъ стремленій. На одной изъ пражскихъ площадей, передъ памятникомъ св. Вацлава, покровителя чешской земли, совершена была однимъ изъ депутатовъ, сербскимъ священникомъ, славянская литургія; эта непривычная въ Прагѣ православная церемонія во многихъ оставила впечатлѣніе, въ Ганкѣ особенно.

Но увлеченія скоро кончились. Реакція, устроенная приверженцами стараго порядка подъ руководствомъ Виндишгреца, разсѣяла надежды и показала австрійскимъ славянамъ непрочность ихъ новаго положенія. Славянскій съѣздъ разошелся, встревоженный кровавыми сценами, происходившими въ Прагѣ въ праздникъ св. Духа; труды его остались безъ послѣдствій. Самъ Ганка въ первые дни реакціи подвергался серьезной опасности: австрійское воинство, преслѣдуя безоружныхъ горожанъ, пришло къ зданію чешскаго музея, гдѣ предполагало найти членовъ съѣзда, и сдѣлало по немъ залпъ изъ ружей. Ганка, стоявшій у окна, видѣлъ всю сцену команды, отъ которой потомъ австрійцы

отрекались, и едва не попалъ подъ выстрѣлы. Членовъ съѣзда не было въ музеѣ, гдѣ происходили обыкновенно ихъ засѣданія; но солдаты принялись обыскивать музей, въ которомъ думали непремѣнно найти что-нибудь подозрительное, или склады оружія, или какіе-нибудь важные документы. Музей осматривали потомъ еще нѣсколько разъ; наконецъ, австрійцамъ надоѣло искать того, чего не было.

Ганка выбранъ былъ затѣмъ отъ Кралоградецкаго округа депутатомъ на вѣнскій или кромѣржскій сеймъ, но не принялъ этого выбора: во-первыхъ, онъ вовсе не былъ ораторомъ; во-вторыхъ, главной заботой его былъ музей, котораго онъ не хотѣлъ оставить на чужія руки. Политическая роль Ганки ограничилась участіемъ въ славянскомъ съѣздѣ и дѣятельностью въ обществѣ «Липы». Въ эти дни свободы Ганка началъ въ университетѣ свое преподаваніе, оставшееся за нимъ до самой смерти. Лекціи его ограничивались старымъ славянскимъ и русскимъ языкомъ, и при всей сухости ихъ были любимы университетской молодежью, въ которой онъ возбуждалъ желаніе познакомиться съ русскимъ языкомъ: теперь, благодаря его усиліямъ, можно встрѣтить въ Прагѣ людей, которымъ не чужда русская литература и смыслъ ея настоящаго движенія. Въ то же время Ганка воспользовался благопріятными обстоятельствами и для литературныхъ цѣлей; ему хотѣлось напечатать нѣкоторые матеріалы, изданіе которыхъ было бы затруднительно при цензурѣ. У него уже давно приготовлено было изданіе старой стихотворной хроники, извѣстной подъ именемъ «Далимила»; хроника нравилась ему свободнымъ выраженіемъ чешскаго патріотизма и злыми выходками противъ нѣмцевъ. Ганка началъ было печатать ее въ Лейпцигѣ, но потомъ перенесъ въ Прагу и окончилъ тамъ, когда революція доставила иной цензурный уставъ.

Политическія дѣла чеховъ приняли скоро такое направленіе, которое не обѣщало большого успѣха народнымъ интересамъ. Реакція шла быстрыми шагами, и скоро все приняло прежній видъ; новое правительство съ ревностью «обновляло» Австрію и успѣло въ своемъ намѣреніи, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Графъ Тунъ, нѣкогда ученикъ Ганки и защитникъ чешскаго возрожденія, вступилъ въ новое министерство и забылъ своихъ прежнихъ друзей и прежнія симпатіи. Словомъ, чехи очутились опять въ томъ осадномъ положеніи, въ какомъ была народность ихъ до революціи. Ганка вернулся къ прежней труженической жизни,

къ своимъ народнымъ книжкамъ и старымъ памятникамъ, но сорокъ девятый годъ сохранилъ для него прелесть, потому что напоминалъ ему первыя свободныя манифестаціи славянскаго братства.

Чтобы докончить исторію его литературныхъ трудовъ, составлявшихъ потомъ, какъ и прежде, его главную дѣятельность, намъ остается упомянуть только немногія послѣднія обстоятельства его занятій. Въ 1850 году онъ затѣялъ новую полемику съ своими литературными недругами, которая опять окончилась неудачно. Мы видѣли, какимъ образомъ Копитаръ разбивалъ его положеніе о реймскомъ евангеліи и заподозрѣвалъ дорогіе ему чешскіе памятники. Ганка, отъ природы спокойнаго характера, не выносилъ нападокъ, задѣвавшихъ его патріотическія чувства, и вооружился противъ послѣдователя Копитара, вѣнскаго профессора, Миклошича, по поводу его первыхъ трудовъ по славянской старинѣ: споръ былъ чисто филологическій и мы не имѣемъ нужды его разсказывать. Они не сходились въ этихъ понятіяхъ, но всего болѣе не нравилось Ганкѣ враждебное отношеніе Копитара и Миклошича къ чешскимъ памятникамъ, которое онъ объяснялъ враждой къ народности. Мы не знаемъ хорошенько, на какихъ основаніяхъ, но въ самомъ дѣлѣ Копитаръ относился къ представителямъ чешскаго движенія очень недружелюбно; онъ не зналъ для нихъ другого названія, кромѣ гипер-патріотовъ, ихъ общество называлъ онъ шайкой (clique). Эти нападенія, выходившія изъ славянскаго же лагеря, многіе объясняли просто связями Копитара съ австрійскимъ правительствомъ *), которому они дѣйствительно должны были нравиться,—и потому пражскіе патріоты прямо считали Миклошича австрійцемъ. Ученыя работы обоихъ писателей, сухія и безстрастныя, могли только подтвердить подобный отзывъ; Копитаръ развѣ въ томъ только поддался славянскому увлеченію, что свое хорутанское нарѣчіе считалъ корнемъ старо-славянскаго языка; но обыкновенный желчный и холодный тонъ его изысканій и полемикъ невольно бросался въ глаза въ то время, когда ни одинъ изъ лучшихъ дѣятелей славянской литературы не остался хладнокровнымъ наблюдателемъ славянской старины и современной жизни. Когда въ полномъ разгарѣ панславизма

*) См. отзывы Копитара въ его автобіографіи «Slavische Bibliothek, herausg. v. Miklosich», т. I, стр. 17. Мнѣніе противной стороны о немъ въ брошюрѣ «Les Slaves Occidentaux», Paris, 1858, стр. 49.

пражскій патріотъ видѣлъ друга и брата въ каждомъ, попавшемся славянинѣ, Копитару бросались въ глаза его комическія стороны: онъ замѣчалъ иронически, что, напримѣръ, сербъ у себя дома считаетъ себя выше валаха, но съ людьми постороннимъ не признается, что онъ сербъ, и называетъ себя венгерцемъ. Характеръ положительный и рѣзкій, Копитаръ могъ видѣть непрочность только что поднявшагося панславизма и не увлекаться имъ,—и пражскій энтузіазмъ не могъ ужиться съ нимъ, хотя бы онъ не имѣлъ никакихъ связей съ правительствомъ, которыя за нимъ подозрѣваютъ.

Полемика шла невыгодно для Ганки: его практическое и старое знаніе славянскаго языка не выдерживало ученой критики Миклошича, и онъ замолкъ, хотя, конечно, не отказался ни отъ своихъ филологическихъ понятій, ни отъ реймскаго евангелія. Въ послѣдніе годы онъ опять возвратился къ любимой темѣ и собралъ новые факты для исторіи чешскаго православія: нашлись отрывки старыхъ кирилловскихъ и глаголическихъ рукописей, и Ганка въ 1859 г. издалъ ихъ, какъ «Остатки славянскаго богослуженія у чеховъ». Послѣдними трудами его были: изданіе старо-нѣмецкаго перевода упомянутой прежде Далимиловой хроники и, наконецъ, апокрифическаго Никодимова евангелія въ старомъ чешскомъ переводѣ. Оба изданія очень любопытны для исторіи чешской литературы.

Въ послѣдніе годы жизни Ганки возобновилась и та старая полемика, которая такъ непріязненно встрѣтила Ганку при началѣ его поприща. Рѣшенный, повидимому, споръ о «Судѣ Любуши» и Краледворской рукописи поднятъ былъ снова и въ такомъ тонѣ, который ясно обличилъ въ нападавшемъ нелитературныя цѣли. Два года тому назадъ, въ «Современникѣ» разсказана была исторія новаго нападенія, на которое Ганка принужденъ былъ отвѣчать формальнымъ процессомъ. Исторія не совсѣмъ походила на полемику, происходившую по тому же поводу въ двадцатыхъ годахъ. Противниками спорныхъ памятниковъ были ученые, какъ Добровскій и Копитаръ; они отвергали ихъ, потому что памятники не подходили подъ ихъ историческую систему; мнѣніе ихъ подкрѣплялось научными доказательствами. Теперь было иначе. Дѣло поднято было человѣкомъ, постороннимъ чешской литературѣ, революціонеромъ 48-го года, служившимъ потомъ вѣрой и правдой австрійскимъ полицейскимъ интересамъ. Задача его состояла только въ томъ, чтобы поднять скандалъ и бросить грязью въ человѣка, пользовавшагося

уваженіемъ и любовью въ своемъ народѣ. Сочинитель памфлета прямо выдавалъ Ганку и другихъ почтенныхъ писателей чешскихъ за злостныхъ поддѣлывателей, обвинялъ Ганку, что онъ продавалъ отечественные памятники въ Петербургъ и т. п. Памфлетъ самой видной цѣлью поставилъ Ганку, но онъ кололъ и самую народность,—ея предводители, по словамъ его, были обманщики, ея гордость—фальшивые документы. Вопросъ археологическій опять сдѣлался общественнымъ вопросомъ, потому что въ памфлетѣ очень хорошо видѣли австрійскія замашки; онъ взволновалъ всѣхъ людей чешскаго общества, дорожившихъ своей народностью. Процессъ кончился ничѣмъ: судъ приговорилъ автора статей къ трехмѣсячному заключенію, но рѣшеніе не было исполнено, потому что нѣмецкіе друзья автора сумѣли остановить послѣдній приговоръ, исполненіе котораго было бы опасной потачкой чешскимъ притязаніямъ.

Самъ Ганка не принималъ никакого участія въ литературной полемикѣ, которая ведена была очень упрямо и со стороны чеховъ и съ другой стороны, взявшейся защищать дѣло памфлетиста. Изъ чешскихъ газетъ она перешла потомъ въ засѣданія ученыхъ обществъ и въ извѣстные ученые журналы, напр., въ мюнхенскій журналъ Зибеля; послѣ бездоказательныхъ и наглыхъ выходокъ перваго памфлета противная сторона выставила и серьезные аргументы, и здѣсь она была конечно полезна, потому что вызвала много дѣльныхъ изслѣдованій *). Впрочемъ, и въ этихъ историческихъ и филологическихъ разсужденіяхъ противниковъ «Любушина Суда» и проч. проглядывало не литературное раздраженіе; они хотѣли быть скептиками во что бы то ни стало, и когда имъ указывали доказательства въ русскихъ памятникахъ, они за Краледворскою рукописью начали подозрѣвать подлогъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ», какъ будто и сюда хотѣли перенести игру археологическими намеками, которая бываетъ въ модѣ, когда нельзя говорить о дѣлѣ прямо.

Въ этихъ спорахъ напали, наконецъ, и на вопросъ о первомъ появленіи «Любушина Суда», такъ затруднявшій пре-

*) Въ спорѣ приняли особенно участіе съ одной стороны — Бюдингеръ (авторъ Австрійской Исторіи) и Фейфаликъ; съ другой—Палацкій, Іос. Пречекъ и Гаттала. Полемика происходила въ пражскихъ газетахъ и журналахъ, вѣнскомъ «Свѣтозорѣ», въ историческомъ журналѣ Зибеля и въ «Часописѣ» чешскаго музея. Всего лучше возраженія противъ Краледворской рукописи собраны въ брошюрѣ Фейфалика: Ueber die Königinhofer Handschrift, Wien 1860; отвѣтовъ на нее мы еще не видѣли.

жде защитниковъ этого памятника. Палацкій и Шафарикъ уже давно дѣлали предположенія и отыскивали имя человѣка, прославшаго рукопись музею въ 1818 году. Теперь оказалось, что предположеніе ихъ было несправедливо и найдены были несомнѣнные факты, совершенно объяснившіе таинственную исторію «Любушина Суда». Этотъ человѣкъ былъ нѣкто Іосифъ Коваржъ (умершій въ 1848 г.), служившій въ тѣ времена управляющимъ у австрійскаго фельдмаршала, графа Коллоредо-Мансфельда. Исторія была положительно раскрыта свѣдѣніями, уцѣлѣвшими у очевидцевъ дѣла, изъ которыхъ иные еще живы,—и она происходила именно такъ, какъ предполагали по безыменному письму, приложенному къ рукописи. Коваржъ нашелъ знаменитую рукопись въ старомъ архивѣ своего господина въ Зеленогорскомъ замкѣ (Grünberg); не понявши мудренаго письма, онъ показалъ ее ученому декану ближняго городка, и вмѣстѣ они положили передать рукопись въ Національный Музей. Пріѣхавши по дѣламъ въ Прагу, Коваржъ послалъ ее самъ по городской почтѣ, но въ письмѣ не сказалъ своего имени, потому что боялся гнѣва своего господина, человѣка крутого нрава, который бы не простилъ ему утаенія его фамильной собственности. На томъ же основаніи не говорили объ открытіи рукописи и другіе, знавшіе о ней; наконецъ, они забыли о ней совсѣмъ. Первыя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ находки переданы были еще въ 1852 году живописцемъ, служившимъ при домѣ тѣхъ же графовъ Коллоредо, старому пражскому археологу Крольмусу, который сберегъ ихъ въ своей записной книгѣ. Основываясь на этомъ извѣстіи, секретарь музейнаго Общества, профессоръ пражскаго университета, Томекъ, самымъ старательнымъ образомъ изслѣдовалъ дѣло *) и пришелъ къ результату, вполнѣ объясняющему таинственную присылку рукописи въ 1818 году.

Мое знакомство съ Ганкой относится къ этимъ послѣднимъ годамъ его жизни. Это былъ плотный и еще свѣжій старикъ, отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ и спокойнымъ темпераментомъ. Въ первый разъ пріемъ его показался мнѣ нѣсколько вялъ, но это была только ненаходчивость его ска-

*) См. Die Grünberger Handschrift; Zeugnisse über die Auffindung des «Lib. Soud.» Zusammengest. v. Tomek. Prag, 1859 (переводъ изъ «Журнала Чешскаго Музея»).

зать фразу, неловкость, которая случалась съ нимъ при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ. Онъ впрочемъ скоро ориентировался, и первымъ дѣломъ его было—со мной, какъ и со всѣми—показать музей, первую драгоцѣнность Праги, которую онъ рекомендовалъ путешественнику. Народный музей былъ такъ же необходимъ для Ганки, какъ онъ для музея; онъ былъ библіотекаремъ его съ самаго основанія и привязался къ нему страшно. Ганка совершенно сжился съ своимъ музеемъ, отлично зналъ его библіотеку и рукописныя собранія и сдѣлалъ для него очень много; онъ постоянно старался о распространеніи его библіотеки, и теперь ни одна библіотека въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи не представляетъ такого богатаго собранія славянскихъ книгъ, старыхъ и новыхъ. Ганка проводилъ въ музеѣ все утро, когда онъ открытъ для постороннихъ посѣтителей; послѣ ранняго обѣда онъ опять поднимался изъ своей квартиры въ нижнемъ этажѣ въ музей, и продолжалъ заниматься. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому днемъ; вечеръ проводилъ обыкновенно въ «Бесѣдѣ», чешскомъ клубѣ, который пражанамъ удалось устроить въ сороковыхъ годахъ. Тамъ собирались чешскіе горожане Праги, немногіе ровесники Ганки и новыя поколѣнія, болѣе или менѣе проникнутыя чешскимъ патріотизмомъ. Въ «Бесѣдѣ» читались газеты, выпивалось опредѣленное количество нѣмецкаго пива, обсуждалась политика и современные вопросы, и день былъ конченъ. Единственнымъ удовольствіемъ, котораго никогда не пропускалъ Ганка, былъ чешскій театръ, представленія котораго даются каждое воскресенье, днемъ, потому что вечерній спектакль принадлежитъ нѣмцамъ. Простота привычекъ осталась въ Ганкѣ отъ его прежней сельской жизни; въ немъ много было и нравственной простоты и добродушія, по которымъ можно было узнать въ немъ человѣка, вышедшаго изъ народа.

Мы видѣли, что литературная дѣятельность Ганки совершенно совпадаетъ съ тѣми главными направленіями, въ которыхъ шла исторія чешскаго возрожденія. Новая литература прямо началась съ элементарной книги для народа и съ научнаго изслѣдованія затерянной старины, въ которой искала основаній для настоящаго развитія. Этими задачами опредѣлились и всѣ труды Ганки: онъ былъ археологъ, библіографъ, нумизматъ, издатель старыхъ памятниковъ; въ то же время, онъ усердно заботился о первоначальныхъ потребностяхъ своей публики и распространялъ въ народѣ—часто даромъ—множество своихъ маленькихъ книжекъ: грамма-

тикъ, популярныхъ исторій, пѣсенъ и т. п. Онъ разсчитывалъ для народа и свои археологическія изданія, напр., Далимилову хронику и особенно Краледворскую рукопись, которую незадолго до смерти онъ напечаталъ двѣнадцатымъ изданіемъ.

Эта разнохарактерная дѣятельность составляетъ вообще типическую черту того поколѣнія славянскихъ писателей, которымъ пришлось начинать народную литературу. Они составляли тогда небольшой патріотическій кружокъ, и имъ не доставало рукъ для литературнаго воспитанія простого народа, который былъ ихъ единственнымъ союзникомъ. Почти каждый писатель долженъ былъ покидать дорогу своего призванія для другихъ работъ, которыя онъ считалъ нужными для народа или для науки: одинъ изъ поэта дѣлался археологомъ, какъ, напримѣръ, Колларъ, или сухимъ филологомъ, какъ Челяковскій; другой изъ серьезнаго ученаго дѣлался поэтомъ или популярнымъ писателемъ, какъ Шафарикъ или Пуркинье; Ганка съ такимъ же усердіемъ изучалъ и издавалъ рукописи, съ какимъ работалъ надъ элементарными исторіями, грамматиками и прописями: въ Ганкѣ, впрочемъ весьма легко мирилась археологія и нумизматика съ его педагогіей и чувствительной народной поэзіей,—это были одинаково необходимыя свойства его характера. Чешскіе писатели тѣмъ легче и естественнѣе становились писателями популярными, что большинство ихъ, почти всѣ лучшіе представители новой литературы, сами были истинными дѣтьми народа: его дѣло всегда оставалось близко ихъ сердцу, они на самихъ себѣ чувствовали нужды своего народа и, стремясь къ развитію народности, становились къ ней въ благородное гуманное отношеніе.

Въ жизни Ганка такъ же вѣрно, какъ въ литературѣ, служилъ дѣлу народности: въ такомъ смыслѣ дѣйствовалъ онъ на молодежь, которая всегда находила къ нему прямой доступъ, какой не всегда могла получить у другихъ пражскихъ авторитетовъ. Его живо занимало каждое скромное предпріятіе чешскихъ патріотовъ, каждая попытка выдвинуть впередъ чешскую народность, дать замѣтить свои національные вкусы,—былъ ли это чешскій балъ, концертъ, чтеніе, спектакль и т. д. Во-первыхъ, это были протесты противъ стѣсненія народности, единственные, какіе тогда были возможны для чешскаго общества; но кромѣ того, Ганка придавалъ этимъ невиннымъ затѣямъ положительное значеніе, вспоминая, что такими же скромными средствами чеш-

скій патріотизмъ дѣлалъ свои первыя завоеванія въ годы его молодости. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ народной пѣсни, увлекался самъ родными поэтическими мотивами и считалъ ихъ сильнымъ оружіемъ для увлеченія массы. Что онъ былъ правъ въ этомъ, видно потому, что австрійская полиція всегда подозрительно смотрѣла на эти чешскія забавы, и—странно сказать—серьезно мѣшала какому-нибудь чешскому балу, приглашенія на который разсылаются на чешскомъ языкѣ. Каждое дарованіе, артистическое или литературное, появлявшееся на чешской почвѣ, находило въ Ганкѣ искренняго почитателя; сколько было въ его средствахъ, онъ старался помочь его развитію, лелѣялъ его репутацію и старался удержать на національной дорогѣ—былъ ли это писатель, художникъ или юная пѣвица. Безъ сомнѣнія, не одинъ разъ убѣждающія слова почтеннаго старика оставляли впечатлѣніе и внушали привязанность къ родному, для которой было столько соблазновъ въ обществѣ, гдѣ нѣмецкая карьера всегда могла обѣщать и больше успѣха, и больше матеріальныхъ выгодъ.

Ревнивая привязанность къ народности, безпрестанно задѣваемой и оскорбляемой, производитъ въ чехахъ страшную нелюбовь къ нѣмцамъ. Біографъ Ганки, писавшій въ 1852 г. послѣ несчастной реставраціи, не могъ говорить откровенно объ этомъ мудреномъ вопросѣ, и умалчиваетъ о немъ или выставляетъ мирныя расположенія Ганки. Въ самомъ дѣлѣ, при всей исключительности его славянскаго настроенія, у Ганки не было той безусловной, не слушающей никакихъ резоновъ ненависти къ нѣмцамъ, которой такъ часто отличаются его соотечественники. Въ частыхъ разговорахъ съ Ганкой, безпрестанно попадавшихъ на этотъ неизбѣжный предметъ, мнѣ не случалось слышать отъ него ничего подобнаго выходкамъ людей другого поколѣнія, которые не признавали за нѣмцами ничего хорошаго и съ неудовольствіемъ спрашивали у меня, зачѣмъ у насъ переводятъ Шлоссера. Ганка однако не любилъ нѣмцевъ: ему пріятно было находить въ старыхъ памятникахъ злобныя діатрибы противъ нѣмцевъ, онъ съ удовольствіемъ показывалъ заѣзжему русскому весьма крѣпкое четверостишіе на нѣмцевъ, отысканное имъ въ старомъ альбомѣ чешскаго патріота изъ XVII-го столѣтія, или статью стараго чешскаго закона, грозившую нѣмцу урѣзаніемъ носа, если онъ брался въ Прагѣ не за свое дѣло. Но эта нелюбовь къ нѣмцамъ не переходила у Ганки въ неразумную крайность; признавая за нѣмцами

права ихъ народности и ихъ достоинства, онъ хотѣлъ только, чтобы чешскому народу не отказывали въ тѣхъ же правахъ; онъ не щадилъ ихъ, когда на ихъ сторонѣ была неправда. Эта ненависть совершенно оправдывалась исторіей, въ которой нѣмецъ игралъ въ отношеніи къ славянину незавидную роль католическаго фанатика, обскуранта и шпіона.

Взглядъ Ганки на славянскій міръ очень рано принялъ тотъ панславистскій оттѣнокъ, который впослѣдствіи сталъ господствующимъ характеромъ чешской литературы. Было бы невозможно съ точностью опредѣлить, съ которыхъ поръ начинаются у него эти всеславянскія стремленія; они являются у него въ первыхъ сознательныхъ впечатлѣніяхъ жизни, и съ первыхъ трудовъ своихъ онъ старается уже распространить ихъ въ массѣ. Онъ отдался съ полнымъ увлеченіемъ панславизму, который заговорилъ тогда во всѣхъ славянскихъ краяхъ, на всѣхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ; онъ сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ партизановъ новой идеи, потому что этотъ общій призывъ къ братству, сознаніе безплоднаго настоящаго, надежды на будущую славную судьбу племени совершенно сходились съ его собственными молодыми мечтами. Надо всѣми его славянскими привязанностями господствовала особенная любовь къ Россіи и русскому народу. Въ нихъ видѣлъ онъ единственную надежду и опору панславизма. Лично онъ всего болѣе сближался съ русскими, въ которыхъ находилъ всего больше сочувствія своимъ трудамъ и своимъ понятіямъ. Ганка зналъ самъ почти всѣхъ представителей школы, которая называлась у насъ и кажется еще будетъ называться славянофильской; ея ученые проходили съ нимъ одну школу историческихъ понятій и одинаково съ нимъ думали о современномъ славянствѣ; русскіе поэты разныхъ оттѣнковъ (Хомяковъ, кн. Вяземскій, Тютчевъ и др.) посылали или прямо посвящали ему свои произведенія, въ которыхъ проходила также основная идея чешскаго панславизма, подкрѣпленная русской смѣлостью. Ганка отъ души вѣрилъ восторженнымъ изъявленіямъ славянскаго сочувствія, которыми переполняли его альбомы русскіе путешественники,—хотя на дѣлѣ многіе изъ этихъ импровизированныхъ панславистовъ до свиданія съ Ганкой очень мало думали и о Прагѣ и о славянахъ, и только тамъ внезапно проникались славянскимъ усердіемъ, когда начинали немного понимать трагическую борьбу народа за свое существованіе; потомъ они такъ же скоро забывали объ этомъ. Кто пересматривалъ со вниманіемъ эти

альбомы Ганки, въ которые онъ просилъ вносить свое имя каждаго знакомаго славянина, согласится, что очень часто эти горячія фразы скрывали въ себѣ иллюзію, которой обманывались сами писавшіе. Но для Ганки альбомы были драгоцѣнностью; съ каждой новой подписью онъ больше и больше убѣждался, что каждый русскій увлеченъ славянскимъ вопросомъ, что по крайней мѣрѣ каждый изъ писавшихъ въ его альбомы, будетъ горой стоять за славянскіе интересы.

Къ сожалѣнію, въ этихъ отношеніяхъ чешскаго панславизма къ русскому міру дѣйствительно было много иллюзій, незамѣтно входившихъ съ обѣихъ сторонъ: одни слишкомъ вѣрили въ тѣсное славянское братство, приписывали ему политическую силу, какой оно далеко не имѣло; другіе—въ могущественную поддержку Россіи, которая, говоря строго, объ этомъ и не думала. Западные панслависты ловили рѣдкіе случаи, въ которыхъ русское правительство руководилось, повидимому, славянской идеей, и радовались, когда могли объяснить ихъ въ свою пользу. Имъ никто не противорѣчилъ: западная Европа въ тѣ годы часто заговаривала о славянскомъ вопросѣ, много разъ нѣмцы пугались за себя, и боязливые голоса ихъ способны были еще больше укрѣпить скрываемыя надежды. Славяне расположены были вѣрить всѣмъ завоевательнымъ планамъ, какіе приписывались тогда Россіи; они готовы были думать, что Россія уже начинаетъ исполнять ту грандіозную миссію, которую опредѣлила ей ихъ горячая любовь къ національной свободѣ. Они жили этими мечтаніями; небольшой кружокъ людей, развивавшій передъ ними свою теорію, полную благороднаго чувства, они принимали за ту могущественную Россію, которая была способна дѣлать политическія чудеса, и отдавались своей иллюзіи: никто не разувѣрялъ ихъ и не говорилъ имъ прозаической истины.

Знакомство Ганки съ русскими начинается очень давно. Ганка разсказывалъ мнѣ, что еще въ 1813 году, когда онъ учился у Добровскаго русскому языку, пріѣхалъ къ его наставнику Шишковъ; адмиралъ пришелъ въ восхищеніе, узнавши объ ихъ занятіяхъ, и съ тѣхъ поръ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ганкой; въ старости, онъ уже слѣпой диктовалъ письма къ Ганкѣ.—О чемъ же вы переписывались съ Шишковымъ?—спрашивалъ я Ганку.—Да все больше о словопроизводствѣ,—отвѣчалъ онъ; конечно, знаменитому адмиралу и въ голову не приходило переписываться о чемъ-нибудь другомъ. Такую переписку о слово-

производствѣ Ганка велъ не съ однимъ Шишковымъ, и она конечно, была полезна для науки, но мало объясняла тѣ неопредѣленныя отношенія, о которыхъ мы говорили. Но въ перепискѣ Ганки и толкахъ его съ русскими была другая, гораздо болѣе живая сторона, касавшаяся народности—главнаго предмета помышленій и надеждъ чешскаго панславизма; здѣсь легче могли разъясниться истинное положеніе дѣла и практическое значеніе панславистскихъ умозаключеній, но до Ганки доходили только исключительныя мнѣнія восторженнаго кружка, столько же увлеченнаго, какъ и самъ онъ. Изъ всей русской литературы слышались славянамъ одни выраженія симпатіи, одни воззванія противъ несправедливаго гнета, лежащаго на западномъ славянствѣ, одно возвеличеніе славянской будущей побѣды и новаго славянскаго царства на землѣ. Еще въ тридцатыхъ годахъ между австрійскими славянами знаменито было стихотвореніе Хомякова «Орлы», едва извѣстное у насъ; въ немъ была цѣлая программа будущаго освобожденія, отъ которой не отступала потомъ наша панславистская поэзія:

«И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой *).
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи,
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!..
Придетъ пора,—окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ».

Но извѣстно, что практическая жизнь очень часто противорѣчитъ поэзіи... Единственнымъ русскимъ чтеніемъ, доступнымъ въ Прагѣ въ прежніе годы, были или ученыя и литературныя вещи, довольно безразличнаго свойства, которыя представляли мало возможности изучать наше общество, или, и это было главное, статьи «Москвитянина»,

*) Т. е. «полунощнаго орла».

московскихъ «Сборниковъ», наконецъ, «Русской Бесѣды»; русская поэзія говорила для чеховъ языкомъ Хомякова; русская исторія и политика—языкомъ Погодина, который всегда думалъ, что мы всѣхъ шапками закидаемъ. Все это было принято за мнѣніе цѣлой литературы и общества, тогда какъ, сколько извѣстно, наша литература сороковыхъ годовъ была очень раздѣлена на этомъ пунктѣ, а общество еще менѣе литературы думало о славянскомъ братствѣ: болгары, сербы, чехи, хорваты—все это были незнакомыя имена, ничего ему не говорившія. Мы надѣемся, что насъ не обвинятъ въ преувеличеніи. Къ сожалѣнію, славянскій вопросъ, который безъ сомнѣнія гораздо ближе къ намъ, чѣмъ обыкновенно думаетъ наше общество, и до сихъ поръ прививается у насъ весьма туго; въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ онъ игралъ еще болѣе жалкую роль.

Въ Прагѣ этого не подозрѣвали. Мы знаемъ по собственному опыту, какъ до сихъ поръ чехи мало знаютъ Россію, ея нравы и общественныя отношенія. Быть можетъ только Гавличекъ, талантливый публицистъ 1848 года, жившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи, зналъ ихъ, и старался разсѣять чешскіе предразсудки о нашемъ отечествѣ, и нѣсколько другихъ людей не раздѣляли господствующаго мнѣнія, но они не перевѣшивали мнѣнія цѣлой массы. Намъ еще нерѣдко случалось въ Прагѣ выслушивать разныя желанія патріотовъ, мысли о вліяніи на Австрію казаковъ, предположенія о внезапномъ появленіи ихъ на родинѣ Таборитовъ и тому подобныя мечтанія, которыя мы не считали себя въ правѣ поддерживать.

Такими путями составлялись мнѣнія Ганки и значительной части чешскихъ патріотовъ; симпатія къ Россіи принимала у него еще большую степень убѣжденія, чѣмъ у другихъ: онъ вѣрилъ въ мессіанизмъ Россіи и до конца сохранилъ эту вѣру. Мы видѣли, какъ усиливалась въ немъ симпатія къ Россіи его историческими убѣжденіями; онъ сочувствовалъ православію, какъ сочувствовалъ русскому народу; русское православіе было въ глазахъ его по преимуществу славянской религіей. Однажды Ганка говорилъ мнѣ и другому русскому о томъ, что въ 1862-мъ году чехи хотятъ праздновать тысячелѣтіе Кирилла и Меѳодія.—«Но это будетъ тысячелѣтіе того, чего уже нѣтъ у васъ?»—спросили мы.—«Избавьте только насъ отъ лукаваго,—отвѣчалъ Ганка полушутя,—и мы завтра примемъ православіе».—Я увѣренъ, что о себѣ онъ могъ сказать это совершенно серьез-

но. Пристрастіе къ русскому доходило у него до нѣсколько забавныхъ наивностей: ему нравилось, когда русскіе прибавляли къ его имени и отечеству и звали его Вячеславомъ Вячеславичемъ, хотя по-чешски такъ вовсе не говорится; у него были почитатели, даже изъ простыхъ людей, которые писали ему по-чешски русскими буквами и 12-го января новаго стиля поздравляли его съ новымъ годомъ; когда бывали у него русскіе, онъ, желая доставить имъ удовольствіе, заводилъ свои столовые часы, игравшіе «Боже, царя храни»...

Послѣдняя литературная полемика, разсказанная нами, должна была тяжело подѣйствовать на честнаго патріота, и мы думаемъ, что не столько личное оскорбленіе, сколько оскорбленіе народности было невыносимо для человѣка, котораго вся скромная жизнь отдана была служенію народной идеѣ. Когда упомянутый нами процессъ былъ только что начатъ и ходили разные сомнительные толки о неизвѣстномъ еще авторѣ памфлета, Ганка тревожился одной мыслью: «я далъ бы все, если бы только это не былъ чехъ», говорилъ онъ мнѣ. Измѣна въ собственномъ лагерѣ пугала его всего больше. Чешское имя не замѣшалось въ эту исторію, нападенія шли изъ такого источника, въ которомъ чехи не ждали найти доброжелателей, но тѣмъ не менѣе ударъ былъ уже не по силамъ. Сочувствіе всего чешскаго общества, публичныя демонстраціи, протестовавшія противъ клеветы, могли успокоить оскорбленный патріотизмъ, но нравственная тревога была слишкомъ велика для семидесятилѣтняго старика, и его крѣпкая натура не выдержала. Здоровье его слабѣло, и послѣдняя болѣзнь въ двѣнадцать дней свела его въ могилу. Въ Прагѣ однимъ честнымъ патріотомъ стало меньше.

Погребеніе Ганки было цѣлой печальной манифестаціей чешской народности.

Въ дворѣ народнаго музея, гдѣ жилъ Ганка, увѣшаннаго траурными флагами, стоялъ гробъ Ганки, съ зажженными свѣчами, украшенный большимъ лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ лентой славянскихъ національныхъ цвѣтовъ. Огромный хоръ пропѣлъ погребальные гимны; епископъ совершилъ послѣдній обрядъ и процессія тронулась. Гробъ, съ любимымъ русскимъ девизомъ Ганки (польза, честь, слава) на одномъ изъ щитовъ, окружали исторіографъ Палацкій, д-ръ Ригеръ, профессоръ Томекъ, князь Турнъ-Так-

сисъ и другіе друзья покойнаго; множество народа, представители всѣхъ слоевъ чешскаго общества, аристократы, ученые, горожане провожали Ганку до Вышеграда,—древнѣйшей части Праги, нѣкогда престольнаго мѣста чешской земли, гдѣ Ганка завѣщалъ похоронить себя; лавровый вѣнокъ и экземпляръ Краледворской рукописи были положены въ могилу. Число сопровождавшихъ процессію простиралось до тридцати тысячъ,—это была пятая часть всего пражскаго населенія. Кралевинъ дворъ прислалъ отъ себя представителей для присутствія при погребеніи. Полиціи не было вовсе. Во всѣхъ краяхъ чешской земли печальное извѣстіе отозвалось теплыми выраженіями народной памяти и любви; вездѣ пѣлись торжественныя панихиды, вездѣ смерть Ганки почувствовали, какъ національную потерю.

Это торжественное погребеніе походило на политическую демонстрацію и показало вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пражское общество цѣнило скромнаго труженика науки и какъ велика была его популярность въ цѣломъ народѣ. Всѣмъ въ Прагѣ извѣстенъ былъ старый Ганка; всѣ узнавали сутуловатую фигуру «пана библіотекаря», когда онъ выходилъ въ своемъ длинномъ сюртукѣ и странной шляпѣ—въ видѣ усѣченнаго конуса съ широкими полями,—которую онъ носилъ съ 48-го года. Популярность его была вполнѣ заслуженная: Ганка всегда оставался человѣкомъ народа, въ послѣдніе годы это былъ самый почтенный представитель литературы, которой величайшее достоинство заключается въ томъ, что она выросла изъ самаго сердца народа и желала служить ему одному.

Ученая дѣятельность Ганки имѣла свои недостатки; критики замѣчали у него недостатокъ строгой эрудиціи, устарѣлыя понятія и т. д.; требовательные филологи подвергали сомнѣнію его филологическія знанія, по которымъ онъ считалъ себя спеціалистомъ. Мы не станемъ опровергать этого: Ганка не владѣлъ, конечно, большимъ талантомъ, онъ слишкомъ поздно сталъ учиться и слишкомъ рано началъ свою литературную дѣятельность, къ которой постоянно побуждало его желаніе принести пользу своей народности. Въ защиту его—если онъ будетъ еще въ ней нуждаться—можно сказать только одно, что трудно найти человѣка, который бы при тѣхъ же средствахъ такъ добросовѣстно и съ такой любовью употребилъ свой трудъ для народнаго дѣла. Оттого дѣятельность Ганки была гораздо плодотворнѣе для народа, чѣмъ присяжная ученость людей, далеко превосхо-

дящихъ Ганку и талантомъ и знаніемъ, но дѣлающихъ изъ науки безжизненнаго, никому кромѣ ихъ ненужнаго идола. Сила его вліянія была не въ этой учености, а въ честномъ убѣжденіи, которому онъ служилъ одинаково и въ своихъ ученыхъ трактатахъ и въ житейской дѣятельности; онъ не пряталъ своего убѣжденія и безбоязненно его высказывалъ... Масса инстинктивно узнаетъ цѣну такого убѣжденія и отдаетъ человѣку все свое довѣріе; въ этомъ довѣріи заключается тогда и его нравственное достоинство и историческое значеніе.

Ганка до конца остался вѣренъ своему давнему убѣжденію. Его друзьями были друзья его народа, и враги народа были его врагами. Въ письмѣ, которое писалъ онъ ко мнѣ незадолго до кончины ($^1/_{13}$ дек. 1860), онъ какъ будто чувствуя, что говоритъ въ послѣдній разъ, передаетъ свои задушевныя послѣднія желанія.

«Что касается до меня, я поправляюсь опять и не покидаю дороги, которую выбралъ себѣ уже давно, и величайшая радость моя—когда молодежь собирается кругомъ меня и дѣлаетъ успѣхи въ познаніи славянства; желалъ бы только, чтобы мы находили у васъ больше подпоры и сочувствія,—тогда бы шло гораздо лучше.

«Не забывайте насъ такъ же, какъ мы льнемъ къ вамъ,—чтобы насъ враги не поглотили».

PG 2947 P9Z5
Pypin, Aleksandr Nikolaevich
Moi zamietki

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 24 08 02 001 6